

САМАРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

В ДВУХ КНИГАХ

Под общей редакцией профессора П.С.Кабытова и профессора Л.В.Храмкова

КНИГА ПЕРВАЯ

САМАРСКИЙ КРАЙ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Издательство «Самарский университет»
Издательство *Арт-Макс*

1993

К63.31
С17

Авторы:

Предисловие: *П.С.Кабытов - д-р ист. наук, Л.В.Храмков - д-р ист. наук*
«Древности Самарского края»: *Г.И.Матвеева - канд. ист. наук*
«На территории первых государств»: *И.Матвеева, Ю.Н.Смирнов - канд. ист. наук*
«От Казанского похода до Смутного времени»: *Э.Л.Дубман - канд. ист. наук, Ю.Н.Смирнов*
«Порубежный край Российской державы»; «За лучшую долю»:
Л.М.Артамонова - канд. ист. наук, Э.Л.Дубман, Ю.Н.Смирнов
«Глубинка дворянской империи»: *Ю.Н.Смирнов*
«Начала образования, науки, попечение о здравии»: *Л.М.Артамонова, Ю.Н.Смирнов*
«В центре новой российской житницы»: *П.И.Савельев - канд. ист. наук*

Редактор тома и художественный редактор
А.В.Колесов

«Самарская летопись» представляет читателю первую попытку самарских ученых-историков создать своеобразную «энциклопедию» Самарского края с древнейших времен до современности. Первая книга двухтомника подготовлена учеными кафедры российской истории Самарского государственного университета. Свободная от былых идеологических стереотипов и догм, она доступным, интересным читателю языком раскрывает широкую панораму заселения и хозяйственного освоения края, участие в этом процессе русского крестьянства, украинцев, татар, мордвы, чувашей, башкир, немцев-колонистов, представителей других народов России. Авторы стремятся показать героев самарской истории живыми, понятными людьми, а не безликой «массой населения».

Для историков, краеведов, преподавателей, студентов, школьников, для всех, кто интересуется историей России и Самарского края.

С17 Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: В 2 кн. / Под ред. П.С.Кабытова, Л.В.Храмкова. — Книга первая: Самарский край с древнейших времен до середины XIX века. — Самара: Издательство «Самарский университет», Издательство «АртМакет», 1993. - 219 С.

ISBN 5-230-05995-8

С $\frac{0503020200 - 09}{6К4 / Ф 22(03) - 93}$ Без объявл.

К63.31

© Издательство «Самарский университет», 1993
© Издательство «АртМакет», 1993

ISBN 5-230-05995-8

СПОНСОРЫ «САМАРСКОЙ ЛЕТОПИСИ»:

АДМИНИСТРАЦИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА САМАРЫ
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Предисловие	5
ДРЕВНОСТИ САМАРСКОГО КРАЯ	9
НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ	
Волжская Болгария и Золотая Орда	25
Присоединение Поволжья к России	29
ОТ КАЗАНСКОГО ПОХОДА ДО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ	
Хозяева кочевой степи	36
Волжская вольница	40
Начало Самарской крепости	46
Годы Смуты	52
ПОРУБЕЖНЫЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ	
На государевой службе	59
Калмыцкие кибитки и крепость Ставрополь	67
«Куда топор, соха и коса ходили...»	70
Вотчины, поместья, общины	76
Земля-кормилица	85
Волга рыбацкая	89
На солеварнях и серных заводах	94
Городские посады и торговые пути	100
ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ	
«А указ де у меня в палке»	109
«И препоручили сей комиссии...»	115
«Всякою вольностию отеческой вас жалуем»	122
ГЛУБИНКА ДВОРЯНСКОЙ ИМПЕРИИ	
В уездном городе	130
Межевание, пожалования, переселения	136
Крепостные гнезда «вольного дворянства»	141
НАЧАЛА ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ПОПЕЧЕНИЕ О ЗДРАВЬИ	151
В ЦЕНТРЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИТНИЦЫ	
Благодатные земли	162
Вглубь степей	164
Многоликая деревня	169
Новая житница России	175
Под скипетром царя, под рукой барина	179
Поместья и помещики	183
До бога высоко, до царя далеко	186
Уездная жизнь	189
Заря губернская	196
Примечания	203
Указатель имен	219

вы, татар, башкир, жили украинцы, немцы, эсты, поляки и представители других национальностей. В освоении края принимали участие народы Поволжья, а также переселявшиеся на новые земли крестьяне из центральных уездов страны и с Украины. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., сельское население в крае составляло 2593,4 тыс. человек, городское 158,8 тыс. человек. Промышленное производство в Самарской губернии носило очаговый характер и было представлено в основном предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья. Они функционировали в губернском центре, а также в уездных городах и торгово-промышленных селах. Некоторое ускорение развития промышленного производства произошло в конце XIX—начале XX вв., когда были основаны первые предприятия по металлообработке и химические производства. Но в целом Самарский край оставался окраинным земледельческим районом России. «Живые реликты» крепостничества сохранялись в северных и центральных уездах губернии. В степном Заволжье, где в 1870-х гг. возникла новая российская житница, поставлявшая на внутренний и внешний рынок огромные партии товарной пшеницы, наоборот - быстрыми темпами развивался аграрный капитализм.

Большое внимание в книге уделено анализу этнодемографических процессов. Одной из примечательных особенностей истории Самарского края является отсутствие межнациональных конфликтов и столкновений. Мирное сожитие, использование всего ценного в быте и хозяйстве соседей оказывало благотворное влияние на создание прочных культурных и экономических связей между русским населением и другими народами Поволжья. Именно на этой основе возникала общность интересов и единение в годы тяжелых испытаний, которыми так богата российская история.

Авторами ставилась цель показать основные направления хозяйственного освоения края. И в этой связи большое внимание уделено анализу культурологических аспектов проблемы: рассказывается о становлении земледельческого производства, развитии промыслов, торговли, отмечены особенности быта и культуры самарцев и их участие в общественной и политической жизни России - крестьян, посадских людей, жителей сел и городов. Тем самым мы пытались преодолеть схематизм, представив широкую панораму событий, в которых участвуют не классы и партии, а живые люди с их чаяниями, чувствами и настроениями.

Книга написана на основе документального материала, извлеченного из центральных и областного государственного архивов, официальной и земской статистики, периодической печати, воспоминаний участников событий.

Авторский коллектив не претендует на полное освещение всех проблем дореволюционной истории Самарского края и считает свою задачу выполненной в том случае, если эта книга сможет побудить своих читателей к дальнейшему изучению историко-культурного наследия Самарского края.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! Перед вами необычная книга - «Самарская летопись», подготовленная коллективом кафедры российской истории Самарского университета. В ней мы стремились восстановить все многообразие и яркость процесса освоения края, особенности его заселения, хозяйственного, социального и культурного развития. Описываемые в нашем повествовании события подтверждены достоверными источниками и подлинными документами. В этой связи было осуществлено новое прочтение документальных источников и предпринята попытка переосмыслить историческое прошлое нашего края. Нами был также учтен громадный опыт в краеведческой работе, который накопили дореволюционные историки. Как известно, краеведением, или, по образному выражению известного историка С.О.Шмидта, «краелюбием», занимались не только в столицах Москве и Петербурге, но и в провинции. Что касается истории Самарского края, то много ценного можно почерпнуть из трудов выдающихся представителей русской науки В.Н.Татищева, П.С.Палласа, И.И.Лепехина. Не потеряли научной значимости работы Н.А.Архангельского, И.А.Второва, А.Ф.Леопольдова, Г.И.Перетятковича, П.П.Пекарского, Н.Н.Фирсова, В.А.Градского, П.А.Преображенского, А.Г.Елшина.

Своеобразными энциклопедическими справочниками, не имеющими аналога в самарском краеведении, стали книги видного общественного деятеля и просветителя, почетного гражданина городов Вятки, Самары и Софии Петра Владимировича Алабина: «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» и «Трехвековая годовщина Самары», в которых воссоздана широкая и объемная панорама исторического прошлого нашего края. Эти работы легендарного самарца оказали мощное воздействие на развитие краеведения в Самаре. В конце XIX—начале XX вв. изучением истории края занимались земские служащие: статистики, агрономы, врачи. Ценные сведения по истории Самарского края содержатся в земских статистических справочниках и сборниках, сельскохозяйственных обзорах, подворных переписях крестьянских хозяйств, адрес-календарях Самары, в журналах «Земский агроном» и «Самарский земледелец».

Традиции дореволюционных историков не были преданы забвению и в первое десятилетие советской власти, когда в Самаре возникло и весьма плодотворно работало краеведческое общество, издавался бюллетень «Краеведение», была опубликована книга-справочник «Вся Самара на 1925 год».

Краеведческая проблематика стала одним из направлений в научной работе многих преподавателей Самарского университета. Одними из первых, активно включившихся в нее, были профессор В.В.Гольмстен и будущий академик М.Н.Тихомиров, организовавший археографические экспедиции в степные уезды края, где находились староверческие скиты, хранившие уникальные рукописные и печатные издания XIV-XVIII вв.

В двадцатых годах Н.Н.Сперанский, И.И.Блюменталь, В.В.Троцкий проделали огромную работу по выявлению документального материала, сбору воспоминаний участников событий, изданию сборников, книг и хроник по истории трех революций на территории Самарского края.

Роспуск краеведческих обществ под давлением власти (1929) привел к тому, что краеведческая проблематика попала в число непрестижных, а внимание профессиональных историков сосредотачивалось на революционной теме. Если и появлялись отдельные краеведческие работы, то они были написаны на узкой источниковой базе, страдали схематизмом, а самое главное - перед читателем представало полотно в двухцветном изображении, где действовали классы и партии, но не было живых творцов истории - людей. К тому же история края, как и в целом отечественная история, обрастала мифами и легендами. Вплоть до 50-х гг. не предпринималось сколь-нибудь серьезных попыток написать научную историю Самарского края.

Первая Великая реабилитация пятидесятых годов способствовала возрождению интереса к истории Отечества и истории малой родины — к историческому краеведению. Конец 50-х—начало 60-х годов ознаменовались появлением целого ряда исследований по краеведческой проблематике. Работы профессиональных историков Е.И.Медведева, К.Я.Наякшина, Н.Н.Яковлева, Г.Н.Рутберга, С.Г.Басина оказали существенное воздействие на развитие самарского исторического краеведения. Тогда же явно стали прослеживаться новые тенденции в краеведческой работе.

Во-первых, резко возросли ряды краеведов, во-вторых, наблюдался рост публикаций по краеведческой проблематике. Наряду с книгами и монографиями издавались сборники документов и воспоминаний по таким проблемам, как революция 1905-07 годов, революции 1917 года и гражданская война, культурное строительство. Ценные фактические материалы по истории трех революций и гражданской войны объединил в четырехтомной хронике Ф.Г.Попов. В-третьих, существенно расширилась проблематика исследований. В частности, были опубликованы: книга К.Я.Наякшина «Очерки истории Куйбышевской области», социально-экономический очерк «Куйбышевская область», книги архитектора Е.Ф.Гурьянова «Древние вехи Самары», В.Володина «Из истории художественной жизни города Самары-Куйбышева», В.Молько «Путешествие по одной улице» и др.

В 70-е годы началась разработка истории самарских фабрик и заводов. Появились книги, в которых освещалась история таких крупных предприятий, как заводы имени В.И.Ленина, А.М.Тарасова, А.А.Масленникова, 4-го подшипникового завода. К числу достижений следует отнести и книги о городах Сызрани, Тольятти, Жигулевске, Новокуйбышевске, Чапаевске, Октябрьске, Отрадном.

В меньшей мере изучалась история сел, колхозов и совхозов. Из новейших публикаций отметим лишь книги И.И.Титова об Алакаевке и П.Я.Русяева о Большой Глушице. Двумя изданиями вышла книга «Памятники истории и культуры Куйбышевской области».

Предпринимались попытки создания краеведческих учебников для средних школ. Авторами этих изданий были преимущественно преподаватели университета и педагогического института (Е.И.Медведев, Л.В.Храмков, Н.П.Храмкова, Г.И.Матвеева, Г.Е.Налитова). Исключение составляла книга «Край родной - навек любимый», написанная Е.И.Медведевым и методистом областного института усовершенствования учителей М.П.Видановым. Известный вклад в развитие краеведения внесла деятельность Самарского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Наиболее существенные результаты достигнуты в изучении археологических памятников. Средневожская археологическая экспедиция, объединившая в своих рядах археологов университета и педагогического института, издала ряд интересных работ, и среди них монографию Г.И.Матвеевой и И.Б.Васильева «У истоков истории Самарского Поволжья».

Но вместе с тем в изучении истории края продолжали сохраняться негативные тенденции. Их проявления особенно стали ощущаться на рубеже 70-х—80-х годов, в связи

с нарастающим кризисом в исторической науке. К тому же до последнего времени краеведение развивалось в основном стихийно. Лишь в 1990 году в Самаре вновь возникло краеведческое общество, которое призвано объединить усилия специалистов разных научных направлений по изучению истории Самарской области.

И все-таки, историки и краеведы лишь создали общую схему истории края, которая еще далека от идеала. Более или менее полно воссоздана только событийная сторона. В большинстве работ есть все, кроме конкретных людей. Исторический процесс советского периода представлен без противоречий, как цепь непрерывных побед трудящихся нашей области. Историки, описывая те или иные события, подчеркивали лишь положительные стороны, что вело к односторонности их оценки.

Во второй половине 80-х—начале 90-х годов интерес к истории края возрос. Этому в немалой степени способствовал выход в свет книг «История Самарского края», «Земля Самарская», сборников «Самарский краевед», «Голос Земли Самарской», «Город на крутой Луке», «Есть на Волге утес».

Все это позволило коллективу кафедры российской истории подготовить «Самарскую летопись», в которой предпринята попытка дать новое прочтение исторического прошлого Самарского края. Известно, что формирование территории края началось с 1586 г. - времени строительства крепости Самара как одного из форпостов на восточных рубежах Московского государства.

С 1586 г. крепость Самара и Самарский уезд находились в составе территории, которая управлялась Казанским дворцом. В 1688 г. крепость Самара получила статус города. Наиболее трудное время для Самары - XVIII в., когда существенно изменилась внутриполитическая обстановка в России. Это привело к падению роли многих поволжских городов-крепостей как оборонительных центров. В 1708 г. Самара с землями отошла к Симбирскому уезду Казанской губернии; в 1764 г. приписана к Сызрани; в 1768 г. департамент Сената представил доклад Екатерине II об исключении Самарского уезда из состава Казанской губернии. 31 августа 1773 г. город был передан в Оренбургскую губернию, а Самарский уезд стал управляться Сызранской воеводской канцелярией. В 1773-1775 гг. значение Самары как административного центра резко упало, и она была на правах слободы подчинена уездному городу Ставрополь. В 1775 г. Самара вновь отошла к Казанской губернии; 15 сентября 1780 г. Екатерина II учредила Симбирское наместничество из 13 уездов, одним из них оказался Самарский; с 1796 г. Самара становится уездным городом Симбирской губернии. Формирование территории Самарского края завершилось в начале 50-х гг. XIX в. В 1851 г. была образована Самарская губерния. Ее составляли: Бугульминский, Самарский, Ставропольский, Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды. Северные и центральные уезды Бугульминский, Ставропольский, северные части Самарского, Бугурусланского и Бузулукского - входили в лесостепную зону. Естественной границей между лесостепью и степью (на территории которой находились Николаевский, Новоузенский и южные части Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов) была река Самара. Как видим, формирование Самарского края прошло определенные этапы, связанные с расширением территории России и с проведением областных реформ.

История Самарского края неразрывно связана с историей великорусских губерний и с историей Поволжья, таких городов, как Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Сызрань, Оренбург, Саратов, Царицын, Астрахань. Для многих районов, входящих в состав Поволжья, общими были особенности заселения и хозяйственного освоения, культурные традиции, многонациональный состав населения. Эти и другие факторы, прежде всего рыночные связи, позволяют сделать вывод о том, что территория Самарского края представляла собой единый, целостный организм. Здесь, кроме русских, чувашей, морд-

вы, татар, башкир, жили украинцы, немцы, эсты, поляки и представители других национальностей. В освоении края принимали участие народы Поволжья, а также переселявшиеся на новые земли крестьяне из центральных уездов страны и с Украины. По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., сельское население в крае составляло 2593,4 тыс. человек, городское 158,8 тыс. человек. Промышленное производство в Самарской губернии носило очаговый характер и было представлено в основном предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья. Они функционировали в губернском центре, а также в уездных городах и торгово-промышленных селах. Некоторое ускорение развития промышленного производства произошло в конце XIX—начале XX вв., когда были основаны первые предприятия по металлообработке и химические производства. Но в целом Самарский край оставался окраинным земледельческим районом России. «Живые реликты» крепостничества сохранялись в северных и центральных уездах губернии. В степном Заволжье, где в 1870-х гг. возникла новая российская житница, поставлявшая на внутренний и внешний рынок огромные партии товарной пшеницы, наоборот - быстрыми темпами развивался аграрный капитализм.

Большое внимание в книге уделено анализу этнодемографических процессов. Одной из примечательных особенностей истории Самарского края является отсутствие межнациональных конфликтов и столкновений. Мирное сожитие, использование всего ценного в быте и хозяйстве соседей оказывало благотворное влияние на создание прочных культурных и экономических связей между русским населением и другими народами Поволжья. Именно на этой основе возникала общность интересов и единение в годы тяжких испытаний, которыми так богата российская история.

Авторами ставилась цель показать основные направления хозяйственного освоения края. И в этой связи большое внимание уделено анализу культурологических аспектов проблемы: рассказывается о становлении земледельческого производства, развитии промыслов, торговли, отмечены особенности быта и культуры самарцев и их участие в общественной и политической жизни России - крестьян, посадских людей, жителей сел и городов. Тем самым мы пытались преодолеть схематизм, представив широкую панораму событий, в которых участвуют не классы и партии, а живые люди с их чаяниями, чувствами и настроениями.

Книга написана на основе документального материала, извлеченного из центральных и областного государственного архивов, официальной и земской статистики, периодической печати, воспоминаний участников событий.

Авторский коллектив не претендует на полное освещение всех проблем дореволюционной истории Самарского края и считает свою задачу выполненной в том случае, если эта книга сможет побудить своих читателей к дальнейшему изучению историко-культурного наследия Самарского края.

ДРЕВНОСТИ САМАРСКОГО КРАЯ

Самарский край, расположенный на границе лесов и степей на берегах великой реки Волги, издавна привлекал к себе человека. Здесь на протяжении многих тысячелетий жили в близком соседстве различные по происхождению племена.

Вопрос о времени заселения Среднего Поволжья человеком не решен окончательно. Есть основания предполагать, что это произошло в ашельскую эпоху раннего палеолита (древнекаменного века) более 100 тысяч лет назад, так как природные условия края были весьма благоприятными. Ледник никогда не доходил до пределов современной Самарской области, а трансгрессии (повышение уровня) Каспийского моря достигали лишь южной ее окраины. Растительный и животный мир отличался большим разнообразием. В разных районах области часто обнаруживают кости вымерших животных ледникового периода: мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов, диких лошадей, пещерных медведей. Следы деятельности древнейших людей найдены в соседних с Поволжьем районах предгорий Северного и Среднего Урала. Тем не менее в Среднем Поволжье до сих пор неизвестно ни одной раннепалеолитической стоянки. Единственная находка этого времени - оббитое с двух сторон кремневое орудие, по форме и технике изготовления не отличающееся от классических ручных рубил, обнаруженных археологами во Франции и на Кавказе. Оно найдено в 1913 году в окрестностях Самары, но, к сожалению, точное местонахождение осталось неизвестным.

Приблизительно 100 тысяч лет назад ранний палеолит сменился средним, к нему относят эпоху мустье, название которой происходит от пещерной стоянки Ля-Мустье во Франции. Начало этой эпохи совпало с теплым микулинским межледниковьем. Мустьерских памятников открыто гораздо больше, чем раннепалеолитических. Они известны в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, на Русской равнине и в Сибири.

В Нижнем Поволжье, в районе Волгограда, исследована стоянка Сухая Мечетка, относящаяся к эпохе мустье. Она расположена на высокой террасе правого берега Волги. Площадь стоянки приблизительно 1000-1200 кв.м. Здесь исследованы древние кострища и найдено около 800 каменных изделий. Особый интерес представляют орудия из кремня, кварцита и сливного песчаника: двусторонне обработанные рубила, листовидные наконечники, ножи, скребки, мелкие остроконечники и клювовидные орудия. Материалы стоянки схожи с находками на мустьерских стоянках в Крыму и на Русской равнине. Помимо каменных изделий найдены костяные наковаленки, кусочки охры и кости крупных животных: мамонта, зубра, дикой лошади и сайгака.

Местонахождения кремневых орудий эпохи мустье открыты и в Среднем Поволжье: на территории Самарской, Ульяновской областей и Татарстана. Одно из них выявлено на песчаной косе Тунгуз близ села Хрящевка Ставропольского района Самарской области на

левом берегу Волги близ устья реки Черемшан. Здесь с 70-х годов прошлого века находили кости ископаемых животных ледникового периода: мамонта, шерстистого носорога, быка, зубра, дикой лошади, гигантского и северного оленей. Рядом с костями обнаружены примитивные кремневые орудия: отщепы, нуклеусы, остроконечники. Два других местонахождения среднепалеолитических орудий открыты у села Ундоры в Ульяновской области и в урочище Красная Глинка близ села Бессонково в Тарханском районе Татарстана.

Особый интерес представляет кремневый остроконечник, найденный в устье Барбашина оврага у пристани Поляна им.Фрунзе, на окраине Самары. Он идентичен орудиям, найденным на стоянке Сухая Мечетка.

Основным занятием людей эпохи мустье была загонная охота на крупных животных. Важную роль в их жизни играло собирательство. Неандертальцы жили небольшими коллективами - праобщинами в пещерах и на открытых стоянках. Они умели добывать огонь, шить одежду, строить жилища из жердей, костей и шкур мамонта. Это помогло им не только выжить в суровых условиях ледникового периода, но и постоянно продвигаться к северу, осваивая новые территории.

Начало следующей эпохи - позднего палеолита (40 - 14 тыс. лет назад) ознаменовалось становлением человека современного физического типа и возникновением родового строя. В это время совершенствуется техника обработки камня и кости, развивается домостроительство, появляется рыболовство, зарождаются древнейшие религиозные верования и первобытное искусство.

Эпоха позднего (верхнего) палеолита в Самарском крае представлена памятниками, расположенными на территории Самары. В Овраге Подпольщиков открыто 11 пунктов находок позднепалеолитических орудий. Исследованы две стоянки в устье Оврага Подпольщиков: Постников Овраг I и II. По характеру материалов они близки к позднепалеолитическим стоянкам, выявленным на территории Татарстана: Камскоустынской и Сюкеевскому Ввозу, которые, в свою очередь, сближаются с палеолитическими стоянками русской равнины: Тимоновской, Карачаровской, Боршевской II.

На территории Центрального парка культуры и отдыха в Самаре открыта позднепалеолитическая мастерская по изготовлению орудий. Еще одно местонахождение кремневых изделий и костей мамонта обнаружено под Воскресенским спуском у подножья Монумента Славы. Большой интерес представляет находка двух гарпунов рядом с селом Кравцово Нефтегорского района. Один гарпун изготовлен из бивня мамонта, другой из рога оленя. По материалу и форме они близки к позднепалеолитическим гарпунам из Сибири и Западной Европы.

Несмотря на то, что эпоха позднего палеолита совпала с последним валдайским оледенением и климат был суровым, Самарский край в это время был заселен человеком.

Приблизительно 13 тыс. лет назад началось глобальное потепление, повлекшее за собой существенные изменения всех элементов природной среды. 10 тыс. лет назад ледниковая эпоха - плейстоцен - сменилась голоценом - геологической современностью. Отступление ледника и сокращение занимаемой им площади до современных размеров обусловили значительные изменения природно-географических условий, особенно в Восточной Европе. Массы воды, образовавшиеся в результате таяния льдов, изменили очертания древних морей, создавался новый рельеф, трансформировалось направление водного стока. Образовывались новые реки, речные долины, озера ледникового происхождения, громадные пространства заболачивались.

В связи с потеплением изменялась растительность. Природные зоны постепенно принимали современное положение. Холодные степи сменялись березовыми, еловыми, сосновыми лесами, южнее их простирались широколиственные леса, еще южнее лесостепи и степи.

Изменение растительности отразилось на развитии животного мира. Еще в конце позднего палеолита вымерли или отступили на север мамонты, шерстистые носороги, овцебыки, бизоны. Фауна приблизилась к современной. Широко распространились лоси, косули, кабаны, волки, медведи, лисы, зайцы. Озера и болота изобиловали водоплавающей птицей.

Окончание ледникового периода совпало со становлением новой эпохи в истории человеческого общества: 10-12 тыс. лет назад палеолит сменился эпохой мезолита. Изменение фауны осложнило охоту, так как выжившие животные были быстроногими, осторожными и часто нестадными. Загонная коллективная охота на стадных животных потеряла свое значение, ведущую роль приобрела индивидуальная бродячая охота. Широкое распространение получило метательное оружие: копье, бросаемое с помощью изобретенной в позднем палеолите копьеметалки, и появившиеся в мезолите лук и стрелы. Эти орудия дали возможность охотиться на мелких животных и на птиц. Возросла роль рыболовства, усовершенствовались его приемы и орудия. По-прежнему велико было значение собирательства пищи и съедобных моллюсков. К эпохе мезолита относятся первые попытки приручения животных и первые шаги в области земледелия в южных районах Евразии.

С изменением хозяйства изменился и образ жизни. Быт мезолитических охотников и рыболовов становится подвижным: в поисках добычи часто меняются места обитания. Поэтому культурный слой мезолитических стоянок обычно тонок, да и по площади они уступают позднепалеолитическим, видимо потому, что в мезолите происходит дробление общин.

В эпоху мезолита продолжалось совершенствование техники обработки камня. Широкое распространение получили продолговатые ножевидные пластины, в том числе очень мелкие, называемые микролитами. Они вставлялись в пазы деревянных или костяных стержней и служили лезвиями ножей и кинжалов. Из кремневых пластин изготавливались наконечники стрел, концевые скребки, резцы и другие орудия.

В Самарской области в настоящее время известно около десятка мезолитических стоянок: Воскресенская, Монастырский хутор, Коноваловская, Немчанская, Нурская, Красноярская, Подгорская и Постников Овраг III. Почти все они располагались на дюнах, вблизи от рек - левых притоков Волги. Близость стоянок к воде указывает на рыболовческие пристрастия их обитателей. Большинство стоянок Самарского Поволжья относится к VII-VI тыс. до н.э. Древнейшая из стоянок Постников Овраг III выявлена на территории Самары. Здесь найдены крупные ножевидные пластины и нуклеусы, но значительное число орудий изготовлено на отщепах. Характер изделий свидетельствует о сохранении позднепалеолитических традиций.

В эпоху мезолита Самарский край был зоной контактов различных по происхождению групп населения. Для стоянок бассейна Самары (Захар-Калма, Немчанская, Коноваловская и др.) характерен микролитический характер орудий, здесь встречены карандашевидные нуклеусы, мелкие ножевидные пластины, резцы-скребки, скобели и микролиты геометрических форм. Эти находки имеют много общих черт с материалами мезолитических памятников более южных степных и полупустынных районов Северного Прикаспия.

В формировании культуры дюнных стоянок на реке Самаре видимо принимали участие южные прикаспийские племена. Их воздействие ощущается и в более позднюю эпоху: в неолите, как и в мезолите, в Самарском крае прослеживаются две основные культурные общности — южная, с керамикой, украшенной прочерченно-накольчатый орнаментом, и северная, в которой господствует керамика с гребенчатой орнаментацией. Другая группа стоянок (Постников Овраг III, Старо-Токская на реке Ток — правом притоке реки Самары на западе Оренбургской области) по материалам близка к мезолитическим

памятникам Южного Приуралья, что, возможно, свидетельствует о приуральском происхождении обитателей этих стоянок. В целом мезолит Самарского края изучен слабо и на многие вопросы истории мезолитических племен еще предстоит найти ответы.

Неолит, последняя стадия каменного века, датируется VI-IV тыс. до н.э. В эту эпоху происходит ряд существенных изменений в хозяйстве и технике изготовления орудий. В южных областях Евразии развиваются земледелие и скотоводство. Наряду с традиционными приемами обработки камня сколом и ретушью распространяются новые методы: шлифование, сверление и пиление. Появляются топоры, тесла, долота, что способствует более совершенной обработке дерева. Важное достижение неолита — повсеместное изготовление глиняной посуды и ткачество; этой эпохе соответствует поздняя родовая община.

В бассейне реки Самары известен ряд неолитических стоянок: Виловатовская, Максимовская, Большой и Малый Шиханы в Богатовском районе Самарской области, Ивановская и Старо-Елшанская на западе Оренбургской области. В результате исследования этих стоянок удалось проследить основные этапы развития неолитических культур Самарского края¹.

К началу неолита относятся памятники елшанского типа, получившие название от Старо-Елшанской стоянки в Бузулукском районе Оренбургской области². В пределах Самарской области керамика елшанского типа представлена на стоянках бассейна реки Самары. Это слабопрофилированные сосуды с заостренным дном, обычно без орнамента, лишь на некоторых из них встречаются ямки или прочерченные линии. С елшанским комплексом керамики связаны кремневые микролитовидные изделия, изготовленные на пластинах. Особый интерес представляют рогатые трапеции, весьма характерные для Приаралья. Сосуды елшанского типа похожи на керамику Прикаспия и Приаралья. Эта близость материалов елшанских стоянок к прикаспийским и приаральским памятникам свидетельствует о тесных культурных связях населения этих районов, а, возможно, и о миграции южных племен в лесостепное Поволжье, однако основой для сложения культуры памятников елшанского типа явились мезолитические племена.

Елшанские племена жили в Самарском крае в VI тыс. до н.э., когда в более северных районах Среднего Поволжья еще обитали мезолитические общности.

На следующем этапе неолита в лесостепном Поволжье появляются памятники с керамикой, имеющей прочерченно-накольчатую орнаментацию. Население, которому она принадлежала, видимо генетически связано с племенами, оставившими памятники елшанского типа. Керамика с накольчатой орнаментацией представлена на дюнах: Захар-Калма, Виловатовская, Максимовская, Ивановская, Большой и Малый Шиханы. Эти стоянки принадлежат к волго-камской неолитической культуре, входящей в обширную зону культур с накольчатой керамикой, охватывающей лесостепи Евразии от Днепра до Прикаспия. В эту зону наряду с волго-камской входили прикаспийская, сероглазовская, ракушечно-ярская и сурская неолитические культуры. Племена этих культур уже были знакомы со скотоводством и земледелием. Основой для сложения культур с накольчатой орнаментацией могли служить мезолитические культуры с микролитическими пластинчатыми орудиями³.

Севернее района распространения волго-камской культуры с накольчатой керамикой простиралась область племен камской культуры с керамикой, украшенной гребенчатым орнаментом. Эти племена поддерживали тесные контакты со своими южными соседями и, возможно, иногда обитали с ними на одних поселениях, именно этим объясняется сосуществование на стоянках реки Самары — Виловатовской, Максимовской, Ивановской — керамики и с гребенчатой, и с накольчатой орнаментацией.

Таким образом, Самарский край в эпоху развитого неолита был пограничьем двух больших культурных общностей — северной камской и более южной волго-камской.

На рубеже V и IV тысячелетий до н.э. человек научился обрабатывать медь. С этого времени начинается новая эпоха — энеолит. На территории Нижнего и южной части Среднего Поволжья в эпоху раннего энеолита жили племена самарской культуры, получившей название от реки Самары, где был исследован первый памятник этой эпохи — могильник у села Съезжее Богатовского района Самарской области. Для самарской культуры характерен бескурганый обряд погребения. Умерших помещали в могилы в вытянутом положении на спине, посыпали их красной краской - охрой и сопровождали богатым погребальным инвентарем: каменными шлифованными теслами, долотами, кремневыми ножами, костяными кинжалами, украшениями из кости, клыков кабана, раковин. Рядом с одной из могил на жертвенной площадке находились два конских черепа, раздавленные сосуды и костяной гарпун.

Характерной особенностью сосудов является утолщение у венчика - так называемый «воротничек» и богатый орнамент, состоящий из волн, зигзагов, овалов, нанесенных зубчатым или гладким штампом. Фрагменты подобных сосудов найдены на Виловатовской, Максимовской, Ивановской стоянках на реке Самаре, а также на Белозерской стоянке в Красноярском районе Самарской области.

Племена самарской культуры вели оседлый образ жизни. Их небольшие поселки располагались на песчаных прибрежных дюнах в поймах рек. Основу хозяйства племен самарской культуры составляло скотоводство. Об этом говорят находки конских черепов на жертвенной площадке в могильнике у села Съезжее, костяные подвески - фигурки лошади и двуглавого быка, найденные в погребениях, а также кости животных на стоянках в слоях с керамикой самарской культуры. Анализ костей указывает на особо важную роль коневодства. Есть основания предполагать, что племена самарской культуры были знакомы с земледелием и владели приемами обработки металла.

Могильник у села Съезжее относится к первой половине IV тыс. до н.э. Точно определить границы самарской культуры пока невозможно из-за недостаточной изученности энеолита Приуралья, Западного Казахстана, Нижнего Поволжья и Волго-Донского Междуречья. На стоянках Нижнего Дона и Прикаспия найдены сосуды, близкие к керамике самарской культуры ⁴.

К югу и западу от самарской культуры жили племена прикаспийской, нижнедонской, азово-днепровской энеолитических культур, составляющих вместе с ней обширную историко-культурную область, названную мариупольской по наиболее исследованному могильнику в приазовском городе Мариуполе. Сходство этих культур обусловлено тесными контактами, а также перемещением населения по степной полосе, что связано с развитием скотоводства и металлургии меди. Сложению крупных культурных общностей способствовало сходство природных условий и форм хозяйства. Несмотря на территориальную удаленность самарской культуры от мариупольского могильника, нельзя не отметить общие черты в их погребальном обряде и материальной культуре.

К северу от самарской культуры обитали племена камской неолитической культуры, уровень развития которых был гораздо ниже, чем у южных соседей: они не знали скотоводства, земледелия и металлургии меди.

Вопрос о происхождении самарской культуры пока не может быть решен окончательно, но есть основания предполагать, что в ее формировании принимали участие племена сероглазовской культуры Северного Прикаспия и лесостепное неолитическое население, которому принадлежат культуры с гребенчатой керамикой.

Следующий этап в развитии энеолита на территории Самарского края датируется второй половиной IV тыс. до н.э. Он представлен погребением у села Криволучье на реке Чагре. Погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами, был посыпан охрой и сопровождался шестью каменными дротиками, скребками, сверленным каменным то-

пором, двумя каменными браслетами, бусами, пронизками и подвесками из кости, зубов животных и раковин. Это погребение близко по обряду и инвентарю к погребениям Хвалынского могильника в Саратовской области, от которого получила название хвалынская культура эпохи развитого энеолита (вторая половина IV тыс. до н.э.). Племена этой культуры занимались скотоводством и были знакомы с металлургией меди. Хвалынская культура сложилась на основе самарской и прикаспийской культур эпохи раннего энеолита.

В середине III тыс. до н.э. племена лесостепной и степной полосы Евразии вступили в бронзовый век. Во второй половине этого тысячелетия обширные пространства от Урала на востоке до Днестра на западе, от границ лесной зоны на севере до Черного и Каспийского морей на юге были заняты племенами ямной культурно-исторической общности, в которой выделяются 9 локальных культур. Среднее Поволжье входило в состав волго-уральской ямной культуры, сформировавшейся на основе хвалынской энеолитической культуры.

Основной отраслью хозяйства племен ямной культуры было скотоводство. Они разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Быки использовались в качестве транспортных животных. Повозки, запряженные быками, появились в южнорусских степях от Днепра до Урала в III тыс. до н.э. В Поволжье и Приуралье поселения ямной культуры неизвестны, так как быт племен, видимо, был кочевым. Переход к кочевому образу жизни обусловился целым рядом причин, прежде всего сменой теплого и влажного атлантического периода более сухим суббореальным. В это время степи продвинулись к северу. С ростом поголовья скота потребность в кормах увеличивалась, растительность же степей в связи с изменением климата становилась все скуднее. Потребность в пастбищах приводила к частой смене мест обитания. В зимнее время скот приходилось перегонять на юг, в нижнее течение Волги и Урала, где снежный покров был менее обильным и животные добывали себе корм из-под снега. На западе, в Северном Причерноморье и Поднепровье, в связи с более мягким и влажным климатом племена ямной культуры вели оседлый образ жизни и наряду со скотоводством перешли к земледелию. Племена ямной культуры были знакомы с металлом, использовали орудия из металлургически чистой меди: ножи, шилья, тесла.

У племен ямной культурно-исторической общности шел процесс разложения родового строя. Археологические материалы свидетельствуют о выделении могущественных племенных вождей. В Нефтегорском районе Самарской области исследован Утевский I курганный могильник, относящийся к концу III — началу II тыс. до н.э. Он состоял из четырех курганов, один из которых, самый большой, относится к ямной культуре. Под курганом, в могильной яме лежал костяк мужчины, сопровождавшийся набором медных вещей, золотыми серьгами, каменным пестом и большим сосудом. В могиле найдено изделие из метеоритного железа. Находки изделий из меди, золота и особо ценившегося метеоритного железа, грандиозные размеры курганной насыпи и могильной ямы - все свидетельствует о принадлежности погребенного к родоплеменной верхушке общества ямной культуры.

Наряду с грандиозными курганами племенных вождей в Среднем Поволжье известны курганы рядовых членов общества. Они, как правило, отличаются небольшими размерами, бедностью погребального инвентаря. С умершими в могилах встречаются единичные глиняные сосуды, изредка мелкие медные изделия: ножи или шилья. Такие курганы открыты у сел Покровка, Владимировка, Кашпир, Лопатино.

О разложении родового строя и частых военных столкновениях свидетельствует наличие укрепленных поселений у днепровской группы племен ямной культуры: Михайловское поселение в Нижнем Поднепровье было обнесено рвами и каменными

стенами высотой до 3 м. Язык племен ямной культуры принадлежал к индо-иранской ветви индоевропейской языковой семьи.

На рубеже III—II тыс. до н.э. ямная культура Волго-Уральского региона испытывает все более усиливающееся влияние племен катакомбной культуры, проникших с правого берега Волги в Заволжские степи. В результате складывается новая культура, получившая название по селу Полтавка в Саратовской области, где впервые были изучены погребения этой эпохи. По мнению ряда исследователей, полтавкинская культура распространялась не только в Нижнем Поволжье, но и в Южном Приуралье и Западном Казахстане.

Основу хозяйства полтавкинских племен составляло скотоводство. Они вели весьма подвижный образ жизни, поселения их малочисленны и тонкослойны. Культура изучена в основном по материалам подкурганных погребений, которые встречены и на территории Самарской области: у сел Утевка, Владимировка, Абашево, Преполовенка и у поселка Кашпир. Подобно племенам ямной культуры, у полтавкинцев весьма ощутимо имущественное и социальное расслоение. Наряду с бедными погребениями рядовых членов общества встречаются огромные курганы племенной знати. В вышеупомянутом Утевском I могильнике три кургана относились к полтавкинской культуре. В погребениях одного из этих курганов встречены медные и серебряные вещи, остальные два кургана разграблены в древности.

Племена полтавкинской культуры были знакомы с металлургией. Она развивалась на базе местных медистых песчаников Поволжья. Продукция ямно-полтавкинского металлургического очага встречается в Нижнем и Среднем Поволжье и на Дону. В кургане у села Калиновка Волгоградской области найдено погребение литейщика с формами для отливки топоров, тиглями, трубочками-соплами и другими предметами, связанными с металлургией. В полтавкинских погребениях часто встречаются медные орудия: ножи, шилья и др.

В первой половине II тыс. до н.э. на территории Нижнего и Среднего Поволжья обитала еще одна группа племен, которые вели оседлый образ жизни. Основу их хозяйства составляли мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Поселения этой группы племен располагались на холмах и высоких мысах у Волги: на вершине Царева кургана, у поселка Лбище, села Винновка Самарской области, на утесе Стеньки Разина в Саратовской области. Опасность нападения степных соседей заставляла селиться в труднодоступных местах, защищенных самой природой. Этот тип поселений получил название лбищенско-вольского.

Судя по исследованному в Самарской области поселению у села Лбище, в быту его обитателей были широко распространены каменные топоры, мотыги, булавы, наконечники стрел, зернотерки, песты. Использовались и бронзовые орудия: ножи, тесла, рыболовные крючки.

По причине слабой изученности лбищенско-вольских поселений вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе их обитателей пока еще открыт.

В середине II тыс. до н.э. на территории Среднего Поволжья жили племена абашевской культуры, занимавшие обширную область лесостепи от Среднего Дона на западе и до Зауралья на востоке. Свое название культура получила по курганному могильнику у села Абашево в Чувашии, исследованному в 1925 г. В.Ф.Смолиным. Поселения абашевской культуры открыты и на территории Самарской области: Суруш в Исаклинском районе, Красные Пески, Точка и Глубокое озеро в Похвистневском районе. Абашевское погребение обнаружено в одном из курганов VI Утевского могильника в Нефтегорском районе.

Основу хозяйства племен абашевской культуры составляли скотоводство и земледелие. Абашевцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей, возделывали

вали пшеницу, просо и другие злаковые культуры. На поселениях встречаются мотыги, бронзовые серпы, зернотерки и песты.

Абашевские племена южного Урала владели медными рудниками, поэтому металлургия достигла у них высокого развития: на Баланбашском селище в Башкирии и на других абашевских поселениях встречены следы металлургического производства. Абашевцы знали не только медь и бронзу, но и золото и серебро.

Вопрос о происхождении абашевской культурно-исторической общности не решен окончательно. Одни исследователи считают, что она сформировалась на Дону, другие предполагают, что на Южном Урале. Существует точка зрения о ее генетической связи с ямной культурой. Не вполне ясны и дальнейшие исторические судьбы племен абашевской культуры. Есть основания считать, что абашевские племена наряду с населением полтавкинской культуры приняли участие в формировании срубной культуры эпохи поздней бронзы.

В последнее десятилетие в Самарской области выявлен еще один тип памятников, получивший название потаповского по наиболее исследованному могильнику у села Потаповка Красноярского района. Наряду с ним исследованы Утевский VI, Давыдовский, Лопатинский II курганные могильники. В них выявлено более 50 погребений; под каждой курганной насыпью находится от 1 до 15 погребений. В центре кургана обычно располагается самая крупная могильная яма с двойным или тройным погребением. Остальные погребения — вокруг нее или в ряд с ней. Умерших клали в могилу в скорченном на левом боку положении или вытянуто на спине. Во всех погребениях встречаются черепа и кости конечностей принесенных в жертву домашних животных: лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Под насыпью одного из курганов Утевского VI могильника лежали два обожженных скелета лошадей. Погребенные сопровождались глиняными сосудами и металлическими изделиями: ножами, шильями, теслом, браслетом, височными подвесками, бляшками, медными бусами. Большинство этих изделий изготовлено из меди Уральских и Приуральских месторождений; есть также изделия из металла медистых песчаников Поволжья. В погребениях встречались кремневые наконечники стрел и костяные дисковидные псалии.

Поселения потаповского типа пока неизвестны. Погребальный обряд и инвентарь курганов позволяют отнести эти находки к кругу памятников синташтинского типа Урало-Казахстанского региона, принадлежавших, по мнению большинства исследователей, древним индо-иранцам. Уровень развития этих племен был очень высок. В Челябинской области открыт ряд их укрепленных поселений - крепостей, площадь которых превышала 2 тыс. кв.м. Фортификационная система состояла из валов и рвов глубиной до 3 м.

Могильники потаповского и синташтинского типа отличаются богатством погребального инвентаря и наличием под курганами останков жертвенных животных. В могильнике на реке Синташте найдены остатки древних колесниц, большое количество оружия и глиняных сосудов. Основу экономики этих племен составляло скотоводство. Высокого уровня развития достигла металлургия. В связи с резким повышением производительности труда ускорился процесс социального расслоения. Выделилась военная знать, которой и принадлежали богатые погребения, сопровождавшиеся наборами предметов вооружения, а иногда колесницами.

Срубная культурно-историческая общность сформировалась в Нижнем и Среднем Поволжье к XVI веку до н.э. при участии полтавкинских, абашевских, лбищенско-вольских и потаповских племен. Известное влияние на ее появление оказала западная культура многоваликовой керамики⁵. В результате стремительного роста народонаселения племена срубной культуры быстро распространились на восток до реки Белой и на запад до рек Днепр и Днестр, на север до Закамья и Волго-Окского междуречья. В Среднем и

Нижнем Поволжье плотность населения в это время была выше, чем в любую другую эпоху, исключая, конечно, современную.

Срубная культурно-историческая общность, одна из самых обширных в эпоху поздней бронзы, представлена огромным количеством курганных могильников и поселений. Поселения срубных племен обычно располагались на невысоких берегах рек и ручьев, часто группами на небольшом расстоянии друг от друга. Поселок обычно состоял из одного или нескольких жилищ, окруженных хозяйственными ямами, постройками, очагами и колодцами. Жилища, изученные на Кировском, Шигонском и Шелехметском поселениях, делятся на наземные и полуземляночные, основание которых углублено в почву до 1 м. Двускатные крыши жилищ опирались на 2 ряда столбов, идущих параллельно длинным стенам. Площадь одного такого жилища иногда достигала 120-150 кв.м.

Основу хозяйства срубных племен составляло скотоводство пастушеского типа. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней. Скот летом пасли на заливных лугах, а зимой содержали в стойлах. Земледелие, возделывание злаков играло меньшую роль. Урожай убирали серпами, для размола зерен использовали каменные зернотерки, ступы. Вспомогательное значение для хозяйства имели охота, рыболовство и собирательство.

Дальнейшее развитие получила металлургия меди и бронзы. Племена срубной культуры использовали привозное сырье, а также разрабатывали медистые песчаники Среднего Поволжья. В Пестравском районе Самарской области на Михайло-Овсянском поселении исследованы глубокие шахты для добычи медной руды. На соседнем поселении обнаружены ямы для плавления меди. О высоком развитии металлургии свидетельствуют многочисленные находки бронзовых орудий: ножей, серпов, тесел, шильев, а также украшений.

У племен срубной культуры господствовал обряд погребения под курганными насыпями, реже встречаются бескурганные могильники. На раннем этапе срубной культуры под курганной насыпью традиционно совершали одно, иногда два погребения. Могилы больших размеров содержали множество предметов и костяки жертвенных животных, в частности лошадей. Из вещей в погребениях обычно встречается оружие: кинжалы, топоры, наконечники стрел. Судя по всему, это погребения военных вождей. Иногда под курганной насыпью встречаются могилы больших размеров, но без останков погребенных — это так называемые кенотафы: курганы, насыпанные в честь воинов, погибших на чужбине во время далеких походов.

В более позднее время количество погребений под курганной насыпью увеличивается до нескольких десятков, например, у села Кайбелы в Ульяновской области было погребено таким образом около 100 человек. С развитием религиозных представлений меняется погребальный обряд: могильники развитой срубной культуры, как правило, довольно бедны и сопровождаются только глиняными сосудами. Отсутствие оружия в погребениях объясняется, возможно, более спокойной обстановкой в этот период. Важно отметить, что в срубной культуре наряду с обрядом трупоположения был распространен обряд трупосожжения, связанный, наверное, с развитием культа огня. Сочетание двух погребальных обрядов можно объяснить различным социальным положением погребенных.

Племена срубной культуры поддерживали тесные контакты со своими восточными соседями — племенами алакульской культуры, владевшими медными и оловянными месторождениями Южного Урала и Казахстана, — от которых получали сырье и готовые бронзовые изделия. На срубных поселениях часто встречается керамика алакульских племен Южного Урала. Племена срубной культуры по физическому типу относятся к европеоидам, по языку к индоиранцам.

В заключительный период бронзового века, во второй половине II—начале I тыс. до н.э., на территории степных районов Среднего Поволжья и Приуралья жили потомки

племен срубной культуры, которым принадлежали поселения ивановского типа, названные по исследованному поселению у села Ивановка Саратовской области.

Обитатели поселений ивановского типа изготавливали сосуды с налепными валиками ниже венчика. Памятники ивановского типа распространены главным образом в степных районах. Они входят в обширный круг культур с валиковой керамикой, простиравшийся от Дуная до Восточного Казахстана и Алтая. Поселения ивановского типа изучены самарскими археологами у сел Яковка, Максимовка, Григорьевка, а также в черте Самары: в Овраге Подпольщиков и у Кирпичных Сараев.

Хозяйственным фундаментом ивановских племен выступало скотоводство и земледелие. На поселениях встречаются кости животных и орудия, связанные с земледелием: косари, серпы, каменные зернотерки.

В лесостепных районах Среднего Поволжья выявлена группа памятников сусканского типа, названных так по наиболее исследованному поселению на реке Сускан в Ставропольском районе. Они возникли в результате передвижения в лесостепное Среднее Поволжье племен андроновской культуры из Зауралья, Западной Сибири и Казахстана. Пришельцы селились по притокам Волги: Соку, Кинелю, Кондурче, Черемшану и Самаре, смешиваясь с местным срубным населением. Изучены их поселения: Сусканское I, Русская Селитьба, Чесноковское I, Лебяжинское I. В культуре сусканских племен ярко проявились восточные андроновские традиции, особенно наглядно проступающие в керамике. Металлообработка сусканских племен отлична от предшествующей срубной. Появляются совершенно новые типы бронзовых орудий: втульчатые долота, втульчатые наконечники стрел, серпы. Многие из них изготовлены из металла уральского происхождения. Широко вошли в обиход костяные и роговые орудия. Памятники сусканского типа датируются XIV-XII вв. до н.э.

В лесной зоне Поволжья и Приуралья в это время жили племена приказанской культуры, самый южный памятник которой расположен на территории Самарской области - поселение Гривка в Похвистневском районе. В I тыс. до н.э. на основе приказанской культуры сложилась обширная ананьинская культурно-историческая общность.

Таким образом, в XIV-XII вв. до н.э. в Самарском Поволжье обитали по меньшей мере три различные по происхождению группы населения: выходцы из степей, лесостепного Зауралья и лесного Волго-Камья, причем каждая из этих групп сохраняла свои специфические особенности⁶.

Наименее изучен период перехода от бронзового века к железному. В степных районах Самарской области на дюнах у сел Царевщина, Белозерка, Толкай, Борское, Немчанка, Коноваловка, Съезжее, Максимовка встречаются фрагменты грубых сосудов с насечками на венчиках. Данный тип керамики назван нурским по дюне у поселка Нур, где она впервые была найдена. Точно датировать керамику нурского типа пока невозможно, лишь сходство с керамикой савроматских памятников позволяет отнести ее к самому концу эпохи бронзы, ко времени формирования савроматской культуры.

Изобретение способа получения железа из руд явилось одним из важнейших открытий в истории человечества, произвело подлинную революцию в хозяйстве и технике. «Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадках, расчистку под пашню лесных пространств, оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один из известных тогда металлов»⁷.

Впервые на территории Евразии железо появилось в Закавказье в XI-X вв. до н.э. Широкое распространение в Восточной Европе оно получило три-два века спустя. Железные орудия быстро вытеснили каменные и бронзовые. Металлургия и металлообработка ранее других производств выделились в ремесла.

Распространение железа способствовало ускорению темпов разложения первобытнообщинного строя. Наступление железного века совпало с переходом пастушеских ско-

товодческо-земледельческих племен, обитавших в степях Евразии от Дуная на западе до Монголии на востоке, к полукочевому образу жизни. Этот процесс начался еще в эпоху бронзы, но завершился только к концу VIII в. до н.э. Становлению кочевого скотоводства в немалой степени способствовало не только внутреннее развитие степного населения, но и усыхание степей из-за постепенного изменения климата. В начале I тыс. до н.э. под воздействием неизвестных сегодня экономических сдвигов, а также в силу ограниченной возможности получения прибавочного продукта комплексное пастушеско-земледельческое хозяйство не могло удовлетворить потребностей всевозрастающего населения. Постоянные поиски новых пастбищ приводили к частым военным столкновениям, возникновению крупных союзов племен, призванных противостоять многочисленным противникам.

В эпоху раннего железного века в южнорусских степях обитали родственные по происхождению племена скифов и савроматов, языки которых принадлежали к иранской ветви индоевропейской языковой семьи. Скифы жили к западу от Дона, савроматы — к востоку.

Савроматская культура сложилась к концу VII в. до н.э. на территории Волго-Донского междуречья, Заволжья, Южного Приуралья и Западного Казахстана. В ее формировании приняли участие многочисленные племена эпохи бронзы, в том числе потомки племен срубной и андроновской культур. К VIII-VII вв. до н.э. относятся погребения переходного периода от культур эпохи бронзы к савроматской культуре. Такие погребения открыты в Самарской области в курганах у сел Ягодное Ставропольского района и Неприк Борского района. Это свидетельствует о том, что южная часть Среднего Поволжья входила в область формирования савроматской культуры.

По особенностям погребального обряда выделяются два локальных варианта савроматской культуры: волго-донской и самаро-уральский. Первый из них связан с собственно савроматами, второй с родственными им племенами исседонов, массагетов, дахов. Самарское Заволжье было далекой северо-восточной окраиной савроматского мира. Здесь обнаружены погребения VI-IV вв. до н.э. в курганах у сел Новопавловка, Андреев-ка, Неприк, Комаровка, Утевка и у хутора Истомина близ Самары. Все они относятся к самаро-уральскому варианту савроматской культуры.

Савроматы не имели постоянных поселений, поскольку вся их жизнь проходила в частых перекочевках. Основу экономики составляло скотоводство. Савроматы находились на стадии разложения родового строя. Грабительские войны и набеги на соседей стали для них повседневным промыслом. В V в. до н.э. савроматы участвовали в войне скифов с персидским царем Дарием. Греческие историки Геродот, Псевдо-Гиппократ, Эфор, подробно описывая быт савроматов, выделяли активную роль савроматских женщин в общественной жизни, их участие в военных походах. Эти сведения древнегреческих авторов подтверждаются археологическими находками. В богатых женских погребениях нередко встречаются мечи-акинаки и бронзовые наконечники стрел. Иногда вместе с ними в могилах находят каменные жертвенники, позволяющие предположить, что женщины выполняли жреческие функции.

К началу IV в. до н.э. на территории Южного Приуралья и Западного Казахстана сформировалась прохоровская культура, получившая свое название по курганному могильнику у села Прохоровка в Оренбургской области; она сложилась на основе самаро-уральского варианта савроматской культуры при участии населения, пришедшего из Зауралья, Казахстана и Приаралья. Прохоровскую культуру называют раннесарматской. В IV в. до н.э. она бытовала только в Южном Приуралье и Западном Казахстане. В Нижнем Поволжье в это время продолжали жить савроматы. К концу того же столетия прохоровская культура охватила и Нижнее Поволжье. Существует научная гипотеза о военном вторжении племен прохоровской культуры на территорию нижневолжских савроматов и о включении последних в конфедерацию ранних сарматских племен.

В III-II вв. до н.э. в Поволжье и Приуралье господствовала раннесарматская прохоровская культура. Основу ее хозяйственного уклада составляло кочевое скотоводство. У ранних сарматов шел процесс разложения родового строя — выделялась богатая и воинственная родовая знать. Роль женщин в общественной жизни понизилась, женские погребения с предметами вооружения встречаются гораздо реже, чем в савроматское время. Самое древнее из раннесарматских погребений, открытых в Самарской области, исследовано в курганном могильнике у совхоза им. Кирова Красноармейского района. Оно относится к IV в. до н.э., то есть ко времени перехода от савроматской культуры к прохоровской. Аналогично датируемые погребения открыты и у поселка Красные Пески Похвистневского района, у сел Новопавловка Красноармейского района и Утевка Нефтегорского района. К III-II вв. до н.э. относятся погребения у сел Утевка, Тамбовка, Андросовка, Виловатое.

С III в. до н.э. в среде сарматов возникают могущественные союзы во главе с племенами языгов, роксаланов, аорсов. В начале I в. до н.э. на основе прохоровской складывается среднесарматская культура. К моменту ее формирования сарматские племена вышли за пределы Приуралья и Поволжья, пересекли Дон и достигли Предкавказья и Северного Причерноморья. В I в. до н.э. — I в. н.э. сарматы представляли активную политическую силу на просторах Евразии. В конце II в. до н.э. они выступили союзниками скифов в борьбе против войск Диофанта, принимали участие в междоусобных баталиях Боспорского царства. Спустя век в альянсе с царем Понта Митриадом VI воевали против Рима. Скифия с этого времени стала называться Сарматией. С I в. н.э. сарматы неоднократно совершили боевые походы в Закавказье, позже появились на Дунае, откуда сарматские племена языгов и роксоланов часто нападали на границы Рима.

На всей обширной территории обитания сарматов в этот период культура отличалась единообразием, локальные различия постепенно стирались. Сарматы поддерживали оживленные торговые связи с Танаисом и городами Боспора. В погребениях этого времени часто встречаются привозные изделия боспорского и прикубанского производства. Несмотря на перемещение значительной части сарматов на запад, их первоначальная территория осталась густозаселенной, однако центр культуры переместился из Приуралья в Нижнее Поволжье.

На территории Самарской области среднесарматские погребения открыты у сел Андреевка и Виловатое Богатовского района, Гвардейцы Борского района, Преполовенка и Сосновка Безенчукского района, Хрящевка Ставропольского района, у хутора Истомина Волжского района и близ совхоза Березняки Кинель-Черкасского района. Большинство среднесарматских погребений в Самарской области впускные, то есть обнаружены в насыпях курганов более ранних эпох. Формы могил весьма разнообразны: узкие прямоугольные, с подбоем в одной из длинных стенок, квадратные, в которых погребенный лежал по диагонали. Умерших помещали в вытянутом на спине положении головой на юг. Большую роль в погребальном ритуале играл огонь: в могилах попадаются угольки и кусочки веществ, его символизирующих: реальгар, сера или мел. В мужских погребениях встречаются глиняные сосуды и оружие: мечи и кинжалы с кольцевым навершием, железные наконечники стрел. Женские погребения содержат зеркала и украшения, главным образом бусы и бисер. В женском погребении курганного могильника близ села Гвардейцы найдены предметы вооружения, следовательно, обычай погребения женщин с оружием сохраняется вплоть до среднесарматского времени.

Во II-IV вв. н.э. культура и погребальный обряд сарматских племен существенно изменились. Умерших стали хоронить в узких могильных ямах, иногда имевших подбой. Южная ориентировка погребенных сменилась на северную. Широкое распространение получил обычай деформации черепов: это достигалось путем стягивания головы ребенка

тканью. Все эти изменения связаны с притоком из Средней Азии ираноязычных сако-массагетских племен. Возможно, вместе со среднеазиатским населением в Поволжье проникали племена из Западной Сибири и Степного Казахстана. Причины перемещения этих племен пока не вполне ясны. Одни исследователи видят их в усилении активности гуннов, другие объясняют активизацией деятельности государства Кангюй, потерявшего свое влияние в южных районах Средней Азии в связи с усилением Кушанского царства⁸. Взаимоотношения пришельцев и местного сарматского населения в Нижнем Поволжье были не всегда мирными, что повлияло на отход части нижневолжских сарматов в Волго-Донское междуречье. Оставшееся в Поволжье сарматское население ассимилировало выходцев из Средней Азии и Сибири.

Территория Самарского края в позднесарматское время была населена сарматами, о чем свидетельствует наличие погребений этого периода в Березняковском, Гвардейском, Осинковском, Черновском III, Малоалексеевском, Андреевском и Виловатовском курганных могильниках. В отличие от предшествующего периода в позднесарматское время умерших хоронили не в более ранних курганах, а насыпали под каждой могилой индивидуальные насыпа. Могилы прямоугольные, иногда с подбоями в одной из длинных стенок. Погребенные лежат вытянуто на спине головами на север. Они сопровождаются длинными мечами без перекрестия и навершия, глиняными сосудами, бронзовыми зеркалами, застежками-фибулами, бусами, пряслицами. Увеличение числа погребений связано, возможно, с разгромом Танаиса готами и вытеснением части сарматов на восток.

В конце IV в. н.э. сарматы оказались разгромлены гуннами. Часть побежденных, примкнув к гуннам, отправилась с ними в Западную Европу, достигнув Испании и даже Северной Африки. Оставшиеся в южно-русских степях смешались с другими народами и растворились в их массе.

После нашествия гуннов в Нижнем и в южной части Среднего Поволжья продолжали жить многочисленные группы кочевников. Их богатые погребения открыты на территории Самарской области в кургане у села Владимировка Хворостянского района и у села Федоровка бывшего Бузулукского уезда. Кочевнические погребения VI-VIII вв. исследованы в курганах у сел Новопавловка и у совхоза им. Кирова.

К северу от кочевого ираноязычного сарматского мира простиралась владения финно-угорских племен ананьинской культуры, получившей название по могильнику, исследованному в 1858 г. П.В.Алабиным у деревни Ананьино близ города Елабуги (ныне Татарстан). Ананьинская культура с VIII по III вв. до н.э. была распространена на территории Прикамья и примыкающей к устью Камы части Поволжья. Самарская Лука выглядела далекой южной окраиной ананьинских племен. На территории южных районов Татарстана, Ульяновской и Самарской областей сложился особый южный вариант ананьинской культуры, названный белогорским по наиболее исследованному городищу Белая Гора близ села Подгоры Волжского района. Племенам белогорской ветви ананьинской культуры принадлежали укрепленные поселения-городища на Самарской Луке: Лысая Гора у города Жигулевска, Задельная гора у села Жигули, Каменная Коза, недалеко от села Винновка на левом берегу Волги, и городище у Коптева оврага выше по левому берегу Волги, близ Самары. Керамика белогорского типа найдена на вершине Царева кургана.

Основу хозяйства белогорских племен составляли придомное пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие. Разводили главным образом лошадей, так как они умели добывать себе корм зимой из-под снега. Белогорские племена были знакомы с металлургией железа и бронзы, с обработкой кости и ткачеством.

Единственный могильник племен белогорской ветви ананьинской культуры исследован на реке Утке в Старомайском районе Ульяновской области близ села Зеленовка на Гулькинском бугре. По погребальному обряду и инвентарю он близок к другим ананьинским могильникам. В одном из погребений найден сосуд белогорского типа.

Белогорские племена по физическому типу — европеоиды с небольшой примесью монголоидности. Памятники белогорского варианта ананьинской культуры датируются VII-IV вв. до н.э.

Не позднее конца IV в. до н.э. на территории Самарской Луки с запада, из бассейна Оки, продвинулись племена городецкой культуры, получившей свое название от городища, исследованного В.А.Городцовым у села Городец Спасского уезда Рязанской губернии. Городецкая культура была распространена на обширной территории от верховьев Дона на западе до Волги на востоке, ее памятники выявлены в Липецкой, Воронежской, Пензенской, Саратовской, Самарской (Самарская Лука) областях и в Мордовии.

Городецкие племена жили на укрепленных городищах и неукрепленных селищах. Основу их хозяйства составляли пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие, важную роль играли охота, рыболовство и собирательство. Они знали металлургию железа, но металлических орудий у них было еще очень мало. Гораздо шире использовались в обиходе изделия из кости. Глиняная посуда представлена горшками и банками, вся внешняя поверхность которых покрывалась отпечатками штампа, напоминающего рогожу или сетку. Могильники городецких племен археологами не обнаружены.

С приходом городецких племен население белогорских городищ покинуло Самарскую Луку. Оно, видимо, ушло на северо-восток, где жили родственные им племена ананьинской культуры. На городищах Лысая Гора, Задельная Гора и Белая Гора жизнь прекратилась, и они больше не заселялись человеком. Другие городища, например, Каменная Коза, продолжали существовать, но на них жили теперь городецкие племена. В этот период возникли новые поселения: городища Торновское и Лбище, селище Новиковское, Винновское и др.

Большинство исследователей датировали городецкую культуру VII в. до н.э.—V в. н.э. Однако с подобными рамками нельзя согласиться: основные характерные черты городецкая культура сохраняет лишь до конца I в. н.э. В следующем столетии в ней происходят большие изменения: посуда с рогожным и сетчатым орнаментом сменяется неорнаментированной, появляются могильники с рядовым расположением могил, широко распространяются многочисленные орудия из железа и украшения из бронзы. Столь существенные перемены в материальной культуре и погребальном обряде не могли произойти в результате внутренней эволюции городецких племен — они обусловлены притоком постзарубинецких племен с запада и пьяноборских племен с востока, из Прикамья.

Культуры финно-угорских народов I тыс. н.э. — мордвы, муромы — сложились, таким образом, при участии трех групп населения: городецкого, пьяноборского и постзарубинецкого. В южную часть городецкого ареала, на территорию современных Ульяновской, Самарской и Саратовской областей, пьяноборские племена не проникали. Здесь значительно большую роль играли западные элементы. В Сергиевском районе Самарской области исследовано Славкинское поселение. Его топография, планировка, тип жилищ, характер керамики находят близкие аналогии в материалах постзарубинецких поселений и пшеворского селища Подберезцы в Верхнем Поднестровье⁹. Памятники славкинского типа выявлены также в Ульяновской области и Татарстане.

Следующий этап в развитии населения Самарского края представлен памятниками лбищенского типа, получившими название по городищу, исследованному на Самарской Луке у деревни Лбище Ставропольского района. Здесь выявлены остатки более 30 наземных жилищ с очажными котлованами. Основу хозяйства обитателей городища составляло земледелие, вероятно уже пашенное, и скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей. Костей диких животных на городище не найдено, видимо, изобилие продуктов земледелия и скотоводства позволяло обходиться без мяса диких животных. Материальная культура городища свидетельствует о западном про-

исхождении его обитателей. Планировка поселения и тип жилищ находят аналогии в памятниках черняховской культуры верховьев Днестра и Западного Буга¹⁰. Керамика также имеет общие черты с посудой западных культур: постзарубинецкой и черняховской. Сходство заключается в технологии изготовления посуды, использовании двух видов сосудов, различных по характеру обработки поверхности: грубых бугристых и лощеных. Совпадают многие формы мисок и горшков, а также отсутствие орнаментации, за исключением насечек и защипов на венчике некоторых сосудов. На Лбище найдены металлические изделия западных типов: застежка-фибула, поясные пряжки, ведерковидная подвеска, браслет и т.д.

Уклад экономики лбищенских племен имеет общие черты с хозяйственным укладом племен черняховской культуры, где также рано возникло пашенное земледелие, а в скотоводстве ведущую роль играло разведение крупного рогатого скота. Могильники лбищенского типа пока неизвестны. Открытие их поможет с большей точностью установить исходный район миграции племен, которым принадлежали памятники лбищенского типа.

В V в. в Среднем Поволжье сложилась именьковская культура. Вопрос о ее происхождении один из самых дискуссионных в археологии Среднего Поволжья. Надо полагать, в формировании именьковской культуры приняли участие потомки племен, оставивших памятники славкинского и лбищенского типов, а также новая волна пришельцев с запада, из Поднепровья, и, возможно, Поднестровья. Именьковская культура простиралась от средней Суры на западе до реки Белой на востоке, от Закамья на севере до устья реки Самары на юге, датируясь V-VII вв. н.э. На территории Татарстана, Башкортостана, Ульяновской и Самарской областей выявлены сотни селищ и десятки укрепленных городищ именьковской культуры. Поселения располагались группами вблизи рек. Основным типом жилищ были полуземлянки с открытыми очагами, исследованные на Именьковском и Маклашевском городищах в Татарстане, на селищах Выползовском и Ош-Пандо-Нерь II близ села Шелехметь на Самарской Луке. Наряду с полуземлянками именьковцы возводили длинные наземные дома каркасно-столбовой конструкции со слабо углубленными в землю основаниями. Внутри жилищ находились открытые очаги-кострища, рядом располагались многочисленные хозяйственные ямы.

Основу хозяйства именьковских племен составляло пашенное земледелие. На поселениях часто встречаются сошники, серпы, жернова, обугленные зерна злаков: пшеницы, ячменя, ржи, овса, проса, полбы, гороха, конопли. Важную роль играло скотоводство: разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей. Занимались рыболовством и охотой. Значительных успехов именьковцы достигли в металлургии железа и цветных металлов. Уровень развития этих производств был намного выше, чем у соседних финно-угорских племен.

Наши знания о религиозных представлениях именьковских племен пока еще весьма ограничены. Известны святилища и культовые постройки; ритуальное назначение имели глиняные фигурки животных и людей, лепешечки-«хлебцы», а также металлические антропоморфные фигурки. В трех могильниках именьковской культуры, исследованных на территории Татарстана, безраздельно господствовал обряд трупосожжения.

Достижения в развитии экономики, в первую очередь пашенного земледелия, ускорили процесс разложения первобытнообщинного строя у именьковских племен. Основной ячейкой общества выступала большая патриархальная семья. На Старо-Майнском городище изучены длинные дома и квадратные полуземлянки площадью 50-80 кв.м., которые можно рассматривать как место обитания многочисленных патриархальных семей. Рядом с каждым жилищем обустраивались многочисленные ямы-погребки для хранения зерна и других продуктов. Видимо, каждая большая патриархальная семья вела индивидуальное хозяйство.

Вопрос о происхождении именьковской культуры не решен окончательно. Некоторые черты ее погребального обряда и материальной культуры имеют параллели в славянских памятниках. Отсутствие вещей в погребениях, их крайняя бедность отличают именьковские могильники от финно-угорских и балтских и сближают их со славянскими. Та же близость очевидна в материальной культуре и в экономике. Следует отметить, что в Среднем Поволжье в ареале именьковской культуры много славянских названий рек: Сок, Сулица, Черемшан, Утка, Майна, Бездна - многие из них очень древние, так как упоминаются еще Ибн-Фадланом, посетившим Среднее Поволжье в 992 г.

Исход именьковской культуры приходится на конец VII в. и связан с появлением в Среднем Поволжье кочевых племен болгар из Приазовья. Им принадлежат курганные могильники, выявленные на Самарской Луке и на северо-востоке Самарской области. По наиболее исследованному памятнику у села Новинки они получили название памятников новинковского типа.

Пришельцы вели, по всей вероятности, кочевой образ жизни и занимались скотоводством. Родовой строй у них находился в стадии разложения. Из среды рядовых общинников выделилась богатая и могущественная родовая знать. Центральные погребения в курганах обычно принадлежат мужчинам-воинам. В их могилах встречаются сабли, луки, колчаны со стрелами и богатые поясные наборы, состоящие из пряжек, накладок и наконечников ремней. Женские и детские погребения обычно впускные, они сопровождаются украшениями и орудиями труда.

Погребальный инвентарь могильников новинковского типа находит аналогии в памятниках Крыма, Кавказа, Приазовья. Ряд особенностей погребального обряда этих могильников сближает их с раннеболгарскими могильниками Северного Причерноморья, Подонья и Дунайской Болгарии.

В середине VIII в. в Среднее Поволжье проникают новые волны болгарского населения. Им принадлежат Кайбельский, Больше-Тарханский и другие болгарские могильники VIII-IX вв. Приблизительно в это же время в Среднее Поволжье переселяются группы населения из Прикамья. Их появление четко фиксируется благодаря находкам керамики с примесью раковины и со шнуровой орнаментацией. Подобная керамика встречена в погребениях второй половины VIII-IX вв. у села Хрящевка Ставропольского района.

В IX в. в Среднее Поволжье с востока, из Приуралья, проникают племена кушнаренковской культуры угорского происхождения. На территории Татарии ими оставлен бескурганный могильник у села Большие Тиганы, а на территории Самарской области погребение у села Немчанка Борского района. Болгарские, прикамские, кушнаренковские племена, а также, видимо, потомки племен именьковской культуры вошли в состав феодального государства Волжская Болгария.

НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ

ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

До прихода в Среднее Поволжье болгары жили в предгорьях Кавказа и в Приазовье. В конце VI—первой четверти VII века болгарские племена объединились в союз, получивший название Великая Болгария, со столицей на Таманском полуострове (Финагория). Наивысшего расцвета союз достиг в период правления Курбата из рода Дуло, который к середине VII века освободил районы Предкавказья и Северного Причерноморья от подчинения Тюркскому каганату. В состав союза входили наряду с болгарскими адыгские, аланские и другие племена. Великая Болгария была непрочным объединением и распалась вскоре после смерти Курбата в 50-х годах VII века. Власть поделили его сыновья: старший Батбай с большей частью болгар остался на земле предков, подчинившись Хазарскому каганату; второй сын переправился через Дон и поселился напротив брата; третий сын Аспарух с частью болгар ушел в славянские земли на Дунай, где вскоре возникло государство Болгария; четвертый и пятый сыновья переправились через Дунай и один из них остался в подчинении у аварского хана в Паннонии, на территории современной Венгрии, а второй «достигнув Петрополя, попал под власть христиан»¹.

Византийские авторы ничего не сообщают об уходе болгар в Поволжье, которое в силу удаленности мало их интересовало. Однако археологические источники позволяют установить время прихода болгар в Среднее Поволжье. До недавнего времени все известные здесь болгарские памятники датировались временем не ранее середины VIII века. Выявление на Самарской Луке могильников новинковского типа позволило установить, что первая волна болгар проникла в южную часть Среднего Поволжья еще в конце VII века.

Пришедшие болгары находились на стадии разложения родового строя. У племен именьковской культуры к моменту прихода болгар также интенсивно шел процесс разложения первобытнообщинных отношений. Болгары постепенно начали переходить к оседлости. В X в. у них появились селища и укрепленные городища, возникли города: Болгар, Биляр, Сувар и др. В конце IX—начале X вв. в Среднем Поволжье складывались феодальные отношения. В начале X в. возникло государство Волжская Болгария. Арабские авторы отмечали неоднородный состав населения этого государства, называя четыре входящих в него племена: болгары, сувары, эсгель и берсула.

Во главе государства стоял царь — малик. Арабский писатель Ибн-Русте сообщал, что болгары платили царю подать лошадьми и другим, видимо, имея в виду продукты земледелия. От всякого, кто женился, царь брал себе по верховой лошади. С мусульманских купцов, прибывших в Болгарию на судах, бралась пошлина — десятая часть ввози-

мых товаров. В начале X в. болгарский царь Алмуш, пользуясь поддержкой багдадского халифа, объединил все болгарские племена.

В связи с тем, что старая языческая религия уже не отвечала интересам феодальной знати, болгарский царь обратился к багдадскому халифу Муктадиру с просьбой помочь ему в распространении ислама, а также в сооружении крепости для защиты от царей-противников. В 922 г. в Болгарию от халифа прибыло посольство. Ислам был объявлен государственной религией. Болгарский царь принял имя Джафара сына Абдаллаха. Археологическое исследование болгарских могильников позволило проследить процесс постепенного вытеснения языческой религии мусульманской². К концу X в. централизация государства в основном завершилась. Было сломлено сопротивление Суvara и уничтожен его суверенитет. Столицей Болгарии стал город Болгар.

В первой половине X в. Болгария находилась в зависимости от хазар и платила дань Хазарскому каганату. В 964-65 гг. русский князь Святослав предпринял победоносный поход на Хазарский каганат и разгромил его. С помощью «подарка Святослава» Болгария обрела независимость, быстро усиливаясь и наращивая свои владения. Болгары захватили земли финно-угорских племен на территории современной Пензенской области, закладывая многочисленные болгарские городища и селища. К XII в. Волжская Болгария простиралась от современной Чувашии до Самарской Луки, от реки Цны до реки Вятки.

На Самарской Луке, на границе с кочевыми племенами, вскоре после разгрома Хазарии возник крупный город, древнее название которого до сих пор не установлено, а в литературе он известен как Муромский городок. Город находился недалеко от того места, где сходились два крупнейших оврага Самарской Луки: Яблоневого и Сухая Брусяна. Первоначально город занимал мыс между двумя отрогами Яблоневого оврага, которые были использованы в качестве оборонительных сооружений. С северо-западной и западной сторон, более уязвимых, был прорыт ров. Как показали археологические исследования, рвы и бревенчатые стены вдоль них выступали единственными укреплениями древнейших болгарских городов, в частности города Болгара.

В X-XI вв. в Болгарии шел процесс развития феодальных отношений. Болгары в этот период окончательно перешли к оседлости, пашенное земледелие стало основой хозяйства. Основными орудиями обработки почвы были тяжелый однолемешный плуг - сабан для целинных черноземных почв и легкая соха с двумя железными сошниками для подзолистых почв. В земледелии господствовала переложная система. Возделывались пшеница, просо, ячмень, а также рожь, овес, горох, конопля и некоторые огородные культуры. Другой важной отраслью хозяйства оставалось скотоводство, разведение крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. Высокого уровня достигли ремесла: металлургия, металлообработка, оружейное, ювелирное, косторезное, кожевенное, камнерезное, плотницкое и многие другие. Изделия болгарских ремесленников славились далеко за пределами Среднего Поволжья. Болгария вела торговлю со Средней Азией, Ближним Востоком, Кавказом, Византией, Русью. Она выступала как поставщик товаров и как посредник в торговых связях Востока и Запада.

В отношениях Болгарии с Русью мир сменялся враждой. Русские князья совершали походы на Болгарию в 977, 985, 994, 1120, 1164, 1172, 1183, 1186 гг. С XI в. болгары неоднократно предпринимали походы на Муром, Суздаль, Устюг и другие русские города. Видимо, опасность нападения русских князей заставила болгар перенести столицу из Болгара в Биляр. Неоднократно между Болгарией и Русью заключались мирные договоры, например, в 1006 г. договор о торговле. Мирный договор был заключен и в 1229 г., незадолго до татаро-монгольского нашествия.

В XI-XII вв. из различных по происхождению племен, вошедших в состав Волжской Болгарии, сложилась болгарская народность с самобытной культурой. Введение

ислама активно стимулировало освоение арабской письменности, возникновение школ. С X в. в Болгарии развивалась архитектура, в городах возводились каменные и кирпичные здания: мечети, бани, дома феодалов.

Известны имена болгарских ученых и поэтов: историка Якуба Ибн-Ногмана (умер в 1064 г.), написавшего «Историю Булгарии», философа Хамида Ибн-Идриси (первая половина XII в.). В начале XIII в болгарский поэт Кол-Гали создал поэму «Кыссаи Юсуф».

Самарская Лука являла южную окраину Волжской Болгарии на границе с кочевнической степью. Возникший в X в. Муромский городок в XI-XII вв. быстро рос, вокруг внутреннего города образовался обширный внешний; в XII в. общая площадь поселения составляла около 150 га. Внешний город обнесли двумя линиями укреплений, состоящими из валов и рвов. В разных местах города возвели кирпичные здания - бани и, вероятно, мечети. В западной части внутреннего города находились ремесленные кварталы, средоточие различных производств: металлургического, кузнечного, медеплавильного, гончарного, ювелирного. Наряду с ремеслами горожане занимались земледелием и скотоводством. Во время раскопок Муромского городка найдено огромное количество костей животных, главным образом домашних. Нередко встречаются земледельческие орудия: лемехи и резак плугов, сошники, косы-горбуши, серпы, мотыги. О развитии рыболовства свидетельствует находки грузил, рыболовных крючков и костей рыб, в том числе осетровых. Важную роль в жизни городского населения играла торговля. Поскольку город был расположен недалеко от берега Волги, в него заплывали иноземные купцы. Во время раскопок Муромского городка найдено много привозных вещей: поливная посуда среднеазиатского происхождения, русские и византийские стеклянные браслеты, пряслица, какие изготовляли в древнерусском городе Овруче близ Киева. Встречена и западноевропейская монета — германский денарий XI в.

В начале XIII в. Волжская Болгария достигла расцвета. Росли ее города, развивались хозяйство и культура. Эта естественная эволюция была прервана татаро-монгольским нашествием. После завоевания Ирана, Средней Азии и Закавказья татаро-монголы в 1223 г. вторглись в степи Восточной Европы и нанесли поражение на реке Калке объединенным русско-половецким войскам. Осенью того же года они двинулись по Волге в Болгарию. Однако болгары дали достойный отпор. Они устроили засады в нескольких местах и выступили навстречу татаро-монголам. После столкновения болгарские воины начали отступать, заманивая врага в засады и нападая на него с тыла. Татаро-монголы оказались окруженными со всех сторон и понесли огромные потери. Оставшиеся в живых бежали в Саксин ³.

В 1229 г. татаро-монголы возобновили нападение, и русские летописи сообщают о поражении болгар на реке Яик. Через три года татаро-монголы вновь пришли на территорию Болгарии и зимовали, не достигнув столицы Болгарии Биляра ⁴.

В 1235 г. хан Удегэй собрал курултай Монгольской империи, где был утвержден план завоевания Европы, а в следующем году огромное войско татаро-монголов обрушилось на Волжскую Болгарию. «От множества войск земля стонала и гудела, столбенели дикие звери» ⁵. Сначала был взят штурмом город Биляр, известный своей неприступностью и большой населенностью. Жители его были частью убиты, частью пленены. Лавреньевская летопись сообщает об этих событиях так: «Придоше от восточные страны в болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий город Болгарский и избиша оружием от старца до уного и до сущего младенца и взяша товара множество, а город их пожогша огнем и всю землю плениша» ⁶.

Татаро-монгольская армия огнем и мечом рассекла всю Волжскую Болгарию, завоевав и разгромив сильное некогда государство. Многие крупные города оказались в руинах. Муромский городок стал, очевидно, первой жертвой страшного нашествия, так как

находился на самом юге Болгарского государства. Однако болгары не сдались на милость завоевателей. В 1238-39 гг. вспыхнуло восстание, которое возглавили князья Баян и Джику, но в 1240 г. татаро-монголы подавили его.

В начале 40-х гг. XIII в. в результате монгольских походов образовалось огромное государство Золотая Орда. На северо-востоке в нее входила Волжская Болгария, на северо-западе граница проходила с русскими княжествами, на юге Золотая Орда владела Крымом, Кавказом до Дербента, а иногда и до Баку, Северным Хорезмом, на западе — степями до Днестра, на востоке — землями до Западной Сибири и низовьев Сыр-Дарьи.

В Волжской Болгарии власть золотоордынских ханов проявляла себя гораздо более жесткой и жестокой, нежели на Руси. Повсюду хозяйничали баскаки и даруги — представители центрального управления. Начался вывоз болгарских рабов и продажа их в другие страны. Ущерб, нанесенный Волжской Болгарии завоевателями, был огромен и непоправим. В руинах лежали города Биляр, Болгар, Сувар, Жукотин, Кернек, Муромский городок, всего около 40 городов и укрепленных замков. Многие поселения, в том числе Биляр и Муромский городок, уже не возродились после нашествия. Сократилось и население Самарской Луки. Старые поселения оказались заброшены, правда, в конце XIII в. возникли новые селища, уцелели два укрепленных городища у сел Переволоки и Костычи (Сызранский район).

Во второй половине XIII-XIV вв. болгары селились за пределами Самарской Луки по рекам Сок, Кондурча, Кинель, Самара. Именно здесь выявлены неукрепленные селища болгар золотоордынского периода. Самый крупный поселок исследован на реке Кинель у деревни Сухая Речка в Похвистневском районе Самарской области. Во время раскопок здесь обнаружены следы гончарного, металлургического, стеклодувного и косторезного ремесел. Это был ремесленный центр, снабжавший своей продукцией сельскую округу.

Уже со второй половины XIII в. на территорию Самарского края начали проникать русские и мордва. О пребывании здесь русских свидетельствуют материалы исследованного в Шигонском районе Самарской области поселения у села Березовка, представлявшего собой смешанный русско-болгарский поселок, возникший во второй половине XIII в. и существовавший около столетия. Здесь исследованы жилища разных типов: наземные, полуземлянки и землянки. Последний тип по конструкции близок к древнерусским землянкам Суздаля. Значительную часть из обнаруженной керамики составляют русские горшки с линейным и волнистым орнаментом. Найдены бронзовые кресты — энколпионы. Среди выявленных на поселении останков встречаются кости свиньи, что совсем не характерно для поселений болгар-мусульман. В то же время, судя по находкам, наряду с русскими на Березовском поселении жили болгары. В Самарском крае были найдены и другие русские поселки: у села Печерские Выселки, у Рубленого озера, близ Комаровки, на реке Усе. Видимо, поработанные русские люди были насильно пригнаны в Среднее Поволжье золотоордынцами для строительства городов. Следы их пребывания найдены во многих городах Поволжья: Болгаре, Новом Сарае, Увеке⁷.

Во второй половине XIII-XIV вв. на территорию Самарского края переселяется мордовское население, спасаясь от разорительных набегов татар. В Шигонском районе у села Муранка исследовано огромное поселение, занимавшее площадь более 2 кв.км. Это целый город, существовавший в XIV в. (найдена монета Хызр-хана 1361 г.) и населенный, судя по находкам керамики, болгарами и мордвой-мокшей. Рядом с ним находится большой мокшанский могильник, занимавший площадь в 17 га. Другой мордовский могильник был изучен на Поляне им.Фрунзе в черте Самары. Судя по преобладанию погребений с северной ориентировкой, он принадлежал мордве-эрзе. Погребальный инвентарь свидетельствует о довольно глубокой имущественной дифференциации. Поблизости от могиль-

ника также найдено большое поселение. Еще один мордовский могильник исследован у поселка Усинское близ села Рождествено на Самарской Луке.

К югу от Самарской Луки жили кочевники-половцы, или кыпчаки и гузы. Южнорусские степи до монгольского нашествия и после него назывались «Дешт-и-Кыпчак», что означало «Половецкая степь». Поражение объединенных сил половцев и русских в битве при Калке в 1223 г. повлекло большой ущерб половецким кочевьям и торговле, которую вела Юго-Восточная Европа. В 1236 г. татаро-монголы во главе с ханом Бату возобновили наступление на половцев и подчинили их себе, включив Половецкую степь в состав Золотой Орды. На завоеванные земли потянулось немало монголов со своими семьями и скарбом, однако основная масса по-прежнему предпочитала жизнь в метрополии. Поэтому до монголизации половецкого населения дело не дошло⁸. Татаро-монголы постепенно смешались и породнились с половцами. Уже в XIV в. кыпчакский язык становится основным литературным языком Золотой Орды. От завоевателей осталось только имя — татары, но не язык. Половцы и гузы начали проникать в города Нижнего Поволжья, составляя их основное население.

Во второй половине XIII—первой половине XIV вв. Золотая Орда становится крупнейшим государственным образованием средневековой Евразии. В Нижнем Поволжье золотоордынские ханы построили города Сарай-Бату, Сарай-Берке и др. В отличие от городов Средней Азии и Руси, они возникали не в результате длительного процесса разделения труда, обособления и средоточия ремесла и торговли. Города строились золотоордынскими ханами в сжатые сроки для управления обширной территорией, как административные центры. Возводили их насильно согнанные в Нижнее Поволжье ремесленники из покоренных стран.

К концу XIII в. опустошенная татаро-монголами Волжская Болгария частично восстанавливается, а в XIV в. ее столица Болгар переживает период нового подъема. Город значительно увеличивается, в нем строятся многочисленные монументальные здания: соборная мечеть, большой и малый минареты, постройки, известные под названием Черная, Белая, Красная и Греческая палаты. Бурно развивались ремесла. Больших успехов достигли металлурги, освоившие в это время производство чугуна; совершенствовались гончарное, ювелирное, оружейное, кожевенное ремесла. Оживилась торговля с Кавказом, Средней Азией, Русью.

Экономический и культурный подъем сопровождался стремлением болгарских правителей к политической самостоятельности, что жестоко подавлялось золотоордынскими ханами. Так, в 1361 г. хан Булак-Тимур предпринял карательный поход в Болгарию, сжег Болгар и разрушил его каменные здания... Однако и после разгрома жизнь в Болгаре продолжалась, хотя прежнего уровня его экономика не достигла. В XIV—начале XV вв., пользуясь феодальными распрями в Золотой Орде, русские князья усилили натиск на Болгарию.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ

Золотая Орда, в состав которой входило Среднее и Нижнее Поволжье, даже в период наивысшего могущества не являлась прочным централизованным государством. Она членилась на полусамостоятельные улусы и юрты потомков Чингисхана, других представителей монгольской или тюркской аристократии. Улусом называлось подвластное оп-

ределенному хану или иному владельцу население, а юртом — территория данного улуса. Эти термины так же приобрели обобщающее значение «государство», как и слово «орда», в исходном смысле означавшее всего-навсего ставку кочевого правителя.

В состав Золотой Орды входили территории с различными хозяйственными укладами: кочевая степь с отдельными очагами земледелия, обширные земледельческие страны (например, Волжская Болгария), причем эти районы были экономически почти не связаны друг с другом. Через обширные ордынские владения проходили важные водные и караванные торговые пути, главным из которых являлся путь по Волге. На нем было известно поселение Самар, отмеченное на итальянской карте 1367 г., но отождествить его с конкретным археологическим памятником и установить точное местоположение не удается. По этим путям шла в основном транзитная торговля, очень мало способствовавшая объединению эклектичных частей самой Орды. Неустойчивость золотоордынского государства определялась и насильственным характером включения в его состав различных народов, покоренных завоевателями.

Единство Золотой Орды до поры до времени поддерживалось заинтересованностью кочевой аристократии в сильной ханской власти для осуществления грабительских походов, проведения политики террора по отношению к поработанному и обложенному тяжкими даями населению самой Орды или подвластных ей стран. Такое единство могло существовать только при недостаточно развитых общественных отношениях. Золотая Орда считалась общим родовым владением потомков старшего сына Чингисхана Джучи (отсюда другое название этого государства - Улус Джучи). Улусы отдельных аристократов в ее составе считались ханскими пожалованиями, условными держаниями, что препятствовало их обособлению. Однако к концу XIV в. они превратились по сути в наследственные владения⁹. Среди аристократии усиливаются сепаратистские настроения, стремление закрепить автономию своих улусов, а при удачливой возможности захватить или подчинить улусы соседей. Это ослабляло верховную власть ханов, даже ближайшее окружение которых, состоявшее из крупных феодалов, не столько стремилось к усилению своего «хозяина», сколько пыталось превратить его в марионетку. Закономерным следствием стали непрерывные междоусобные войны и дворцовые перевороты в Орде в 60-70 гг. XIV века, названные в русских летописях «великой замятней»: «Много нестроения бываше в Орде, и мнози князи Татарстии избивахуся, не имуще главы, и острием меча умираху, и помале оскудеваша Орда от великия силы своея»¹⁰.

Внутреннее разложение Золотой Орды ускорялось внешнеполитическими неудачами, еще более подрывавшими авторитет верховной власти. Первый серьезный удар по военной мощи был нанесен в 1380 г. исторической битвой на Куликовском поле. Поражение, которое нанесли русские воины объединенным силам западной части Улуса Джучи, предводимым ханом Мамаем, заставило ордынцев временно отодвинуть междоусобицы, чтобы восстановить свою власть над русскими землями. Последним ханом, которому удалось собрать под своею властью распадавшуюся Золотую Орду, был Тохтамыш, выходец из знати восточных районов Улуса Джучи. Во время «великой замятни» он нашел убежище у среднеазиатского правителя Тимура, который рассчитывал с его помощью подчинить Улус Джучи, своего опасного северного соседа. При поддержке Тимура Тохтамыш вначале утвердился в восточных улусах Золотой Орды, а в 1380 г. разбил на реке Калке ослабленного после Куликовской битвы Мамаю и распространил свою власть на западные улусы¹¹.

Через два года Тохтамыш внезапно напал на русские земли, не готовые к отражению нового набега, обманом взял и разграбил Москву, заставил русских князей возобновить выплату ордынцам дани. Путь Тохтамыша на Русь шел «по левобережью в район Самарской излучины», переправа состоялась «против устья р.Сызрани», а затем войско

двинулось по долине этой реки и далее на запад. Весь этот маршрут традиционно являлся одним из главных путей-«сакм» ордынских набегов ¹².

Дальнейшее усиление нового хана и активизация внешней политики Золотой Орды привели его к конфликту с бывшими союзниками, ордынскими аристократами и Тимуром. Во главе феодальной оппозиции находился зять Тохтамыша Едигей, князь большого и влиятельного в Орде племени мангитов, кочевавших между Волгой и Яиком. Мангиты вели свою родословную от одного из монгольских племен державы Чингисхана, но в рассматриваемый период, как и все монголы Улуса Джучи, уже полностью тюркизировались. Едигей был типичным и вместе с тем наиболее ярким представителем знати эпохи распада Золотой Орды. Он примкнул к Тохтамышу, когда тот еще скрывался во владениях Тимура. После прихода Тохтамыша к власти Едигей назначен главным эмиром «левого крыла» Золотой Орды, то есть ее восточных районов. Властолюбие Едигея этим не довольствовало. Не будучи потомком Чингисхана, он не мог претендовать на ханский престол, но стремился, во-первых, посадить на него послушного себе хана, а во-вторых, обеспечить свою безраздельную власть над собственным улусом. Для достижения этих целей тщеславный Едигей, как, впрочем, и другие аристократы, готов был поступиться даже самым существованием Золотой Орды. Вначале мангитская знать стала натравливать Тохтамыша на Тимура. Неудачи походов хана в Азербайджан и Среднюю Азию использовались Едигеем и другими противниками Тохтамыша для организации заговора. В конце концов Едигей со своими сторонниками бежал к Тимуру и помог тому организовать ответный удар по владениям Тохтамыша.

В январе 1391 г. Тимур с 200-тысячным войском выступил из Ташкента. Преодолев степи Казахстана, Западной Сибири, Южного Урала, грозный завоеватель приближался к Волге. Тохтамыш надеялся задержать противника на Яике, но не успел собрать войска и помешать переправе ¹³. Ордынцы отступали в глубь своих владений на северо-запад и рассчитывали, что утомленные многомесячным переходом войска Тимура окончательно истощат свои силы. Но случилось иначе: после того как армия правителя Средней Азии вышла на реку Самару и приблизилась к Волге, дальнейшее отступление Тохтамыша стало невозможным. Во-первых, Тимур мог прижать войска Золотой Орды к Волге и истребить его. Во-вторых, открывался заманчивый путь к богатым городам Волжско-Камской Болгарии. В-третьих, в междуречье Самары, Кинеля и Сока располагались великолепные летние пастбища, которые в засушливое время года представляли особую ценность для конного войска и всего кочевого населения Орды, и оставлять их Тимуру хан Тохтамыш, разумеется, не собирался.

18 июня 1391 г. противники сошлись в решающей битве на реке Кондурче, правом притоке Сока (на территории современного Красноярского района Самарской области). По численности обе армии были примерно одинаковыми, но Тимур показал себя более опытным и талантливым полководцем. Тохтамыш руководствовался старыми принципами монгольской тактики, согласно которым исход полевого сражения решал мощный фланговый удар конницы. Тимур применил сложный боевой порядок из семи корпусов-«кулов», успешно противостоявший такому удару с фланга или обходу с тыла. Кроме того, Тимур навязал сражение в условиях, препятствовавших маневру ордынской конницы — по берегу Сока был создан рубеж обороны, а также выделил из состава своих войск резерв, которого у Тохтамыша в решающий момент не оказалось. В военном отношении поражение ордынцев на Кондурче было обусловлено примерно теми же причинами, что и в Куликовской битве, которая, как оказалось, их мало чему научила. Сыграл свою роль и переход некоторых аристократов Улуса Джучи на сторону врага в ходе самой битвы. Разбив Тохтамыша и обратив хана с остатками войска в бегство, победители подвергли грабежу его ставку, ордынские кочевья и земледельческие поселения на Средней Волге.

В течение 26 дней находились войска Тимура в самом центре ордынских владений, безнаказанно опустошая их ¹⁴.

Закрепить свой успех в политическом отношении победителю не удалось. Мятежники во главе с Едигеем, сопровождавшие Тимура, не собирались менять одного сильного правителя на другого. После битвы не Кондурче они попросили отпустить их в улусы, чтобы привести те в подчинение Тимуру. Завоеватель согласился, допустив тем самым серьезную ошибку. Едигей и его сторонники, прибыв в свои улусы, срочно начали откочевку подвластного населения на недоступные окраины Орды и отказались вернуться к Тимуру. Вдогонку за Едигеем, уходившим с мангитами, Тимур послал гонцов с напоминанием о клятвах и обязательствах, но Едигей заявил: «Сроку нашего обещания тут конец» ¹⁵.

В течение 1391-93 гг. Тохтамыш восстановил свою власть над Ордой и стал готовиться к новой войне с Тимуром. Едигей и прочие противники хана заняли откровенно выжидательную позицию, скрываясь в дальних кочевьях и открыто пренебрегая государственными интересами Золотой Орды...

С битвы на Кондурче началась агония Золотой Орды как государства. Этого не могли не видеть на Руси. Московский князь Василий I, сын Дмитрия Донского, в 1391 г. находился в Орде и, вероятно, стал свидетелем побоища у Самарской Луки. Русские летописи говорят, что «князь Василий Дмитриевич утече у царя за Яик» ¹⁶ и лишь оттуда вернулся в Москву. Такой странный, на первый взгляд, маршрут можно объяснить только одной причиной: князь со своей свитой оказался непосредственно в зоне военных действий в Самарском Поволжье, где отряды Тимура перерезали все дороги, ведущие на Русь по Волге и через степь. Чтобы не попасть в плен, пришлось возвращаться окольным путем. Затруднения Тохтамыша были использованы Василием I для укрепления позиций Московского княжества. Из новой поездки в Орду в 1392 г. Василий Дмитриевич возвратился «многую честь прием от царя, яко же ни един от прежних князей» ¹⁷. Кроме торжественного приема московский князь получил от хана, всячески добивавшегося исправного поступления русских даней и лояльности Москвы в период подготовки новой войны с Тимуром, нечто более существенное — грамоты-«ярлыки» на ряд русских княжеств, в том числе Нижегородское. С присоединением Нижнего Новгорода владения Московского государства достигли Среднего Поволжья; создавался плацдарм для будущего присоединения этого региона к России.

В 1395-96 гг. Тимур разгромил Тохтамыша на Кавказе и Нижней Волге. Его отряды вновь достигли Среднего Поволжья, грабя и разоряя все на своем пути. Это привело к голоду, гибели и запустению городов, нарушению торговых путей, обусловило общий упадок хозяйства в Улусе Джучи. Ограбленные захватчиками, угоняемыми после каждого похода сотни тысяч голов крупного скота, овец, лошадей, рядовые кочевники в поисках пропитания отдавались в «покровительство», а точнее в кабалу к крупным феодалам. В связи с упадком ханской власти, дальнейшим укреплением материального и политического могущества знати центробежные силы в Золотой Орде усилились.

После ухода армий Тимура начались бесконечные усобицы между Тохтамышем (а затем его потомками), с одной стороны, и Едигеем и его сторонниками — с другой. При этом обе группировки не отличались единством: тохтамышичи не останавливались перед убийством друг друга, Едигей конфликтовал со своими же ставленниками — ханами. Насколько успешно удавалось ему расшатывать в свое время золотоордынскую государственность, настолько безнадежными оказались его попытки сколь-нибудь прочного объединения осколков Орды под своей властью. В 1419 г. могущественный и тщеславный временщик погиб, а через два года в различных частях разодранного Улуса Джучи восседали одновременно шесть ханов.

В это время на Средней Волге происходит заметное передвижение населения. Спасаясь от нападений иноземных войск, набегов кочевников, которые ослабевшая ханская власть не могла предотвратить, земледельческое население оставляет давно обжитые земли Волжской Болгарии к югу от Камы. Запустевают в этот период и северные районы Самарского края, примыкавшие к болгарскому Закамью. Здесь, на левобережье Волги, безраздельно господствовали кочевники-ногайцы. Имя ногайцев, или ногаев, закрепилось за населением улуса потомков Едигея. Ногайское государство являлось одним из крупнейших осколков Улуса Джучи. Однако экономика, основанная на экстенсивном кочевом ското-товодстве, предопределила политическую децентрализацию и аморфность Ногайской Орды. В ногайском обществе были сильны патриархально-родовые пережитки.

На более высокой ступени социально-экономического развития стояло другое государство Среднего Поволжья — Казанское ханство. Южная его граница с Ногайской Ордой очерчивалась весьма неопределенно, но подвластные Казани (хотя бы номинально) земли на левом берегу Волги доходили до Большого Черемшана, а на правом берегу до реки Сызрань, то есть, включали крайние северо-западные районы нынешней Самарской области.

Образование самостоятельного Казанского ханства относится к 1437-45 гг., когда на Средней Волге обосновался один из потомков золотоордынских ханов Улу-Мухаммед, откочевавший сюда со своим улусом после поражения в усобицах. Пришельцы из степи свергли в Казани местную княжескую династию и сделали город столицей нового ханства. Его рождение сопровождалось опасными набегам на русские земли, так, в 1445 г. сыновья Улу-Мухаммеда захватили под Суздалем великого князя московского Василия II Васильевича и взяли с него огромный выкуп. Хотя в хозяйственном и культурном отношении население Казанского ханства сохранило наследие Волжской Болгарии, во внутривполитическом устройстве и во внешней политике это государство являлось прямым потомком Золотой Орды. Многонациональное население ханства, занимавшееся пашенным земледелием и бортничеством, охотой и рыболовством, ремеслом и торговлей, было обложено большим количеством податей в пользу хана и его окружения. Огромный аппарат чиновников, скопированный с золотоордынского, грабил народ как официальными, так и самовольными поборами и вымогательствами. Однако казанской знати и этого казалось мало, за легкой добычей и наживой они устремлялись в набег на чужие, прежде всего русские земли. На Руси однозначно оценивали возникновение Казанского ханства: «И нача укреплятися вместо Золотыя Орды Казань — новая Орда, кровию русской кипя. И проиде царская слава с старыя матери ордам всем — на преокаянную дочь младую Казань... От злаго дерева ветвь презыде — Казань и горький плод изнесе»¹⁸.

В 1440-60-е гг. распад Золотой Орды завершился. В качестве самостоятельных государств, кроме названных, выделились Астраханское, Крымское и Сибирское ханства. В противовес феодальному дроблению Улуса Джучи в XIV-XV вв. происходит усиление Московского княжества, собирание им русских земель, централизация государственной власти в формирующемся едином Российском государстве. Московские князья смогли активизировать внешнюю политику по отношению к наследникам Золотой Орды и, прежде всего, к ближайшему соседу — Казанскому ханству. При этом в Москве принимали во внимание наличие среди казанской знати сторонников сближения с Россией, считавших, что доходы от эксплуатации зависимого населения ханства и от торговли с русскими землями представляют более надежный источник богатств, чем бесконечная череда военных авантур. Московские правители охотно принимали на службу и щедро раздавали жалованье казанским аристократам, по разным причинам покидавшим Казань, надеясь использовать их в дальнейшем как проводников московской политики в ханстве, то есть политики прочных мирных отношений между двумя соседями.

Начиная с 1467 г. Иван III Васильевич неоднократно пытался утвердить на казанском престоле своего ставленника. Наконец, двадцать лет спустя, 9 июля 1487 г., русские полки овладели казанской цитаделью и великий князь всея Руси «из своея руки поставил» нового хана. Казань попала под протекторат Москвы, на восточных рубежах России после долгого периода почти постоянных столкновений наступило спокойствие. Однако московско-казанский союз оказался непрочным. Крупные казанские аристократы, наживавшиеся на войне, на грабеже чужих территорий, на торговле рабами из числа пленных, не оставляли попыток испортить отношения с Москвой. В 1497 и 1499 гг. они пытались с помощью ногайских и сибирских войск организовать дворцовые перевороты в Казани, а после их неудачи втянули самого хана в антирусские акции. В 1518 г. на ханский престол был возведен находившийся на русской службе татарский царевич Шах-Али (в русских источниках Шигалей). Спустя три года произошел переворот, промосковски настроенный Шигалей был изгнан, правителем в Казань местная знать призвала родного брата крымского хана.

Как и все прочие антимосковские выступления в Казани, свержение Шигалея сопровождалось избиением и грабежом русских купцов. Узнав о погроме в городе, из ханства бежали тысячи русских рыбаков, которые летом приходили на Волгу, а осенью со своим уловом возвращались в Россию. Одно из богатейших мест лова рыбы находилось «под горами девичьими» (то есть Жигулевскими)¹⁹. Рыбакам пришлось бросить все имущество, в том числе ладьи, и уходить на Родину пешком через пустынную степь, без запасов продовольствия. Тот же долгий, изнурительный путь проделал и Шигалей со своими приближенными. Изгнанный хан не решился отправиться в Москву прямой дорогой сквозь владения своих противников из татарской знати, а предпочел более безопасную круглую дорогу через временные поселки русских рыбаков в Самарском Поволжье.

1521 год резко изменил ситуацию на Средней Волге. Пришедшая к власти в Казани крымская династия совершенно игнорировала коренные интересы поволжских народов, заключавшиеся в установлении мирных отношений и развитии экономических связей с Русским государством. Вновь возобновились ежегодные набеги на русские земли, часто согласованные с вторжениями из Крыма. Обобщенную картину этих набегов рисует русская летопись: «Воевали Казанцы в те годы по украинам государя нашего... и много христианства погубиша и грады пусты сътвориша: Новгород Нижней, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, половину Володимеря, Шую, Юрьев Вольский, Къстроуму, Заволжье, Галич со всем, Вологду, Тотьму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы и в многие лета»²⁰. Если набеги и обогащали верхушку казанских феодалов, то основная масса населения ханства страдала от постоянно увеличивавшихся поборов в пользу хана, его многочисленной приведенной из Крыма родни и свиты, от ответных ударов русских ратей по казанским владениям. Несколько раз в Казани вспыхивали восстания горожан, к которым примыкали феодальные группировки, оппозиционные крымской династии (1531, 1545-46, 1549, 1551). Московское правительство пыталось использовать эти выступления для возвращения на ханский престол Шигалея, но тому не удавалось удержаться у власти на достаточно долгий срок.

Наличие промосковских настроений среди части казанской знати было обусловлено реальными потребностями сближения народов Поволжья и России, содержало здоровое зерно мирного их объединения, но долгое время эти настроения не приносили плодов. Агрессивная политика казанских правителей, фактическое прекращение торговли по Волжскому пути, угроза собирания остатков Золотой Орды под эгидой турецкого султана (Крым и Казань признали вассальную зависимость от Османской империи) потребовали незамедлительно включить Поволжье в состав Российского государства вооруженным

путем. Несмотря на явный перевес сил Москвы в начавшейся с середины 40-х гг. XVI в. новой большой войне, казанские феодалы раз за разом отвергали компромиссные варианты урегулирования, заключающиеся в передаче престола дружественному России хану или в провозглашении ханом самого царя Ивана IV. Закономерным итогом авантюристской политики правителей ханства стала его полная ликвидация после похода русских войск и «казанского взятия» 2 октября 1552 г.

Падение Казани предопределило исход борьбы за Волгу. Под впечатлением этого события и вопреки грубому военному и дипломатическому нажиму Крыма и Турции Ногайская Орда признала зависимость от России. С помощью ногаев в августе 1556 г. к Русскому государству была присоединена Астрахань. Таким образом, все Поволжье вошло в состав многонациональной Российской державы.

Историческое значение присоединения Поволжья к России трудно переоценить. Прекратились непрерывные войны, разрушавшие хозяйство, экономику русского и поволжских народов, мешавшие торговле по великому Волжскому пути. Утихли кровавые усобицы татарских ханов и князей разных орд и улусов. Обороняя свои новые границы, Россия положила конец набегам степных кочевников на земледельческие районы Среднего Поволжья. Постепенно были созданы условия для хозяйственного освоения новых территорий в этом регионе, для продвижения на свободные земли русских переселенцев, которые принесли с собой более совершенные приемы земледелия и ремесла, в свою очередь обогащаясь производственным и культурным опытом коренного населения Поволжья.

ОТ КАЗАНСКОГО ПОХОДА ДО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ХОЗЯЕВА КОЧЕВОЙ СТЕПИ

На протяжении столетий подлинными хозяевами Самарского Заволжья были кочевники. Во второй половине XVI — первой половине XVII вв. севернее рек Самары и Кинеля находились окраинные кочевья и охотничьи угодья башкир, южнее — ногаев. Для этих народов земли Самарского края были дальними летними пастбищами.

В «Книге Большому Чертежу», первом систематическом описании России конца XVI столетия, говорилось, что «...от верху реки Бузувлуга на полях и до синего моря [Каспийского] кочевья все Больших нагаев»¹. Ногайское государство, являвшееся одним из осколков Золотой Орды, возникло в конце XIV—начале XV вв., а окончательно сформировалось в 40-х гг. XVI века. Его территория раскинулась на огромном пространстве от Аральского моря на востоке до Волги на западе и от Каспийского моря на юге до лесов Башкирии на севере. «Ногаи» — не самоназвание народов, населявших это государственное образование. Они получили его от своих соседей по Орде. Сами ногаи именовали себя мангытами, а государство свое Мангытским улусом. Однако слияния всех этнических групп — кочевых орд в единую народность так и не произошло. Образовался лишь весьма непрочный союз из 18 различных тюркских и монгольских племен — мангытов, найманов, кипчаков, киятов. Английский путешественник Дженкинсон, посетивший Ногайскую орду в 1577 г., писал: «Они распределялись на отдельные группы, называемые ордами. Каждая орда имеет своего правителя, называющегося мурзой, которому они повиновались, как своему королю. Каждый мурза, или король, имел около себя орду, как своих подданных, с их женами, детьми и скотом»².

Громадное по территории, весьма значительное по населению, — орда могла выставить до 200 тысяч воинов, а всего мужчин насчитывалось не менее 350 тысяч человек, — это государственное образование являлось аморфным, раздробленным, отсталым. Крайне примитивно был организован государственный аппарат управления. Во главе государства находился князь, ему помогали избираемые на съезде всех мурз высшие правительственные чиновники — нурадин (обычно родной брат князя), кековат, тайбуга. В случае смерти князя его преемником на престоле становился нурадин. У правительства Орды практически не было постоянной резиденции. Единственный город Сарайчик представлял собой пустынное, незастроенное место, где находились только тюрьма и кладбище. Избранные на высшие должности мурзы считали себя равными своему князю, самостоятельными государями.

Все важнейшие вопросы решались на съезде мурз, предводителей отдельных орд. Последние, признавая князя «старшим братом», клялись слушаться «дядено слово», по существу же на территории кочевий, в своих ордах, проявляли неограниченную власть.

Недаром ногайские князья и нурадины так часто жаловались Москве на своеволие своих мурз. Например, Измаил, ставший князем в 1555 г., из года в год просил Ивана IV поставить городки-крепости у волжских переправ для того, чтобы непокорные мурзы не могли уходить за Волгу, принимая подданство Крымского ханства.

История государства ногаев после окончательной консолидации оказалась недолгой и небогатой на события. Традиционно связанная с Казанью и Астраханью ногайская знать не могла остаться равнодушной к крушению своих давних союзников, в ее среде произошел раскол. Часть мурз, кочевавшая в заволжских степях и возглавляемая нурадином Измаилом, решила покориться Москве. Мнение этой промосковски настроенной знати наиболее четко выразил один из ногайских князей, писавший позже турецкому султану: «Чтобы турецкий султан на Уруса князя и на всех мурз не пенял, что учинились в воле государя московского, чья будет Астрахань, Яик и Волга, того будет и вся Ногайская Орда»³. Князь Юсуф, более связанный с Бухарой, и мурзы, кочевавшие за Яиком, решили активно противостоять русской экспансии. Два родных брата избрали путь открытой конфронтации, опасно расшатывающей и без того непрочное государственное образование, но в 1555 году Юсуф внезапно умер и ногайским князем стал Измаил. Перелом в отношениях между Ордой и Россией наступил спустя три года, когда ногаи окончательно признали свое подданство; изменилась и формула обращения в грамотах Измаила к Ивану Грозному: ранее русский царь именовался «братом», хотя и старшим, после 1558 г. появился новый титул — «государь».

И все же Измаилу не удалось сохранить в единстве свои обширные владения. Страшный голод 50-х гг. привел многие кочевья в запустение, а мурзы с приближенными бежали куда глаза глядят из высохшей степи. На месте одного государства возникло сразу три: Алтыулский улус, кочевавший за Яиком у берегов Аральского моря; Казыев улус, или государство Малых ногаев, обосновавшийся в Прикубанье, и Большая Ногайская орда, занявшая степи между Волгой и Яиком.

Тин-Ахмет, сын Измаила, княживший после смерти отца с 1563 по 1578 гг., прежде всего был озабочен тем, чтобы хоть в какой-то мере восстановить былое могущество теперь уже Большой Ногайской орды. Он избегал конфликтов с могучим западным соседом и остерегался от этого своих мурз.

Более независимую политику по отношению к Москве проводил преемник Тин-Ахмета, его брат Урус. Ко времени его вокняжения Орда оправилась от тяжелых испытаний, численность населения начала увеличиваться. Вдобавок к Урусу поступали сведения о сложной ситуации, в которую попали русские войска в Ливонии и на западных границах. Потому-то ногайский князь так гордо вел себя встречаясь с русскими послами. В 1578 г. на приеме московского посольства Урус без лишней дипломатии заявил: «Государь твой на Москве, а яз государь в ногаях, на свои земель»⁴. В 1580 г. Урус собрал подданных мурз и открыто обсуждал вопрос о нападении все ордой на окраинные земли Московского государства.

Однако мурзы заняли гораздо более реалистичную позицию. По словам русских послов, «ногайские мурзы его с лошадей ссадили, говоря между собой: «Только дай государям воевати, в их земли будет во всем убыток»⁵. Единого похода на запад так и не состоялось, хотя отдельные мурзы изредка предпринимали стремительные набеги на «Алатырские и Темниковские окраины» или ходили на южнорусские и украинские земли вместе с крымскими ханами. Все попытки Крыма организовать единый с ногаями поход на Москву, чтобы сокрушить Россию, восстановить ее зависимость от кочевников, не встретили одобрения у местной ногайской знати. Влияние Москвы еще более упрочилось в конце XVI в. По сообщениям московских послов, ногайские князья и мурзы были «...во всей государеве воле, служили государю и на службу дети своих и братьев посылали, куда государь велит посылати»⁶.

Ногайская государственность в заволжских степях рухнула в первой половине XVII в., когда в междуречье Волги и Яика пришли с востока, из Монголии, новые кочевые орды, на сей раз калмыков. В поэтапных сражениях они наголову разбили ногаев, часть из которых бежала за Волгу в Причерноморье, а остатки подчинились новым завоевателям. С этого времени ногаи Большой Ногайской орды практически перестают упоминаться в русских источниках.

На всем протяжении своего формирования ногайское общество находилось на довольно примитивной стадии развития. Оно не вышло за рамки раннего феодализма, причем в общественном устройстве наблюдались значительные пережитки родоплеменного строя. Подавляющее большинство ногаев принадлежало к категории «черных людей» (кара халик), которые представляли собой нечто вроде полусвободного феодального крестьянина. Они во всем подчинялись «лутчим людям», должны были нести две основные повинности — натуральную и служебную. Какаш и Тектандер так описывали эти повинности черных людей: «поочередно снабжают своих мурз или князей всем необходимым, доставляют им все изобилия продуктами скотоводства»⁷. Определенной монолитности, единству внутри отдельных орд способствовала неразвитая общественная дифференциация. Более низкая категория населения «кул», нечто вроде крепостных или полупатриархальных рабов, была сравнительно невелика и не оказывала какого-либо серьезного влияния на хозяйственную и общественную жизнь.

Основу хозяйства ногаев составляло кочевое скотоводство, а основным видом собственности являлись скот и кочевья. Обширная степь была поделена между ногайскими ордами и их властителями мурзами на строго ограниченные участки площадью в десятки тысяч квадратных километров. Суровое время года орды проводили в низовьях Волги, в прикаспийских степях, а «летовать» поднимались на север к Самаре, Кинелю, Большому Иргизу. Например, в непосредственной близости от будущего Самарского города «на реке Самаре, Кениле и на Кенильчеке» в середине 50-х гг. XVI в. находились кочевья ногайского мурзы Белик-Булата. По-видимому, русских послов трудно было удивить ногайскими обычаями. А вот западноевропейцев они настолько поразили, что те оставили многочисленные описания. Тот же Дженкинсон писал: «У ногаев нет ни городов, ни домов, живут они в открытых степях, когда скот съест всю траву, они перекочуют в другое место. Это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющего все его богатство. Они едят много мяса, главным образом конину, пьют кумыс»⁸. И действительно, из всех народов, входивших в Золотую Орду, ногаи более других оставались верны завету Чингисхана «везде кочевать, никогда не сделаться оседлыми». На вопрос путешественников, почему у них нет городов, ногаи отвечали: «Башню строит тот, кто труслив».

Основным мерилем богатства ногаев являлся скот — лошади, овцы, верблюды. Еще один внимательный наблюдатель Жан-де-Люк писал: «Скота у них было много. Когда я был у них, меня повел в дом один мурза, у него я спросил, и из ответа оказалось, что у него более 40000 голов скота»⁹. Скотоводство выступало также поставщиком продукции, полуфабрикатов для всех остальных отраслей, вплоть до ремесла. Ногаи не занимались земледелием, не сеяли и не жали, многие из «черных людей» никогда не пробовали вкус хлеба, а на далеких окраинах орды даже не слышали о нем. Скотоводство давало кожу и шерсть для одежды и обуви, шкуры и войлок для домов, предметов домашнего обихода и вообще служило главным предметом торговли и обмена.

Ежегодно на Русь из ногайской степи направлялись громадные табуны скота — лошадей и овец в десятки тысяч голов. Частично табуны распродавались на торгах у пограничных городков, Астрахани и Казани, но в основном отправлялись в Москву, на специальное торговое место для ногайского скота. Торговля с русскими оказалась для ногаев жизненно необходимой. Желая наказать ногайских мурз за очередной набег,

московское правительство запрещало торг с ними в пограничных городках - Самаре, Царицыне, Саратове. Тогда ответные ногайские посольства везли в Москву слезные просьбы и жалобы на оскудение, на местных воевод, запрещавших торговать, и т.д.

Если со стороны орды основным предметом продажи был скот, то из России торговали и привозили в «подарки» сукно, панцири, олово, ртуть, шафран, «платья всякие», холсты, «крашеные», пищали, пушки и «всякого железного медного товара». Кочевники предпочитали в основном натуральный обмен, деньги не имели широкого хождения, а золото и серебро использовались обычно для украшений. Велико было значение «подарков», причем, как правило, с одной стороны, из России. Потому-то ногаи требовали ежегодных посольств из Москвы, да не только к князю или нурадину, но и персонально к каждому мурзе. Поток «подарков» можно сопоставить с определенными откупными платежами — за послушание, за посылки воинских людей на государеву службу и т.д. Россия, ведя изнурительную войну на западе, особенно нуждалась в использовании ногайской конницы. Несмотря на раскол единого государства, даже одна Большая Ногайская орда могла выставить в конце 1570-80-х гг. до ста тысяч конных воинов.

Любопытно снаряжение ногаев, собиравшихся в поход. По приговору князя и мурз «лучшим людям имати на голову по три верблюды, а иным по два, а худым лудем имати всякой человек по три овцы старых, да крупу на всякую человеку, как мочно человеку подняти»¹⁰.

За всю вторую половину XVI в. неизвестно случая, когда бы орда выставляла разом всю огромную массу своих вооруженных сил. Даже во время известного сражения 1586 г. под стенами Кош-Яицкого городка Урус смог привести с собой лишь нескольких мурз с их воинскими людьми. На запад же, на русскую службу, обычно каждую весну отправлялись сравнительно небольшие отряды из отдельных орд, составлявшие малую часть боеспособного населения. Одним из мест на Волге, где эти отряды переправлялись на западную правобережную сторону, являлись «перелазы» Овечьего брода у Соснового острова, неподалеку от современного Хвалынска. Воеводы новопостроенных волжских городков были в курсе всех таких посылок и давали своих сопровождающих для ногайских отрядов, посольств, торговых караванов.

Плохо ли хорошо, но правители Орды пытались соблюдать условия своего подданства России. До середины 1580-х гг. основным средством для усмирения и «устрашения» непокорных мурз у Москвы были вольные волжские казаки. О волжском казачестве, специфике его «государевой службы», способах «давления» на кочевников будет рассказано ниже. Здесь же выделим главное — волжская вольница вполне справлялась со своими обязанностями. Крайне редко регулярные русские войска предпринимали походы против ногаев.

И все же московское правительство старалось поддерживать мирные, добрососедские отношения с ногайскими феодалами, с помощью подарков и льгот использовать их вооруженные силы на своей стороне. Москва выступала как бы посредником между казаками и ногаями, лицемерно заявляя, что она прежде всего стремится оградить ногайские кочевья от казачьих набегов. С этой же целью, заверяли русские послы Орду, в 1586 г. были построены на реках Волге и Белой крепости Самара и Уфа. Прошло то время, когда Измаил сам просил строить городки на волжских берегах. По мнению же Уруса, сторожевые укрепления ставились прежде всего с целью отнять у ногаев Волгу и Самару. Ногайский князь в гневе грозился сжечь городки, но далее угрозы дело, к счастью, не пошло; позже ногаи не раз пытались опереться на воевод новопостроенных крепостей в своей затяжной борьбе с казачьими станицами. Строительство крепостей на Волге, казачьего Кош-Яицкого городка на Яике и сокрушительное поражение ногайских отрядов под стенами казачьей крепости окончательно поставило Орду в зависимость от России, подорвав последние остатки сепаратизма...

Ногайские летние пастбища, как правило, не заходили выше рек Самары и Кинеля, поскольку севернее раскинулись кочевья и охотничьи угодья другого тюркоязычного народа — башкир. Основная область расселения башкир находилась северо-восточнее, на лесных и лесостепных пространствах собственно Башкирии. Пределы же Самарского края башкирское население использовало как свои пастбища, охотничьи угодья, места «бобровых гонов»; территории, природные богатства которых эксплуатировались «наездом», время от времени. Постоянных поселений башкир на территории края во второй половине XVI-XVII вв. не существовало.

Башкиры, в отличие от ногаев, не смогли создать своей государственности. Имея сравнительно небольшую численность — в конце XVII в. все мужское население у башкир составляло 25-30 тыс. человек — они к моменту присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России пребывали в вассальной зависимости от Ногайской орды. Поэтому переход в подданство Москвы полупатриархально-полуфеодальной знатью Башкирии рассматривался как освобождение от подчинения ногаям.

Согласно преданиям, после присоединения Казани в башкирские селения приехали царские послы с жалованной грамотой Ивана IV. В грамоте говорилось: «...пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи»¹¹. Видимо, миролюбивая «агитация» послов и возможность найти более сильного покровителя сделали свое дело. Весной 1557 г. воевода П.И.Шуйский сообщал, что к нему в Казань «башкирцы пришли, добив челом и ясак полатили»¹².

Как и в отношениях с ногаями, русская администрация поначалу вела себя с башкирами крайне осторожно. Гарантировалась собственность башкир на их земли и кочевья, внутреннее самоуправление, защита от более сильных соперников, «свобода» вероисповедания. Башкиры, в свою очередь, использовались для борьбы с другими кочевыми ордами, их отряды постоянно уходили на царскую службу.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Распад Золотой Орды, запустение былых кочевий создали на обширном лесостепном пространстве межграницья между Московским государством и отдельными ханствами (Крымским, Казанским, Астраханским, Ногайской ордой) широкую, в сотни километров, полосу ничейной земли, на которую не простиралась власть ни московских воевод и приказных людей, ни многочисленных татарских ханов и их мурз. В этих относительно безопасных районах скапливались «беспокойные» люди, уходившие от феодального гнета, излишней государственной регламентации.

Казачество не было порождением чисто русского (или украинского) общественного быта. Только значительно позднее, не ранее середины XVII в., классические казачьи сообщества становятся заметным явлением русской и украинской жизни, с особо выраженными специфическими чертами. А в первой половине—середине XVI в. о казаках Дикого Поля едва ли можно было сказать точнее, чем московские власти, отвечавшие на упреки ханов Ногайской орды: «...на поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы, и иные баловни казаков, а и наших украин казаки, с ними, смешавшись, ходят»¹³. Поначалу значительную часть, если не большинство, этих вольных людей составляли отколовшиеся от своих орд крымцы, ногаи, казанцы... Сами термины «казак», «есаул», «атаман» тюркские по происхождению.

Значительно позже, с середины XVI в., поток беглых с севера, «из Руси», начал преобладать и вскоре подавляющее большинство казаков оказалось выходцами из России и Украины. Соответственно и казачьи станицы стали «прижиматься» ближе к пограничным русским землям, прятаться на речных островах, лесистых мысах, в относительно труднодоступных местах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием беглые не могли — засеянное поле, постоянное жилье находились под непрерывной угрозой нападения кочевников. Поэтому приходилось ловить рыбу, охотиться, а зачастую заниматься набегами, грабить своих кочевых соседей, торговые караваны. Суровая, полная лишений и опасностей жизнь способствовала воспитанию свободолюбия, высоких воинских качеств. Казачьи сообщества оказались настолько невосприимчивы к «нормальному» огулаварствленному строю жизни, настолько солидарными и упорными в защите своих порядков, что смогли уцелеть до начала нашего века.

Как правило, в дореволюционной отечественной литературе казак XVI-XVII вв. рисовался совершенно анархической фигурой, чьей всепоглощающей потребностью было стремление к разгулу, грабежу и насилию¹⁴. Появление вольного казака на государевой земле обязательно приводило к беспорядкам. Примером этого, по мнению историков XVIII-XIX вв., явились Смутное время, Разинщина и Пугачевщина. Вряд ли это мнение полностью соответствует исторической действительности. В силу своего положения и образа жизни казачество гораздо острее чувствовало любое социальное насилие и как могло сопротивлялось ему. Вольные казаки всеми силами защищали свою независимость и внутреннее самоуправление, но практически во все времена не могли жить без сотрудничества с представителями правительственной администрации, без присылок из Москвы «хлеба, свинца, зелья». Русская казачья вольница, пусть и завуалированно, едва ли не со времени своего возникновения находилась на царской службе, хотя это была служба вольная¹⁵. Хотел — служил, хотел — воевал, не желал — уходил к себе домой на тихий Дон или вольный Яик.

Уже в XVII в. казачество резко разделилось на две группы. Первая — вольные казаки, вторая — служилые, ставшие одной из традиционных групп служилого военного населения «по прибору». По свидетельству француза Жака Маржерета, число служилых казаков по всей стране составляло от пяти до шести тысяч человек, в то время как «настоящих» на Волге, Дону и Днепре насчитывалось никак не менее восьми-десяти тысяч¹⁶.

Современные представления об облике типичного вольного казака во многом не соответствуют реалиям второй половины XVI—первой половины XVII вв. Казачество того времени крайне редко садилось на коня. Состязаться в конном строю с хозяевами степей кочевниками, с детства привыкшими к управлению лошастью, не имело никакого смысла. В первой же открытой стычке казаки потерпели бы сокрушительное поражение. Основным средством передвижения считались струги, челны, чайки, а все основные пути сообщения пролегали по рекам. Именно Дон, Днепр, Волга, Яик приютили на своих берегах казачьи ватаги.

Исследователи считают, что во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Дону и Яике только-только начали формироваться, такого обособления как в более поздние времена на донское, волжское, яицкое казачество не существовало¹⁷. Соединенные целой сетью волоков-переволок, как их тогда называли, эти три речные системы в пределах степи и лесостепи оказались колыбелью для возникновения единой казачьей области, единого сообщества. До конца XVI в. московские приказные люди постоянно путались в терминологии, чаще всего употребляя такие названия для казаков, как волжские и донские. Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновениями и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и

нижнем течении городки-крепости Самару, Царицын и Саратов, эта цельная казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно, на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование. Но еще долго казачьи станицы «ходили» друг к другу в гости, а Волга оставалась всеобщим излюбленным местом для поиска добычи. Порой сюда даже забредали отряды черкас — украинских казаков.

Территория Самарского Поволжья во второй половине XVI в. являлась одним из центров складывания русского казачества. Этому способствовали помимо политических и экономических причин природные условия — Самарская Лука с ее глухими лесами и горами, укромные пойменные острова, волжский торговый путь. Чрезвычайно важным условием явилось наличие двух речных систем — Самары и Большого Иргиза, по которым через волоки можно было легко добраться с Волги на Яик и обратно. В одном из документов того времени так описывается дорога с Яика на Волгу: «...с Еика на Иргизские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левые стороны»¹⁸. Наблюдательный исследователь А.Мякутин писал в начале XX века, что на территории нашего края как бы замыкаются два громадных водных кольца, позволявших казакам легко уходить от погони и внезапно появляться для новых набегов¹⁹. Одно из этих колец — вокруг Самарской Луки, где в районе современного села Переволоки можно было без особых усилий перебраться из Волги в реку Усу, через нее в Волгу у северной оконечности кольца, и наоборот. Недаром письменная и устная традиция напрямую связывала Переволоку и устье Усы с постоянными действиями казачьих отрядов. Второе кольцо соединяло в единую водную систему среднее — через реки Большой Иргиз и Самару — и нижнее — через Каспийское море — течение Яика и Волги. И наконец то, чего не заметил Мякутин: притоки Большой Иргиз и Самара соединялись с волжской и яицкой акваториями еще в одну замкнутую систему.

До середины 80-х гг. на территории Самарского края не было ни крепостей-городков, ни постоянных гарнизонов. «Летование» же правительственных войск в устьях Самары, Большого Иргиза, «плавные рати» и редкие карательные экспедиции не могли полностью обезопасить волжский путь от нападений вольницы. На излюбленные места стоянок казачьих отрядов в устьях Большого Иргиза и Самары указывают прежде всего жалобы ногайских ханов и нурадинов в Москву. В делах Посольского приказа в связи с действиями казаков постоянно упоминается переправа через Волгу под названием Овечий брод «в тихих водах у соснового острова» (рядом с современным Хвалынском); в летописях, записках путешественников, народном фольклоре фигурирует Самарская Лука²⁰. И наконец, учитывая топонимику, можно с высокой долей вероятности определить места стоянок виднейших атаманов волжских казаков — Барбашину поляну, Ермакову поляну.

Одно из первых упоминаний о появлении казачьих отрядов на территории Самарского края относится к 1551 г., когда руководитель русского посольства сообщал в Астрахань, что на его караван «против Иргизского устья, в стругах пришел князь[?] Василий Мещерский да казак Личюга Хромой, путивлец»²¹. По всей видимости, интенсивность действий казачества на Средней Волге шла по нарастающей и достигла своего пика во второй половине 70-х—начале 80-х гг. XVI в. Уход многих виднейших волжских атаманов вместе с Ермаком Тимофеевичем в Сибирь, чему в немалой степени способствовала активизация карательных экспедиций, на некоторое время сделал волжский путь более безопасным. С 1584-85 гг. казачьи ватаги все чаще и чаще вновь начали появляться на волжской акватории, но строительство Самары, Царицына и Саратова окончательно лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Со Средней Волги казачьи ватаги в основном перешли на Яик, с Нижней на Дон, где и происходило дальнейшее складывание яицкого и донского казачества.

Следует отметить две особенности пребывания казаков на Волге. Во-первых, казачество практически не пыталось основать на волжских берегах постоянные поселки и городки. Атаманы сознавали, что Москва не позволит им установить столь действенный контроль над волжским путем, какого они смогли добиться на Дону и Яике. Недаром в среде казачества того времени родилась присказка «На Волге быть - ворами слыть». Даже в годы наивысшего разгула казачьей вольницы на волжских просторах свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга же была прежде всего летней кратковременной стоянкой, местом для государевой службы, удалых предприятий, а то и разбоев. И во-вторых. Строительство крепостей во второй половине 80-х—начале 90-х гг. XVI в. не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию. Недаром шертные грамоты ногаев в конце XVI—начале XVII вв. постоянно напоминают Москве о необходимости предотвращения казачьих разбоев на волжских берегах. В записках Адама Олеария и даже Я.Стрейса (1630-60-е гг.) постоянно сквозит тревога — как бы не напали казаки, то и дело описываются места, где очевидцы наблюдали наибольшее скопление казачьих отрядов — устье Усы, Казачьи горы, район будущей Сызрани и т.д. ²²

Пик казачьей активности на Средней Волге в конце 70-х—начале 80-х гг. XVI в. связан с именами таких талантливых предводителей, как Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Матвей Мещеряк, Никита Пан, Савва Болдыря (или Болдырь), Митя Бритоусов, Иван Юрьев. Московские послы, оправдываясь перед князем Ногайской орды за разбой этих атаманов, так писали о них: «... беглые казаки, которые, бегая от нас, живут на Тереке и на море на Яике, и на Волге, казаки донские пришед с Дону» ²³. Как бы то ни было, но во всех известных источниках того времени эти имена постоянно связывались с Самарским Поволжьем, Яиком и приицкой степью. Вряд ли возможно восстановить родословную первых героев вольницы. В отличие от крупнейших деятелей казачества XVII-XVIII вв., Иван Кольцо, Богдан Барбоша и их окружение вышли из русских и литовских земель, татарских кочевых орд: с них, собственно, и начинался казачий род. Никого, кроме самых близких сотоварищей, не интересовало прошлое атаманов, более того — у многих были все основания скрывать его. Судя по прозвищам-кличкам, Никита Пан вышел из земель, принадлежавших Польше или Литве, Матвей Мещеряк был родом из мещерских мест, Савва и Ортюха Болдыри родились от смешанного русско-татарского брака, Нечай Шацкой появился из-под Шацка.

Среди волжско-яицких атаманов признанными лидерами были Иван Кольцо и Богдан Барбоша. По-разному сложилась судьба этих людей. Иван Кольцо навечно вошел в русскую историю как ближайший сподвижник Ермака Тимофеевича, одно из главных действующих лиц «Сибирского взятия». Имя Богдана Барбоши оказалось фактически забытым. В сибирском походе прославился Никита Пан и, особенно, Матвей Мещеряк. Последний, вернувшись на Волгу и Яик, вместе с Барбошей руководил решающим разгромом ногайских отрядов в яицкой степи (1586). По-разному погибали атаманы. Митя Бритоусов, Иван Юрьев, Матвей Мещеряк сложили буйные головы на царской плахе. В Сибири от татарской стрелы и сабли погибли Иван Кольцо, Никита Пан...

Долгое время ни ногаи, ни русские приказные люди не пытались локализовать действия казаков, связать их с конкретными лицами; первостепенное внимание уделяли событиям на Нижней Волге. Обычно в царских грамотах 50-х—начала 70-х гг. XVI в. звучали фразы типа: «А которые казаки на Волге гостей ваших грабили, били и мы тех казаков пред вашими послы велели казнить. А которые впредь учнут на Волге стояти и послом и гостем лихо делати и мы тех также велели казнить...» ²⁴ И все же в ногайских посланиях то и дело встречается фраза о том, что казаки отняли у них Волгу, Яик и Самару» ²⁰. Вряд ли кто мог отнять у кочевников реку Самару кроме казачьих ватаг, постоянно прочесывавших Самаро-Яицком регион.

Первые упоминания о крупномасштабных действиях «нашего» казачества в заволжских степях относятся к 1577-78 гг., когда казачьи станицы под руководством Мити Бритоусова, Ивана Юрьева, Ивана Кольцо и Богдана Барбоши разгромили столицу Большой Ногайской орды Сарайчик²⁶. Поход этот, как и многие другие предприятия вольницы, вышел за пределы той роли, которую обязывала играть ее Москва, нанес большой ущерб русско-ногайским отношениям и поэтому русским дипломатам пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы загладить инцидент. Ногаев заверили в том, что на Волгу пошлют карательные отряды, а руководителей нападения казнят. В трудные годы Ливонской войны правительство делало все возможное, чтобы избежать обострения отношений с таким сильным юго-восточным соседом, каким являлась Большая Ногайская орда, тем более что ее отряды принимали участие в боевых действиях на стороне русских войск.

Волжско-яицкие казаки, по мнению центральных властей, в оплату за боевые припасы, снаряжение и продовольствие должны были беречь перевозки на Волге, служить проводниками и разведчиками, не допускать кочевников на русские окраины. Обычными для взаимоотношений центра и казачества были грамоты, в которых предписывалось последним перевозить через Волгу ногайских послов, гонцов и даже воинских людей²⁷. Казачество в глазах Москвы являлось беспокойной, трудно, но все же управляемой силой, которая могла надежно сдерживать агрессивные намерения кочевников. Однако Барбоша и его друзья то и дело выходили за отведенные им рамки поведения, считали себя полностью самостоятельными, свободными людьми. В Посольском приказе дипломаты постоянно делили казаков на «прямых» — послушных и «пришлых» — чинивших разбои. Но так уж получалось для ногаев, что даже «прямые» казаки не так, так эдак выходили из-под московского контроля.

Излюбленным занятием казачьих отрядов были нападения на ногайские улусы для отгона лошадей. Например, один из ногайских мурз Умагмет-мурза жаловался летом 1581 г.: «...наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих. А летось отогнали с Волги тысячу лошадей»²⁸. Судя по сохранившимся документам, особенно урожайным на столкновения с ногаями стал именно этот год. Весной в Москве узнали, что некоторые из ногайских мурз решили принять участие в крымском набеге на окраины Российского государства. В ответ 5 мая русское правительство приговорило послать грамоты к казакам на Волгу с указанием не давать перевозов ногаям, идущим с русским полоном, и нападать на их отряды. Однако «ходить» войной на улусы было категорически запрещено. Создается впечатление, что вслед за указом московские власти предприняли тайные шаги и неофициально разрешили волжским атаманам вести активные действия в степи. В грамоте князю Урусу от 26 мая 1581 г. говорилось, что стоит только царю приказать — и казаки начнут громить ногайские улусы. Особенно любопытна одна из фраз грамоты, сообщавшая князю, что «...нам уже нынче казаков своих унять не мочно»²⁹. Казачество восприняло боярский приговор и секретные «инструкции» к нему как разрешение полной свободы действий. Последовали нападения на улусы. Ногайский князь в августе 1581 г. жаловался Москве, что все мурзы со своими кочевьями отошли далеко на восток от Волги, за Яик, «...оттого, что у Волги боятца жити от волских казаков войны»³⁰. Волжские перевозчики и в это лето исправно выполняли свои обязанности у «Соснового острова», но при этом увлекались грабежами перевозимых.

Одним из самых нашумевших дел, вызвавших длительный обмен посланиями между Москвой и Сарайчиком, оказалось знаменитое ограбление на переправе в начале августа 1581 г. русского и ногайского посольств, а также бывших с ними ногайских и среднеазиатских купцов. Один из очевидцев и невольных участников этого события руководитель русского посольства В.Лобанов-Пелепелицын оставил следующее описание случившегося: караван пришел «...под Сосновый остров на Волгу, на перевоз, и на

перевозех и на Волге казаки Иван Кольцов, да Богдан Барбоша, да Никита Пан, да Савва Болдыря с товарищи почали нагайских послов и тезиков перевозить по прежнему обычаю...» Богдан Барбоша и Иван Кольцо объявили русскому послу: «наперед перевезут татарскую рухлядь и татар половину». Считая, что их просят добром, русские и ногайские послы согласились. После того, как силы ногайского эскорта (до 300 человек) были разделены, на него с обеих сторон Волги из засад напали казаки. Ударившихся в панику ногаев преследовали на протяжении нескольких десятков верст. На просьбы Пелепелицына пощадить ногайских послов и среднеазиатских купцов-тезиков, казаки отвечали: «...Урусов посол жив», а до остальных и дела нет.

Это побоище случилось в августе, а несколько дней спустя атаманы подстерегли на том же «перелазе» ногайский отряд в 600 всадников, возвращавшийся с богатой добычей из-под Темникова и Алатыря. Надеясь заслужить прощение за предыдущую выходку, казаки отправили пленных в Москву. Однако центральные власти распорядились иначе. Пленных ногаев отпустили в Орду, а сопровождавших их казаков, в том числе известного волжского атамана Ивана Юрьева и не менее известного Митю Бритоусова, повесили перед ногайскими послами. Остальных руководителей нападения на «перелазе» — Барбошу и Кольцо — велели сыскать и казнить³¹.

Но и после подобных чрезвычайных случаев московские власти не переставали проводить дифференцированную политику по отношению к волжским казакам. Отправленному в Орду послу Павлову наказали найти среди вольницы казаков «прямых» Москве и нанять их для охраны посольства. Из отрядов же Барбоши и Кольца было велено вешать мятежников, а пожитки их отдавать казакам, которые «прямят»³². По-видимому, в этот год на Волгу были посланы карательные отряды.

После шумных событий на волжских перелазях пути предводителей волжской вольницы разошлись. Иван Кольцо, Никита Пан, Савва Болдыря и с ними около 500 человек (в документах чаще всего упоминается цифра 540) ушли вверх по Волге и Каме к Строгановым, где под предводительством Ермака Тимофеевича составили костяк «сибирской дружины». Барбоша решил переждать опалу в зимовьях на Яике. Известия о действиях казачества на Средней Волге на некоторое время пропадают из документов или встречаются лишь эпизодически.

Возникает вопрос, а был ли сам Ермак Тимофеевич участником волжских предприятий и одним из атаманов волжско-яицкой вольницы? Версий о его происхождении, начальном периоде жизни предостаточно. Среди волжских атаманов конца 70 — начала 80-х гг. XVI в. имя Ермака упоминается несколько раз. Самарские краеведы считают, что село Ермаково (Ермакова поляна) на Самарской Луке получило свое название от старинной стоянки на этом месте отряда Ермака. Думается все же, что Ермак Тимофеевич если и бывал на территории нашего края, то лишь эпизодически. В противном случае известия о столь заметной фигуре среди местного казачества наверняка отодвинули бы на второй план Кольцо, Барбошу и их сотоварищей. В заволжских степях действовал его тезка атаман Ермак Петров, сподвижник Кольца и Барбоши. Он не ушел в Сибирь, остался на Яике. Последние упоминания о действиях станицы Ермака Петрова относятся к 1586-87 гг.³³ Сам же Ермак Тимофеевич в 1581 г. принимал участие в качестве «атамана казацкого» в Ливонской войне³⁴.

Временное затишье в заволжской степи было нарушено в 1584-85 гг. Вновь ногаи начали то и дело жаловаться на разгулы казачьих отрядов. В конце лета 1585 г. в Среднем Поволжье появился последний «великий атаман» Сибири Матвей Мещеряк. Остановившись после долгого перехода в Самарском урочище, около 600 казаков во главе с Матвеем долго решали, что им делать дальше³⁵. А вскоре после этого ногаи сообщили в Москву, что Мещеряк отогнал у них табун в пятьсот лошадей.

И все же былая свобода, вольная жизнь на волжских берегах доживала последние дни. После начала строительства Самары Барбоша и объединившийся с ним Мещеряк поняли: на Волгу теперь можно приходить только украдкой, воровски. В поисках новой постоянной базы они обратили внимание на удобное место на Яике, рядом с устьем реки Илек. Здесь, на острове Кош-Яик, около 700 человек в течение летних месяцев построили земляные и деревянные укрепления, дома и землянки, конюшни для лошадей. Это не напоминало прежние временные зимовья. «Городок крепок, — сообщали сами казаки, — взяти им [ногаям] города нельзя». Крепость ставилась в глубине вражеской территории, практически без тыла. Оборонявшиеся знали, что иного выхода, кроме верной гибели в случае сдачи городка, у них нет.

Как в Сибири хан Кучум, и сменивший его Карача, так и в ногайской степи князь Урус всеми силами обрушился на ненавистных пришельцев. Первые нападения на Кош-Яицкий городок случились уже летом, а в начале осени к крепости подступил со многими мурзами сам Урус. К этому сражению ногаи подготовились как никогда. Они привезли с собой много дерева и приступили «к городку с приметом, а хотели, приметав лес, да городок зажечь: тут же де было нагай двести человек с рушницами...». Длительная осада притупила бдительность кочевников и казаки во время внезапной вылазки смогли разгромить отряд с огнестрельным оружием, захватив все «рушницы». Воодушевленные этой победой казаки бросились на основные силы ногаев и обратили их в бегство. Сильный дождь не позволил последним быстро уйти из-под крепости и, как описывают схватку дела Посольского приказа, казаки «пришли на них тиском и... побили»³⁶.

Так была выиграна битва за степь, битва, после которой Большая Ногайская орда так и не смогла оправиться. Известный советский историк Р.Г.Скрынников писал: «поражение Уруса имело такое же значение для судеб Южного Приуралья, как разгром Кучума для судеб Западной Сибири»³⁷. Казачество смогло окончательно утвердиться на Яике и уже в конце XVI в. заложило основу для становления будущего Уральского казачьего войска.

Казачьи атаманы еще не раз приходили на Среднюю Волгу, нанимались на службу к самарским, саратовским, царицынским воеводам, подкарауливали купеческие, а то и посольские караваны, но отныне именно река Яик стала основным местом их пребывания.

НАЧАЛО САМАРСКОЙ КРЕПОСТИ

Идея строительства русских городов-крепостей на великом волжском пути между Казанью и Астраханью появилась фактически сразу после присоединения края к Русскому государству, когда Волга стала основной торговой артерией страны. Этот путь необходимо было закрепить, обезопасить и лучшего способа, чем поставить крепости в наиболее уязвимых пунктах реки, правительство не знало.

О том, что волжские городки предполагалось строить уже в середине 50-х гг. XVI в., свидетельствует переписка между правительством Ивана Грозного и одним из владетелей Ногайской орды Измаилом. В 1555 г. Измаил просил царя, чтобы тот велел поставить «...на всех перевозех [через Волгу] по двести человек», дабы враги «не пришли водяным путем». В числе «перевозех» подразумевалось и «Самарское урочище», и устье Иргица, и междуречье между Волгой и Доном, так называемая «Переволока».

В ответ на многочисленные просьбы ногайских мурз сообщалось, что царь «в тех местах учиня крепости, велит многим людям стояти и беречи беглых мурз накрепко»³⁸. Однако для такого строительства нужны были дополнительные средства, а их в то время у России не хватало. Страна погружалась в опричный террор, ввязалась в изнурительную Ливонскую войну. Все ресурсы изрядно опустошенной казны тратились на западный театр военных действий. И все же, хотя и небольшими средствами, правительство пыталось поддерживать безопасность волжского пути с помощью «плавных ратей», посылок сезонных отрядов в наиболее стратегические места между Казанью и Астраханью.

Только после завершения тяжелейшей Ливонской войны, воцарения на русском престоле Федора Иоанновича была принята и стала осуществляться обширная программа строительства новых городков-крепостей на южных и юго-восточных окраинах государства. Под 1584 г. «Пискаревский летописец» сообщал: «Того же году великий государь и великий князь Федор Иванович... приказывает... города ставить на Поле и в Сивере и к Астрахани, которые за много лет запустеша от безбожных агорян и от междуусобных брани: Елецких князей вотчина Ливны, Койса, Оскол, Валуйка, Белгария, Самара, Кромы, Монастырев и иныя многия польския и северския»³⁹. Самара, упомянутая в этом перечне, скорее всего означала сторожевое русское поселение на юге, на реке Самаре, притоке Северского Донца. Среди «иныя многие» правительство намечало сооружение крепости и в «Самарском урочище» — при впадении реки Самары в Волгу. Эту крепость было поручено строить алатырскому воеводе Григорию Осифовичу Засекину.

Существовала исстари сложившаяся практика подготовительных и строительных работ⁴⁰. Сооружением пограничных крепостей в конце XVI в. занимался в основном Разрядный приказ. Предложение о строительстве того или иного городка или системы оборонительных сооружений предварительно, в общих чертах, разрабатывалось «специалистами» Разрядного приказа и направлялось в Боярскую Думу или для доклада непосредственно государю. После его утверждения на выбранное место будущего строительства направлялись служилые люди для составления точного плана местности, привязки типового проекта крепости, определения необходимого количества материалов и средств — вплоть до каждого бревна. Накануне предварительных работ обязательно проводился опрос «знающих людей». С чертежом и сметой разбирались опытные «горододельщики» в самом приказе, а затем окончательный проект с предложениями по кандидатуре «строителя» отправляли вновь в Боярскую Думу. Здесь утверждался проект «Наказа», в котором определялись основные требования к будущему городку.

Фрагмент копии такого наказа сохранился и по Самаре⁴¹. Он был адресован Г.О.Засекину, назначенному руководителем строительства и первым воеводой. В соответствии с документом проектировщики должны были определить, будет ли «...в городе бесстрашно от нагайских татар и сколь далече ногаи кочуют от Самары [реки] от того места, в котором ныне город станет и впредь теми людьми мочно ли в городе сидеть, а сметя и расписав те места и всякие крепости и скольким людям впред в том городе быти и как их мочно устроить о всем подлинное расписав в роспис тот час ко государю роспис прислать...» Далее в тексте говорилось, что после того как «роспис», то есть чертеж и смета, были составлены и «...ко государю ...присланы», обсуждены и поправлены, их передали в Алатырь князю Засекину: «...государь по тому указ велит учинить да память воеводе князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить».

Подготовительные работы, по всей видимости, продолжались как минимум полтора, а то и два года. В конце 1584 г. были сделаны предварительные приготовления в Разрядном приказе, летом 1585-го в «Самарское урочище» выезжали проектировщики из приказа, к осени или к началу зимы они составили окончательный проект и смету, утвердили их, и зимой 1585-86 гг. указ и необходимые средства для его исполнения были

доставлены в Алатырь к Засекину. Зимой в алатырских лесах, ближе к речным берегам, рубили лес, вывозили его к реке, на место, заливаемое вешними водами. Одновременно собирали ратных и работных людей, готовили запасы продовольствия, оружейные припасы, суда. К началу половодья все было под парусами, и уже в конце апреля—начале мая караван судов и плот направились вниз по Волге к месту будущего строительства.

Экспедиция Засекина должна была прибыть в «Самарское урочище» примерно в середине—второй половине мая. Князь Григорий и его «товарищ», то есть заместитель, Федор Елизарович Елчанинов обладали весьма значительными полномочиями. В пределах установленной сметы они могли вносить свои изменения в ход строительства, вплоть до перемены места сооружения укреплений. Неизвестно, какую точку выбрали проектировщики Разрядного приказа при составлении чертежа Самарской крепости, ибо территория «Самарского урочища» не давала очевидного однозначного решения. Сам термин «Самарское урочище» возник довольно рано, судя по «Степенной книге», уже в шестнадцатом веке и подразумевал обширные пойменные земли, находившиеся в нижнем течении реки Самары при ее впадении в Волгу.

Дело в том, что до середины XVII в. Самара впадала в Волгу основным своим руслом на 20-25 км ниже современного устья, напротив возникших в XVII в. деревень Ермаково и Кольцово. Значительно выше от основного русла Самары отделялся небольшой рукав и впадал в Волгу, фактически совпадая с современным течением реки. Тогдашнее русло самой Волги напротив нынешнего города было смещено западнее и проходило там, где сейчас расположено село Рождествено ⁴².

Местность между старым руслом Самары, ее рукавом и Волгой почти вся заливалась в половодье, была занята лесами и лугами, труднодоступна для кочевников и являлась надежным укрытием для многочисленных казачьих ватаг. В «Самарском урочище» стояли и временные летние отряды русских войск, охранявшие волжский путь. В старом устье Самары существовала пристань с зимовьем, где останавливались экипажи судов, которые не успевали до морозов пройти устье Самары и здесь вмерзали в лед. О существовании пристани и поселения свидетельствуют старинные карты и портоланы западноевропейцев, относящиеся к XIV-XV вв.

По всей видимости, при впадении в Волгу основного русла Самары и предполагалось возвести Самарскую крепость. В таком случае ее гарнизону было бы сравнительно нетрудно наблюдать и охранять передвижение судов по Волге, стать перевалочным пунктом для торгового потока, перекрывать дорогу казачьим отрядам.

И все же Засекин — неизвестно, наперекор ли первоначальному проекту или согласуясь с ним, — начал строить город в совершенно неожиданном месте (некоторые очевидцы называли его горой) на правом берегу реки Самары, где она разделялась на два рукава, за пределами «Самарского урочища». Воеводы решили не прятать крепость за протоками и озерами, а поставить ее на самом видном месте, откуда гарнизон мог успешно контролировать передвижение кочевых орд и полностью перекрывать дорогу (по обоим самарским рукавам) на волжские просторы.

В середине XVII в. Волга пробила себе новый путь, ее русло сдвинулось на восток — прямо под городские стены, топография окружающей местности резко изменилась и тогда-то, почти век спустя, в полной мере выявилась фантастическая дальновидность и точность выбора места под крепость!..

Пограничные городки строились в основном по своеобразным типовым проектам. Обычно в Москве предварительно регламентировался размер городка, причем за расчетную единицу в сметах принималось поселение, вмещающее примерно тысячу жителей мужского пола. Существовало несколько наиболее оптимальных вариантов таких городков, и служилым людям, составлявшим предварительные чертежи и сметы, требовалось

наиболее удачно привязать один из этих вариантов к соответствующей местности. Поэтому при удачном выборе места для устройства города, правильной увязке его основных элементов с особенностями рельефа, при тщательном профессиональном проведении подготовительных работ само строительство города-крепости занимало сравнительно немного времени: от 2—3 недель до 1,5—2 месяцев. Первые известия о построенном Самарском городе появились в конце лета 1586 г.⁴³, а в начале сентября крепость уже принимала многочисленных гостей - послов, стрельцов, свиту крымского царевича.

После высадки на берег воеводы и «горододельщики» начали сверять с чертежами реальную местность. Пока воеводы окончательно определяли место строительства, а мастера-горододельщики размечали участки под будущие сооружения, служилые и работные люди разобрали плоты, вытащили на берег материалы. Начало закладки города сопровождалось особым ритуалом — молебном и освящением места закладки сооружений. Прежде всего горододельщики сосредоточили внимание на строительстве собственно «города», или «кремля». На размеченной рабочей площадке сооружались стены с башнями. Внутри кремля устроили усадьбы воеводы и «начальных» людей, здания съезжей избы, тюрьмы, осадных дворов, складов — «анбаров» для припасов, житниц и т.д. Площадь кремля вряд ли составляла более 5 гектаров. По мнению самарского краеведа Е.Ф.Гурьянова, в плане крепость являла близкую к квадрату прямоугольную фигуру с размерами сторон 213 на 245 м. Желавшие обосноваться своими дворами воинские люди вряд ли могли разместиться под укрытием стен и вынуждены были устроиться за кремлем, в его предместье. Самарский город занял самую возвышенную, примыкающую к обрывистому самарскому берегу часть междуречья. Доминантой крепости выступала церковь, сооружение которой началось одновременно с городом. Выбор духовного патрона — покровителя горожан определяла Москва одновременно с выбором названия крепости. В Самаре решили строить храм Пресвятой и Живоначальной Троицы⁴⁴. А вот как назывался придел храма, обычно носивший имя покровителя города, неизвестно. Возможно, он сразу получил имя святого Алексия, будущего духовного заступника Самары. Пространство за стенами кремля — посад или острог — осваивалось также целенаправленно и планомерно. На территории, отведенной под расселение личного состава гарнизона и посадских жителей, размечались участки под усадьбы, скорее всего создавалась даже общая планировочная структура улиц и кварталов. Усадебные постройки сооружались в индивидуальном порядке каждым владельцем участка. После определения территории острога сразу же началось сооружение второй внешней системы обороны крепости.

Самара по устройству оборонительных сооружений, административных, церковных и частных зданий мало чем отличалась от десятков подобных городков-крепостей, построенных тогда же на безбрежных пограничьях Российского государства.

Историю первого года существования Самарской крепости, поступков его воеводы Засекина хотя бы фрагментарно позволяют прояснить сохранившиеся материалы русских посольств. Впервые действия самарской администрации упоминаются в делах военно-политической миссии Мурад-Гирея, одного из бежавших в Россию крымских царевичей. Летом 1586 г. он с пышной свитой и многочисленным отрядом стрельцов был отправлен в Астрахань. Сопровождавшим царевича воеводам Р.М.Пивову и М.И.Бурцеву поручалось по пути следования приглашать на службу волжско-яицких казаков. В Самару к Засекину караван пришел 11 сентября. Долго оставаться в недостроенном и неудобном городке не имело смысла и на третий день утром струги продолжили путь к Астрахани. Во время стоянки в Самаре Пивов, Бурцев и Засекин обсудили царскую грамоту, в которой Григорию Осифовичу приказывалось вызвать с Яика и Волги всех «виновных» казаков на царскую службу. Грамота адресовалась не только самарским воеводам, но и казакам. На Волге, в окрестностях Самары, вольных казаков не было и на совете трех воевод

решили послать на Яик самарского голову Семейку Кольцова и одного из «воровских казаков» с царской грамотой. Необходимость привлечения вольных казаков на государственную службу для урегулирования конфликта в крае отчетливо осознавалась в Москве, и поэтому, не дожидаясь ответа Засекина, 1 ноября ему прислали еще одну грамоту, срочно требовавшую всеми силами привлечь казачество, и в первую очередь атаманов Барбошу и Мещеряка, к службе. Однако грамота эта запоздала.

Отвечая столице, Засекин так описывал случившиеся события: «...октября, Государь, в 23 день пришли ко мне... на Самару с Яика Матюша Мещеряк, да Ермак Петров, да Ортюха Болдырев, да Тихон П-шь [весьма неблагозвучное прозвище], а с ними казаков 150 человек, а на Яике остались атаманы Богдашко Барбоша, да Нечай Щацкой... а с ними казаков полтретья [250] человек»⁴⁵. В Самаре казаки Мещеряка пробыли недолго, всего 5 дней, а затем их отпустили вниз к Астрахани вслед каравану Мурад-Гирея. Однако и за эти дни произошли серьезные события, едва не повлиявшие впоследствии на судьбу крепости. Перед уходом казаков в Астрахань воевода Засекин, руководствуясь указаниями из Москвы, потребовал от них вернуть ногаям пленных и захваченное имущество. Для центрального правительства и местных властей это было делом политического принципа. Как раз в конце ноября в Самару прибыло русское посольство, направлявшееся к князю Урусу. Входившие в его состав дети боярские Ф.Гурьев, И.Страхов и Р.Норов должны были убедить ногаев в необходимости признания Самарской и Уфимской крепостей, а затем уговорить их прислать весной следующего года свои отряды для усиления русских армий на западе. Вместе с русскими послами через заволжскую степь возвращалось бывшее в столице ногайское посольство «Тонказю с товарищи»⁴⁶. Для того, чтобы наглядно доказать ногаям роль Самары в защите их интересов, в частности от яицких казаков, и должен был перед ними разыгаться эффектный спектакль по возвращению награбленного.

Но для части казаков, включая атаманов Мещеряка и П-ша, условия политической игры оказались явно неприемлемы. Они никак не могли взять в толк, зачем возвращать то, что честно добыто на поле брани. Тем более, по их же словам, «...царь... [казаков] ...нароком послал нагаи воевати». В присутствии русских послов казаки перед жалобщиками-ногаями начали «придуриваться... всякие непригожие дела говорить... как жен их соромотили», за полон требовали «немеренные цены» и в конце концов там же попытались их попросту ограбить⁴⁷. Чтобы как-то разрядить обстановку перед ногайскими послами и доказать серьезность своих намерений, Засекину пришлось схватить пять наиболее вызывающе «придуривавшихся» казаков, в том числе Мещеряка и П-ша. Всех остальных удалось спровадить в Астрахань, причем в наказе тамошним воеводам вменялось, чтобы в Астрахани казаки ни в коем случае «... не сказывалися бы яицкими казаками, а говорили б, что они тут [в Самарском городе] и не бывали».

Отправив казаков, Засекин был обязан позаботиться и о посольствах. Для их сопровождения до Астрахани самарские воеводы выделили 50 стрельцов. Если же караван с послами «замерзнет» ниже Самары, то ногайских послов следовало отпустить степью «с провожатыми стрельцами, чтоб от казаков оберечь». Действительно, посольский караван не успел далеко уйти из-за непогоды и остановился двадцатью верстами ниже, в «Шелемецких горах», в зимовье рядом с устьем реки Самары. Русские послы всю зиму и весну наблюдали события, происходившие в городе, и благодаря их отпискам, исторические сведения сохранились до наших дней.

В долгую первую зиму Самары 1586/87 г. в крепости оказались весьма опасные постояльцы. В любой момент на помощь сидевшим в тюрьме Матвею Мещеряку и его товарищам могли прийти с Яика казаки. Без указа из Москвы Засекин опасался что-либо предпринять против своих пленников. Меж тем созрел заговор. Заточенные в тюрьме казаки вступили в «сговор» с частью самарского гарнизона — «литвой». О том, что самар-

ские служилые люди «шатки», свидетельствуют многие факты, например, доносы начальных людей, «...что стрельцы и казаки ставили на Самаре город и живучи проели и запасу у них не стало»⁴⁸. Заговор раскрыли «...в роспросе... и на пытке твоему государю воеводе... сказали атаманы и литва, что послали весть на Волгу, и на Увек и на Яик к атаманам и к их товарищам, а вел[ели] быт всем нынешняго 95 году [1587] к твоему государеву городу к Сомарскому на Олексеев день человека Божия или на Благовещеньев день, а не будут на те сроки и ино как вода расколица, да воеводу и всех людей побить и город жжечь и нас холопей твоих и нагайских послов побити и казна твоя... взять»⁴⁹.

Засекин немедленно сообщил столице о раскрытом заговоре и принял дополнительные меры: казаков изолировали от «литвы», русским и ногайским послам приказали вместе с казной переехать из зимовья в крепость. Ногаям и здесь отдали предпочтение: в то время как русские «казну на себе перенесли в город», к ногаям «для бережения» и перевозки послали стрельцов.

Наконец из Москвы прибыл с указом царя гонец Постник Косяговский. Государева грамота гласила: «Матюшу Мещеряка да Тимоху П-ша, да иных их товарищей пущих [государь] велел казнити перед ними послы смертною казнию». Видимо, в марте 1587 г. в Самаре была совершена первая казнь. Вместе с товарищами на городской площади повесили одного из известнейших волжских атаманов Матвея Мещеряка. Все имущество, награбленное казаками у ногаев, передали ногайским послам.

Русские и ногайские послы отправились из городка восвояси со своими поручениями только в конце апреля—начале мая. К этому времени, как и добивалась Москва, вопрос о признании Самары со стороны Уруса и мурз практически был решен. В Астрахани Мурад-Гирей смог доказать послам Уруса, что крепость возведена прежде всего в интересах ногаев.

К весне у Засекина и его гарнизона прибавилось много новых забот. Что ни день встречали и провожали послов и купцов, перевозили их через волжские «перелазы». Например, 1 мая 1587 г. по указанию самарского воеводы через Волгу были перевезены послы от нескольких мурз, а с ними 137 «ордобазарцев» — торговых людей из Средней Азии и до 2000 лошадей на продажу. Засекину разрешили устроить небольшой торг под стенами крепости, где продавалось все, кроме «заповедных товаров».

Кочевья ногаев, с наступлением тепла поднимавшиеся все выше и выше по левобережью Волги, наконец-то достигли Самары. Засекин сообщал в Москву, что, по мере появления отдельных ногайских кочевий вблизи крепости, он отпускал зазимовавшихся в городе ногайских и русских послов с «государевым жалованьем» к тому или иному мурзе. Характерно, что сами мурзы — Кучук-мурза и другие — просили, чтобы с отпускаемыми послами Засекин давал разрешение «летовать на Самаре и на Волге бесстрашно». Таким образом, самарские воеводы утверждались как бы общепризнанными гарантами безопасности ногайских кочевий в Среднем Поволжье. Целенаправленная последовательная политика правительства на юго-востоке дала себя знать и в том, что весной 1587 г. как и добивалась Москва, мурзы начали вновь посылать свои отряды в русскую армию. Эти отряды следовали через Самарскую крепость, переправлялись на правую сторону Волги и с провожатыми Засекина доходили до «мещерских окраин» под Рязанью. Видимо, после волжского речного этот сухопутный путь со Средней Волги степью до «мещерских окраин» и далее до Шацка был в то время весьма оживленным.

Основателя Самары князя Г.О.Засекина сменили в начале лета 1587 г. Грамоты датируемые концом июня, адресовались уже Федору Елчанинову.

О более поздней истории городка сведений сохранилось крайне мало. По всей видимости, в конце XVI столетия он играл более значительную роль в истории Поволжья чем его соседи — Саратов и Царицын. Недаром такой внимательный наблюдатель русской

жизни, как француз на царской службе Жак Маржерет, среди прочих крепостей, построенных в то время в юго-восточных степях, главными выделял Самару и Терки ⁵⁰.

ГОДЫ СМУТЫ

В начале XVII века в России разразилась гражданская война, названная современниками «Смутой». Причиной катастрофы, угрожавшей стране гибелью, стал острый внутренний кризис, осложненный вмешательством извне и прямой иностранной интервенцией. Население, не оправившись до конца от разорения, вызванного Ливонской войной и опричным террором Ивана Грозного, стало жертвой страшного голода 1601-03 гг. Рост помещичьего землевладения и закрепощение крестьян усилили конфликты между отдельными слоями самих феодалов. Устои монархии пошатнулись из-за пресечения московской правящей династии потомков Ивана Калиты. Последний царь из этого рода Федор, сын Ивана Грозного, умер бездетным в 1598 г. Еще раньше, в 1591 г., в Угличе погиб при таинственных, до сих пор не выясненных обстоятельствах его младший брат Дмитрий. Могущественная аристократия, ослабленная, но не изведенная Грозным, подняла голову и не собиралась склонять ее перед занявшим трон Борисом Годуновым и последующими правителями. В течении 1603-18 страну потрясли многочисленные восстания, заговоры, мятежи, терзали интервенты, авантюристы, разбойники.

Не обошла Смута и Самарский край, тогда еще малолюдный и удаленный от основных театров военных действий. В 1605 г., когда власть на Москве захватил самозванный царь «Дмитрий Иванович», якобы чудом спасенный в Угличе, а на поверку сказавшийся беглым монахом Григорием Отрепьевым, на далеком Тереке объявился «племянник» нового московского «государя». Тамошние казаки велели своему товарищу беглому холопу Илейке Коровину, прозванному также по месту рождения Муромцем, впредь именоваться «царевичем Петром», сыном покойного царя Федора Ивановича.

Весной 1606 г. рать «царевича Петра» пришла с Терека на Волгу и двинулась вверх на стругах. К ней присоединялись волжские казаки и простонародье, численность ее достигла 4000 человек. Лжедмитрий I, растерявший в столице свой авторитет и сторонников, отправил в апреле к казакам своего доверенного дворянина Т.Юрлова, надеясь, что отряд Лжепетра «в крайней нужде мог оказать ему помощь» ⁵¹. Когда те «дошли до Самары, и тут, де, их встретили от ростриги [Г.Отрепьева] под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех». Однако около Свияжска казаками было получено известие о том, «что на Москве Гришку Ростригу убили миром всем, и... все казаки... поворотились назад на Волгу, на реку на Камышенку» ⁵², а по ней ушли в верховья Дона.

О каком-либо нападении на Самару, мимо которой этот отряд проследовал дважды, источники не сообщают. Но известно, что во время похода по Волге казаки во главе с «царевичем Петром» «всяких служилых людей побивали до смерти», грабили купцов. Среди «служилых» особую ненависть казаков вызывали бояре и дворяне — владельцы холопов и крепостных, из числа которых вышло большинство повстанцев. Впоследствии, присоединившись к Ивану Болотникову, казаки Лжепетра отличались особой беспощадностью и жестокостью в расправах со сторонниками царя Василия Шуйского, посаженного на престол боярами после убийства Лжедмитрия I ⁵³.

Сильно пострадало и купечество. Поход Илейки Муромца, действия других казачьих предводителей, волнения в волжских городах, активизация кочевников-ногаев вконец

расстроили торговлю по великой реке. Голландский коммерсант сообщал о злоключениях своих собратьев по занятию: «Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой...»⁵⁴ Иноземные торговцы боялись появляться в беспокойных городах и крепостях на Волге. А среди хивинских и бухарских купцов многие и гораздо позже отказывались от поездок в Самару, где в Смутное время несколько среднеазиатских торговцев были убиты и ограблены местными жителями⁵⁵.

После освобождения Москвы в 1612 г. от интервентов и избрания на царство в 1613 г. Михаила Романова обстановка на юго-восточных границах России, восстановившей свою независимость и государственную власть, не только не стабилизировалась, но и еще более осложнилась. В Поволжье была предпринята последняя попытка сохранить в качестве политической реальности призрак «царя Дмитрия Ивановича». Организаторами этой попытки стали Марина Мнишек и Иван Заруцкий. Марина, дочь польского магната, была супругой обоих наиболее известных самозванцев, Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. После гибели того и другого она возложила свои надежды на русский престол на своего малолетнего сына «царевича Ивана Дмитриевича», которого официальные московские власти называли просто «ворёнком», так как его отец Лжедмитрий II именовался «тушинским вором». Атаман Заруцкий за годы смуты был и сподвижником Ивана Болотникова, и «боярином» Лжедмитрия II, и одним из вождей Первого ополчения против засевших в Москве поляков, опирался на верные ему казачьи отряды, заигрывал с крестьянами, горожанами и служилыми людьми. На самом же деле интересы этих общественных слоев ему были в равной степени чужды. Он мечтал стать правителем государства, поэтому в 1612 г. вступил в конфликт с Д.М.Пожарским, в следующем году не признал избрание Михаила Романова царем.

В конце весны—летом 1613 г. войска московского правительства вынудили Заруцкого и находившуюся под его покровительством Мнишек с сыном покинуть Рязанскую землю и Верхний Дон, где они пытались закрепиться. Беглецы укрылись в Астрахани. Там Заруцкий захватил власть, убив воеводу Хворостинина и многих горожан⁵⁶. Крупнейший город в низовьях Волги рассматривался им как база для организации нового похода в центр страны. При этом он был готов получить поддержку Ирана и Турции, даже ценой передачи под их власть Астрахани.

У московских правителей не хватило сил для скорого устранения угрозы, исходившей от Заруцкого, так как продолжалась тяжелая война против польско-литовских интервентов и их пособников, не были погашены очаги крестьянских восстаний. Требовалось время для подготовки похода правительственных войск, местом сбора которых определили Казань. В этих условиях Самарский город приобретал стратегическое значение, поскольку между Казанью и Астраханью не оказалось волжских крепостей: Саратов и Царицын были в Смутное время уничтожены. Основные силы самарского гарнизона составляли 300 самарских стрельцов и 205 саратовских, пришедших сюда после гибели своего города⁵⁷. Население, не относившееся к военно-служилым, было на Самаре немногочисленным и не могло существенно пополнить число защитников крепости. Для сравнения укажем, что Заруцкий в благоприятных обстоятельствах мог повести до 30 тыс. ратных людей: русских жителей Астрахани, тамошних татар и ногаев, волжских казаков. При таком соотношении сил непростая задача удержания города до подхода правительственной армии была возложена на нового самарского воеводу князя Дмитрия Петровича Пожарского-Лопату.

Воевода доводился троюродным братом героя освобождения Москвы Д.М.Пожарского, сам командовал передовым отрядом ополчения в 1612 г. Сражаясь против польских интервентов, Д.П.Пожарский под Москвой не раз сталкивался с казаками Заруцкого как

в военных стычках, так и за столом переговоров. Так что своего противника воевода представлял хорошо. Дальнейшие события показали, что выбор князя Дмитрия на воеводство в Самару весьма удачен.

Первым из известных нам шагов нового воеводы стала отправка 23 сентября 1613 года донского атамана И.Онисимова к волжским казакам, чтобы побудить тех признать власть царя Михаила Федоровича и отойти от астраханских мятежников. Склонить казаков к повиновению московским властям полностью не удалось, однако споры о том, чьей стороны держаться, раскалывали волжское казачество, мешая Заруцкому вовлечь его в свои планы. Кроме того, вернувшись весной 1614 г. в Самару, Онисимов привез важные сведения о положении на Нижней Волге.

В январе самарский воевода уведомил Москву о своем намерении послать человека к ногаям с теми же предложениями, что и к волжским казакам. Столичные чиновники сочли, что они разбираются в обстановке на волжских берегах лучше, чем воевода передовой крепости, стали убеждать Пожарского, что от ногаев «не чаяти никакого дурна», и сделали ему выговор за проявление инициативы «без государева указа»⁵⁸. А в то самое время, пока из Москвы шли утверждения о лояльности ногаев, их князь и мурзы присягнули Заруцкому, втянувшись в его авантюру. Недоверие, оказанное столичными бюрократами князю Дмитрию, обернулось нападением степняков на русские селения. Ущерб от ногайского набега оказался не очень значительным: благодаря предупреждениям самарского воеводы, о нем стало заранее известно в пограничных со степью городах. У налетчиков удалось отбить пленников, «мужиков и женок и робят», скот.

Все сообщения, поступавшие в Москву зимой и весной 1614 г. о ситуации в низовьях Волги, шли в Россию исключительно через Самару. Они собирались воеводой в допросах астраханских перебежчиков, торговцев или, как в случае с И.Онисимовым, специально посланными людьми. Воеводы крепостей, находившихся под угрозой нападения Заруцкого и его союзников, часто, не дожидаясь официальных сообщений из Самары, посылали туда разъезды («станции») своих разведчиков для скорейшего получения новостей. Так, 11 апреля от Свяжской засеки послали к Пожарскому «станцию для вестей, вожа Атиша Абакова с товарищи», а привезенные сведения передали свияжскому воеводе⁵⁹.

Астраханский мятеж перерезал традиционный волжский путь. Единственной дорогой, связывавшей Россию со странами Средней Азии и Переднего Востока, осталась караванная тропа от Самары на Ургенч в Хивинском ханстве. При Пожарском удалось обеспечить безопасность торговли и доверие купцов. Видимо, поэтому в его воеводство, несмотря на военное время, поступления из Самары в государственную казну значительно возросли. Регулярное прибытие караванов в Самару не только соответствовало торговым интересам России, но и позволяло находиться в курсе обстановки на Нижней Волге и в прикаспийских степях, знать о положении и взаимоотношениях Хивы, Бухары, Ирана, Турции, кочевых народов Казахстана и Средней Азии.

Этот путь через степь использовали и для дипломатических целей. В декабре 1613 г. самарский воевода получил указ распросить бухарских и хивинских купцов в Самаре, возможно ли возвращавшемуся в Иран шахскому посольству и ответному посольству русского царя «с ними вместе пройти, которыми местами они на Самару шли». Впервые Посольский приказ в Москве вынужден был искать маршрут до персидских владений минуя Астрахань, и посол шаха предложил отправить его «зимним путем на санях до Самары» и далее «на вьюках» через Хиву в иранскую провинцию Хорасан. Но московские дьяки боялись, что за Самарой послов могут не пропустить кочевники: казахи, туркмены, каракалпаки или еще кто-нибудь.

Из Самары воевода прислал утешительные известия. Хивинские и бухарские купцы обещали безопасный проезд зимой, поскольку «от Самары... до Юргечи [Ургенча]» нет

степняков, которые в это время года откочевывали в другие места. Необходимо было только успеть, пока лед «на реках не прошел и покаместа конский корм под копытом не будет». Когда же вскрыется лед и сойдет снег, тогда «без людей [кочевников] в степи не будет... дорогою будет не проехать» ⁶⁰.

22 февраля 1614 г. русское и персидское посольства прибыли в Самару почти на месяц. Появление в маленькой крепости более 100 человек и 200 лошадей до крайности обострило недостаток продовольствия и фуража. Воевода извещал, что в «государевых житницах хлебных запасов нет», купить их у жителей невозможно, многие женщины и дети сами «по миру ходят». Если же люди, в том числе и стрельцы, не убегают из голодного городка, то только потому, что «держит их зимней путь», а весной «удержати их з голоду будет не можно — разбредутца розно». Но послы требовали обеспечить их в достатке для предстоящего пути. Иранец привел на площадь усталых и больных лошадей, подлежащих, по его мнению, замене, и бросил их на попечение воеводе, пригрозив: если не дадут овса, он выведет и остальных лошадей сюда же.

Требования послов подкреплялись царскими указами из Москвы, предупреждавшими воеводу, «чтобы твоим оплошеством нашему такому великому государственному делу порухи не было, а тебе б от нас за то в великой опале не быти». Но и Пожарский понимал, что будет с Самарой и с ним самим, если с шахом договорятся не московские посланцы, а люди Заруцкого, которые уже выехали в Персию просить помощи. Понимал он и правоту слов иранского посла: «На такую дальнюю степь на худых лошадех ити нельзя... Лошеди потерять - и самому погинуть» ⁶¹.

Действительно, ни на какую помощь в безлюдной степи рассчитывать не приходилось. Каким-то чудом воевода собрал послам необходимый фураж и продовольствие. Обеспечил конвой, выделив 30 конных стрельцов, по паре коней на каждого. Часть находившихся в Самаре купцов присоединилась к посольскому каравану, часть была задержана в городе до получения известий о благополучном исходе этого путешествия. Раз ручались «головой» за безопасность дороги — пришлось оставаться заложниками своего поручительства.

22 марта послы выехали из Самарского городка, без приключений пересекли степь. Не столь мирным оказался обратный путь стрелецкого конвоя, который на реке Эмбе оставил посольство и повернул назад. Возвращавшиеся в степь кочевники, «калмыки ль, турхменцы», напали на самарский отряд. В схватке стрельцы потеряли двух человек убитыми, пятерых ранеными и 33 лошади, с таким трудом собранные в Самаре. Нападавшие поплатились жизнями двадцати человек и сорока коней, покинув поле боя. Но важнейшая внешнеполитическая акция нового московского правительства, направленная на восстановление дружественных отношений с Ираном, была успешно осуществлена.

Однако обеспечить невмешательство могучего южного соседа в русскую Смуту одними дипломатическими шагами было нельзя. Многое зависело от того, насколько быстро Россия восстановит контроль над всем волжским путем до Каспия, сумеет ли подавить мятежников, упредив возможную интервенцию на этом направлении.

Поздняя осень и зима 1613-14 гг. отодвинули непосредственную угрозу нападения Заруцкого на Самару, но уже 5 марта Пожарский сообщил: «На весну ждем под Самарской снизу воровских людей» ⁶². 11 марта трое астраханских перебежчиков подтвердили намерение Заруцкого и ногайских мурз весной «итти под Самар». 30 марта еще подробнее эти планы раскрыл беглец из Астрахани Г.Омельянов. Заруцкий со своими астраханскими сторонниками собирался двинуться «Волгою противу льду в стругах», а татар и ногаев убеждал, чтобы «деи шли на конех степью под Самарской и под Казань и Самарской бы деи осадили, покаместа деи он, вор, подоспеет Волгою в стругах с нарядом [артиллерией] и с вогненными пушками». Не оставлял он надежды привлечь к походу на

Самару волжских казаков, обещая: «я де вас пожалуйю тем, чего де у вас и на разуме нет». Пытаясь обнадежить своих сторонников, Заруцкий добавлял: «Знаю де я московские наряды [порядки], покаместа деи люди с Москвы пойдут, я деи до тех мест Самару возьму да и над Казанью промысел учиню» ⁶³.

По мнению Д.П.Пожарского, сложившаяся обстановка требовала присылки подкреплений самарскому гарнизону из числа войск, стянутых в Казань под команду воевод И.Н.Одоевского и С.В.Головина. Однако Одоевский принял другое решение. Его, как командующего правительственными войсками в Поволжье, беспокоила не столько судьба Самарской крепости, сколько возможность соединения Заруцкого с отрядами казаков и разных авантюристов, возобновивших военные действия и грабежи на Верхней Волге и Пошехонье. В половодье силы Заруцкого могли пройти незаметно, минуя Самару и Казань, вверх по Волге, а верхневолжские отряды мятежников мелкими группами в Астрахань. 15 апреля стрелецкому голове Г.Пальчикову Одоевский отдал распоряжение отправиться с пятью сотнями стрельцов из Казани к устью реки Усы, построить там небольшую крепость-«острожек» и воспрепятствовать возможной попытке противника пересечь Самарскую Луку по Усе. В случае необходимости Пальчикову предписывалось «Самарскому городу помогати», но основными задачами ставились наблюдение за движением по Волге, запрет на передвижение по ней мимо устья Усы, а также охрана рыбных промыслов.

Узнав о посылке Пальчикова, Пожарский стал требовать перевода этого отряда в Самарский, приводя соображения как военного, так и политического характера. Он указывал, что действительной помощи друг другу отдаленные на 60 верст гарнизоны оказать не смогут. Запретив движение по Волге мимо своей заставы, Пальчиков перекрыл подвоз хлеба в Самарский городок, где «всякие люди бедны и голодны и хлебных запасов продажного нет у них». В городе расползались слухи, что казанские воеводы хотят самарских жителей «голодом поморить», а потому на Самаре «смута и в людех сумнение великое». Пожарский предупреждал Одоевского и его помощников: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны, а воров ожидаем вскоре... а которая, господа, над Самарским городом поруха учинится, и то, господа, не от меня, от вас». Еще сдерживаясь в официальных донесениях, самарский воевода устно, видимо, высказывался более круто. В Казань шли доносы, будто он грозил: «Пойду де я на Усу и острожек де велю скрыть», и пуще того: «Когда де воровские люди Самарской возьмут, и я де умею воровать, и от меня де многие города подрожат». Разумеется, подобные реплики воевода отрицал, объясняя их появление клеветой недругов ⁶⁴.

При всех неурядицах в правительственном лагере время работало не на Заруцкого. Споры из-за острожка на Усе прекратились сами собой, когда из Казани по Волге двинулась вниз вся рать князя Одоевского, который 17 мая прибыл в Самару. В тот же день Пожарский и Одоевский получили очень важные сообщения из Астрахани. Там против Заруцкого и его приспешников вспыхнуло восстание русского и татарского населения города. Эти известия подтвердили справедливость расчетов Пожарского на внутренние раздоры в пестром по своему составу лагере Заруцкого.

Астраханские вести ускорили продвижение правительственных войск в низовья Волги. По совещанию с Одоевским самарский воевода передал ему часть своих «ратных людей с головами стрелецкими, с Михайлом Соловцовым да с Лукою с Вышеславцовым, два приказа стрельцов с вогненным боем» ⁶⁵.

Бежавший из Астрахани с частью казаков Заруцкий засел «на Яике на Медвежьем острове». Оттуда посылались разведчики «провеdyти, что на Самаре вестей» ⁶⁶. В планы казачьего отряда человек в 600 входил прорыв на Волгу по реке Самаре. Вновь на предполагаемом пути мятежников оказывался Самарский город. Стрелецким головам,

преследовавшим Заруцкого, приказали не дать казакам уйти к Самаре сухим путем или переволочиться с Яика на Самару на стругах. Основным силам засевавших на Медвежьем острове мятежников осуществить свой план не удалось. Они были окружены и 24 июля выдали царским воеводам Заруцкого, Марину и ее сына, которых срочно отправили в Москву. Конвоем, в состав которого входила и сотня самарских стрельцов М.Соловцова, Одоевский приказал умертвить пленников, если по дороге их попытаются отбить сообщники. Опасения оказались напрасными — пленных доставили в столицу. Заруцкий и малолетний «ворёнок» были казнены, «царица» Марина вскоре умерла (или была тайно убита) в тюрьме.

Часть казаков все же бежала с Яика на Волгу, но не по реке Самаре, так как не решалась теперь из-за своей малочисленности двигаться мимо укрепленного городка, а степью. К тому времени новые воеводы В.И.Туренин и М.В.Белосельский сменили на Самаре Пожарского. До Волги казаки не дошли, ибо напали на след «сакмы» — дороги, по которой хивинские купцы «с корованы прошли на Самару, и стали те воры их на степи ждати и стеречь, как они пойдут с Самары назад степью, а на Самаре про то ведомо не было». Когда же купцы, «исторговався, пошли с Самары степью назад в Юргенчи, и те воровские казаки... пришли на них на стан, на сонных»⁶⁷.

Из-за внезапности нападения в руки казаков попала добыча и пленные. Однако, придя в себя, купцы настигли грабителей, благо те были пешими, отбили пленных и часть своего товара. Но казаков ждала и еще бо́льшая неприятность. Не успели они разделить остатки награбленного, как из Самарского городка на конях подоспела погоня. Стрелецкий голова С.Есипов со служилыми людьми «побили» их в степи, доставив в Самару трех плененных атаманов и 42 казака.

Этот эпизод наглядно свидетельствовал о том, что опаснейшее антиправительственное движение окончательно выродилось в обычный казачий разбой на Волге и в заволжских степях. Было у данной истории и дипломатическое продолжение. В 1616 г. хивинский посол на переговорах в Москве поднял вопрос о возвращении купцам тех денег и товаров, которые попали сначала к казакам, а от них к ратным людям самарского гарнизона. При этом выяснилась подробность, характерная для взаимоотношений торговцев и воеводской администраций. Иноземные купцы по закону не имели права вывозить из России деньги — все вырученное от продажи серебро требовалось потратить на покупку русских товаров. Однако воевода Белосельский хивинцев «с Самары с теми деньгами выпустил, а взял от того 200 рублей денег да 20 лошадей», освободив за это купцов от таможенного досмотра. После пленения казаков Белосельский уверил купцов, что отбитые деньги и товар взяты «в государеву казну».

Хивинские купцы исхлопотали у своего хана грамоту царю Михаилу Федоровичу с просьбой вернуть из казны то, что принадлежало купцам. Думные дьяки московского Посольского приказа могли только усмехнуться по поводу столь наивных представлений о порядках на русском пограничье. Они объяснили хивинскому послу: «А что будет царского величества самарские ратные люди... рухляди [товары] какие и отгромили [отбили], и воинские люди по себе и розделили, потому что взяли у воровских людей... да того уж не поднять и ни на ком не взяти». После такого объяснения обещание, данное послу, — ради добрососедских отношений Москвы и Хивы про купеческие «животы и рухлядь на Самаре... сыскивати, да будет что... сыщется, и государь велит, сыскав, им отдати»⁶⁸, — выглядело не более чем уловкой дипломатического этикета.

По поводу же денег московские представители на переговорах не без поучающей интонации заявили: «В государеве казне тех погромных [награбленных] денег нету, да и не надобно государю в казну такие погромные деньги». Эти деньги самарские воеводы, если и собрали сначала, то лишь для того, чтобы опять раздать «ратным людям» как военную добычу. Правоту таких действий под сомнение не ставил никто...

Самарский гарнизон выполнил свое предназначение в самое трудное не только для города, но и для страны время. Он активно участвовал в разгроме мятежа атамана Заруцкого, в обеспечении дипломатических и торговых связей России со странами Востока, в охране ее рубежей. Все это было достойным вкладом в возрождение российской государственности, в предотвращение интервенции со стороны южных соседей, Турции и Ирана. Наконец, оказался восстановлен на всем протяжении великий волжский путь, вновь по нему спокойно путешествовали и торговцы и дипломаты.

В начале 1615 г. в Самару прибыл русский гонец с грамотой к шаху, и городским воеводам предписывалось решить, как его направить — «Волгою или степью»? Воевода Белосельский рассудил за лучшее дождаться вскрытия реки, после чего с чистым сердцем отправил гонца на струге в Астрахань...

Смута кончилась. Жизнь входила в обычное русло.

ПОРУБЕЖНЫЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

События Смутного времени нанесли глубокие раны Российскому государству, хозяйство потерпело невиданный ущерб. Только к середине XVII в. страна смогла восстановить прежний уровень производительных сил, выйти из финансового кризиса, воссоздать и укрепить мощный административно-государственный аппарат и армию. Область приказа Казанского Дворца в меньшей степени подверглась потрясениям Смуты и поэтому в первой половине 1600-х гг. находилась в более благоприятном положении, чем другие области страны.

В XVII в. возрастает значение Самары как города-крепости на волжском судоходном пути, крупного перевалочного пункта юго-восточной торговли. Кроме того, Самара стала уездным городом. В конце XVI—начале XVII вв. на территории Самарской Луки начал складываться земледельческо-промысловый район со своим оседлым постоянным населением, возникли села. Этот правобережный район оказался под юрисдикцией самарских воевод, а первое известное нам упоминание о Самарском уезде появилось в 1630-х гг. Трудно судить о территории уезда. На всем протяжении XVII в. «под Самарой» находилось население, размещавшееся в восточной и центральной части Самарской Луки, до границ с Надеинским Усольем. Но вместе с тем самарская приказная изба ведала волжскими рыбными ловлями и примыкающими к ним незаселенными землями от «Атрубы», напротив современного Тольятти, и до устья Большого Иргиза. Такая неупорядоченность границ была обычной для уездов, находившихся в окраинных и малозаселенных районах России. Администрация Самары, хотя и ограниченная жесткими рамками правительственной регламентации, могла практически полновластно распоряжаться на вверенной ей территории.

В пограничных городках-крепостях вся административная и военная власть сосредотачивалась в руках воевод. Постоянно меняя воевод, правительство пыталось ограничить их произвол. Через год-два прежнего воеводу отправляли в другой город, а на его место ставили нового. Самара считалась захудалым, окраинным городком, воеводство вали здесь представители низших и средних слоев русского дворянства, чином не выше стольника. Лишь однажды в крепость попал боярин Б.М.Салтыков, да и то в опалу. Но все же и в пограничной крепости должность воеводы считалась прибыльной, выгодной. Характерно, что в дворянских челобитных на имя царя встречалась просьба: поскольку де челобитчик «оскудал на государевой службе» и чтоб ему «... не пропасть совсем... послал бы его государь... на воеводство... покормиться». В истории Самары известен только один случай, когда в 1671 г. воеводу В.Я.Эверлакова послали в город в порядке служебной

дисциплины. Да и это назначение случилось после Разинщины, ибо предыдущего воеводу утопили ¹. Иногда в город посылали сразу двух воевод: первого и его «товарища».

Административным центром города и уезда являлась приказная или, как ее еще называли, съезжая изба. В ней заседали воеводы, городничии, но прежде всего приказные подъячии. В их руках находилось все делопроизводство; они выступали перед просителями от лица местной администрации. В первой половине XVII в. подъячих в городке было сравнительно немного — один-два. Присылались они на тот же срок, как и воеводы. С ростом значения Самары увеличилось количество подъячих. В 80-х гг. их было уже четверо. Судя по разнице окладов, от 3 до 20 руб., между ними существовала жесткая субординация ². О размерах Самары, развитии в ней деловой активности свидетельствует появление в городе площадных подъячих — людей, выполнявших письменные работы по заказу. Первые упоминания о самарских площадных подъячих появились только в последней четверти XVII в. Интересно, что по количеству деловых бумаг Самара опережала Саратов, Царицын и Черный Яр вместе взятые ³.

Для переговоров с ногаями, калмыками, чувашами и т.д. при приказной избе постоянно находились переводчики - толмачи. В начале 1680-х гг. их было два — чувашский и татарский.

Непосредственно население Самары было подведомственно городовым приказчикам (городничим). Эта должность являлась весьма престижной и приносила немалый доход. Потому-то на нее претендовало обычно по несколько человек из местного дворянства, а то и других городов. Городничии занимались обычно вопросами внутригородской жизни, надзором за оборонительными сооружениями, организацией общественных работ.

Полицейские функции в городке, надзор за порядком первоначально выполняли воевода и городовые приказчики, а позднее (первое упоминание в середине 1650-х гг.) — пристав. Он отвечал за предупреждение возможных преступлений, за розыск преступников, организацию судебного процесса. Для наказаний в городе имелся свой палач, в кремле находилась тюрьма, а при ней сторож.

Главной опорой местного административно-полицейского аппарата выступало самарское дворянство. Всего в городке насчитывалось не более 20 семей дворян и детей боярских. Помимо службы в самарском гарнизоне дворяне выполняли многочисленные разовые поручения администрации, занимали конкурсные должности.

На протяжении всего XVII в. Самара была прежде всего сторожевой крепостью на юго-восточных окраинах русского государства. Наиболее значительную роль в ее жизни играли служилые люди — гарнизон крепости. В 1610-20-х гг. численность его составляла около 300-350 человек, к середине — концу века выросла до пятисот и более ⁴. На исходе столетия из стрельцов крепости составили особый приказ во главе с головой. Первоначально гарнизон Самары состоял в основном из служилых людей Казани, Астрахани, Свияжска, других городов. Отслужив положенный срок, обычно равный году, почему и пошло название «годовальщики», гарнизон крепости сменялся почти полностью. Это было неудобно и для ратных людей, годами не видевших семьи, и для государства. В конце первой четверти XVII в. порядок службы изменился. Только в экстренных случаях правительство решалось отправлять местные гарнизоны в другие города.

Как и в других пограничных крепостях, в Самаре начало складываться свое местное, обросшее дворами и семьями, служилое население. Этой категории жителей приходилось довольствоваться денежным и хлебным окладом да подработками от промыслов, торговли, ремесла. Разница в жаловании различных групп служилых людей была весьма значительна. В последней четверти XVII в. сотнику конных стрельцов полагался годовой оклад в размере 15 рублей денег да «хлеба 15 четвертей ржи, овса тож». Пеший же стрелец получал в год «денег по 3 рубля, хлеба по 7 четвертей ржи, овса тож» ⁵. Трудно судить,

насколько состоятельны были эти люди. Стрельцы как правило, жаловались на свое положение, на то, что в дальних походах «оскудали». Посадские жители, напротив, отмечали более привилегированное положение хозяйственных людей из служилого сословия, подчеркивая их благосостояние. Данные чрезвычайных сборов первой половины XVII в. также свидетельствовали о выделении даже среди рядового состава воинских людей зажиточной верхушки.

Элиту самарского гарнизона, по данным росписи 1681 г., составляли 18 дворян и детей боярских. Они занимали высшие командные должности, как правило, сотников, получая весьма значительный по тем временам оклад. Имена многих из них известны. Например, в 1646 г. в городе служили сотники: Семен Тимофеев, Федор Раздеришин, Степан Корчемкин и Семен Олонисев ⁶.

Многочисленную — около 70 человек — и хорошо оплачиваемую часть гарнизона составляли «иноземцы»: мелкая шляхта и «приборные люди» из недавно присоединенных городов и местностей Речи Посполитой. При городской артиллерии состояла команда пушкарей — около 10 человек ⁷. Служба их оценивалась также весьма высоко.

Основной военной силой крепости были стрельцы: около трех сотен пеших и сотня конных. К особой группе служилых людей следует отнести яицких юртовых казаков, живших под стенами крепости в особой слободе.

Состав большинства категорий служилых людей практически не менялся на протяжении 20-х—90-х гг. XVII в.

Самара находилась в более благоприятном военно-стратегическом положении, чем соседние Саратов и Царицын, службы ратных людей менее подвергались опасностям. Лишь несколько раз самарцам пришлось участвовать в серьезных военных действиях. В начале XVII в. в поволжских степях появились воинственные орды калмыков, которые в 1639 г. пытались осадить Самарскую крепость. Гарнизон успешно выдержал осаду 10-тысячного войска, а в 1644 г. самарцы вместе с отрядами, присланными из других городов, ходили в специальный «калмыцкий» поход. После разгрома кочевников отношения между ними и воеводами пограничных поволжских городков нормализовались. Но достижение зыбкого мира не создавало прочных гарантий для спокойной жизни в селениях уезда, самом городке-крепости. Небольшие разбойничьи отряды калмыков и башкир то и дело появлялись под Самарой, отгоняли скот, жгли укрепления, порой захватывали в плен зазевавшихся горожан и селян и продавали их в рабство. Сторожевая охранительная служба, предупреждение возможных нападений являлись важнейшей заботой как самарской администрации во главе с воеводой, так и немногочисленного гарнизона. Воинские люди должны были охранять волжский торговый путь, рыболовецкие станы и ватаги, стоять на заставах вокруг Самары и в наиболее опасных местах уезда, сопровождать посольские и торговые караваны, участвовать в многочисленных «посылках». Недаром в жалобах приборных людей постоянно звучала просьба облегчить им изнурительную службу.

Система оборонительных сооружений Самары в XVII в. претерпела изменения. В стенах крепости-острога места уже не хватало. Если проплывавший по Волге в начале 1620-х гг. русский купец Ф.Котов писал о том, что «посады и ряды в городе, а около степь» ⁸, то в более поздних описаниях Самары А.Олеария, Я.Стрейса, К.де Бруина, сообщениях документальных источников упоминаются строения и слободы за «городом», в относительно незащищенных местах. Например, в одном из документов 1651 г. читаем: «... за городом за Вознесенскою слободою за огороды на кабацкое питье место под погреб и под избы отвесть» ⁹. Увидевший в 1703 г. Самару голландец Корнилий де Бруин писал: «Город занимает всю гору, а предместье тянется вдоль речного берега» ¹⁰.

Как уже отмечалось выше, во второй четверти XVII в. изменилась топография местности, где располагалась крепость. Волга пробила новое русло ближе к городу, меж-

ду ней и рекой Самарой, также под стенами крепости, возникла протока — «перебоина». Крепость с посадами и прилегающими слободами оказалась вытянутой точно вдоль Волги с юга на север.

Изменение топографии Самары, появление в заволжских степях калмыков способствовали созданию в середине 40-х гг. еще одной системы укреплений. В 1645 г. государевым указом было велено «...у Самарского городка, со стороны защищенной реками, устроить дополнительные земляные укрепления в виде рва и вала со сторожевою высокою деревянною башнею»¹¹. Кроме находившихся под стенами острога ближних «надолб» появились «дальние». Новые оборонительные сооружения отстояли настолько далеко от городка — «дальние надолбы недоходя Студеного оврага» — что смогли защищать даже «конские и скотские выпасы».

Время от времени производился ремонт самарских укреплений и их частичная реконструкция. В 1681-82 гг. воевода И.С.Нестеров писал: «...на Самаре надолбы около города и башни и с раскаты старые починил и вновь многие зделал»¹². На дальних подступах к Самаре уже в первой половине XVII в. устроили небольшие укрепления — заставы, куда посылали служилых людей для оберегания городка от неожиданного нападения, проверки торговых обозов и речных караванов. Одна из таких застав находилась на волжском берегу, другая в степи за рекой Самарой в «Осинниках»(?).

От внезапного прихода «воинских людей» приходилось защищать и подступы к Самарскому уезду. На переволоке между Волгой и Усой самарские воеводы вынуждены были держать караулы. В 1673 г. воевода Самары А.Фондисин построил здесь три небольших острожка, в которые посылались «самарских служилых людей по пятидесяти и больше»¹³. Малые отряды стрельцов должны были нести караульную службу в крупнейших селениях Самарского уезда. Для «оберегания» в Рождественно, Подгорах, других селах устроили простейшие оборонительные сооружения в виде «заборов с боями», надолб и т.д. По описанию начала 1670-х гг., «...в селе Рождественном да в Ильинском у церквей ограды загорожены забором и от приходу воинских людей на заборах по одному бою. Да в селе Рождественном от поль около дворов загорожено забором на заборе два боя, на углу струб дубовый две сажени с облами. В деревне Выползове двор осадной огорожен забором, на четыре угла два боя, кругом надолбы...»¹⁴

Кроме того, Самарский уезд и прилегающие к нему крупные владения оберегали достаточно хорошо укрепленные и вооруженные городки-крепости в Надеинском Усолье (рядом с Усольскими слободами), в вотчине московского Вознесенского монастыря (село Городище-Костычи и рыбная ватага на Сокском устье) и в других местах.

Строительство в середине XVII в. Симбирско-Корсунской и Закамской оборонительных линий, основание Симбирска, постепенный переход селений Симбирского уезда «за вал», ближе к Самарской Луке — все это в известной мере сняло изоляцию Самары и образовавшегося вокруг нее уезда от основного ареала земель Среднего Поволжья, освоенных земледельческим населением. Завершило этот процесс строительство Сызрани и отдельных сооружений Сызранской линии. Видимо, первоначальная идея и проект сооружения новой засечной черты возникли в недрах Разрядного приказа (а возможно и приказа Казанского Дворца) в конце 70-х—начале 80-х гг. XVII века. Однако правительственный указ вышел значительно позже, 23 декабря 1685 г., после основания Сызрани, Печерской слободы, Кушниковой, Губиной и других военно-административных пунктов.

В указе говорилось «по досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою за новопостроенные села и деревни для оберегания от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воеводе от Казачьих гор до Туруева городища и до речки Суры на 70 верстах 342

саженях и по той новой черте сделать 4 городка, чтоб старая Синбирская и Корсунская черта тех городков и пригороды и... пашня и села и деревни, которые за старою Синбирскою и Корсунскою черты стали в черте. И служилые и всяких чинов и уездным людям было бесстрашно. И по Волге всяким людям от приходу воинских людей разорения не было»¹⁵. Новая черта должна была строиться на территории, подведомственной симбирским воеводам. Для ее сооружения и заселения выделили служилых людей Симбирской и Корсунской черт, ясачных чувашей и мордву, государственных крестьян. Дело, однако, так и не сдвинулось с места. 13 апреля 1686 г. последовал новый правительственный указ, отменивший прежний. Для обеспечения безопасности края, дальнейшего его освоения московское правительство посчитало достаточным наличие Сызрани, нескольких казачьих и солдатских слобод. Вдобавок на южных подступах к Сызрани в 1687 г. отстроили Кашпирскую крепость, соединенную с волжским побережьем земляным валом. Крепость поставили в обычной для того времени манере: на высоком мысу, образованном Волгой и впадающей в нее небольшой речкой Кашпуркой.

Устраивая чуть раньше, в 1683 г., Сызрань, ее обнесли семиугольной деревянной стеной с башнями общей протяженностью 290 сажен. Одна из башен, Спасская, была каменной. Посетивший город в 1765 г. подполковник А.Свечин так описывал крепость: «На углу оной Крымзы — неравнобочная четвероугольная крепость, окопана немалой вышины валом, на коем с трех сторон сделанная из соснового лесу стена с обыкновенными по тогдашнему времени пятью башнями, а с четвертой, по угору от реки Сызрану полисадом, кроме сего вверх по оной же реке и окружа форштет закрыт был таким же палисадом, а в приличных местах ворота и башни поставлены были»¹⁶.

Кашпир представлял в плане почти квадратную деревянную крепость с 8 башнями. Стены с трех сторон окружали земляные рвы и надолбы, с четвертой, восточной, хорошо защищал крутой спуск к Волге.

Для заселения новых крепостей и слобод переводились казаки, солдаты и стрельцы из расположенных севернее городов и крепостей. На территории края оказались весьма значительные по тем временам воинские силы: в Сызрани около 500 служилых людей, в Кашпире 188, в Печерской слободе не менее 50. В отличие от самарских, воинские люди правобережья предпочли денежному и хлебному жалованью земельные наделы. Край оказался в относительной безопасности от кочевников, правительственная колонизация в конце XVII в. ушла далеко на юг, к Царицыну, волжско-донской переволоке, и заниматься земледелием оказалось более выгодным.

Несмотря на то, что в некоторых документах конца XVII в. Сызрань называли уездным городом, собственного уезда у крепости не было. Сызранские воеводы подчинялись симбирским, а «их» владения входили в Симбирский уезд.

Таким образом, вся территория Самарского края в конце XVII века числилась в составе нескольких уездов. Правобережье, исключая Самарскую Луку и Надеинское Усолье, подчинялось симбирским воеводам; Самарская Лука — самарским; все левобережье — казанским и отчасти самарским воеводам. Владельцы Надеинского Усолья добились полной независимости своей вотчины от местных властей.

Несмотря на первостепенную важность военно-административных задач, значительное место в деятельности местных властей занимали административно-полицейская, финансовая и хозяйственная функции. Территория края интенсивно обустроивалась, появлялись все новые селения, феодальные вотчины. Приказные избы местных городов должны были оперативно проводить сыск и выдачу беглых, вести постоянный учет населения, предупреждать возможные социальные столкновения, заниматься распределением земельных и водных участков, разрешать поземельные споры. Как и во многих пограничных уездах, в Самарском решили завести десятинную пашню. Надзор за рабо-

тами на пашне входил в сферу государственной деятельности администрации. Сюда же относились организация дворцового рыбного промысла, поиск полезных ископаемых и т.д. Финансовая сфера деятельности местных властей включала сбор налогов, откупных платежей, таможенные пошлины на транзит товаров.

От предшествующего столетия Самара начала XVIII в. унаследовала функцию военной крепости на Волге. Старые городские укрепления здесь погибли в большом пожаре 1703 г., после которого в течение трех-четырёх лет отстроили новые военно-инженерные сооружения, более соответствующие времени и нуждам растущего города¹⁷. Основным узлом обороны стала земляная крепость, поставленная на свободном месте к северо-востоку от сгоревшего старинного кремля. Цитадель («замок») располагалась на территории нынешней Хлебной площади и завода клапанов, имела в плане форму ромба площадью более чем в 3 га. Земляной вал обнесли рвом, а со стороны степи две восточных стены дополнительно укрепили и дефилировали сосновым забором с бойницами. В крепость можно было попасть через двое проезжих ворот или «тайнишные» ворота-калитку. По углам ромба были насыпаны 4 бастиона («болворика») со срубами артиллерийских казематов и бревенчатыми накатами на трех из них, обращенных к степи. Внутри «замка» возвышалась 8-угольная башня («раскат»), крытая тесовым шатром и предназначенная для ведения артиллерийского огня.

От одного из бастионов цитадели в сторону Волги отходила деревянная сосновая стена с «перерубами» - клетями, или заполненными землей, или оставленными пустыми для бойниц нижнего боя. Такие комбинированные деревянно-земляные стены назывались «тарасы». Для размещения караулов и ведения фланкирующего огня на тарасах были возведены две глухие четырехугольные сосновые башни без верха. «Тарасы» кончались у проездных Вознесенских ворот, через которые шла дорога вдоль берега Волги. Ворота были укреплены еще одной башней. От Вознесенских ворот к Волге тянулась стена без «тарас», на ней стояли еще две башни, последняя называлась Волжской. Далее по затопляемой части Волги поставили в два ряда деревянные надолбы — «рогатки». Такие же рогатки преграждали проход между земляным «замком» и рекою Самарой.

Сложные и достаточно протяженные (1320 м) общегородские укрепления должен был оборонять, а при необходимости вести активные боевые действия в поле, значительный гарнизон: 2 пехотные роты по 115 солдат и офицеров, 8 пушкарей, 100 казаков, 150 отставных солдат, 369 малолеток (детей служилых людей), 46 иноземцев. Всего в 1728 г. гарнизон насчитывал 912 человек. На его вооружении находилось 42 пушки разного калибра с 2355 ядрами, 77 фитильных мушкетов, свыше 73 пудов пороха, а также холодное оружие. Такие укрепления и такой гарнизон были совершенно необходимы из-за постоянной угрозы набега кочевников.

В XVIII в. Самара из изолированного опорного пункта на Волжском пути становится частью системы пограничных укреплений, прикрывших от набегов степняков обширные районы на левобережье Волги. Крепости и укрепленные линии, возводившиеся на осваиваемых землях, все дальше продвигались вглубь Заволжья. В 1700 г. был заложен укрепленный пригород Самары Алексеевск, а спустя три года началось строительство Сергиевска. Впрочем, отдаленные друг от друга городки не могли достаточно надежно охранять районы освоения.

В 1731 г. последовал указ Сената о строительстве Ново-Закамской линии. «Начиналась эта линия неподалеку от Алексеевска, близ того места, где река Кинель в реку Самару впадала. При начале ее сделан редут, который назван Кинельским. Отсюда ведена она прямо на р.Сок, к тому месту, где с правой стороны по течению сей реки впадала в нее Кондурча река; тут на левой стороне по течению первая крепость построена и названа Красноярской». На Соку, при речке Орлянке напротив Сергиевска, были построены еще

четыре редута и фельдшанец¹⁸. Перейдя Сок, линия шла «на вершину речки Липовки, и тут построен редут, от коего лесом на вершины речки Боровки верст до 12 сделана засека. Потом идет она через вершины реки Суруша, от которой неподалеку сделан еще редут. Отсюда же прямо на р.Кондурчу, при которой построен фельдшанец». Далее линия пересекала Тарханский лес, реки Черемшан и Шешму и заканчивалась на р.Кичуй. Общая протяженность укреплений — рвов, земляных валов, лесных засек, надолбов — Ново-Закамской линии вытянулась в 230 км, из них 180 проходили по территории современной Самарской области.

Для сооружения линии со всей Казанской губернии, в составе которой тогда находился Самарский край, было взято на работы 15 тыс. человек. Службу на этой линии должны были нести 4 специально учрежденных полка ландмилиции, которая существовала в 1713-69 гг. в качестве специфической части вооруженных сил России, предназначенной для охраны южных и юго-восточных границ от кочевников. Рекрут в ландмилицию и средства на ее содержание предоставляли однодворцы, пахотные солдаты и другие потомки служилых людей старой допетровской армии, а также отставные солдаты новых регулярных войск, поселенные на свободных землях у степных границ.

Вслед за Ново-Закамской была сооружена Самарская укрепленная линия. Она начала строиться в 1736 г. и протянулась от Самары до Оренбурга цепочкой крепостей: Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская и Новосергиевская. «С проведением новой самарской линии крепостей... решено было Закамскую линию оставить, полки Закамской ландмилиции поселить на Самарской и Оренбургской линиях. Так в пределах нашего края река Самарка, вдоль которой протянулись новые крепости, стала границей русских поселений»¹⁹. На земли, находившиеся вблизи укрепленных пограничных «дистанций» и оказавшиеся под их защитой, переселялось население, определенное к содержанию ландмилиции. Так появились слободы Кондурча, Аманакская, Сарбайская, Саврушская, Криволуцкая, Кувацкая, Бугурусланская, Бугульминская и другие. Сыновья переселенцев «по возмужании и поспеивании на службу» пополняли пограничные гарнизоны. На реку Кинель перевели с Яика украинских казаков («черкассов»), поселенных здесь в особой слободе. В Самаре, Алексеевске, крепостях Самарской линии были расселены и несли службу русские казаки, а в Мочинской слободе под Самарой — казаки из татар. Самарские казаки входили в состав Оренбургского казачьего войска, созданного в 30-40-е гг. XVIII в. из «сходцов» (беглых, самовольных переселенцев), основная часть которых пришла из уездов Среднего Поволжья. Подавляющее большинство «сходцов» происходили из крестьян, встречались также горожане и беглые солдаты, лишь 6 процентов составляли потомственные казаки²⁰.

Несмотря на строительство укрепленных линий по реке Яик далее вглубь степей, Самарская «дистанция» не утратила своего значения до последней четверти XVIII в. Левобережье Самары оставалось небезопасным. Так, в 1764 и 1766 гг. кочевые калмыки угоняли пасшийся на том берегу скот горожан. А в 1774 г., пользуясь внутренними неурядицами в России, отряды киргиз-кайсаков (казахов) предприняли несколько неудачных попыток прорваться через Самарскую линию, в том числе и в непосредственной близости от города, для грабежа сел и деревень.

В общей системе пограничных укреплений Самара заняла наиболее безопасный фланг, что быстро отразилось и на состоянии крепости и на численности гарнизона. Еще в 1731 г. ставился вопрос о ремонте в городе земляных и деревянных укреплений, два года спустя Военная коллегия издала соответствующий указ. Однако дело не сдвинулось с места. Самарские власти не сыскали подрядчика на поставку леса, а столичным учреждениям было не до городской крепости — забот хватало с новыми укрепленными линиями. В 1739 г. в Военную коллегия было внесено представление, в котором гово-

рилось, что с «построением разных городов [крепостей] Самара стала в закрытии и опасности нет»²¹. В 1742 г. Правительственный Сенат рассмотрел вопрос о городских укреплениях Самары, которые к тому времени пришли в плачевное состояние: земляной вал осыпался, забор на нем повалился, да и осталось от него «малое число» бревен, потому что остальные растащили на разные надобности. Никакого строительного леса там, где находились тарасы, вообще не обнаружили, сохранились только две обветшалые глухие башни. Ничего, кроме двух башен, не осталось и от стены между Вознесенскими воротами и Волжской башней. От степи город «ненадежно» ограждали лишь рогатки. Сенат отдал распоряжение уточнить количество материала, необходимого для ремонта крепости в Самаре, и выяснить возможность его заготовки. Но дело вновь заглохло, теперь уже окончательно. В конце 1760-х гг. путешественники видели лишь остатки земляных валов без стен на месте бывшей Самарской цитадели²².

Самарские казаки в 1743 г. были переведены в Оренбург, составив ядро тамошнего казачьего войска. Вместе с ними туда же вывели образованную в Самаре дворянскую роту, набранную из здешних недорослей. Правда, в Самаре вскоре пришлось набирать новую казачью сотню, так как преследовать степных грабителей без легкой конницы было невозможно. В 1738 году самарские казаки разбили и переловили волжских калмыков, ограбивших купеческий обоз, шедший из Самары в Яицкий городок, в 1750 г. отбили у калмыков между Красносамарской и Борской крепостями обоз с товаром на 70 тыс. рублей, в том числе с 57 пудами серебра²³.

Кроме казаков, в составе Самарского гарнизона полагалось находиться двум ротам солдат под началом коменданта. На самом деле их наличный состав заметно уступал штатному. В 1742 г. в гарнизоне числилось 97 солдат, в том числе престарелых и раненых, употреблялись они не столько к военной службе, сколько к разного рода посылкам от местных властей. После утраты городом значения крепости служба самарских казаков и солдат продолжалась в конвоях при казенных грузах и людях, в разъездах вдоль пограничной линии, в дальних походах и т.д.

С 1708 г., по табели новых единиц административного деления страны, Самара значится уездным городом Казанской губернии. В 1717 г. переводится в Астраханскую губернию, а со следующего года числится в составе Симбирской провинции (промежуточного звена местного управления между губернией и уездом). Во главе самарских властей оставался воевода, наделенный очень широкими полномочиями, его бесконтрольность создавала почву для произвола. В 1731 г. воевода Кушников принудил самарских купцов взять на себя выплату завышенной суммы кабацкого сбора — казенного дохода от продажи вина, а недовольные этим решением «держаны были и морены в тюрьме в цепях и в колодках»²⁴.

В I половине XVIII века в городе действовали следующие правительственные учреждения: воеводская канцелярия, магистрат — орган городского самоуправления, крепостная контора по оформлению различных актов и сделок («крепостей»), таможня для сбора торговых пошлин. С января 1736 г. в Самаре разместился штат Оренбургской экспедиции, на которую возлагались задачи закрепления под властью российского монарха обширных территорий Заволжья и Южного Урала, земледельческого и промышленного освоения этих земель, развитие торговых и политических связей с народами Казахстана и Средней Азии. Сложность поставленных задач потребовала и достаточных воинских сил, и опытных инженеров, геодезистов, переводчиков, коммерсантов, и решительных, гибких, разносторонне образованных руководителей. По своим рангам и положению командиры Оренбургской экспедиции входили в число высших администраторов государства наравне с губернаторами. За время пребывания штата экспедиции в Самаре ее последовательно возглавляли видные государственные деятели из младшего поколения «птенцов гнезда

Петрова» — сподвижники и последователи царя-реформатора: И.К.Кирилов, В.Н.Татищев, В.А.Урусов, И.И.Неплюев. При Неплюеве подразделения экспедиции переводятся из Самары в утвержденный на современном месте Оренбург, который стал в 1744 г. центром новой обширной губернии, а сам Неплюев ее первым губернатором.

Самара же постепенно утрачивает свое административное значение. Более молодые Симбирск, Сызрань, Ставрополь, Оренбург становятся выше нее по рангу. В 1764 г. город из уездного в составе Симбирской провинции переведен в разряд «заштатных» (безуездных). Села и деревни бывшего Самарского уезда передавались в Сызранский, городское самоуправление оставалось под контролем органов провинциального Симбирска и губернской Казани. Ведавший сбором податей комиссариат также подчинялся казанской губернской администрации. Военная власть, заботы об оборонительных сооружениях, управление военно-служилым населением (солдатами, казаками, отставными чинами) сосредотачивалось в руках коменданта, назначаемого и подчиненного оренбургскому губернатору.

В 1773 г. был принят указ о передаче Самары окончательно в Оренбургскую губернию на правах приписанной к городу Ставрополю слободы²⁵. Реализовать это решение не успели. Крестьянская война 1773-75 гг. заставила правительство для укрепления власти на местах провести масштабную административную реформу и вернуть Самаре статус уездного города.

КАЛМЫЦКИЕ КИБИТКИ И КРЕПОСТЬ СТАВРОПОЛЬ

Особое место в мероприятиях российского правительства по освоению Заволжья отводилось в XVIII в. калмыкам. Чтобы обратить их в лояльных подданных и надежную военную силу для охраны рубежей империи, власти пытались привлечь на помощь религию. Православная церковь, начав в XVII в. миссионерскую деятельность среди кочевников, достигла в следующем столетии значительных успехов. Часть рядовых калмыков и некоторые их правители-тайши переходили из ламаизма в православие. Желая устранить поводы к религиозным конфликтам и возможность возвращения окрестившихся в прежнюю веру, правительство решило изолировать крещеных калмыков и передать их под управление княгине Анне Тайшиной. Для нее на левом берегу Волги выше города Самары была построена в 1738 г. крепость, названная Ставрополем. Именно сюда переселялись из астраханских степей крещеные калмыки.

Руководитель Оренбургской экспедиции Татищев и генерал Соймонов, ответственные за переселение калмыков, отвели им земли «по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги» на Казань. Они же решили «в тех местах никаким помещичьим дачам не быть, а дворцовым, ясашным и монастырским и иноверцам жить в своих деревнях и с ними, с калмыками, селиться оставить свободно»²⁶.

Чересполосное расселение калмыков и государственных крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения кочевников к земледелию и оседлости. Под этим же предлогом княгиня Тайшина попыталась обзавестись крепостными крестьянами, утверждая, что в случае передачи «ей, княгине, поблизости определенного ей с калмыками места деревень из Усольской волости... калмыки могли обучиться к пашне и домоводству, и к русскому обычаю». Но Правительствующий Сенат решил, что «оной княгине деревень давать не надлежит, понеже калмыки к содержанию тех деревень необыкновенны и мо-

гут оныя привести до раззорения, а довольствоваться оную княгиню... определенным жалованием»²⁷.

Благодаря этому решению жители сел и деревень на Самарской Луке и в Заволжье не стали крепостными новокрещенной княгини, помочь же с переселением калмыкам помогли. По распоряжению властей они предоставили работных людей на строительство крепости, города при ней, других поселений. Часть скота переселенцев зимовала в 1737/38 гг. в селе Рождествене, и для него сюда свозили сено, собранное от здешних крестьян²⁸.

Сами переселенцы были организованы в войско наподобие казачьего. Управление крещеным калмыцким войском постоянно находилось в Ставрополе. Название это в переводе с греческого означает «город святого креста», поэтому на городском гербе была изображена «треугольная крепость, в середине которой водружен черный крест в золотом поле»²⁹.

В 1745 г. после смерти княгини Тайшиной был учрежден особый калмыцкий суд, наделенный военно-административными функциями. В нем по штату заседали войсковой полковник, войсковой судья, войсковой писарь, надзиратель за улусами, войсковой есаул, два войсковых хорунжих. В 1770 г. в Ставрополь из Гурьева был переведен гарнизонный батальон, переименованный в Ставропольский. Он находился под командой коменданта, на которого также возложили обязанности по управлению калмыцким войском. Но через десять лет вице-президент Военной коллегии Г.А.Потемкин «повелел, чтобы то ставропольское калмыцкое войско препоручить одного войска полковнику, от армии секунд майору Болоткову и быть сему со всем тем войском под собственными оренбургского губернатора повелениями, не завися уже ни в чем от ставропольского коменданта; а от него, господина губернатора Рейнсдорпа, калмыцкой суд переименован ставропольскою канцеляриею»³⁰.

Из городов Самарского края Ставрополь один сохранил до конца XVIII в. в целостности свои крепостные сооружения, представлявшие шестиугольник, образованный земляным валом с палисадом. В крепости находилось четыре батареи и трое ворот: Оренбургские, Симбирские, Водяные. Город был окружен «с трех сторон горами, а с четвертой заливом Куньей Волошки». Одновременно с укреплениями в 1738 г. в крепости возвели деревянные постройки, занятые под дом батальонного командира, войсковую, комендантскую и батальонную канцелярии, склады провианта, аммуниции, вооружения, школу для обучения калмыцкому и русскому языку. В 1747 г. построили две церкви, каменную и деревянную, в 1760 г. деревянный комендантский дом, в 1766 г. деревянный же «выход» — погреб для хранения денежной казны, а в 1770 г. каменный — для казенного вина. В 1775-77 гг. добавились деревянные, частью на каменном фундаменте, здания гауптвахты, больницы, гарнизонной школы, трех городских цейхгаузов, а так же «сарай для поклажения разных батальонных вещей». На территории крепости располагались жилые дома калмыцких и русских командиров, казенные соляные амбары³¹.

В самом Ставрополе численность калмыков оставалась незначительной. Здесь постоянно пребывали «только составляющие суд их старшины с протчими нижними начальниками, как то хорунжими и есаулами... Для оных начальников отведены в городе жилища. Но из тех простых калмыков, которые здесь и в других городах находятся для мехового торгу и для других причин, живут там же в обыкновенных своих войлошных палатках»³².

Настойчивые попытки правительства сделать калмыков оседлыми, приучить их к хлебопашеству и стойловому содержанию скота имели мало успеха. Хотя зиму крещеные калмыки проводили в постоянных поселках с запасами сена, накошенного ими самими или наемными работниками из соседей-крестьян, но по весне они вновь уходили кочевать «в степь в кибитках». Свои пахотные угодья кочевники сдавали в аренду земледельцам из русских крестьян или поволжских народов.

Зимние поселки калмыков находились вблизи или непосредственно на территории селений оседлых хлебопашцев. Три таких поселка Сусканской роты калмыцкого войска стояли на речке Сускан и по обе стороны столбовой дороги из Ставрополя в Симбирск неподалеку от мордовского села Благовещенская Слобода (современный Верхний Сускан) и деревни Чувашский Сускан. Калмыки Курумоченской роты располагались на зиму в селе Богоявленском (Курумоч), где на 75 крестьянских дворов приходилось 113 калмыцких кибиток. Калмыцкое население Курумоченской роты состояло из 21 начальствующего чина (старшина, ротные, зайсанги) с их сыновьями, 174 рядовых (44 служилых, 42 отставных, 88 малолеток) и 130 женщин.

О занятиях калмыков Сусканской роты сообщалось, что они «в хлебопашестве не упражняются. Податей государственных не платят, а отправляют ежегодно службу для содержания караула на киргизской линии [границе с Казахстаном], а в военное время бывают в походах. Скотоводства имеют в большом количестве, как то конская и рогатая. И продают рогатый скот разным закупщикам на месте. А лошадей гоняют для продажи косяками на Макарьевскую, Карсунскую и другие ярморки, в чем и состоит главный их промысел к содержанию себя...»³³ То же самое можно повторить и о других ротах калмыцкого войска. Этим рот в Ставропольском войске было поначалу 8, а в последней четверти XVIII в. — 11. Кроме них, роты (улусы) располагались при следующих поселениях Самарского края: Ягодное, Аврали, Красноярская крепость, Раковка, Чекалино, Кобельма, Красное поселение, Кошки, Тенеево³⁴.

К югу от реки Самары продолжали кочевать некрещеные калмыки. Земледельческое освоение Заволжья и Нижнего Поволжья приводило к сокращению территории их кочевий, а значит к конфликтам и взаимным обидам земледельцев и скотоводов. В 1765 г. наместник Калмыцкого ханства Убуши обратился с жалобой на то, что «выше г. Саратова в луговой стороне по Иргизу и другим рекам населились новые поселения русских, от которых чинятся калмыкам крайние обиды»³⁵. А на калмыков два года спустя жаловались сызранские государственные крестьяне: «В состоящих же наших сызранских дачах за Волгою-рекою каждый год выезжают из дальних мест многими партиями тысячи по 2 и более с их скотом с немалым числом и кочуют июля с 20 по 1 число сентября и далее и сенные покосы все вытравливают и лес рубят и выжигают и тем нам разорение и обиду чинят»³⁶.

Калмыцкую знать раздражало усиление вмешательства царских властей в калмыцкие дела. Опасаясь утраты своих привилегий, феодалы приняли трагическое для судеб народа решение об откочевке на родину предков, в Джунгарию. В 1771 г. почти все некрещеные калмыки громадной массой — 33 тысячи кибиток, до 170 тысяч человек — двинулись через уральские и киргизские степи в пределы Китая, куда дошли, выдержав изнурительный путь и уцелев от нападений других кочевников, лишь немногие из них.

Образную картину исхода калмыков из России нарисовал в поэме «Емельян Пугачев» Сергей Есенин:

*Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких кибиток
От Самары проползло на Иргис.
От Российской чиновничьей неволи,
Оттого, что как куропаток их щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепаш.*

Численность оставшихся в пределах России некрещеных калмыков и Ставропольского калмыцкого войска еще более сократилась в годы Пугачевского восстания (1773-75), в котором калмыки принимали активное участие и понесли большие потери убитыми, умершими в плену от голода, бежавшими за русские границы. Если с начала переселения калмыков под Ставрополь до конца 1760-х годов численность их там выросла с 2,4 тысяч до 8,2 тыс. человек, то к 1777 г. она сократилась до 5,2 тыс., а в конце века составляла 4,7 тыс. человек³⁷. В XIX столетии ставропольское войско крещеных калмыков было упразднено, а сами они переведены (1842) на жительство в оренбургские степи.

«КУДА ТОПОР, СОХА И КОСА ХОДИЛИ...»

Долгие годы после присоединения Среднего Поволжья к России на территории края существовали только редкие казачьи зимовки и стоянки, в укромных местах прятались ватажные строения русских рыболовов, да за сотни верст приезжали сюда «наездом» в свои уголья мордва, чуваша и татары.

Лишь после строительства Самары, под ее защитой, в конце XVI—начале XVII вв. на Самарской Луке появились первые постоянные селения. Основывали их беглые русские крестьяне, уходившие на Волгу от тяжести феодальных повинностей, малоземелья и бедности центральных уездов страны.

Первые деревни и села устраивались, как правило, под эгидой крупных собственников: церковных феодалов и «гостей»-промышленников. Трудности обживания совершенно неизведанного места, без подмоги со стороны соседей или богатого покровителя выпадали чрезвычайные.

В Самарском крае первой трети XVII в. появилось два крупных центра расселения оседлых. Один занимал всю восточную часть Самарской Луки; второй, так называемое Надеинское Усолье, располагался на западе «большой» Самарской Луки.

Подгорная восточная часть Луки была очень удобна для расселения. Со всех сторон этот равнинный район защищали широкие воды волжской излучины и труднопроходимые, поросшие лесом горы. Местность находилась «под Самарой», под защитой гарнизона крепости. Здесь возникли древнейшие селения Самарского края Рождествено, Подгоры, Ильинское. Первое упоминание о деревне «под Лысой горой», то есть о Подгорах, относится к концу 20-х гг. XVII в. Для того, чтобы защитить, предупредить жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей», к западу устроили караулы. Под защитой караульного острожка возникло еще одно селение — деревня Ново-Подкараульная. По соседству с Подгорами жители из уже возникших селений основали деревню Выползово. Так сложилось начальное ядро старейших русских селений края. Они лежали на открытом месте, рядом с пашенными массивами, а появившиеся почти одновременно маленькие деревеньки мордвы и чувашей — Шелехметь, Борковка, Торновое, Чуракаево — прятались в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. В конце 30-х—начале 40-х гг. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов, около 900 человек³⁸.

Бывшие беглые составляли костяк сел и деревень, численность которых росла достаточно быстро. По переписи 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов³⁹.

По мере роста селений в них обустроивались владельческие дворы, примитивные оборонительные сооружения, храмы. Деревня Подгоры по названию церкви получила но-

вое название — Ильинское, по той же причине Ново-Подкараульная стала селом Архангельское.

В западной части Самарской Луки, рядом с соляными источниками, в 30-х гг. XVII в. возникли слободы Верхнеусольская, Нижнеусольская и Усольская. Здесь обосновались работные люди из Соли Камской, Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники гостя Надеи Светешникова. Большинство жителей слобод составили беглые, «гулящие» люди, пришедшие в Усолье «своей охотой». В середине 40-х гг. занятых на промысле, в сельском хозяйстве, в обороне насчитывалось более 100 человек ⁴⁰.

В 1640-х гг. в центральной, до этого неосвоенной, части Самарской Луки появилось несколько небольших помещичьих деревень: Моркваши, Осиновый Буерак и Ширяев Буерак. Они располагались в укромных, защищенных местах волжского побережья.

Возникшие в первой половине XVII в. селения оказались в уникальном положении. До начала 80-х гг. они находились как бы на острове, отделенном от основного ареала оседлого населения России кочевьями степных народов.

В 50-х—начале 80-х гг. Самарская Лука оставалась основным и единственным районом формирования оседлого населения. Наиболее активно начала осваиваться центральная часть полуострова, земли, принадлежащие государству. Народная колонизация самотеком пробивала все запреты, сыски и розыски, представляя основного «поставщика» населения. Попытки феодалов организованно переводить своих крестьян из других вотчин случались редко. Наибольшее количество переселенцев в эти годы давали близлежащие уезды — Симбирский, Алатырский, Свияжский, Казанский. Миграционные потоки из дальних районов, из центра страны резко сократились.

Наряду с русскими переселенцами значительными группами переселялись мордва и чуваш.

Переселенцы, как правило, не меняли статус, оставались крепостными, государственными, ясачными, дворцовыми; но на какой-то период улучшали свое положение.

В подгорной восточной части Самарской Луки поток переселенцев оседал в старых селах Рождествено, Подгорах и других.

Значительный рост населения и возникновение новых поселений — Жигулевки, Переволок и других наблюдался в Надеинском Усолье. Помимо русских здесь начали селиться чуваш, основавшие деревни Старый Теплый Стан, Новый Теплый Стан на Ногайском ключе и прочие. По писцовым книгам 1686-87 гг., население Усожья составляло около двух тысяч человек ⁴¹.

Наиболее интенсивно осваивалась в эти годы центральная часть Самарской Луки, где возникло около десятка чувашских и мордовских поселений: Березовый и Сосновый Солонцы, Старая Аскула, Бахилов Буерак (Бахилово), Винная на Ключе (Винновка), «Мордвиная», «Карамол» (Кармалы) и другие. О времени возникновения некоторых из этих селений можно сказать более точно. Так, 22 мая 1652 г. самарскому воеводе били челом «черемисины» с просьбой разрешить им поселиться «за государем на оброке в Самарском уезде на диком поле в Брусаянских вершинах у ключа». Им разрешили «дворы поставить и под пашню заложные земли распахать». В 1660-61 гг. «чуваш» уже существовавшей к тому времени деревни Аксулы получили грамоту «на новую пустошь землю, на Сосновый Солонец» ⁴². Так возникла одноименная деревня. Определить, кто жил в этих «чувашских», «мордовских», «черемиских» селениях, довольно трудно. Местная администрация учитывала прежде всего податное население, его социальные категории, а уж напоследок этническую принадлежность. Мордву записывали чувашами, чувашей черемисами, а то и скопом: «мордовские и чувашские деревни».

Мордовскими были прежде всего деревни, расположенные на востоке Самарской Луки, немного в ее центральных районах — Яблонная, Винная. Чуваш основали все

деревни Надеинского Усолья и большинство селений центральной части Луки.

Мордва и чуваша Самарского края продолжали оставаться язычниками. Какой-либо целенаправленной политики христианизации среди них в XVII в. не проводилось.

Селения, принадлежавшие помещикам, хотя и несколько разрослись, все же оставались малонаселенными, занимая тесные поляны и межгорные урочища по волжскому побережью. Ни одно из них не стало селом, ни в одном из них не было выстроено в XVII веке храма.

Новый этап складывания населения Самарского края, освоения ранее пустынных пространств начался в 1680-х гг., когда после строительства Сызрани сравнительно безопасными для обустройства стали земли за пределами Самарской Луки, на правобережье Волги.

К концу XVII—началу XVIII вв. оказалось заселенным все Сызранское правобережье. Кроме слобод приборных служилых людей: Печерской, Усинской, Подвалья, Губино и других, — на волжском побережье оказались такие крупные монастырские поселения, как Новодевичье, Городище; в глубине района, западнее Сызрани, Кузмодемьянское, Рачейка и Студенец; помещичьи села и деревни — Дмитриево, Троицкое, Богородское.

Новые селения возникли в западной части Самарской Луки: Кольцово, Валы, Большая и Малая Рязань.

На правобережье, и в первую очередь на Самарской Луке, становилось «тесно». Приходившие в конце века чуваша и мордва вынуждены были устраиваться «за валом» Старозакамской черты, на левобережье. Так сложился комплекс левобережных селений на землях Новодевичьего монастыря: Хрящевка, Сускан и другие. Когда у игумены монастыря спросили грамоту с подтверждением старинных прав на переселенцев, та не смогла ее представить, отговорившись, что грамота сгорела ⁴³.

Вольная крестьянская колонизация края продолжалась, но ее темпы резко упали. Изменилась общая ситуация в стране. Правительство жестче контролировало розыск беглых, что весьма затрудняло нелегальный уход населения. К тому же Самарский край, его освоенные территории наконец-то вошли, слились с основными районами земледельческого расселения в Среднем Поволжье, и на новых землях в полной мере начали проводить все крепостнические мероприятия правительства.

Тем не менее поток вольного народного населения оставался весьма значительным, вырос по своим абсолютным размерам. Например, в конце XVII в. старцы только одного костромского Ипатьевского монастыря обнаружили в «низовых городах» около 500 беглецов из монастырских вотчин Владимирского и Костромского уездов «от хлебных недородов» ⁴⁴.

Наезды сыщиков превращались в настоящее бедствие и для хозяев вотчин и для жителей. В 1699 г. власти Надеинского Усолья жаловались, что от сыска «...промысел разорился вконец... а крестьяне и бобыли... разбредаются» ⁴⁵.

Значительное распространение в конце XVII в. приобрел перевод крупными феодалными владельцами своих крестьян из центральных уездов страны в новопожалованные приволжские вотчины. Спустя полвека крестьяне рассказывали: «...наперед сего деды и отцы их, также и из них некоторые, но самые престарелые уже имели жительство во Владимирском, Верейском и Углицком уездах, в разных того Новодевичьего монастыря селах и деревнях, а потом, в прошлых давних годах... несколько числом душ, переведены и поселены... в Ново-пречистенской волости...» ⁴⁶

Участились массовые переселения крестьянских семей их владельцами, и тогда беглых чужаков в селениях по сути не встречалось. Например, при основании сел Городище (Костычи) и Кузмодемьянское (Старая Рачейка), власти Вознесенского монастыря перевели на Самарскую Луку и в Сызранское Поволжье более 200 крестьянских дворов ⁴⁷.

Так сложилась в XVII в. система сельских поселений Самарского края: крупные, хорошо устроенные, с храмами, промысловыми заведениями и господскими дворами русские монастырские и дворцовые села; небольшие, прячущиеся в укромных местах, между лесами и горами чувашские и мордовские деревни, как правило ясачные или частновладельческие; также сравнительно малочисленные, расположенные в урочищах и на полянах волжского побережья помещичьи селения. После 1683 г. прибавилась категория слобод служилых людей, как правило, крупных, с большими земляными наделами, быстро обзаводившихся своими церквями. Темпы роста населения края к концу XVII в. значительно выросли, но все же плотность населения заметно уступала ранее освоенным уездам Среднего Поволжья. На протяжении всего XVII в. край оставался заселяемым регионом и только к концу века начался некоторый отток населения.

К началу 1700-х гг. просторы Самарского Заволжья еще не освоили земледельцы, здесь велось исключительно кочевое скотоводство. Постепенное освоение земель осуществлялось в основном беглыми помещичьими, государственными и дворцовыми крестьянами. В этом процессе принимали участие также вольные люди, но их количество по сравнению с XVII в. значительно сократилось из-за проведения подушных переписей («ревизий») населения и введения паспортов.

Бегство крестьян в Поволжье, начавшееся в XVII веке, продолжалось и все следующее столетие, но районы притока беглых изменились. Теперь их основная масса направлялась на юго-восточную окраину Поволжья и вглубь Заволжья. Уходили из центральных районов страны и с уже освоенной горной стороны Волги в надежде найти спасение от малоземелья, налогов и поборов, барщины и других повинностей.

Особенностью освоения Самарского края являлось то, что оно по-прежнему осуществлялось как русскими людьми, так и народами Поволжья — мордвой, татарами, чувашами. Национальные особенности групп переселенцев сказывались при выборе ими мест под жилье. Русские крестьяне всегда обустраивались на открытой местности, в низине, удобной для земледелия. Выходцы из поволжских народов — вблизи лесов, а нередко даже в самих лесах, где они помимо земледелия могли заниматься бортничеством и охотой.

Положение первых поселенцев в Заволжье было тяжелым. Крестьянские жилища, пашни, скотные дворы часто подвергались набегам кочевников. Беглых преследовало правительство, и на протяжении XVIII в. против них направили более ста указов. К середине века по России в бегах числилось свыше 200 тыс. помещичьих крепостных. Значительная их часть бежала на Волгу. В 1733 г. в Среднее Поволжье была направлена Сенатская экспедиция, получившая задание водворить всех беглых на прежнее место жительства, «а оставшее строение после всех тех беглых крестьян... разорить и зжечь, дабы впредь никакова пристанища быть не могло».

В 1736 г. в Самаре, Сызрани и других городах Среднего Поволжья учредили заставы и разъезды для задержания беглых и возвращения их владельцам. Во второй половине XVIII в. действовала «Комиссия сыскных дел от Казани до Саратова», основной задачей ее являлись «сыск и искоренение воров, разбойников и беглых людей»⁴⁸.

Немало слобод и крепостей, заселенных беглыми и вольными людьми, возникло вдоль укрепленных линий. Так, по свидетельству властей, на месте Черемшанской крепости первоначально обосновались «беглые и беспутные гуляки и плуты». Преследуя беглецов, правительство было вынуждено в особых случаях, ввиду острой нехватки рабочих рук в Заволжье и Приуралье, легализовывать их проживание в крае. Например, в 1742 г. Сенат разрешил не выселять беглых крестьян, обнаруженных в селениях по Самарской линии. В качестве компенсации их бывшие владельцы получали рекрутские квитанции в счет будущих наборов в армию.

В новые поселки Самарского Заволжья принудительно выслались из всех губерний России «непомнящие родства», то есть беглые, чье происхождение и владельцев власти в ходе следствия не могли установить. «Непомнящие родства» являлись одним из разрядов государственных крестьян. Их селили, как правило, в одни слободы вместе с «содержащими ландмилицию».

Считаясь по необходимости с вольным освоением новых земель, государство предпочитало все же такие формы переселения, которые позволяли контролировать этот процесс. Для заселения малообжитых районов Заволжья принудительно перемещались не только «непомнящие родства», но и другие категории государственных, а также дворцовых крестьян. Так в 1703 г. по указу правительства в Сергиевск перевели 100 крестьянских семей из дворцовых сел Среднего Поволжья.

Все же гораздо чаще инициаторами переселения выступали сами казенные крестьяне, но во избежание конфликта с властями они ставили местную администрацию в известность о своем намерении. Чиновники были вполне удовлетворены этим, так как при таком варианте переселенцы не терялись из виду налогового ведомства и других государственных органов. Заложив село, поселенцы припускали, как правило, к себе новых жителей.

В октябре 1764 г. новокрещены из мордвы нескольких деревень Пензенского уезда подали прошение о том, что «отпущены они от мирских людей для прииску и поселению за малоимением при тех их жительствовах земли, естле где они отыскать могут... Они и отыскали в том Самарском уезде при деревне Семейкиной, ибо де той деревни новокрещены и все обыватели на свою крепостную землю принять к поселению и пожелали». В подтверждение этой просьбы жители Семейкиной обратились в Самарскую канцелярию: «Всепокорно просим, дабы повелено было вышеписанных новокрещен из мордвы к нам в подушный оклад определить, ибо мы желаем в той нашей деревне построить вновь церковь божию»⁴⁹.

Земледельческое освоение происходило главным образом путем мирного расселения русских крестьян и представителей малых народов Поволжья на свободных и купленных у башкир землях. Поселенцы разных национальностей жили в добром соседстве друг с другом, постепенно возникали села и деревни со смешанным национальным составом. Все это способствовало взаимообогащению культур всех народов.

Так на территории современного Похвистневского района переселенцы из государственных крестьян основали чувашские деревни Питтипель (Ганькино), Рзи яль (Рысайкино), Стюхино, Султангулово, Аверкино, Ибряйкино, Чекалинка, Скородумовка, татарские — Кутлугушево (Похвистнево), Али аул (Алькино), мордовские — Алешкино, Большой и Малый Толкай, Ега, Ключи (Архангельское) и другие⁵⁰. Аналогично шло заселение других районов края. В северных и центральных уездах будущей Самарской губернии сложились сплошные массивы мордовских поселений, перемежающиеся русскими и чувашскими селами и деревнями, в северных и восточных уездах компактными группами оседали татары⁵¹.

Названия многих существующих и донныне сел и деревень донесли до нас имена первопоселенцев из XVIII в. В Шенталинском районе Подлесная Андреевка названа по Андрею Лукоянову. В Похвистневском районе названия Ибряйкино, Аверкино, Ганькино сохраняют память о Борисе Алексееве (языческое имя Ибрай), Аверьяне Андрееве (Аверка), Гавриле Степанове (Каник Яшкин). Селу и райцентру Клявлино дано имя от Клевле Чюрекеева (Василия Иванова в крещении), селу Саперкину Исаклинского района — Сапера Тоимекеева (Савелия Борисова)⁵². Перечень этот можно продолжить...

Для хозяйственного освоения заволжской степи, лежавшей к югу от Самары, правительство Екатерины II стало привлекать раскольников и иностранных колонистов.

Старообрядцам были отведены земли по берегам Волги, Иргиза, Еруслана и других рек. Весьма выгодные условия переселения привлекали в Россию массу колонистов, в основном немцев. С 1764 по 1800 гг. на территории будущих Николаевского и Новоузенского уездов ими было основано 57 колоний на луговой стороне Волги и по ее притокам.

До 1736 г. действовал закон, запрещающий покупать и продавать башкирские земли. После его отмены земледельческое освоение северо-восточных и восточных районов Самарского края пошло быстрее. Башкиры вынуждено уступили земли своих дальних кочевий, ограничившись пределами внутренней Башкирии. Часть была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались у башкир за бесценок помещиками. К примеру, в 1755 г. капитан Толстой приобрел у башкир земли по реке Кинель и ее притокам окружностью в 250 верст всего за 40 рублей.

Дворянское землевладение в крае расширялось также в результате царских пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укрепленных линий и засечных черт, признания за помещиками самовольно занятых угодий. Не останавливались дворяне и перед насильственным захватом земель. Так помещица Ермолаева при поддержке высоких покровителей вытеснила из Исакова (Николаевского) проживавших там татар и башкир, а их земли присвоила⁵³. На свои новые земельные владения помещики активно переводили крепостных крестьян из менее плодородных и малообеспеченных угодьями районов.

«В новопоселенном сельце Успенском, Кротовка тож» надворный советник И.Е. Кротков разместил 29 душ мужского пола из Пензенского уезда, полученных в приданное за его женой. Недалеко, «в деревне новопоселенной Липовке», обосновались сразу 9 мелких помещиков (отставные сержанты, капралы, гренадеры, драгуны), переведя сюда каждый от 2 до 7 душ мужского пола из уездов Симбирского, Казанского, Рязского, Ярославского; в той же Липовке с ними соседствовали однодворцы из Симбирского, Пензенского, Казанского, Алатурского уездов. У некоторых из них были собственные дворовые люди и крепостные крестьяне, которых поселили здесь же⁵⁴.

Не останавливались дворяне и перед незаконным приемом беглых. Большинство поселенцев Старого Буяна, владения майора Г.Я. Дмитриева, составляли крестьяне разных помещиков, ушедшие от своих хозяев⁵⁵. Последние, даже разыскав их, предпочли не возвращать ненадежных подданных на прежнее место жительства, а оформить их продажу Дмитриеву; беглые вновь стали крепостными, но другого хозяина. Таким образом, помещичья колонизация, поощряемая правительством, сопровождалась распространением и укреплением крепостничества.

Активное участие в освоении и заселении Среднего Поволжья принимало дворцовое ведомство, через которое осуществляли свои вотчинные права крупнейшие землевладельцы России — царь и члены его семьи. Так, в 1710 г. в районе Старо-Закамской черты образовалась Черемшанская дворцовая волость из 5 селений. В отличие от дворца или помещиков, монастыри в XVIII в. перестали играть прежнюю роль в освоении Самарского края.

Накануне Крестьянской войны 1773-75 гг. процесс освоения Самарского края охватил немалую территорию, за исключением южных и юго-восточных районов, где земледельцев еще почти не было. На освоенных землях проживало уже около 100 тыс. человек. Дворяне и чиновники составляли 1% населения, горожане 2%, военно-служилые сословия (казаки, калмыки, черкасы и др.) 20%, крестьяне 77%. Очень пестро выглядел национальный состав жителей: русские 44%, народы Поволжья (татары, мордва, чуваша) 46%, калмыки более 8%, украинцы более 1%⁵⁶.

ВОТЧИНЫ, ПОМЕСТЬЯ, ОБЩИНЫ

В основе экономики и социальной жизни любого феодального общества, в том числе и Российского, лежит право собственности на землю и на людей ее обрабатывающих. Однако на окраинных пограничных землях складывание феодальной собственности имело отличия от ранее освоенных районов страны.

Эта специфика наблюдалась и на территории Самарского края, где в XVII в. появление феодалов-землевладельцев сдерживалось постоянной опасностью нападений кочевников. Единственным более-менее безопасным местом являлась Самарская Лука, с ее весьма ограниченными равнинными пространствами. Потому-то в Самарском Поволжье до середины 1680-х гг. внимание крупнейших собственников страны прежде всего было обращено на распределение волжской акватории с ее богатейшими рыбными ловлями. Местная администрация не сразу смогла контролировать рыболовные угодья, эффективно распределяя их в оброчные владения. На волжские рыбные богатства претендовали многие — жители местных городков, крестьяне, посадские люди, богатейшие предприниматели-купцы из городов Верхней Волги и Центра, крупнейшие монастыри, Патриарший Дом, Дворец. Среди этих промышленников, как ни странно, практически не было светских феодалов. Развернувшаяся между представителями отдельных сословий борьба за лучшие угодья завершилась к концу XVII в. почти полной победой церковно-монастырских предпринимателей. Относительно небогатые крестьяне и посадские люди верховых городов не смогли конкурировать с ними. Жители окрестных городков-крепостей были удовлетворены тем, что к середине XVII в. получили фиксированные подгородные рыбные ловли. Значительно дольше длилось соперничество между богатыми купцами промышленниками и монастырями. Ярославский гость Надея Светешников, нижегородцы Задорины, люди гостинной сотни Кипреян Климшин, Яков Шустов и другие обладали едва ли меньшими состояниями, чем их основные конкуренты. И все же купечество проиграло. Главной причиной нестабильности, слабости светского непривелегированного предпринимательства была его двойственность: «выходцы из торгово-промышленной среды не попадали в лоно господствующего класса», не пользовались его льготами и в то же время «не становились настоящими капиталистами», не могли основать производство на новых основах ⁵⁷.

Фиксированные, строго ограниченные владения волжскими водами начали складываться с начала XVII в. В это время «...в Самарском городе на реке Волге воды... с верхние изголови Тушина острова до... нижнего устья Самары реки...» получил нижегородский Печерский монастырь ⁵⁸. В 1606 г. право на безоброчное владение рыбными ловлями «в самарских водах... от Черного затона [ниже возникшей позже Сызрани] до устья реки Елань Иргиз» досталось московскому Чудову монастырю. Вслед за этими монастырями крупными владельцами вод на волжской акватории стали в первой четверти XVII в. самарский Спасо-Преображенский и нижегородский Благовещенский, в начале 30-х гг. московский Новоспасский и в начале 60-х гг. звенигородский Савво-Сторожевский монастыри. Новая волна раздач последовала в последней четверти XVII в.: крупные рыболовецкие участки оказались в руках московских Новодевичьего и Вознесенского монастырей, существенно расширили свои владения Савво-Сторожевский и Чудов монастыри. Раз «зацепившись» за волжский участок, монастырские власти, как правило, уже не отпускали его. К концу XVII в. в Самарском Поволжье от устья Большого Иргиза и до устья Большого Черемшана сложился огромный промысловый район, основными владельцами которого были богатейшие центральные монастыри: московские Новоспас-

ский, Чудов, Вознесенский, Новодевичий; подмосковный Савво-Сторожевский. Их вотчинные владения охватывали десятки километров, занимая не только волжскую акваторию, но и прилегающие реки и озера.

Первоначально все волжские воды считались государственной собственностью и передавались частным владельцам только в оброчное пользование. В оговоренные сроки в волжских городах проводились специальные торги, на которых «с наддачей» производилось конкурсное распределение участков волжской акватории. Оброчные воды имели четкие границы, раздавались на срок от одного года до 3-5 лет. Специально оговаривались условия промысла, порой даже до количества вылавливаемой рыбы, ее размеров. В отношении светских предпринимателей, мелких монастырей эти правила действовали неукоснительно. Однако богатые монастыри, близкие к царскому двору, обретали ряд льгот. Постепенно оброчные владения превращались в вотчинные, монастыри получали на них жалованные грамоты, освобождались от контроля со стороны местных властей.

Феодальная собственность на рыболовные угодья была по своему статусу гораздо ниже, менее устойчива, чем на земельные владения. Незаботанным являлось правовое обеспечение этого вида собственности, на него распространялись нормы сервитутного права. Закрепить за собой рыболовные участки разрешалось только владельцам земельных участков на волжских берегах. Однако сделать это было не так-то просто. Селиться на опасном побережье находилось мало охотников. Правительство же препятствовало появлению в Симбирско-Самарском Поволжье крупного вотчинного землевладения светских и церковных феодалов из центральных районов страны с помощью так называемых норм законодательства о заказных городах, распространявшихся практически на все приграничные районы юга и юго-востока страны ⁵⁹.

Широкое распространение феодальной земельной собственности на землях Самарского Поволжья можно отнести к концу 80-90х гг. XVII в. Однако крупное землевладение на территории края появилось значительно раньше: первое упоминание о пашнях и селениях самарского Спасо-Преображенского монастыря, занимавших всю восточную «подгорную» часть Самарской Луки, относятся к первой четверти XVII в. Небольшой провинциальный монастырь не смог бы освоить столь значительную территорию, населить ее своими крестьянами, если бы не находился во владении Патриаршего Дома. Крестьяне и работные люди монастыря сеяли на старцев хлеб, делали «изделия», работали на монастырском рыбном дворе и на ватагах. Судя по данным переписных книг 1646 г., это владение занимало основную часть населенной территории Самарского уезда, концентрируя большинство его жителей ⁶⁰. В неизменных границах вотчина просуществовала до 1670 г., когда Спасо-Преображенский монастырь приписали к Самаре, его владения передали Дворцу, а патриарх получил компенсацию в Нижегородском уезде ⁶¹. Длительное время монастырские владения на Самарской Луке являлись центром складывания в районе феодального землевладения, формирования населения. Несколько позднее, в 1631-32 гг., другой такой же центр появился в западной части Самарской Луки, где громадный земельный участок с примыкающими к нему рыболовными угодьями получил ярославский гость Надея Светешников ⁶². По его имени вся местность получила название Надеинское Усолье. В новоприобретенном оброчном владении предпринимателя прежде всего интересовал соляной промысел. Природа хорошо защитила Надеинское Усолье от нападений кочевников. Кроме того, там находился хорошо укрепленный городок с мощным вооружением. Потому-то в окрестностях промысла безбоязненно начали селиться беглые русские, чуваша. Сам Надея Светешников за неуплату государственного долга в 1646 г. был поставлен на правеж и умер. Владение перешло ко Дворцу, но вскоре сын Надеи Семен выкупил промысел. Семья Светешниковых владела Надеинским Усольем до 1658 г., потом его выкупило государство и в 1660 г. передало в оброчное владение Савво-

Сторожевскому монастырю. Элитное положение монастыря, близкого к царскому дворцу, сказалось и на Надеинском Усолье. В начале 70-х гг. оно из оброчного стало вотчинным владением. Усолье вывели из-под контроля местных симбирских воевод и подчинили сначала казанским, а затем вообще передали в ведение московских приказов. Экстерриториальность владения дополнили рядом налоговых льгот и иммунитетных прав. По площади — около 1500 кв.км, по численности населения, по доходности Надеинское Усолье стало крупнейшим и наиболее значительным владением монастыря.

Как отмечалось выше, после строительства Сызрани на территории правобережья селиться стало относительно безопасно. В 1683 г. небольшой участок получил московский Новодевичий монастырь, а в конце XVII—начале XVIII вв. на месте скромного пожалованья возникла огромная вотчина с многочисленным населением. Центром владения стала Новопречистенская слобода (село Новодевичье). Немногим позже земли южнее Сызрани, примыкающие к старинным рыбным ловлям, получил московский Чудов монастырь, а еще южнее — московский Новоспасский. Крупная вотчина возникла рядом с Кашпиром. Ею завладел домовый монастырь казанского митрополита — кашпирский Вознесенский. И наконец, владельцем еще одной крупной вотчины края оказался московский Вознесенский монастырь. Земли его располагались в нескольких местах: между Сызранью и Печерской слободой, несколькими десятками верст западнее Сызрани (село Кузмодемьянское, ныне Старая Рачейка). Феодальное законодательство середины—второй половины XVII века пыталось сдержать рост церковной собственности, ограничило источники его увеличения⁶³, но эти препоны легко обходились. Церковные феодалы получали землю в пожалованье, как это было с Чудовым монастырем, в «указное число» (московские Вознесенский и Новоспасский), путем обменов, а то и прямых захватов. Наиболее «удивительный» случай произошел с владениями Новодевичьего монастыря. Первоначально его старцы получили к рыбным ловлям под рыбный двор место на волжском правобережье размером 500 на 500 сажен. Через 15-20 лет монахини распорядились огромной территорией, площадью никак не менее 1000 кв.км. Новые земли монастырь получил благодаря неравноценным обменам, замаскированным покупкам, а в основном за счет прямых захватов местных неразмежеванных земель.

Таким образом, в конце XVII—начале XVIII вв. на территории Самарского края вдоль Волги, от устья Большого Черемшана и почти до самого Саратова, на самых благоприятных для хозяйственной деятельности территориях сложился район церковно-монастырского земле- и водовладения. Монастыри, ранее занимавшиеся почти исключительно рыболовством, начали все больше внимания уделять земледелию. На полученные земли переводили крестьян из центральных уездов страны, основывали поселения, из которых впоследствии выросли такие известные города, как Вольск, Хвалынск, Октябрьск; селения Новодевичье, Усолье, Рождествено, Старая Рачейка и другие. У большинства монастырей новоприобретенные владения стали крупнейшими среди прочих (до 15-20 процентов населения всех вотчин), являлись поставщиками основных денежных средств и рыбных припасов в метрополию.

На протяжении всего XVII в., и особенно во второй его половине, землевладение светских феодалов росло значительно быстрее, чем собственность других групп феодальных владельцев, занимало господствующее положение в стране. Однако на территории Самарского Поволжья светская форма феодальной собственности была развита слабо. Первые земельные владения местного самарского дворянства возникли в крае только в первой половине 40-х гг. и были крайне малочисленны и невелики. Очевидно, первым помещиком Самарского уезда стал самарец Михаил Филитов, получивший в 1643 г. в счет поместного оклада 30 четвертей земли. В 1644 г. поместный оклад получил еще один самарский дворянин Василий Порецкий⁶⁴. По данным переписи 1646 г., на землях этих

помещиков были уже устроены селения: у Филитова — деревня Ширяев Буерак, у Порецкого — Моркваша и Осиновый Буерак (по всей видимости, село Осиновка). Дворянское землевладение Самарского края не могло идти ни в какое сравнение с монастырским или дворцовым. Земли и деревушки, принадлежавшие помещикам, занимали неудобные окраинные территории — межгорные урочища, поляны, жались к волжским берегам, были оторваны от основных массивов расселения. Наследники Филитова и Порецкого, с одной стороны, за счет новых пожалований значительно «округлили» земли своих отцов; с другой, разделили их между многочисленными братьями и сестрами. К концу XVII в. владельцами вышеуказанных деревень числились Порецкие, Филитовы, Алампеевы, Сафионовы, Алферьевы, Ярцевы и другие ⁶⁵.

У самарских дворян и детей боярских особый аппетит к поместьям на Самарской Луке проснулся с конца 50-х — начала 60-х гг. XVII в. Свободных земель в уезде было не так уж много и помещики начали буквально подбирать «кочки» у Бруснянского оврага, устья пересыхающей речки Мордовы, на Ермаковой Поляне, по Аскульскому оврагу и т.д. Так появились поместья, а затем и маленькие деревушки самарцев А.Я.Короткова, Ю.Шейна, А.Я.Алампеева, И.Чижова, М.Перфильева, С.Исакова и других. Всего к концу XVII в. на территории уезда насчитывалось около полутора десятков помещичьих владений.

Пожалование Самаре огромного массива пахотных земель и сельскохозяйственных угодий на Левобережье, вокруг города, не дало желаемого эффекта. Заниматься земледелием в Заволжье, а тем более селить на новых территориях крестьян и основывать деревни препятствовали нападения кочевников.

Земельные владения самарского дворянства в XVII в. были невелики и насчитывали от нескольких десятков до сотни, в редких случаях до двухсот четвертей. Однако нельзя забывать, что дворяне и дети боярские имели поместья и вотчины в других районах страны. Во время поземельных споров обиженная сторона зачастую пыталась обратить внимание правосудия именно на это обстоятельство.

В 80-х гг. XVII в. началось массовое распределение земель на территории современного Сызранского и части Шигонского районов. Крупных поместных и вотчинных владений, таких, например, как у С.К.Дмитриева, получившего и захватившего несколько сотен четвертей пахотных земель и угодий и основавшего на них ряд поселений, было сравнительно немного. В основном же земли на поместном праве получали многочисленные приборные люди. Казаки, стрельцы, солдаты стали владельцами сравнительно небольших земельных наделов от 10 до 40 четвертей в одном поле. В ряде случаев, за «дальностью», за какие-либо заслуги давались дополнительные наделы. Так как свободной земли было достаточно, поселенцы добирали еще себе «примерные» земли. Большинство приборных людей к концу XVII — началу XVIII вв. растеряло свои привилегии и пополнило ряды государственных крестьян, но некоторые из них влились в сословие помещиков.

Служилые люди «по отечеству» получили гораздо большие наделы земли — от 50 до 400 четвертей в одном поле. Они-то и составили массовый слой мелких и средних землевладельцев Симбирского уезда, как правило, имевших от 5 до 30 крестьянских дворов.

В последней трети XVII в. крупным собственником на территории Самарского края стал Дворец. История появления его владений довольно любопытна. В конце 30-х гг. дворцовому ведомству была отписана большая часть вотчины Спасо-Преображенского монастыря. У церковной братии осталось только крупнейшее из селений вотчины — село Рождествено с прилегающими к нему пашнями и угодьями. Однако вскоре, в 1648 г., все ранее взятые на государя земли были возвращены патриаршему монастырю. В начале 70-х гг. все монастырские владения в восточной части Самарской Луки вновь и теперь уже

окончательно отошли к Дворцу, овладевшему действительно богатой вотчиной, включавшей старейшие селения края, подавляющее большинство людских ресурсов уезда. В 80-х гг. XVII в. только при селе Рождествено государева десятинная пашня составила во всех трех полях 120 десятин, за крестьянами четвертной пашенной земли насчитывалось 904 четверти в одном поле, в усадьбы была отведена 71 десятина, да кроме того имелось много так называемого «пашенного лесу», «дикого поля», «сенных угодий» и т.д.⁶⁶ Управление дворцовой вотчиной сосредотачивалось в приказной избе в Самаре. Местные уездные власти посылали в Рождествено, где находилась дворцовая «контора», дворян и детей боярских, чтобы те лично досматривали за ведением дел.

К концу XVII в. картина феодального землевладения на территории Самарского края выглядела следующим образом. Большинство наиболее удобных для эксплуатации земель принадлежало церковно-монастырским феодалам. Светское землевладение получило широкое распространение в последние 15-20 лет на правобережье, в районе Сызрани. Дворцовые владения занимали локальную территорию в восточной части Самарской Луки. Ситуация изменилась в начале XVIII в., когда в ходе проведения секуляризационной политики управление бывшими монастырскими вотчинами взяло на себя государство.

Организацию хозяйства крупной феодальной вотчины лучше всего рассматривать на примере монастырских владений. В источниках достаточно полно освещены системы хозяйствования двух монастырей: звенигородского Савво-Сторожевского и московского Вознесенского. В обеих вотчинах были устроены городки с довольно мощным вооружением, здесь жили управляющие вотчинами — старцы, промышленники, приказчики, подъячии, слуги. Земельные угодья монастырей неразрывно были связаны с крупными рыбными ловлями и соляным промыслом. Если рыбные промыслы удовлетворяли в первую очередь внутренние потребности монастырской братии, имели потребительский характер, то соляной промысел давал в казну Савво-Сторожевского монастыря значительные суммы денег. В последней трети XVII в. до половины ежегодного монастырского бюджета покрывалось за счет средств, полученных от продажи соли. С течением времени все большее значение в хозяйствах с промысловым уклоном обретало земледелие. Получать все необходимое на месте — вот девиз феодальных предпринимателей. Обеспечивать население привозным хлебом оказывалось дорого и невыгодно, поэтому монастырские власти наделяли переселенцев землей. Особенно последовательны в переселении своих крестьян были власти Вознесенского монастыря. Все переведенные монастырем крестьяне наделялись землей, для собственных нужд им прирезался приусадебный участок. Население Надеинского Усолья было более разнородным: в основном бобыли и работные люди, кроме них — крестьяне, мастеровые, слуги, чувашское население. Большинство пользовалось наделами земли.

Жители вотчин несли самые различные повинности. Почти во всех владениях получили развитие основные формы ренты. Однако к концу XVII в. начала преобладать барщина. Монастырская запашка распространилась в хозяйствах как с промысловым уклоном, так и с аграрным. В промысловых владениях широко распространилась феодальная повинность в виде оплачиваемого принудительного труда в рыболовстве и солеварении.

Несмотря на проникновение в поволжскую деревню товарно-денежных отношений, их развитие не выходило за рамки феодального уклада. Формирование крупного феодального хозяйства в период начального складывания всероссийского единого рынка несомненно должно было порождать фрагменты товарного производства, крупного предпринимательства, порой со значительным разделением труда. В целом же это формирование мирно вписывалось в структуру феодального способа производства. В отношениях между феодальной администрацией и зависимым населением получили

развитие самые грубые методы внеэкономического принуждения. Например, в грамоте жителям Надеинского Усолья говорилось, что в случае непослушания их старцу Л. Моренцову «...быть им в жестоком наказании без всякой пощады»⁶⁷. Приказчики, старцы, промышленники выступали полновластными хозяевами в феодальных владениях, могли творить любой произвол.

В первой трети XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Среднем Поволжье происходило относительно медленно. В Самарском крае оно сосредотачивалось в его крайних северных районах и на Самарской Луке. На 1719 год, по данным 1-й ревизии, крепостных помещичьих крестьян не отмечено даже в правобережном Сызранском уезде⁶⁸, тем более их не могло быть в степных просторах Заволжья. Начиная со второй трети XVIII в., а главным образом во второй половине столетия помещичье землевладение интенсивно расширяется в центральных районах края и на левом берегу Волги к югу от Самарской Луки.

В крае увеличился удельный вес крупных вотчин. Если в самом начале XVIII в. большинство помещичьих крестьян проживало в небольших владениях, то затем концентрировалось в крупных, среди которых выделялись вотчины князя А. Д. Меншикова в первой четверти века и графов Орловых во второй половине столетия.

В Среднем Поволжье А. Д. Меншиков имел вотчины в трех уездах: Казанском (Черемшанская волость), Саратовском (Новоспасская или Малыковская волость) и в Симбирском (Новоалександровская слобода, Новопречистенская, или Новодевичья, и Усольская волости в районе Самарской Луки). Эти вотчины были отписаны на его имя в 1705-10 гг. преимущественно из владений разных монастырей и находились в его собственности до 1728 года. По сведениям 1-й ревизии, они включали 31 село и деревню, а в них 9402 души мужского пола.

Расчетливый и прижимистый хозяин, Меншиков чутко и гибко реагировал на новые веяния в экономике страны. Земли в его вотчинах активно включались в хозяйственный оборот. В поволжских владениях сохранились все прежние повинности крестьян, но общая доходность возросла. Например, возникали новые села и деревни, в которые переводились крестьяне из центральных губерний, что позволяло более интенсивно использовать природные богатства края. Крепостные Усольской, Новопречистенской, Новоалександровской волостей (6088 душ мужского пола) в 1727 г. должны были внести оброк на сумму 3739 руб., вспахать на барщине 706 десятин, скосить 1359 стогов сена. Кроме того, крестьяне обязывались выставить значительное число конных работников для конюшенного двора князя. Немало повинностей было связано с рыбным промыслом, имевшим важное хозяйственное значение. Например, к Усольской вотчине прилегал рыбные ловли «по Волге и Усе рекам и в озерах и в заливах», которые давали в год доходу приблизительно 4,6 тыс. рублей⁶⁹. Князь Меншиков обложил оброком торговлю и промыслы своих крестьян. Развитие товарно-денежных отношений сказывалось и в замене натуральных повинностей и оброков денежными. Вотчинная администрация Усольской волости прямо предлагала вместо отработок на барской пашне и конюшенном дворе ввести дополнительные денежные поборы с крестьян.

После конфискации имений опального князя в 1728 г. его поволжские вотчины отошли частично дворцовому ведомству, частично старым владельцам — монастырям. Новоалександровская слобода (Маза) была пожалована генералу Левашову в марте 1729 г.⁷⁰ Через 40 лет значительная часть бывших владений Меншикова (Усольская и Новопречистенская волости), а также ряд других казенных и дворцовых селений края оказались у графов Орловых.

В 1767 г. Екатерина II в сопровождении свиты путешествовала по Волге от Твери до Симбирска. Среди сопровождавших императрицу находились Григорий и Владимир

Орловы. Из Симбирска Владимир отправился в Астрахань, по пути заглянув в села Новодевичье и Усолье. Здесь к нему присоединился Г. Орлов. «Брат Григорий приехал сюда на шлюпке, — отметил в своем дневнике В. Г. Орлов, — и ездил по полям осматривать места, которые ему очень понравились»⁷¹. Впрочем, Самарская Лука привлекала внимание Орловых еще до путешествия императрицы. В 1764 г. старший из братьев Иван Григорьевич купил в Ставропольском уезде село Головкино и поселился в нем в надежде на передачу Орловым лежащего ниже по Волге Усольского имения, которое было рекомендовано ему здешним помещиком А. Мещериновым как лучшее во всей России по обилию пашенных земель, лесов, лугов, рыбных ловель и прочих угодий. Убедившись в справедливости такой оценки, Орловы стали хлопотать о пожаловании им этих мест. В 1768 году они выменяли свои разбросанные и малоземельные вотчины в нечерноземных губерниях на громадное компактное владение в районе Самарской Луки. В общей сложности братья получили тут более 300 тыс. десятин земли и 9574 души крестьян мужского пола. Им отошли такие крупные села, как Усолье, Новодевичье, Рождествено, Переволоки, Аскулы и другие, с окрестными деревнями.

Наряду с помещичьей в Самарском крае в XVIII в. была широко распространена государственная собственность на землю. За пользование казенными землями жившие на них крестьяне платили подати и несли повинности в пользу государства. Селения государственных крестьян встречались повсюду в крае. По данным 3-й ревизии (1767), эти крестьяне составляли самую многочисленную группу сельского населения в здешних местах — более 28 тыс. душ мужского пола. Они принадлежали к разным сословным категориям: ясачным и черносошным крестьянам, отписным и «непомнящим родства», однодворцам и пахотным солдатам, новокрещенам и «иноверцам». Пашни и угодья разных категорий государственных крестьян имели различный юридический статут, неодинаково обкладывались платежами и повинностями.

Одной из форм землевладения государственных крестьян являлись так называемые четвертные поместные земли, данные за службу предкам однодворцев и пахотных солдат — бывшим стрельцам, казакам, рейтарам и другим чинам старой допетровской армии. На рубеже XVII-XVIII столетий служилые люди в Самарском крае имели до 45 десятин в каждом поле на одного человека, а на двор до 180 десятин⁷².

У ясачных мордовских, татарских, чувашских и русских крестьян существовало общинное землевладение. Их угодья, значительно меньшие по размеру, в большей степени были обложены различными повинностями. Еще одно отличие ясачных земель от однодворческих заключалось в запрете на их куплю-продажу.

В связи с переводом мелких служилых людей по указам 1718-24 гг. в разряд государственных крестьян и наложением тяжелых казенных повинностей, однодворцы и пахотные солдаты приблизились по своему положению к ясачным людям. Разоряемые многочисленными поборами, они начали распродавать свои земли. Общая площадь их землевладения в течение XVIII в. сокращалась. По Межевой инструкции 1766 г., земельный надел для всех категорий государственных крестьян не мог превышать 15 десятин на душу мужского пола. Часто же они имели наделы еще меньше. Соседи-помещики и напрямую захватывали у государственных крестьян их земли. Так, помещик В. Т. Куроедов отнял земли и угодий у новокрещен деревень Кирюшкиной и Куштайкиной «вокруг верст на одинатцеть», Ибрайкиной — «версты на три», Верхней и Нижней Аверкиных — «верст на семнатцеть»⁷³.

В организации мирского самоуправления у государственных крестьян разных национальностей было много схожего: «Каждая деревня имеет своих начальников, которые учреждены по обыкновению российских крестьян. У них есть десятские, выборные, сотские и старосты. Десятник, выборный и староста бывают в одной деревне, но сотник иногда в

трех или четырех деревнях один начальствует. Старостина и десятников должность состоит в отправлении всяких надобностей проезжающим. В их власти зависит собирать общий совет, собирать подушные деньги, решать неважные между крестьянами споры. Сотники кроме обыкновенного суда обязаны в случае надобности стряпать за свои деревни в присудственных местах, отвозить подушные деньги, отдавать рекрут и проч., почему сотники имеют некоторые от миру доходы. За них платят миром подушные деньги, гоняют подвод и делают на пашне помочь». Крестьянское самоуправление имело парадоксально двойственное положение: одновременно выступало и в качестве низшего звена государственно-фискального аппарата, и как орган защиты интересов общинников от чиновничьего произвола, притеснений землевладельцев-дворян ⁷⁴.

В 1764 г. была осуществлена полная секуляризация монастырских вотчин, то есть, переход в собственность государства. Монастырских крестьян передали под управление Коллегии Экономии, называв «экономическими», — появилась еще одна категория государственных крестьян. В Самарском уезде их насчитывалось 114 душ мужского пола, в Сызранском 643 души, в Заволжье практически не было.

Обширные территории в Самарском крае принадлежали в XVIII в. дворцовому ведомству. На правом берегу Волги они располагались в районе Самарской Луки и южнее Сызрани — до Саратова, в Заволжье лежали в нижнем течении рек Черемшана, Сока, Самары. Все эти земли находились вблизи самых удобных путей сообщения, изобиловали пашнями, заливными лугами, строевым лесом, рыбными ловлями и другими ценными угодьями.

В течение первых двух третей XVIII столетия центром дворцовых (собственно царских) владений в крае оставалось село Рождествено. Под ведением местных властей оказались как близлежащие дворцовые селения Выползово, Подгоры, Новинки, Брусяны, Моркваши, Царевщина, так и отдаленные: Ключищи близ Симбирска, Черемшанская волость на левобережье. В 1737 г. под ведение местных властей передали дворцовых крестьян, проживавших на территории Новодевиченской и Усольской монастырских волостей.

Возглавлял администрацию дворцовых владений управитель. Чин имел, как правило, невысокий, но полномочиями обладал широкими, причем на дворцовые земли и население не распространялась власть местных органов управления. Уездные воеводы Сызрани и Самары сносились с рождественским начальством как с равным по рангу. Последнее непосредственно подчинялось только Казанскому губернскому дворцовому правлению. Во второй четверти XVIII в. на должность управителя в Рождествено в разное время назначались поручик В.Неклюдов, стряпчий Н.Корякин, подключник А.Борноволоков, сержант гвардии Д.Лодыженский.

Управителю для ведения дел и содержания дворцовой конторы были приданы канцелярист, два «пищика» и сторож. Непосредственное управление осуществлялось через общинные органы крестьянского самоуправления и их должностных лиц - волостного и посельских старост, которых выбирал мир, но выбор этот требовал утверждения управителя.

Как административный центр дворцовой волости Рождествено отличалось от окрестных селений комплексом казенных построек среди обычных крестьянских домов: «двор ея императорского величества, где жительство имеют управители» и приказную избу ⁷⁵. Основное («хоромное») строение двора включало две «светлицы», «черную» избу, амбар, соединенные друг с другом переходами-сенями. «Светлицы», отведенные под жилье самого управителя, отличались от «черной» избы прислуги системой отопления. В них были сложные из кирпича печи (одна изразцовая) с дымоходом, а в «черной» избе коптила глиняная печь без трубы.

Вне «хоромного» строения на дворе стояли отдельно кухня, баня, два погреба, двухъярусный амбар с навесом, конюшня, две избы при воротах — караульни. Двор

обнесен крепким забором — это была, конечно, не крепостная стена, но достаточно надежная защита управителю от непрошенных жалобщиков или на случай серьезного возмущения здешнего люда. Вне ограды двора находилась приказная изба — сосновый пятистенок. Передняя часть избы называлась «судебной», так как администрация дворцовой вотчины обладала не только исполнительной, но и судебной властью. «Освящали» это помещение три иконы, а дневной свет шел из трех больших окон с редкими для обычных жилых построек на селе слюдяными окончиками. Приказные служители восседали за двумя большими столами. Дела и прочие бумаги заполняли липовый шкаф и три липовых сундука. Задняя часть приказной избы представляла темный чулан без окон и называлась «колодничей»: туда при необходимости сажали арестантов, а принадлежностями ее были крепкая решетка, две железные цепи и кандалы.

Особое положение дворцовых земель влекло к ним беглых людей. Дворцовое ведомство, стремясь увеличить доходность подотчетных имений, что напрямую зависело от количества плательщиков подати, имело возможность укрыть беглецов и тем пополнить число царских крепостных. Иногда так поступало самое высокое государственное руководство. В 1706 г. из пензенских вотчин графа Г.И.Головкина было выслано несколько сот обнаруженных там беглых людей. Перевели их не на прежние места жительства, откуда они самовольно ушли, а в дворцовые села на Самарской Луке.

Приток беглых в дворцовые владения вовсе не означал, что там их ждала вольная и беззаботная жизнь. Эксплуатация здесь была немногим легче, чем в имениях помещиков или монастырей. В начале XVIII в., когда резко увеличился податный гнет в связи с тяжелой и разорительной Северной войной, бегство шло и из самой Рождественской волости. Переселенцы 1706 года даже не строились, а просто заняли старые пустующие дворы ушедших крестьян.

Особенно сильное недовольство вызывала «государева десятинная пашня», как называлась в дворцовых селениях барщина. На Рождественскую волость ее приходилось 500 десятин в одном поле при трехпольном севообороте. На каждую семью выпадала обработка одной десятины, отсюда и название «десятинная». В коллективном челобитии жителей Рождествено, Новинок, Подгор и Выползово указывалось, «что та пашня стала им невмочь, потому что жили на той пашне с женами и детьми без съезду... потому что она земля от их сел и деревень в дальнем расстоянии» ⁷⁶.

Челобитие возымело действие. Крестьян освободили от отработок, десятинную пашню передавали в их пользование, но с условием уплаты большого дополнительного денежного сбора. Эту землю крестьяне получили не сразу, хотя деньги за нее вносили исправно, «без доимки». Значительную часть бывшей «государевой» пашни захватили самарские помещики Вотмановы и Тимашев. Многолетняя подача новых челобитен с жалобами на помещиков завершилась в 1723 г., когда симбирский воевода Ф.Ф.Хрущев принял решение о передаче спорных земель «по 100 четвертей в поле, а в дву по тому ж, сенных покосов по 500 копен с лесы в урочищах» дворцовым крестьянам ⁷⁷.

В 1730-е гг. дворянство добилось от императрицы Анны Иоановны ужесточения крепостного режима. Преследования беглых и их укрывателей перестали обходить стороной дворцовые владения. Так, в 1738 г. из Самарской воеводской канцелярии затребовали крестьянина А.Шляхтина из Новинок для допроса и взыскания с него штрафа за держание беглого человека В.Карганова. Последнего в этом селе уже не было, но его владелица Д.М.Дмитриева в соответствии с законом требовала денег с укрывателя. На дворцовую администрацию, даже на соседей не могли теперь положиться ни беглец, ни тот, кто его приютил. Известны доносы, например, из тех же Новинок на своих односельчан, державших в доме подозрительных пришлых людей ⁷⁸.

Недостаток земли и угодий вызывал в XVIII в. постоянные тяжбы между различными владельцами или держателями земель. Одновременно со спором о бывшей десятин-

ной пашне крестьяне Рождественской волости подали в 1722 г. жалобу на жителей ясачных деревень Ширяевские Вершины и Чаракаева, занявших их выпасы и покосы, порубив старые межевые знаки. Еще раньше по поводу тех же сенных покосов и примыкающих рыбных ловель волость судилась с самарскими горожанами. В 1736 г. вновь вспыхнул конфликт с Чаракаевой. Рождественский волостной староста В. Барышников предупредил свое начальство, что намерен сжать хлеб, посеянный соседями на незаконно, как он считал, занятой земле. Дело этим не ограничилось. Рождественские крестьяне захватили в соседней деревне уже собранный со спорного поля хлеб и для острастки даже спалили два двора.

Внутри одной общины-волости подобные споры решались мирским согласием, без вмешательства судебных и административных органов. Не случайно новый волостной староста А. Летин предлагал решить застарелый земельный спор включением ближних ясачных деревень в число дворцовых владений. Объединение этих селений позже произошло, но не по крестьянской задумке, а в вотчине Орловых.

Впрочем, земельные конфликты вовсе не определяли взаимоотношения крестьян Среднего Поволжья, среди которых не существовало вражды по национальному, сословному или религиозному признакам. «Согласие сих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни же за какие-либо дела», — писал о здешнем многонациональном крестьянстве академик Фальк⁷⁹.

ЗЕМЛЯ—КОРМИЛИЦА

На протяжении всего XVII в. территория Самарского края условно делилась на два обособленно развивающихся сельскохозяйственных района. В степном левобережье господствовало экстенсивное животноводство, культивируемое башкирами, ногаями и сменившими их калмыками. На Самарской Луке, а середины 80-х гг. XVII века во всем Самарском правобережье преобладало земледелие.

Складывание земледельческой области обуславливалось освоением края русским, мордовским и чувашским населением. Первые упоминания о земледелии можно обнаружить в архивных документах, относящихся к 1620-м годам. Однако значительно раньше, уже в XVI веке, мордва и чуваша пахали на правобережье землю «наездом», оставляя после себя многочисленные пустоши.

После неплодородных «серых» земель Центра черноземы Самарского Поволжья казались переселенцам сказочно богатыми. Недаром еще И. Пересветов территории за Казанью называл «подрайскою землицей». Значительно позднее, в 1664 г., симбирский воевода И. Дашков сообщал в Москву: «...а земли в тех местах [Симбирского уезда] самые добрые»⁸⁰.

К Самарской Луке подобные определения относились в меньшей степени. Слишком много было здесь территорий с каменистыми щебенчатыми выходами, бедными «серыми» черноземами. Недаром даже межевщики XVII в. называли эти земли «средними». Более плодородные почвы залегали в Сызранском Заволжье, Надеинском Усолье.

Нехватка удобных для земледелия угодий начала сказываться в Самарском уезде уже во второй половине XVII в. В конце того же столетия ощущалось аграрное перенаселение территории уезда: в среднем на один крестьянский двор приходилось около четырех с половиной—пяти десятин пашни в одном поле, чего явно не хватало⁸¹.

Значительно благополучнее обстояло дело в Сызранском Заволжье с его переизбытком свободных земель.

Первые поселенцы, феодальные собственники земель принесли в осваиваемый район старую культуру земледелия, традиционную для природных условий малопродуктивного Центра. Власти центральных монастырей пытались жестко регламентировать все сельскохозяйственные работы в своих новоприобретенных вотчинах. Для этого местным властям рассылались подробные указы, требовавшие обязательно придерживаться трехполья, следить за тем, чтобы яровое, озимое и паровое поля были одинаковы по размеру. Крестьянам вменялось в обязанность «...пахать все три поля сряду, в одном месте», специально оговаривалось, чтобы они «хлеб сеяли во время, средним севом, ни часто, ни редко»⁸². Смысл подобных наказов очевиден: монастырские старцы пытались закрепить веками выработанную практику земледельческих работ в своих новых владениях.

Однако на местах эти требования постоянно нарушались, поскольку сельское хозяйство естественно, живым порядком приспособлялось к местным условиям.

Несмотря на то, что с самого освоения в Самарском правобережье господствовало трехполье, оно при избытке земель успешно соседствовало с перелогом. Документы того времени пестрят терминами типа «пахотный лес», «пашня, лесом поросшая» и т.д. При первоначальном излишке свободных земель земледелец, выработав один участок, мог свободно прирезать себе дополнительный «порозжий». Зачастую не соблюдалось правильное чередование полей в трехполье, не выдерживались размеры отдельных полей.

Для многих жителей края земледелие сочеталось с промысловыми работами. Недостаток хлеба восполнялся другими продуктами, а на вырученные деньги можно было подкупить зерно.

Богатые почвы не требовали такого тщательного ухода, как на малопродуктивных землях Центра, поэтому значительно упрощалась технология обработки земли, экономилась трудовые затраты.

В новом краю земледелец, особенно из Центра, попадал в совершенно иные климатические условия. Резко континентальные особенности накладывали свой отпечаток. Неурожаи были частым явлением, то и дело земледельцы жаловались: «...ржи не родилось, оборотилась травой метликою да лебедою», хлеба не было «от великой засухи»⁸³. Доныне Среднее Поволжье относят к регионам с рискованным земледелием. Если в центральных районах России настоящей бедой для земледельца были постоянные дожди, заморозки, холодное лето и ранняя зима, то здесь самым страшным врагом считались солнце и устойчивые суховеи.

Средневековое русское земледелие во многом зависело от климатических особенностей, причем климат средневековья не совпадал с современным. Ученые-климатологи установили, что в XII-XVIII вв. на всей европейской равнине было гораздо холоднее, чем ныне. Дольше держался снежный покров, более холодным было лето, раньше становились реки. Для климата той эпохи был даже придуман специальный термин «малый ледниковый период»⁸⁴. Русский человек того времени привык жить в более суровых условиях, чем современный...

И все же неурожаи, как правило, выпадали частичными, сезонными. Лишь изредка погибали все высеянные культуры — и озимые, и яровые. С частичными неурожаями успешно боролись с помощью взаимозаменяемости основных зерновых культур. Главными из них являлись рожь и овес.

Рожь, составлявшая до половины всего высеваемого хлеба, была единственной озимой культурой. Яровой клин более чем на 50% засеивался овсом и значительно меньше ячменем и пшеницей. Все остальные зерновые культуры — полба, просо, гречиха оказывались несущественными в рационе сельчанина.

Упрощение технологии, постоянные недороды влияли на урожайность. Обычно она оставалась на уровне средней по стране — сам-3, сам-4, хотя временами по отдельным культурам достигала сам-8, сам-10 и более ⁸⁵. Наиболее урожайной на землях Самарского правобережья оказалась рожь: при высеве она составляла около половины всего посевного зерна, при сборе урожая ее доля доходила до 60-70 процентов. Не зря русский человек величал ее ласково и уважительно: «рожь-кормилица», «рожь-матушка».

Земледельческие селения, как правило, полностью обеспечивали себя хлебом. Большие запасы зерна обычно накапливались в крупных монастырских и дворцовых вотчинах. Например, промышленники Надеинского Усолья даже к новому урожаю не могли использовать весь хранившийся хлеб, а его в закромах оставалось до 600 четвертей ⁸⁶. Зерна на продажу хватало даже в неурожайные годы. В голодные 1703-05 гг. крестьяне Вознесенского монастыря потребовали отдать им овес из амбара, «...который почат для продажи прошлые лет четвертей с полтора» ⁸⁷. Хлеб этот обычно продавался на Яик казакам или в Самару и другие понизовые города.

Хозяева владений, где преобладали промысловые отрасли хозяйства, в последней четверти XVII в. большее внимание начали уделять развитию собственного земледельческого производства. Для обеспечения промысловиков хлебом заводилось крестьянское население, земледелие для которого выступало основным занятием. Кроме того, пахотные участки раздавались семьям работных людей и бобылей, заводилась собственная владельческая запашка. В результате к концу столетия потребности населения промысловых владений в продуктах земледелия удовлетворялись за счет местных ресурсов.

И все же до самого конца XVII в. земледельческая округа не имела возможности накормить свой уездный центр. Хлебное жалованье в Самару по-прежнему завозилось сверху, по Волге.

У оседлых земледельцев края животноводство являлось второстепенным, подсобным занятием. Крестьянские и бобыльские хозяйства обязательно держали одну или несколько лошадей, коров, овец, коз. Нередко из-за сенокосов, выпасов, прогонов на водопой между жителями отдельных селений случались споры, так как удобных мест не хватало. В описаниях феодальных владений среди прочих угодий обязательно упоминались «сенные покосы». Наилучшие выпасы для конских табунов лежали в пойме Волги, на богатых заливных лугах.

В документах о поместных дачах, крестьянских наделах постоянно упоминается приусадебная земля. Однако, какие овощные культуры разводили в XVII в. на этих участках, неизвестно.

В начальный период освоения края, в конце XVI—первой половине XVII вв., полупустынные, залесенные пространства правобережья и отчасти левобережья использовались мордвой и чувашами Алатырского, Темниковского и других уездов в качестве бортных урожаев, бобровых гонов, охотничьих угодий. Так же использовали левобережье башкиры.

В XVIII в. сельское хозяйство Самарского края развивалось в тесной связи с процессом освоения его территории. В начале столетия пашенное земледелие встречалось лишь на правобережье и в районе Старо-Закамской черты, а в Заволжье его практически не было. Описания, представленные сибирским провинциальным воеводой в 1728 г. Сенату, свидетельствуют о том, что даже в окрестностях Самары, где «к пашне и севу хлеба места весьма угодные, пространные, но хлеба в севе не происходит за частыми набегми неприятельских людей каракалпак и протчего басурманского народа». По мере заселения Заволжья крестьяне начинали использовать его плодородные земли, и в течение XVIII столетия земледелие в крае распространилось практически повсеместно. Площади под пашней увеличились во много раз.

Ведущее место в сельском хозяйстве края заняло в XVIII в. хлебопашество. Основными зерновыми культурами оставались рожь и овес, но заметно расширились посевы под пшеницей, ячменем, просом, гречихой, полбой, горохом. Из технических культур распространение получили лен и особенно конопля. Урожайность зерновых культур доходила до сам-5, сам-6, на целине же достигала сам-15, да и в среднем держалась несколько выше, чем в центральных районах страны. Объясняется это плодородностью почвы, еще не истощенной многовековой эксплуатацией.

Известный ученый и путешественник П.С.Паллас, посетивший в 1769 г. «Самарскую страну», неоднократно отмечал «способные», «преизрядные тучные земли»⁸⁸. Даже на рубеже XVIII-XIX вв. подчеркивалось, что земля в округе Самары «и без удабривания... производит обильно» разные «произращения»⁸⁹.

Однако и на черноземных землях «выпахивание» земель постепенно, но заметно снижало урожайность. Способом восстановления плодородия почвы там, где не применялись органические удобрения в трехпольном севообороте, оставался перелог. «А случается которая земля будет худо родить хлеб, то земледельцы оную на несколько лет пахать оставляют и пускают в залежь, а вместо той земли распахивают вновь степи, а потом по прошествии нескольких лет ту запущенную залежь по-прежнему распахивают и сеют на той хлеб, и чрез то поновление землям делают»⁹⁰. Это, конечно, не обычная переложная система, так как земли, поднятые из залежи, находились в трехпольном севообороте, что удлиняло срок использования распаханной земли. Залежно-переложная система имела определенные достоинства. При перелогe сохранялась прекрасная структура почв, отсутствовали сорняки. Однако такая система чересчур экстенсивна, поскольку значительная часть земли лежит втуне. При увеличении плотности населения, к чему вели естественный прирост и миграции, залежно-переложная система неизбежно вытеснялась классическим трехпольем.

На черноземах Поволжья крестьянин выигрывал не столько за счет повышения урожайности с определенной площади, сколько за счет того, что показывал производительность труда в 2-4 раза выше, чем в районах с менее благоприятными условиями (Север, Нечерноземный Центр и т.п.)⁹¹. Затраты труда земледельца тут были ниже, потому что не вывозился навоз и применялась мелкая одноразовая вспашка, часто без боронования, против двух-трехразовой при тщательном бороновании в нечерноземной зоне. Поверхностная, «облегченная» обработка имела свои отрицательные последствия: плодородный слой быстро выпахивался.

Тем не менее экстенсивная агротехника являлась неизбежным этапом освоения новых земель на юге лесостепи и в степи. Она соответствовала недостаточной экономической мощности хозяйства крестьян-переселенцев, позволяла получать при минимальных затратах урожай, обеспечивающие воспроизводство, и даже расширенное воспроизводство этого хозяйства. Сравнительно низкие затраты труда позволяли поволжскому крестьянину вводить в хозяйственный оборот больше земель, чем мог его собрат в центральных районах России. Это было необходимо, так как континентальный характер климата Самарского края подвергал труд земледельца большому риску. Простое увеличение площадей, засеянных одной культурой, или более тщательная обработка почвы под одну культуру не снижали степени риска. Выход состоял в засеве нескольких участков одновременно разными хлебами, по-разному переносящими засуху, заморозки на почве, болезни и т.д. Практическое применение этого способа отмечено И.И.Лепехиным у крестьянского населения по реке Черемшан⁹². Но это означало, что и потребности в земле у поволжского крестьянства были выше, чем в центре, на севере или западе России.

Основными сельскохозяйственными орудиями в помещичьем и крестьянском хозяйстве оставались соха, борона, серп и коса. Для подъема новых земель использовался

плуг или его поволжская разновидность — сабан. Правда работа с ним требовала от трех до пяти-шести лошадей, что оказывалось под силу зажиточному крестьянину.

Впрочем, ради справедливости надо сказать, что хозяйств, богатых скотом, хватало в краю, где еще в изобилии имелись пастбища и сенокосы. Местный землевладелец и ученый-агроном П.И.Рычков писал: «О крестьянах государственных и помещичьих вообще сие можно объявить, что безлошадных между ними очень немного здесь сыщется, наибольшая часть таких, кои по две и по три лошади имеют, а нередко и такие находятся, у коих от 10 до 20 и больше бывает. Протчей скот и птиц содержат каждой по силе своей и по возможности»⁹³.

Не хуже были обеспечены скотом земледельцы из военно-служилых сословий. О черкассах из Кинельской слободы сообщал П.С.Паллас: «Для скотоводства имеют они в степи построенные скотные дворы. Наипаче держат они много рогатого скота и в полевую работу по большей части употребляют быков, хотя иные мужики имеют у себя по 20 и 30 лошадей; также овечьи стада многочисленны, и некоторые хозяева содержат у себя до четырех сот овец». Он же упоминает о скотных дворах самарских казаков⁹⁴.

Большую роль в сельском хозяйстве края в XVIII в. играло огородничество, которым занимались и в селе, и в городе. «Каждый деревенский житель при дворе своем огород имеет», — сообщал Рычков⁹⁵. Еще в 1728 г., по сведениям симбирского воеводы, в окрестностях Самары, Сызрани, Алексеевка сажали дыни, арбузы, огурцы, тыквы, редьку, морковь, съеклу, капусту, хрен, репу. Этот набор огородных и бахчевых культур был характерен и для других районов Самарского края на протяжении столетия. Впрочем, репа в сельской местности считалась не огородной, а полевой культурой до тех пор, пока ее не вытеснил с полей картофель. Но это время еще не наступило. В 60-е гг. XVIII в., как ясно из ответов в Вольное Экономическое Общество, о картофеле в здешних местах было совершенно «не известно»⁹⁶.

Из теплолюбивых растений, кроме арбузов, самарские жители культивировали стручковый перец, а украинцы Кинель-Черкасской слободы табак. Во второй половине XVIII в. огородничество в Самарском крае приобрело в значительной мере товарный характер. Гораздо меньше развилось садоводство. Исключением являлась Сызрань, где разводились хорошие яблоневые сады.

В XVIII в. продолжал бытовать бортный промысел, особенно у мордвы. Но он постепенно заменялся пасечным пчеловодством, прежде всего у татарских и русских крестьян, там, где ощущался недостаток «дерев, которыя для бортей потребны»⁹⁷.

Следует отметить благотворное воздействие на сельское хозяйство края обмена трудовыми навыками между населявшими его народами.

ВОЛГА РЫБАЦКАЯ

Рыбные богатства Волги издавна манили русских людей. Московские рыболовы появились на Нижней Волге уже в XIV-XV вв. Первое по-настоящему информативное сообщение о русском промысловом рыболовстве в Самарском Поволжье встречается в «Казанской истории» и относится к 1521 г., когда бывший казанский «царь» Шигалей бежал в Москву «...ведуща с собой болши 10000 рыболовов московских, ловящих рыбу на Волге под горами Девичьими и до Змиева камени и до Увека [примерно от Жигулей до Саратова], за тысячу верст от Казани заехавше, тамо живяху все лето, на Девичьих водах ловяху рыбу и в осень возвращахуся на Русь, наловившись и обогатевши...Они же лодии

свои, и мрежи, и рыбы, и все свои запасы огню и воде предаша, а сами поидоша полем...»⁹⁸

Однако широкомасштабное развитие промыслового рыболовства на Средней и Нижней Волге началось только во второй половине XVI—начале XVII вв.

Карл Бэр, знаменитый исследователь рыболовства в России, писал во второй половине XIX в.: «Только от Казани Волга заслуживает славу богатой рыбою реки... По изобилию рыбы можно разделить Волгу на 3 части: на верхнюю Волгу, на среднюю (от устья Камы до Царицына) и на нижнюю - от Царицына до впадения ее в море»⁹⁹. Волжские воды, лежащие в пределах Самарского края, считались изобильными самыми ценными сортами промысловой рыбы, но, разумеется, уступали астраханским ловлям.

Волга от устья Камы до Каспия, а также Яик во второй половине XVI-XVIII вв. считались основными поставщиками рыбы в стране, особенно наиболее ценных сортов. О преобладании волжской и яицкой рыбы в этот период свидетельствуют материалы о коммерческих оборотах крупнейших торговых центров страны: Москвы, Нижнего Новгорода, Казани, Макарьевской ярмарки¹⁰⁰. В Волге из года в год ловилось громадное число осетровых, прежде всего осетров и белуг, чуть меньше севрюг. Их делили на несколько сортов, основным критерием сортности выступали размеры выловленной рыбы. Стандартом считалась так называемая мерная рыба. Отклонение от стандарта в ту или иную сторону оплачивалось очень несоразмерно. Например, полурыбный осетр, хотя бы несколько меньше мерного, оценивался дешевле в несколько раз! Волга давала несметные уловы стерляди, признанной одной из самых вкусных в стране. К лососевым, ныне практически исчезнувшим из волжских вод, относились лосось и белая семга, называемая белорыбицей. Лосось уже в то время попадался довольно редко, как правило, зимой и в начале весны. Уловы белорыбицы, напротив, были весьма богатыми, в отдельные сезоны XVII в. ее добывали на промыслах Самарского Поволжья значительно больше, чем любой другой промысловой рыбы. Вся перечисленная рыба считалась деликатесной, ей придавали особое значение.

Прочая волжская рыба, от сомов, судаков до плотвы с сельдью, ценилась гораздо ниже, звалась частичковой (кроме сомов) и не имела широкого спроса.

Размах рыболовства на Волге, низкие цены на рыбу буквально изумляли современников и прежде всего иностранцев.

Предприниматели не смогли сразу оборудовать долговременные промысловые предприятия на Волге. Поначалу им пришлось ограничиться сооружением временных построек по волжским островам, использовать для хранения запасов и оборудования рыбные дворы в прибрежных городах, удаленных от районов промыслов. Волжскую рыбу требовалось не только поймать, но и сохранить, переработать, довести, что называется, до покупателя. С помощью летних времянок трудно было обеспечить все эти операции, не говоря о широкомасштабном производстве. Постройки то и дело сносило во время половодья, их разоряли казаки и кочевники. Только постоянные рыболовецкие центры — рыбные дворы, расположенные рядом с промысловыми водами, на собственной вотчинной земле, поблизости от постоянных селений, позволяли обеспечить стабильный производственный цикл. Именно такие центры создали во второй половине XVII—начале XVIII вв. подавляющее большинство крупнейших монастырей России, занимавшихся рыбным промыслом в пределах края.

Наиболее мощной производственной базой обладал Савво-Сторожевский монастырь. В последней четверти XVII в. он владел тремя рыбными дворами: в селе Жигулевке, Переволокской слободе и на Лопатинском острове. Немного позже монастырь основал еще один рыбный двор, расположенный на Васильчиковом острове. Московский Новодевичий монастырь в этот же период построил два крупных двора в Новопречистенской слободе и Белом Яру и два сравнительно небольших рыболовецких стана на Бушуйском

острове и на Атрубе ¹⁰¹. Сравнивая рыбные дворы церковных и светских промышленников второй половины XVII—начала XVIII вв. с описаниями подобных сооружений XVIII—первой половины XIX вв., очевидно: они очень схожи. Выросли масштабы производства, количество рабочей силы, но сам технологический процесс, специфика оборудования, профессиональный уровень промысловых работников почти не изменились ¹⁰². Развитие производительных сил в этой отрасли народного хозяйства шло очень медленно.

С основанием постоянных рыбных дворов и соседствующих поселений предприниматели смогли организовать добычу рыбы на протяжении всего года, так называемый «повсегодний промысел». Год делился на несколько промысловых сезонов, или путин. Первая, весенняя, путина начиналась сразу же после вскрытия Волги и длилась примерно до середины мая, до половодья. Она приурочивалась к весеннему ходу рыбы на нерест и давала большую часть улова красной рыбы — осетров, белуг, севрюг, стерляди, белорыбицы. Летнюю путину — примерно с середины июля до середины августа, и осеннюю — с середины августа до начала декабря — промысловики не разделяли и считали за одну. Зимой ловили подо льдом лосося, практически весь годовой объем, немного красной рыбы, белорыбицы и частика. Половодье считалось непромысловым.

Больше всего людей было занято непосредственно в добыче рыбы, ее ловле. Если на первых порах подавляющее большинство работников нанималось будучи вольными, то впоследствии удельный вес феодально-зависимого населения значительно вырос.

Рабочая сила применялась различно. В основном на ватагах рыбу ловили подрядные рыбные ловцы — свободные вольнонаемные люди, заключавшие с местной администрацией «ряд», или рядную грамоту. Согласно этому документу, нанимаемый брал обязательство за определенный срок выловить обозначенное в договоре в стоимостном выражении количество рыбы. Рыболов-подрядчик брал в аванс значительную сумму денег, как правило, превышающую половину договорной. Хозяева промыслов обязывались кормить подрядных ловцов, обеспечивать их жильем. Оценка выловленной подрядчиками рыбы производилась по довольно стабильным на всем протяжении второй половины XVII—XVIII вв. закупочным ценам. Например, один выловленный мерный осетр стоил 12-15 копеек тогдашними деньгами, мерная белуга от 17 до 25 копеек. Закупочные цены на средневолжскую рыбу были гораздо ниже, чем на других промыслах. В основном подрядные ловцы, точнее их можно назвать мелкими ремесленниками, промышляли своими снастями и на своих лодках. Количество подрядных ловцов в Самарском Поволжье летом составляло несколько тысяч человек. Особого разделения труда между ловцами не практиковалось ¹⁰³.

Гораздо реже предприниматели нанимали рабочих людей ловить рыбу с помощью орудий труда хозяина. Власти Новодевичьего монастыря, чтобы обслужить собственные громадные неводы, нанимали для работы с каждым таким неводом целую бригаду от 12 до 22 человек. Наиболее квалифицированными в этих бригадах были неводчики и пятчики (заносившие пятку — конец невода) ¹⁰⁴.

В меньшей степени использовался труд наемных людей, ловивших «на песках» из «третьей рыбы», и крестьян, промышлявших «исполу». При таком лове часть рыбы отдавалась хозяину, а часть в виде натуральной оплаты за свой труд получал рыбак.

При лове рыбы использовались самые различные орудия труда. В отличие от Нижней Волги и особенно ее дельты с многочисленными протоками, в Самарском Поволжье нерационально было строить учуги и езы — протяженные бревенчатые стены, перегородивающие небольшие протоки и направляющие рыбу в специальные ловушки; крупные учуги представляли весьма сложные сооружения с громоздящимися на помостах над водой избами, амбарами и т.д. В Среднем Поволжье основным орудием рыбной ло-

вли являлся невод стрежневой или частичковый. Стрежневые, их размеры достигали 400 сажень, использовались «как вешняя вода сойдет» и до поздней осени. Ими ловили осетровых, белорыбицу и стерлядь. Такие же невода, но меньших размеров, около 200 сажень, применялись для добычи белорыбицы. Это были орудия лова с крупными ячейками. Более мелкоячеистые, или частичковые, невода, длиной до двухсот сажень, применялись для лова частичковой рыбы. Неводами ловили и зимой, подо льдом.

Неводные снасти описанных размеров характерны для Среднего и Нижнего Поволжья и в основном превышали невода, использовавшиеся в других районах страны.

Все прочие средства для лова рыбы были чрезвычайно разнообразны. Ловцы могли вести промысел «...неводами и оханами, и сетями, и кормачною, и костылевою, и юртовою, и плавными связочными и летними и зимними ловлями и иными всякими снастями»¹⁰⁵. Одним из основных орудий в весеннюю путину были оханы (или аханы) - ставные сети, использовавшиеся для лова ценных сортов рыбы. Из сетных снастей применялись также плавные связочные сети. Значительная часть осетровых, лососевых и стерлядей вылавливалась самоловами. По способу лова — в ванды — часть стерляди так и называлась вандовой. Одну из самых ценных и редких рыб Средней Волги — лосося ловили только зимой и, как правило, на удочки, «кармашной снастью».

Для передвижения по воде на ватагах имелось множество плавных средств: неводников, романовок, разъезжих лодок и т.д.

Центрами рыболовецких промыслов были, как уже указывалось, рыбные дворы. На них производилась обработка выловленной рыбы, получение из нее полуфабрикатов и готовых продуктов, хранение, подготовка к продаже и перевозке в другие районы страны. Крупный рыбный двор представлял весьма сложный комплекс сооружений. Порой одновременно с производственными он нес еще и оборонительные задачи, поэтому нередко такие дворы называли рыбными городками. Обязательным атрибутом рыбного двора являлся плот площадью до 200 кв.м. Это был дощатый настил, основанием которого оказывались вбитые в речное дно сваи или пришедшие в негодность струги. К плоту причаливали рыболовецкие лодки с уловом, начиналась выгрузка рыбы, ее оценка, распределение по сортам. Крупная рыба разделялась здесь же, на настиле плота. Все остальные строения рыбного двора были огорожены забором и представляли более десятка внушительных сооружений: изб, амбаров, сараев, чуланов, ледников, сушил, поварешен и т.д. В состав очень крупных дворов входили конюшни.

Пожалуй, основной операцией на рыбных дворах являлось соление рыбы, в основном с использованием астраханской соли. Особого внимания при этом требовала красная рыба, солившаяся при низких температурах в специально устроенных ледниках -чуланах, земляночных или полуземляночных помещениях, где с зимы запасали снег, а по краям ставили большие ящики с хранящейся в рассоле рыбой. Частик, не требующий низких температур, хранился в теплых помещениях. Солению подвергалась, как правило, основная доля улова. Немало коптилось — так называемая мтевая рыба — и вялилось. Для вяления рыбу традиционно нанизывали на бечевы и вывешивали в открытых по бокам сараях.

Профессиональных навыков требовало приготовление икры. На астраханских учугах выделялся и высоко оплачивался труд специального икряного мастера. В Среднем Поволжье, где промысел велся в меньших размерах, такая профессия использовалась реже. Наиболее ценные сорта икры добывались из осетра и белуги. Количество получаемой икры исчислялось тысячами пудов. Только на рыбных дворах Новоспасского монастыря в начале XVIII в. было получено за сезон около 700 пудов «икры зернистой черной белужьей и осетровой». Под надзором промыслового руководства выделялись самые различные сорта икры: зернистая, мешечная, армянская и т.д.

Среди отдельных операций на рыбных дворах следует выделить приготовление клея (клей из волжских осетровых ценился очень высоко во всех районах страны), жира, вязиги, кавардака и т.д. Жир вытапливали из стенок плавательного пузыря, тонкие нити вязиги, собираемые затем в пучки, из хребта осетровых. Кавардак означал мелко нарубленную и сваренную в больших котлах рыбу.

Сравнительно небольшую часть рыбы, так называемую садочную или запорную, выпускали в специально загороженные протоки или озера, а затем, когда требовалось, отлавливали и увозили свежей, живой, либо замораживали. Зимнюю рыбу и весь улов лосося, как правило, замораживали.

В отличие от ватажского промысла рыбы, где широко использовался вольнонаемный труд, на рыбных дворах работали в основном зависимые люди. Но эти феодально-зависимые, практически крепостные, работники получали за свой труд деньги, могли сами выбирать место работы.

Профессиональный уровень занятых на рыбных дворах был невысок. В XVII веке среди них можно выделить только одну профессию рыбного разделщика, в следующем столетии к ней прибавились еще две — копильщика и продельщика, получавших более высокую заработную плату. Переработкой рыбы занималось гораздо меньше людей, чем ее добычей. Рыбные дворы Надеинского Усоля, например, ежегодно использовали труд 25-30 человек¹⁰⁶. Кроме денежной оплаты предприниматели должны были столовать рабочих людей за свой счет.

В отличие от ватаг, где для выполнения тяжелой физической работы требовались мужчины в расцвете жизненных сил, на рыбных дворах могли подрабатывать женщины и даже дети.

Промысловое оборудование постоянно требовало ремонта. Закупались неводная пряжа и дели — большие куски уже сплетенной сети, бечева, бочки и логуны, удное железо. Снасти целиком закупались довольно редко, старались изготавливать на месте, из полуфабрикатов. Большие струги и неводники приобретали в верховьях Волги, а мелкие суденышки изготавливались здесь же на промыслах. Местные плотники, кузнецы, бочкари ремонтировали сараи, ледники, плот, логуны, якоря и т.д.

В конце XVII в. пять крупнейших монастырских промыслов Среднего Поволжья давали рыбы и рыбных припасов в московских и нижегородских продажных ценах на сумму более 10000 рублей. По этому показателю они не уступали крупным дворцовым рыболовецким хозяйствам Нижнего Поволжья, значительно превосходили промыслы Русского Севера, но не могли соперничать с астраханскими и яицкими учугами¹⁰⁷. Чистая прибыль средневожских промыслов составляла 4,0-4,5 тыс. рублей. На один затраченный рубль приходилось от 1,5 до 2,2 рублей прибыли.

Операции по перевозке рыбы, доставке ее к потребителям, продаже рассматривались промысловой администрацией одними из важнейших. Наиболее выгодной для промышленников была продажа рыбы непосредственно на рыбных дворах, и не только для транзитных, проезжавших мимо по Волге, торговцев. У каждого промысла, следует предположить, были свои постоянные заказчики — московские, нижегородские и казанские торговые люди, которые прямо на промысле покупали свежую, недавно выловленную рыбу, мороженную зимнего и осеннего сезонов, практически весь улов стерляди, частик, часть соленой рыбы. Местные цены на рыбу были значительно ниже московских или нижегородских, но, несмотря на это, промышленники, реализуя ее в Самарском Поволжье, все-таки выигрывали, потому что сэкономили на перевозках.

Все же большая часть рыбы для продажи вывозилась в Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку, а если и там на нее отсутствовал спрос, то везлась еще дальше, в Москву. Каждая такая поездка была весьма значительным событием в жизни промысла.

Экспедиции с рыбой в Нижний Новгород отправлялись в конце августа—начале сентября, на стругах. Поездки такие окупались сполна: на один рубль затрат приносили до 2 рублей прибыли¹⁰⁸.

Если закупочные цены на рыбу в течение длительного времени оставались на одном и том же уровне, то продажные постоянно росли, следовательно, возрастала степень эксплуатации работных людей.

Порой средневожские предприниматели не удовлетворялись количеством рыбы, выловленной на Волге, и отправляли торгово-промышленные экспедиции на Яик. Поездки к казакам случались, как правило, зимой. Самарские воеводы постоянно жаловались, что к монастырским людям, которые имели право перевозить рыбу беспошлинно, присоединяются торговцы, не имеющие такой льготы. Зачастую обозы насчитывали до 500-600 подвод.

Цены на рыбу, скупаемую у казаков, были еще ниже, чем на Волге и поэтому при всех дорожных издержках предприниматели получали значительную прибыль.

Промысловое рыболовство на Средней Волге являлось не просто массой разрозненных предприятий. В XVII в. здесь, как и на Нижней Волге, а еще раньше в Поморье, сложился один из крупнейших центров снабжения всей России наиболее ценимой промысловой рыбой, возникли большие по масштабам средневекового общества предприятия, относящиеся к типу крупной кооперации.

НА СОЛЕВАРНЯХ И СЕРНЫХ ЗАВОДАХ

Наиболее крупными предприятиями, организованными по типу мануфактурного производства, на территории Самарского Поволжья в XVII—первой половине XVIII вв. являлись соляной промысел и серные заводы.

Добыча соли производилась на территории Надеинского Усоля, в нижнем и среднем течении маленькой речки Усолки, там, где из-под гор били соляные ключи. Соль получали здесь на протяжении тысячелетий начиная с бронзового века, однако по-настоящему крупное производство организовалось ярославцем Надеей Светешниковым в 30-х гг. XVII в. Затем промысел перешел к Савво-Сторожевскому монастырю, а в начале XVIII века заглох, — соляным рассолом для своих нужд тайком пользовались одни местные крестьяне.

Светешников, владелец крупных соляных предприятий во многих соледобывающих районах страны, организовал производство по передовому тогда «пермскому типу»¹⁰⁹. Судя по имевшемуся на промысле буровому оборудованию, соледобытчики намеревались бурить в долине Усолки глубокие скважины, до нескольких десятков и даже сотен саженей. С большей глубины добывали обычно более крепкие рассолы. Однако глубокое бурение не дало ожидаемого результата. Залежи каменной соли и линзы, заполненные насыщенным соляным рассолом, находились далеко в стороне от соляных ключей; соленосные же потоки, спускавшиеся под землей параллельно руслу Усолки, имели небольшую мощность. Поэтому после нескольких неудачных забуров в Надеинском Усолье пришлось устраивать неглубокие скважины в местах выхода из-под земли соляных ключей. П.С.Паллас и И.И.Лепехин при осмотре остатков промысла насчитали 6 колодезь-скважин и установленных в них дубовых труб для выкачки рассола¹¹⁰. Однако, учитывая количество имевшихся источников, таких колодезь могло быть значительно больше.

Устройства для выкачки рассола из колодезь, трубы для подачи его в варницы и в специальные лари для хранения практически не отличались от подобных сооружений на

других промыслах страны. Крепость добываемого из-под земли рассола составляла около 5 процентов и, хотя значительно отставала от таких же показателей в Соли Камской или Серегове, была значительно выше, чем на промыслах старого центра России. Из-за большого количества примесей рассол выглядел мутным, а качество вывариваемой соли не признавалось высоким.

Главное действо при получении соли происходило на варницах. При Светешниковых на промысле насчитывалось 10 варничных мест, хотя одновременно никогда не работало более 6. В описаниях Усолья встречаются упоминания о варницах «запустевших в степи», рядом со степным городком. Видимо, одно время промысел велся не под самыми горами, а несколько южнее, на большем удалении от Волги. Каждая варница имела свое имя: «Любим», «Хорошава», «Волга» и т.д. При перестройке варниц, переносе их на новые места старые названия за ними сохранялись. В последней четверти XVII в. число работающих варниц сократилось до 4-х.

Обычным для средневековой русской варницы было размещение ее в одном специально выстроенном помещении. В этом отношении Надеинское Усолье стояло особняком. Все 6 варниц при Светешниковых размещались в трех сараях, каждый из которых делился по середине глухой стеной. Данные о размерах цренов, специальных «сковород» для выварки соли, отсутствуют, но судя по количеству полиц, специальных железных пластин, употребляемых для их ремонта, они вряд ли уступали пермским цренам — самым большим из действовавших на промыслах страны. Печи, находившиеся под цренами, выкладывались кирпичом, изготовленным здесь же в Усолье. В работе варниц существовали специальные циклы-«вари», продолжавшиеся от заливки в црен новой порции рассола до изготовления конечного продукта. За год на одной варнице производилось примерно 42 «вари». Каждая «варя», продолжавшаяся от 4 до 7 дней, давала 140-150 пудов соли¹¹¹. Работа варниц постоянно прерывалась из-за прогорания цренов, необходимости их ремонта. Весеннее половодье заливало варничные места и также вынуждало делать длительные перерывы. Кроме современных, передовых для того времени варниц, на промысле имелись более примитивные устройства для выварки соли. Об этом свидетельствует любопытное описание голландца Я.Стрейса, проплывавшего мимо Усолья в 1669 г.: «...мы остановились у соляной горы, где расположились две недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которые отправляют большими партиями вверх по Волге. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли»¹¹².

Судя по данным последней четверти XVII в., средняя производительность каждой варницы составляла до 6000 пудов соли в год; а весь промысел в это время давал около 24 тысяч пудов. Каких-либо изменений в технологии получения соли на протяжении всего периода существования промысла не происходило. Во времена Светешниковых, когда одновременно действовало не менее 6 варниц, на них вываривалось около 35-36 тысяч пудов соли в год. По сравнению с другими солеваренными предприятиями страны, вырабатывавшими от нескольких сотен до нескольких миллионов пудов соли, Надеинское Усолье было невелико и не оказывало сколь-нибудь существенного влияния на экономику страны.

Одной из самых трудоемких операций при получении соли являлась заготовка дров, ибо соляные варницы можно назвать настоящими «пожирателями лесов». Потребности в топливе восполнялись за счет богатых местных ресурсов: сосновых и лиственных лесов Самарской Луки. При Светешниковых заготавливались сосновые и липовые дрова, при монастырских властях только сосновые. По способам заготовки и доставки дров к промыслам их можно разделить на два типа. «Сосновые плавежные задельные дрова» рубили в два задела зимой, затем собирали в плоты на берегах рек и по весенней высо-

кой воде отправляли к варницам. «Сосновые самосушные перелетные дрова» также заготавливали зимой, оставляли сохнуть до следующей зимы в лесу, после чего вывозили на лошадях. Несколько неожиданно для местного солеваренного промысла выглядят данные о количестве потребляемых за год одной варницей дров: от 140 до 150 сажень¹¹³. По сравнению с аналогичными промыслами, это меньше в 3-4 раза! Скорее всего, длина поленьев, которая в солеварении имеет свои стандарты, на Самарской Луке была значительно больше.

Непрерывная работа варниц, постоянная эксплуатация оборудования промысла требовали частого проведения ремонтных работ. Самым уязвимым местом в варницах являлись црены, капитальный ремонт которых производился не менее одного раза в год — полтора, текущий гораздо чаще. На ремонтные работы тратились значительные средства: до 15-20 процентов от годовых затрат на содержание промысла. Монастырские промышленники пытались как можно больше запасных частей для ремонта — полиц, цренных гвоздей, кирпича, драниц на крыши — производить здесь же на месте. В Усолье устроили несколько кузниц, где из старого железа производились запасные части для цренов. Однако немало металла и готовых изделий приходилось закупать. Прочие ремонтные работы: починка зданий варниц, крыш, колодцев, печей и т.д., — требовали гораздо меньше усилий и проводились время от времени.

Первые хозяева предприятия Светешниковы использовали в солеварении как труд своих крепостных людей, так и вольнонаемных работников. После перехода Усолья к монастырю резко возросла доля крепостного труда, а в последние десятилетия XVII в. крепостные монастырские работные люди, бобыли и мастеровые окончательно заменили вольнонаемных. За работу на промыслах и крепостные, и вольнонаемные получали денежное жалованье и «хлебное довольствие». Как и на других промыслах страны, в Надеинском Усолье наиболее важные производственные операции проводили специалисты высокой квалификации: трубные мастера, повара, цренные и поличные мастера. Были и менее квалифицированные работники: водоносы, сливальщики, перетрухи, дровяные заделщики и т.д. Основную массу работников промысла составляли неквалифицированные бобыли и работные люди, «делавшие всякую работу». Трудно судить о количестве людей, занятых в волжском солеварении, обслуживавших отдельные операции. Точные сведения известны только по собственно варничному производству: каждую варницу обслуживало 11 человек, работавших в 2 смены.

Труд людей, занятых вываркой соли, был необычайно тяжел. Варничные печи топились по-черному, для выхода дыма, вентиляции помещения под потолком устраивались специальные отверстия-продухи, двери варниц постоянно открывали настежь. Полутемное, наполненное дымом и туманом от испаряемой влаги, жаркое, с сильнейшими сквозняками помещение — вот что представляла собой варница. Люди надрывались в этом аду, часто простывали и болели. Физически тяжелым был труд заготовщиков дров, но они все же работали на свежем воздухе, «на подряде», то есть имели возможность планировать свой трудовой распорядок.

Общие доходы от солеварения существенно превышали расходы. В середине 80-х гг. в среднем за год на работу одной варницы затрачивалось 185-190 рублей, а доход от нее составлял 396 рублей. На 1 вложенный в промысел рубль владельцы получали более двух¹¹⁴.

Хозяева Усолья для внутреннего потребления использовали незначительную часть получаемого продукта. Около половины соли продавалось в самом Надеинском Усолье, остальное вывозилось на Макарьевскую ярмарку (например, в 1678-79 гг. — около 20 тысяч пудов), в Москву, в Шацкий, Звенигородский, Рязанский, Тамбовский, Юрьев-Польский, другие уезды, и через монастыри, приписанные к Савво-Сторожевскому, прода-

валось. На месте производства цена за один пуд соли колебалась от 5,7 до 7,3 коп., в центральных районах 9-12 коп. за пуд, иногда и выше. Однако выигрыш в цене был кажущимся. Разницу в стоимости съедали транспортные расходы. Сохранился текст договора между возчиками, подрядившимися перевезти соль из Н.Новгорода (от Усолья до Н.Новгорода соль доставляли обычно в стругах, что обходилось сравнительно дешево) до Савво-Сторожевского монастыря, и приказчиками. Согласно «ряду» стоимость транспортировки одного пуда составила «по девяти денег с полушкою», задаток «по десяти алтын на всякую подводу». Если извозчики простоят, не получив денег, более двух дней, то «нам извозчикам имати... на слуге Якове по 2 алтына на сутки на всякую подводу». В свою очередь наемные возчики обязывались доставить весь груз в целости и сохранности. Неустойка на каждый пуд утерянной или испорченной соли составляла по 0,5 рубля ¹¹⁵.

В целом соляной промысел можно охарактеризовать как предприятие со значительным разделением труда, высоким профессиональным уровнем руководителей основных производств, с отличным для того времени техническим уровнем и товарностью производства.

Погубили Надеинское Усолье возросшая конкуренция со стороны более дешевой астраханской соли, нехватка дров из-за истребления близлежащих лесов и введение государством в начале XVIII в. монополии на продажу соли. Новые хозяева промысла, власти Монастырского приказа, а затем приказчики А.Д.Меншикова, решили его законсервировать. Однако память о Надеинском Усолье сохранилась. При Екатерине II среди прочих центров солеварения, которые следовало восстановить, упоминался и наш, правда, дальше правительственного указа дело не сдвинулось...

К крупным предприятиям Самарского края типа мануфактуры кроме соляного промысла следует отнести серные «заводы».

Добыча серы на реке Сок русскими людьми началась еще в конце XVI-XVII веках. В «Книге Большому Чертежу» говорилось: «...а по правой стороне р.Сока от города от Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую» ¹¹⁶. О качестве добываемой серы писали, что она «самая чистая, подобно камню янтарю». Крупное производство серы началось в начале восемнадцатого века.

На рубеже XVII-XVIII вв. Россия начала ряд изнурительных войн с Турцией и Швецией. Для изготовления пороха срочно понадобилась масса серы, заводы, находившиеся в центре и на юго-западе страны, не могли в достатке обеспечить армию. Тогда-то и вспомнили о самарской сере.

По указу Петра I вся местность по реке Сок была обследована, и в местах выхода на поверхность наиболее богатых серой ключей в 1703 г. устроили три «завода», а для их охраны рядом заложили небольшую крепость Сергиевск. На строительство крепости и «заводов» мобилизовали 4 тысячи крестьян из близлежащих селений, для производства серы выписали одного мастера, 15 подмастерьев из Симбирска и переселили около 500 крестьян дворцовых сел.

Один завод находился у пригорода Сергиевска, второй, Новосергиевский, от него в 6 верстах, а третий на реке Сургут. Архивные источники позволяют восстановить внешний вид сокских заводов. В копии с памяти из Приказа артиллерии к боярину князю Б.А.Голицину говорилось о том, что «радательством князя Голицына тщанием в низовых городах сера добрая сыскана и промысел тому начался... в сергиевских заводах под горою для переплавки серы построен анбар мерою в длину 20, поперек 8 сажень, 2 анбара кладовых мерою первый 3-х, второй 4-х сажень для сущения руды, четыре творила, две избы с сенми, а какой меры не показано. У серных ближних ключей зделан ларь... ниже того края припружен пруд плетнем... Вкруг тех серных ключей построен земляной вал, на валу острог, в длину того острогу восемьдесят сажень без аршина, попереч в верхнюю сторону

до надолб тритцать девять с половиною сажен. З другой стороны по надолбом же пятьдесят одна сажень без аршина. От острога по валу и низью круг ларей обведены надолбы... У далних серных ключей, которые приисканы в 1703 г., а текут те ключи в реку Шурму искотловин зделаны два ларя... У серных же ключей, которые текут в реку Сургут зделан ларь... Да по тем же вышеозначанным речкам — по речке Шундуту по осмотру, где начались небольшие серные ключи для серной садки построен пруд, да по реке Соку вверх по правую сторону приискана серная руда... В далних ключах серы садится малое число, а расстоянием от Сергиевска в двадцати пяти верстах»¹¹⁷. Дополняют это подробное описание материалы осмотра сокского промысла, произведенного в 1760-х гг. И.И.Лепехиным. В местах выхода из-под подошвы Серной горы четырех серных ключей были устроены деревянные спуски, направлявшие поток воды в прямоугольный пруд размером 20 на 20 сажен. Дно пруда устлано дубовыми досками и «поделаны в нем перегородки, наподобии ларей; однако сии лари не так глубоки, какие мы видели на молошной речке. Самое глубокое место не более трех четвертей имеет»¹¹⁸. В ларях при отстаивании насыщенного раствора выделялась самородная сера. Через пруд был проложен мост. По мере накопления сера вычерпывалась из ларей и подвозилась к заводским печам для очистки переплавкой, так как содержала до 25 процентов примесей.

Руководство завода пыталось найти залежи самородной кристаллической серы. Вся серная гора, по наблюдениям Лепехина, была изрыта глубокими ямами-штольнями, однако поиски оказались тщетными.

После недолгой эксплуатации месторождения выяснилось, что сокские серные заводы невыгодны казне, так как требовали значительных денежных затрат при низкой производительности (до сотни пудов серы в год). Поэтому, как только правительству стало известно, что на Самарской Луке в районе Серной горы имеются богатые запасы самородной кристаллической серы, оно решило сконцентрировать силы на новом месторождении. В 1720 г. Новосергиевский завод на Соку закрыли и перенесли на Самарскую Луку. Судьба остальных двух заводов неизвестна, но скорее всего их постигла та же участь. Паллас и Лепехин обнаружили на Соку давно заброшенные отдельные сооружения этих заводов и окружавших их укреплений.

Позже вода из серных ключей нашла другое применение. До Петра I дошли слухи, что рабочие заводов и местные жители лечатся целебной водой из серных источников. Посланный по личному указанию Петра I лейб-медик Шоберг подтвердил лечебные свойства вод и рекомендовал открыть в районе Сергиевска лечебницу.

Начало промышленного серного производства на Самарской Луке было заложено мастерами Новосергиевского завода. Несмотря на богатые залежи самородной ископаемой серы, поначалу заводское начальство испытывало серьезные затруднения. Петр I в 1722 году совершил поездку по Волге и специально сделал остановку для осмотра завода в Жигулях, после чего указал из Астрахани Правительствующему Сенату: «Серы на Волге зело много, а мастеров нет, для того старатца, чтобы выписать компанию мастеров»¹¹⁹. Год спустя специальным правительственным решением из-за границы пригласили мастера и подмастерьев, которым вменялось осмотреть казенные заводы и месторождения серы на Средней Волге.

В отличие от прежнего, когда серными заводами заведовали в местной воеводской канцелярии, с 1720 г. промысел под Жигулевскими горами Канцелярией артиллерии и фортификации был поручен надзору майора И.Молостова. В 1757 г. из казны завод передали во владение петербургского купца Ивана Мартова. Его наследники запустили промысел, пришедший в полный упадок: И.И.Лепехин лицезрел уже его развалины. Разработка серы на Самарской Луке прекратилась в 1764 г. и более в XVIII веке не возобновлялась.

По описанию П.С.Палласа, серное производство на Самарской Луке включало небольшой поселок, плавильный цех, каменоломни на Серной горе, очистной цех. При заводской поселок состоял из деревянного конторского здания, двух заводских и 40 «мужицких» дворов, в которых жили работные люди. Он располагался на узкой полосе высокого волжского берега, между подошвой Серной горы и пойменной приволжской низиной. Численность рабочих составляла около 600 человек, из них 22 относились к мастерским высшей категории (по другим данным, в 1725 г. на заводе было занято 38 мастеров и их учеников). При заведении завода большинство работников перевели из Сергиевского промысла. Труд по добыче серы был крайне тяжелым, поэтому каждый месяц рабочих меняли таким образом, чтобы одновременно в производстве принимало участие не более 120 человек наемных и «небольшое число крепостных людей».

Сама добыча производилась на обрывистых лесистых склонах Серной горы высотой около 200 м. От ям-штолен вниз к заводу вели крутые каменные тропинки, хорошей дороги не было и работники более километра несли на своих плечах тяжелые корзины с породой. Ямы, в которых добывали «гипсовый камень, содержащий горючую серу», называли развалами. Обычная глубина таких развалов составляла от 10 до 15 метров.

Значительную часть добываемой серы получали в виде самородков — до четырехсот пудов в год. Такая сера не требовала последующей очистки. Помимо серы на горе в гипсовом камне добывали большие плиты «селитной» слюды. Во многих домах окрестных сел такой слюдой стеклились окна.

Плавильный цех на южной окраине Серного городка представлял строение длиной около 100 м с 51 печью. Печи стояли в один длинный ряд на небольшом расстоянии друг от друга и соединялись длинным очагом «с прорезом в длину, в котором положены поперечные кирпичи, расстоянием один от другого на вершок». Для плавления серы использовались сделанные здесь же из местной глины горшки, называемые булакрами. Их наполняли добытой из «развалов» Серной горы «грязной» серой или серным камнем. Крышки у горшков замазывали раствором глины с песком, затем горшки ставили на очаг и разводили огонь в печах. Под воздействием высокой температуры легкоплавкая сера становилась жидкой, поднималась над всей остальной породой и из глиняных носиков, расположенных в верхней части сосудов, вытекала наружу. Для сбора растопленной серы использовались специальные сосуды, поставленные вдоль глухой стены плавильного цеха, на приступах, в наполненных водой корытах. На этом процесс первичной обработки полуфабриката завершался. Полученная таким образом сера содержала много примесей, считалась «грязной» и требовала второго плавления.

Очистной цех находился в небольшом строении рядом с конторским домом. В цехе стояли три печи, сходные с обычными крестьянскими хлебными печами, в каждую ставили до 15 горшков-булакр, второй раз перетапливали серу, а затем выливали ее в специальные формы, стоявшие поблизости в наполненных водой корытах. Печи с «продушинами» были устроены далеко не сразу после основания завода. Паллас писал, что при работе на прежнем, более примитивном оборудовании, без вытяжки «много работников умирало чахоткою и долговременною горячкою»¹²⁰.

Для своего времени завод на Самарской Луке являлся одним из крупнейших в России, на нем ежегодно добывалось до 1500 пудов «чистой горючей серы», а на заводах Ярославля, Кадома и Елатымы, для сравнения, добыча не превышала 500 пудов в год. Запасы серы казались неисчерпаемыми, ее добычу можно было резко увеличить. Стоимость пуда чистой серы составляла в ценах того времени от 50 до 60 копеек; за провоз зимним путем от Москвы с одного пуда платили по 12 копеек.

Закрытие завода под Серной горой произошло потому, что он не смог выдержать конкуренции более дешевой иностранной, привозной серы. Технический уровень волж-

ского производства был гораздо ниже, и даже дешевизна крепостного труда не смогла искупить этот недостаток ¹²¹.

В начале XIX в. сделали попытку возобновить серный промысел на Самарской Луке. Отвечая на запрос Горного департамента о прежних серных заводах, самарский городничий указал на бывший Серный городок. В сентябре 1808 г. сюда направили мастеров для осмотра бывшего завода. Пробные шурфы дали обнадеживающие результаты. Однако на разведочной экспедиции дело и закончилось.

ГОРОДСКИЕ ПОСАДЫ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ

Возникнув первоначально как пограничные военные поселения, Самара, а век спустя Сызрань и Кашпир постепенно обросли посадами и слободами, превратились в промышленно-торговые центры. Сколь-нибудь значительное посадское население в Самаре образовалось, по-видимому, только после событий Смутного времени. В «городе», за стенами острога, где и без того тесно служилым людям, не могла сложиться многочисленная посадская община. «Тишина», наступившая после тревог Смуты, способствовала разрастанию приволжских городков, приливу в них беглых, вольных людей.

В начале 30-х гг. XVII в. уже упоминалась Рыбная слобода за пределами самарской крепостной стены. При проведении переписи 1646 г. в Самаре подъячии записали в свои книги многочисленную Болдырскую слободу, а еще через 5 лет в одном из документов появились сведения о Вознесенской слободе. Начиная от посада, огороженного стеной с башнями, стоящего на возвышенной стрелке между Волгой и Самарой, далее к северу шла цепочка слобод: Рыбная, Болдырская, Вознесенская; за последней лежали огороды, кабацкое место, погреба и избы. К началу XVIII в. город приобрел ряд черт торгово-промышленного поселения, в известной степени утратив первоначальный воинственный облик. На Корнилия де Бруина, голландского путешественника и живописца, видевшего Самару в 1703 г., общий облик города произвел смутное впечатление: «город довольно обширен, весь деревянный и домишки в нем плохие» ¹²².

Сказывалось окраинное положение, оторванность от основных, давно освоенных территорий Российского государства. На всем протяжении XVII столетия большинство населения Самары составляли служилые люди. И все же это обстоятельство не является достаточным свидетельством в пользу чисто военного или военно-административного значения Самары. Начиная с 1620-30-х гг. положение и характер деятельности служилых людей в городках-крепостях типа Самары постепенно изменялись. Они в большинстве своем стали постоянным коренным населением, между «приборными» и посадскими людьми исчезли непроходимые границы. В Самаре стрельцы, казаки, иноземцы жили на посаде и в слободах вместе с посадскими, чересполосно. Нередки случаи, когда в состав гарнизона рекрутировалась молодежь из местной посадской общины, а отставные служилые переходили в состав посада.

В середине XVII в. в Самаре насчитывался 121 посадский двор, в которых жило немногим более 300 человек мужского пола ¹²³. Трудно судить, насколько стабильно было посадское население: большинство жило своими дворами, однако не так уж мало насчитывалось соседей, «подсоседников», «захребетников».

После сооружения в середине XVII в. Симбирска и заселения его округа значение Самары понизилось. Еще более ослабились позиции города после строительства Сызрани. Численность посадского населения в городке по сравнению с серединой века начала

постепенно уменьшаться. В 1670-80-х гг. насчитывалось всего 70 дворов, в которых жило 196 человек «мужеского пола», в 1722 г. 204 человека¹²⁴. Самара постепенно теряла свое торгово-промысловое значение на волжском пути, так и не став перерабатывающим и распределяющим центром сельскохозяйственной округи.

В посадскую общину входили жители посада и слобод, свободные от государственной службы, но обремененные посадским тяглом. Самарский городской мир был невелик и небогат. Пятинный сбор 1616 г. по городку (налог, собираемый с торгово-промышленного населения в размере $\frac{1}{5}$ всего имущества) составил всего 700 рублей, в то время как в Н.Новгороде подобные сборы равнялись 12000 руб.¹²⁵. Управлялась община выборными людьми. На сходе жители избирали старосту и его помощников — сотских и десятских. Мирские старосты и выборные занимались не только регулированием внутренней жизни общины, но прежде всего разрешали взаимоотношения посада с администрацией города. На мирские должности старались выбирать людей обстоятельных, способных защитить интересы мира. Однако охотников выполнять эти службы находилось не так уж много. Руководители общины оказывались меж двух огней: с одной стороны, посадские люди требовали от них твердости и самостоятельности в отношениях с городской администрацией, с другой — сама эта администрация заставляла неукоснительно выполнять все государственные повинности. Нередко выборные попадали на праведж, за недоимки посадского мира у них отнимали «животы» — личное имущество.

Если в Западной Европе звание горожанина давало человеку свободу, то в России посадский человек оставался крепостным феодального государства, под страхом смертной казни не имеющим права покинуть свою общину. Комплекс феодальных повинностей «черных» людей, так зачастую называли посадских, заключался прежде всего в «государевом тягле», состоявшем из денежных налогов, исполнения утомительных «земских служб посадских людей». К этим службам относились ремонтные и строительные работы, подводная повинность, руководство кабаками, кружечными дворами, торговыми экспедициями. Головы и целовальники избирались всем миром и отвечали перед воеводами за правильно и полностью взимаемые денежные и натуральные сборы.

Мирские люди пользовались отдельными льготами: монополией на торговлю в городе, на право иметь свои лавки и торговые места, на промысловые воды и окологородные земли. Городскими торговыми местами, мостами, общественными заведениями также пользовались служилые люди, торговцы и предприниматели из других городов, имевшие в Самаре свои дворы. Нередко местные посадские люди били челом властям с просьбой включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника, слишком рьяно занявшегося местными промыслами и торговлей, забросившего городские службы.

Господствующей в Самаре была усадебная застройка. Дома, окруженные дворами, зачастую с огородами, стояли просторно. Сохранилось описание одного из типичных самарских дворов конца XVII в.: «...а на дворе ...хоромы, изба липовая бревенчатая, да повалоша сосновая бревенчатая с чердаком, да сени, да погреб, печь надворная, баня осокоревая бревенчатая, да хлев, двор в городьбе и с ворота. Дворовое место против государевых размерных книг, а в межах тот... двор подле двора Чудова монастыря, а по другую сторону двор Кирилы часовника, а против через улицу, городской острог»¹²⁶. Едва ли не в каждом дворе держали лошадь, а то и две, коров, овец, коз, кур.

Вся жизнь средневекового горожанина проходила под сенью церковных куполов и крестов. На известном рисунке Адама Олеария в Самарском городке прежде всего выделяются звонницы и купола церквей и монастырей; К. де Бруин также изумился количеству самарских монастырей и церковных зданий. Соборной церковью города считалась Троицкая. Она была построена из дерева, имела «предел Николая Чюдотворца».

Некоторое время храм Николая Чудотворца существовал обособленно, самостоятельно¹²⁷. В Болдырской слободе находились дворы троицкого и никольского попов, дьякона, пономарей и дьячка. В 1685 г. в Самаре появилась первая каменная Преображенская церковь¹²⁸. Ее построили сами самарцы, а кирпич для храма обжигали местные кирпичники в специальных «кирпичных сараях».

По-видимому, уже в конце XVI - начале XVII вв. появились самарские монастыри. Первым мужской Спасо-Преображенский, позднее с тем же названием женский. Мужскому монастырю посчастливилось: он вскоре был приписан к Патриаршему Дому, стал домовым. Под столь высоким покровительством, фактически руководством, монастырские власти смогли обзавестись богатейшей вотчиной на Самарской Луке. Старицы женского монастыря жили на государево жалованье — ругу и на подаяния прихожан. Монахи и монахини подавали пример святой жизни, отправляли религиозные потребности горожан, а в мужском монастыре еще и активно занимались хозяйственной деятельностью. Монастыри также должны были служить приютом для немощных посадских и служилых людей. С такой целью создавались монастырские обители при многих новопостроенных крепостях, в том числе Сызрани и Кашпире.

В Самаре практически не было белопоместного населения, а тем более белых слобод. Местные феодалы, на протяжении всего XVII века насчитывавшие не более 20 семей, не обладали достаточным богатством, чтобы селить в городе своих крепостных отдельными дворами. Крупнейшие монастыри-промышленники Средней Волги — Чудов, нижегородский Благовещенский и другие заводили на посаде свои подворья, но в них жили только приказчики и сторожа.

Помимо постоянного населения Самары в ней ежегодно, с открытия навигации и до глубокой осени скапливались многочисленные работные люди, беглецы, «вольные» из верховых городов и уездов. Население еще по-зимнему сонного городка сразу вырастало едва ли не в два-три раза. Постепенно эти толпы рассасывались, нанимаясь на ватаги, волжские караваны, отдельные суда, но на смену ушедшим приходили все новые и новые люди. Недаром в это время родилась пословица «Нечем платить долгу — дай пойду на Волгу».

В 1688 г. Самара царским указом получила официальный статус города. Но и до этого указа во всех документах крепость именовалась «Самарским городом», «городком». Однако в течение всего XVII века «Самарский город» вряд ли подходил по своим основным характеристикам под это определение.

В промышленно-торговой жизни первоочередную роль играл поток транзитных грузов, шедших по Волге. Только в составе осенних караванов вверх и вниз по реке проходило до 2000 крупных судов¹²⁹. Грузоподъемность некоторых из них составляла от 500 до 1000 тонн. Волга выступала звеном в торговле и дипломатических отношениях с Ираном и Закавказьем, Средней Азией. Вниз везли хлеб, оружие, лес, меха, промышленные товары. До 3 млн. пудов соли ежегодно, или около $\frac{1}{4}$ всей добываемой в стране, громадное количество красной рыбы шло вверх по Волге. Весь этот грузопоток стимулировал посредническую торговлю и предпринимательскую деятельность жителей Самары. Первоначально торговые караваны, отдельные суда останавливались у пристани-«зимовья» «в Шелехметских горах», в основном устье реки Самары. Затем, в середине XVII в., пристань перенесли под город. Самарский торг волжскими товарами не получил значительного распространения, но все же часть грузов, особенно сверху (хлеб и оружие для яицких казаков и т.д.), сгружалась в Самаре и отсюда яицкими «охотниками» вывозилась. Кроме пристани на волжском берегу, «против города» была устроена застава. Служба на ней приносила немалый доход. Недаром должность ее руководителя (из дворян или детей боярских) замещалась по конкурсу. Застава была нужна не только для

бережения караванов и отдельных судов, на ней производился досмотр товаров и сбор пошлин.

Крупным торговым сухопутным путем являлся среднеазиатский, шедший в Москву через яицкие степи и Самару. Он получил известность уже во второй половине XVI в. Караваны проходили Самарский городок и переправлялись через Волгу у Овечьего брода. Это был путь восточных товаров, редкостей. Восточные купцы, их называли «тезиками», имели в городе свой «тезиков» двор. В 1676 г. самарский воевода А.Шель писал: «...в прошлых... и в нынешних годех те купчины приедучи на Самару продавали всякие товары: киндяки, шелк, сафьяны, выбойки, соль, а пошлины в нашу великого государя каз-ну в тамошне с тех товаров и с продажной соли не платили, учинились сильны»¹³⁰. Жалоба воеводы, видимо, относилась и к купцам, везшим свои товары по Волге.

Яицкая дорога связывала земли яицких казаков с Самарой, а через нее с центром страны. Это был прежде всего зимник: с Яика шли вдоль Самары обозы с красной рыбой и икрой, в обратный путь их наполняли хлебом, боеприпасами, промышленными товарами. На подходах к городу, в «Осинниках», была устроена специальная застава — «пропуск с Яика рыбного и икряного промыслу». Она выполняла те же функции, что и застава на Волге. Извоз на Яик и обратно скорее всего был делом самарских посадских людей, так называемых «яицких охотников». О размерах перевозимого с Яика потока рыбы и рыбных припасов свидетельствуют данные о величине платежей с предпринимателей, бравших за откуп государственный десятинный сбор ($\frac{1}{10}$ со всего грузопотока). В конце 70-х гг. XVII века с них собиралось до 1,5 тыс.рублей, сумма по тем временам значительная¹³¹.

Таким образом, вокруг городка существовало несколько военно-контрольных пунктов-застав, через которые шел поток транзитных грузов. Так же не в самом городе, а за предпольными укреплениями — надолбами было отведено специальное место для торгова с кочевниками. Из степи на продажу шли огромные конские табуны, отары овец, а в степь продукты земледелия и промышленности. Эти торговые сношения были настолько важны для кочевников, что в случаях отказа от торговли со стороны русской администрации они начинали активные военные действия.

Еще один, сравнительно небольшой, торг был устроен за стенами кремля, на торговой площади посада.

Весь хозяйственный уклад, вся экономическая жизнь Самары вращалась вокруг транзитной торговли. В документах пятинных сборов по городу, относящихся к 1634 г., среди почти 200 самарских торговцев и промышленников указано только 27 ремесленников¹³². Основным источником доходов остальных выступали торговые посреднические операции с транзитными грузами. Крепость жила, что называется, от одного торгового каравана до другого. Сама Самара потребляла не так уж много: до конца XVII в. в город ввозился хлеб для гарнизона и посадских людей, трудоемкие промышленные товары, боеприпасы да металл. Все остальные нужды покрывались за счет местных производств. Потребности местных служилых и посадских людей были невелики, а местное купечество не обладало настолько значительным капиталом, чтобы всерьез заняться крупными посредническими операциями. Самым богатым человеком в Самаре среди простолюдинов слыл «торговый человек» Козьма Щелкин, его имущество оценили в 500 рублей. Состояние по тем временам немалое, но его обладатель ни в коей мере не мог тягаться с людьми гостиной сотни, тем более с гостями. Перекупкой товаров в Самаре в основном занимались приезжие купцы — гости Светешниковы и Никитниковы из Ярославля, Задорины из Нижнего Новгорода, Калмыковы и другие.

Весьма значимым для самарских жителей являлся рыбный промысел. В 1655 г. подгородные волжские рыбные ловли приписали к городу и в них безоборочно могли ловить рыбу все жители.

Крупное промышленно-ремесленное производство в Самаре было развито слабо. В списке ремесленников города, относящемся к середине 30-х гг. XVII в., перечисляются следующие специальности: бондари, иконники, камышники, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники, серебрянники, солоденники, сыромятники, рыбники, харчевники, часовники, шапочники, калачницы, хлебницы и молочницы. Всего можно насчитать 18 профессий, но вряд ли некоторые из них действительно ремесленные¹³⁴. Наибольшее число «ремесленников» составляли рыбники и казенные кирпичники — по 5 человек каждой специальности. Все эти люди обслуживали в основном потребности городского населения. Их деятельность не распространялась на сельскохозяйственную округу. Наиболее широко вели дело и одними из самых состоятельных среди «ремесленников» были два плотника.

Многие служилые и посадские люди пытались заниматься подсобным сельским хозяйством. Земледелие вокруг городка, как уже говорилось, начало развиваться только в XVIII в. Огородничество в небольших размерах и на ограниченных площадях появилось значительно раньше. В частности, самарские огороды упоминаются на северной окраине Вознесенской слободы.

Большее развитие получило животноводство и прежде всего коневодство. Конские табуны пасли на волжских островах, в пойменных лугах «Самарского урочища», в междуречье, у «надолб». Неоднократно эти табуны подвергались нападениям кочевников, порой их воровски отгоняли.

В отличие от Самары, в Сызрани и Кашпире гораздо быстрее появились свои посады и слободы. Крепости построили в районе, который очень активно осваивался земледельцами, в округе сразу же начало складываться многочисленное сельское население. Сызрань (Кашпир не выдержал конкуренции со своим близлежащим соседом и вскоре захирел) оказалась не только военной крепостью, не только перевалочным пунктом для переброски транзитных грузов, но и центром обширного, тяготеющего к ней района. Уже к началу XVIII в. по количеству посадского населения Сызрань догнала и перегнала Самару. Удобной пристани рядом с Сызранью не было и долгое время суда причаливали под Кашпиром, где возникли крупная, соляная и рыбная пристань. Описаний сызранского посада в конце XVII—начале XVIII в. не сохранилось. А вот о Кашпире К. де Бруин писал: «Городок этот невелик, окружен деревянной стеной, деревянными же церквями. Предместье его или слобода находится подле же города...»¹³⁴

В XVIII в. более быстрыми темпами стало развиваться промышленное производство, в том числе Самарского края. В экономике страны вообще выделялся рост мелкого товарного производства, то есть изготовления продукции на рынок не только в городах, но и государственных и помещичьих селах. Крестьяне нашего края занимались столярным, гончарным, скорняжным, портняжным, кожевенным, шорным, колесным и другими промыслами. Большим спросом в России пользовались мерлушковые тулупы, сшитые в калмыцких селениях под Самарой и Ставрополем.

Основными центрами промышленного производства все же выступали города. В Сызрани были развиты портняжное, плотницкое, шапочное, рукавичное, калачное, хлебное, сапожное, кузнечное, серебряное, масляное, красильное, прядильное, шерстобитное, овчинное, скорняжное и переплетное ремесла. Ремесленники различных специальностей, как уже говорилось выше, жили и в Самаре. Жители Алексеевска добывали белый известковый камень и изготавливали из него различные поделки.

Под воздействием новых веяний в экономике России оказался и традиционный волжский промысел — судоходство, где в XVIII в. более широко стал применяться наемный труд. К концу века на речном транспорте Волжского бассейна было занято около 210-220 тыс. судорабочих¹³⁵, большинство вольнонаемных. В судовые работники, главным обра-

зом в бурлаки, подавались крестьяне приречных сел и деревень, бедные горожане, а также беглые крепостные из различных районов страны. Практически все волжские города являлись пунктами найма рабочих на суда. В Самарском крае выделялся рынок труда в Сызрани, где в городской крепостной конторе оформлялось большое количество сделок между судовладельцами и работниками.

В XVIII в. в Самарском Поволжье начался переход от ремесла к мануфактуре, то есть крупному товарному производству. Мануфактура еще не могла преодолеть конкуренцию мелкого производства продукции на рынок, так как сама основывалась на ручном труде. В нашем крае мануфактуры возникали преимущественно в помещичьих имениях, где применялся подневольный труд зависимых крестьян. Они назывались вотчинными или крепостными. Чаще всего это были винокуренные заводы. В дворянских имениях также существовали текстильные и химические предприятия мануфактурного типа, небольшие заводы по переработке сельскохозяйственного сырья: кожевенные, салотопенные, мыловаренные, овчинные, свечные и т.п. Так, в селах Успенское и Михайловка Самарского уезда работали суконная фабрика и «красочный завод» подполковника О.Зубкова, их обслуживали 2 мастера, 2 подмастерья, 36 рабочих людей¹³⁶. Мануфактурной стадии достигли и некоторые казенные предприятия.

Увеличение товарного производства как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, развитие водного и сухопутного транспорта стимулировали торговлю. Центрами торговли в крае, как уже отмечалось, выступали города, в них постоянно рос купеческий слой. На 1767 г. в Самаре и ее пригороде Алексеевске проживало 437 купцов (взрослых и сыновей), в Сызрани 1194, в купеческой слободе Ставрополя 129 человек мужского пола из этого сословия.

Наряду с городами торговля велась в больших селах и деревнях. По сведениям, сообщенным Сенату в 1765 г., в селе Новодевичьем ярмарки проходили в мае, июне и июле. Ежегодно собиралась июньская ярмарка в селе Липовка Самарского уезда. В селе Николаевское Сызранского уезда устраивались еженедельные торги, в селе Доможировка того же уезда один раз в неделю велся хлебный торг. Своей хлебной пристанью славилось село Хрящевка Ставропольского уезда¹³⁷.

Две важнейшие торговые дороги, по Волге и через степь на Яик, создавали благоприятные условия для втягивания Самарского края в орбиту всероссийского рынка. Здешние крестьяне и горожане поставляли на него хлеб, рыбу, скот, птицу, овощи, сукно, холст, кожи, сало и другие товары. Причем крестьяне не только продавали свою сельскохозяйственную продукцию и изделия домашних промыслов, но наиболее зажиточные из них занимались также скупкой и перепродажей. Появление на рынке торгующего крестьянства вызывало неудовольствие купцов, опасавшихся за свои сословные привилегии. В 1767 г. сызранское купечество жаловалось, что прежде «хлебную и протчую продажу производили больше... купцы», а теперь многие крестьяне, пахотные солдаты и казаки «вступили в ту же купеческую торговлю» и обходятся без посредства купцов¹³⁸.

Предметами ввоза были шелк, чай, кофе, сахар, виноградные вина, промышленные изделия. Эти товары обычно закупались местными купцами на различных ярмарках, чаще всего на Макарьевской и Карсунской. Порой самарские купцы доставляли «знатные товары» и из других мест, более отдаленных. В 1753 г. самарский купец Данила Рукавкин совершил поездку в Хиву. Многие промышленные изделия и прочие товары восточного происхождения покупались местными жителями с судов, причаливших к местным пристаням, или у купцов, следовавших через Самарский край с Яика и Оренбурга.

Продолжала играть свою роль меновая торговля с калмыками, которые испытывали постоянную нужду в промышленных изделиях и другой продукции оседлого хозяйства. В обмен они предлагали скот и продукты животноводства, пригоняя к Ставрополю,

Сызрани, Самаре большие табуны лошадей, стада крупного и мелкого скота. Кроме того привозили шкурки красных лисиц, корсачьи, бобровые и другие меха, мерлушки, овчины, тулупы, кожи. Товары для продажи калмыкам доставлялись главным образом из Москвы: разные полотна и ткани, в том числе сукно и бархат, готовая одежда, дешевая галантерея, бакалея, металлы и металлические изделия, среди которых особым спросом у кочевников пользовались чугунные котлы. Из собственных товаров Поволжье предлагало калмыкам зерно, муку и другую сельскохозяйственную продукцию.

Русские купцы и сами ездили с товарами в калмыцкие улусы, получая большие барыши. По свидетельству академика Лепехина, местное купечество, торговавшее с калмыками, было «не беззащитное». Надеясь поощрить кочевников к укреплению торговых связей с земледельцами и горожанами, правительство предоставляло калмыкам некоторые льготы. Когда те продавали лошадей, с них не взимались предусмотренные законом специальные «конские пошлыны», платеж которых перекладывался целиком на покупателей¹³⁹.

По объему торговли, разнообразию ремесленных специальностей и количеству самих ремесленников Самара в XVIII в. уступала ближайшим городам на противоположном берегу Волги: Саратову, Сызрани, Симбирску. Это объяснялось уже отмеченным выше фактом: левобережная Самара долго не имела собственной сельскохозяйственной округи, которая бы стимулировала рост товарного производства и давала сырье.

Земли, отведенные городской общине, в основном использовались в качестве выгонов, пастбищ, сенных покосов. Разведение скота и торговля продуктами собственного животноводческого хозяйства на протяжении всего века оставалось главным занятием для значительной части горожан. Кто богаче содержали скот на хуторах за городом, где было больше кормов. «От Самары верст за 20 находится уже везде высокая степь с черноземом, на котором растет трава почти с человека вышиною», — удивлялся современник в конце 1760-х гг. Изолированные на хуторах стада оказывались менее подвержены болезням¹⁴⁰.

Наряду с продажей животноводческой продукции не меньшую роль играл рыбный торг. Хотя у самарских жителей были собственные рыбные ловли по Волге, Моче и Ирги-зу, в основном они торговали рыбой, привезенной с Яика. В первой половине XVIII в. рыбу доставляли оттуда только зимой. На специальном дворе рыботорговцы сдавали в казну «десятую долю» своего товара, которая тут же поступала в продажу, а вырученные деньги в казенный доход; от продажи «тое десятой доли» казна выручала «до осми тысяч руб. в год»¹⁴¹. С середины века сухопутной дорогой на Яик пользовались и летом. После паводка ежегодно наводился мост через реку Самару, а при необходимости и через Мочу, Иргиз, другие реки. На самарских горожанах лежала ответственность за содержание шести «уметов» — постоянных дворов на дороге до Яицкого городка.

В обмен на рыбу и икру яицкие казаки получали прежде всего хлеб. По мере освоения плодородных земель левого берега Волги, в междуречье Самары, Сока, Кинеля и Черемшана, излишки хлеба стали вывозиться не только в уральские степи, но и в другие районы страны. Рост хлебной торговли постепенно отодвигал на второй план сбыт продуктов животноводства и рыболовства.

Продажа соли, которую везли посуху с Южного Урала или водою из Нижнего Поволжья, являлась казенной монополией. Для пресечения контрабандной торговли солью и другими товарами с Яика в 1750 г. возле Самары пришлось установить заставы.

Из всего объема торговли лишь ее малая часть оставалась для удовлетворения потребностей немногочисленных горожан. Об объеме торговли обычных городских лавок дают представление данные 1765 г. по Самаре. В щепетильном ряду две лавки купца Д.Рукавкина вместе давали самый высокий доход для данного ряда: 2 руб. 40 коп. Три

лавки купцов Аникина, Выдрина, Шерстобитова приносили общий доход всего в 90 коп. Более прибыльным был мясной ряд, там три лавки того же Рукавкина приносили общий доход в 9 руб. 50 коп. за год, а четыре лавки бургомистра И.Халевина 11 руб. Но рядом торговали лавки, ежегодная прибыль которых не превышала 1 руб. 25 коп.¹⁴²

Во время пребывания в Самаре В.Н.Татищева им было начато строительство большого гостиного двора. На казенный счет поставили 4 амбара для хранения товаров. Оправдываясь позднее перед правительством, ставившим эти действия ему в упрек. Татищев заявил, что строительство затеял потому, что дорога в Оренбург оставалась небезопасной, и купцам негде было хранить товары в ожидании поездки. После того как пограничную линию укрепили, и дорога стала надежней, строительство гостиного двора было прекращено. Упреки Татищеву вызывались тем, что товары, предназначенные для торговли с восточными купцами в Оренбурге, не подлежали таможенному досмотру в Самаре, поэтому в ней и не следовало находиться казенным складским помещениям. «И для того б гостина двора строить не надлежало, — выговаривалось Татищеву, — понеже город Самара зделан давно, она же внутри [укрепленной границы] и строения в ней умножено, в котором купеческим товарам для поклажи места в обывательских дворах имеется довольно»¹⁴³. Действительно, содержание на своих дворах проезжающих и хранение купеческих товаров составляли обычный промысел и источник дохода для жителей города. В 1765 г. свои дворы для этих целей предоставляли 27 горожан, еще 25 содержали 4 городских постоянных двора вскладчину¹⁴⁴.

Распространенным промыслом, связанным с обслуживанием торговли, являлся гужевой извоз. «Обыватели нанимаются к развозу товаров на собственных лошадях до Москвы, Казани, Урала и Оренбурга, а сложив товары берут в Москве щепетильные, в Казани - сафьяны и конские приборы, в Урале - рыбу и в Оренбурге - соль, поставляемую в магазейны», - сообщалось о самарцах. Но извозом промышляли и многие сельские жители. Еще в 1733 г. для сбора необходимых сведений в Самарскую уездную канцелярию вызывались «Рождественской волости от каждого жительства по два человека добрых людей таких, которые в прошлых годах для покупки рыбных припасов и для подряду на Еик хаживали». В 1737 г. той же волости крестьяне подряжались на доставку серы с казенного завода на Самарской Луке в Москву¹⁴⁵.

На побывавшего в Самаре в 1769 г. путешественника она произвела впечатление «города, от часу в большее приращение ныне приходящаго»¹⁴⁶. Наблюдение было справедливым. К началу 1780-х годов торгово-ремесленное население, теперь именовавшееся купцами и мещанами, насчитывало здесь уже 512 душ мужского пола, не учитывая казаков и других неподатных служилых людей¹⁴⁷.

Около половины посадских жителей Самары составляли лица, не имевшие собственных мастерских или лавок, работавшие в основном по найму. 30 процентов посадских занимались ремеслом, 20 процентов торговлей, крупных торговцев практически не было¹⁴⁸.

Посадское население городов Поволжья постоянно увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и в результате приписки к городским общинам новых членов из других сословий, поселившихся «своими дворами и при домах хозяйских» в городской черте. Обязательным условием «приписки» выступало участие в торговле или промыслах. По этим признакам городские сословия пополнялись из отпущенных на волю помещичьих крестьян и дворовых людей, из крестьян государственных и дворцовых разных национальностей, из отставных служилых людей, из «не знающих своих помещиков», то есть беглых.

11 февраля 1764 г. в Самарской магистрат поступило прошение ясажного крестьянина села Аскулы Т.А.Шишова о принятии его в число цеховых мастеров города Самары. Просьба обосновывалась тем, что «жительство де он по кожевенному своему ремеслу име-

ет в городе Самаре, ради чего необходимо принужден он купить свой дом». К прошению было приложено «отпускное письмо», которое дали «села Аскулы ясашных крестьян сотник Григорей Афонасьев, староста Артемей Федосеев с согласия всех мирских того села людей» Шишову, «живущему в городе Самаре своим двором, у коего имеется рукодельное кожевенное ремесло... ибо он, Шишов, в селе Аскуле крестьянской на пашню земли и прочих угодей не имеет»¹⁴⁹.

По тем же признакам места жительства и владения ремеслом решался вопрос о причислении к посадской общине «Самарского уезда села Винновки ясачного крестьянина Савелья Васильева сына Дудинцева... обще з братьями и з детьми их». Воеводская провинциальная канцелярия в Симбирске поручила рассмотрение этого дела Самарскому магистрату: «Естли подлинно... жительство имеют в городе Самаре своими домами и подлинно, как оной Дудинцев при деле в самарской канцелярии скаскою показал, что имеет рукавишное и овчинное ремесло, освидетельствовать обще со определенными от того магистрата алдерманы. И буде по свидетельству точно окажется, також и дома свои имеет, то их определить в цехи»¹⁵⁰.

Самарские казаки также занимались хлебопашеством и скотоводством, промыслами и торговлей, мало отличаясь по своим занятиям от посадских людей. Некоторые из них переходили в городские сословия. Так, 24 сентября 1768 г. оренбургский губернатор подписал «ордер» (приказ), по которому «самарский казак малолеток 15-ти лет Алексей Хопрянинов» переводился в купеческое сословие, так как «обращающегося в торгу капитала имеет слишком на тысячу рублей и желает устроить мыльный и кожевенный заводы», а потому «купцом Хопрянинов будет более полезен, чем казаком»¹⁵¹. Численность находившихся на службе казаков в Самаре во второй половине XVIII в. составляла около ста, а вместе с отставными и малолетними до 300 человек мужского пола.

Помещики-дворяне, чиновники, офицеры являли немногочисленные группы постоянных жителей городов Самарского края. Невелика была и принадлежавшая им дворня. Небольшое число крепостных дворовых людей имелось у богатых купцов и казачьих командиров. У купца Д.Рукавкина было трое дворовых слуг из пленных башкир, атаман самарских казаков А.П.Углицкий в 1763-64 гг. купил 7 дворовых, один из которых, правда, сразу же сбежал. Но среди слуг и работников во дворах, мастерских, лавках зажиточных посадских и казаков преобладали, конечно, нанятые из городской бедноты и крестьян.

Все жилые дома в Самаре XVIII века были деревянными, что требовало постоянных забот о противопожарной безопасности. В 1765 г. вспыхнул третий по счету с 1745 г. большой пожар, унесший «церквей каменных две, деревянных две же, магистрат, воеводский дом и все тамошняго купечества лавки, два кабака, да обывательских 418 дворов, людей женска пола 2 человека». От огня «с великим трудом сохранены соборная церковь, пороховой погреб, провианская и соляные магазейны [казенные склады], самарское камисарство, винной выход [погреб] и 170 обывательских дворов». После этого пожара из города вывели кузницы и скотобойни, опасные в пожарном отношении. Жителям рекомендовалось увеличить расстояния между постройками и строить дома каменные или на каменном фундаменте, но эти рекомендации остались пустым звуком, а постоянная угроза пожаров преследовала горожан: в 1772 г., например, в одну ночь сгорело 76 домов¹⁵².

Городские власти наблюдали за соблюдением чистоты и уборкой мусора с улиц и дворов. Мусор первоначально свозился в яму около Убогого дома (богадельни) на окраине города, в 1741 г. ее засыпали и отвели новое место под свалку в нескольких верстах от города¹⁵³. В конце XVIII в. отмечалось, что в Самаре «воздух всегда чистый, благотворный и для жития весьма здоровый».

ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ

«А УКАЗ, ДЕ, У МЕНЯ В ПАЛКЕ»

В конце XVI-XVII веках в России окончательно оформляется система крепостного права. Феодално-крепостнические отношения проникают в новоосваиваемые районы, вовлекая в свою сферу население территорий, недавно вошедших в состав Российского централизованного государства. Именно в это время начинает складываться система «государственного феодализма».

Оформление крепостничества вызвало резкое обострение взаимоотношений между крестьянством, средними и беднейшими слоями посадского населения и феодалами. Это нашло отражение в усилении социальных противоречий, перераставших в XVII веке в мощнейшие крестьянские войны. Характерная особенность крестьянских войн в России состояла в том, что первоначальные очаги их возникновения и территория наибольшего распространения приходились на окраинные районы, население которых более обостренно реагировало на усиление феодального гнета. Самарский край входил в ареал этих земель. Его население формировалось в основном из беглых людей, уходивших за «волей», подальше от крепостнического центра. В Среднее и Нижнее Поволжье со всех концов страны стекались бездомные люди, которым нечего терять. Степень эксплуатации их была чрезвычайно высока. Вся эта масса люмпенизированных работников промыслов и волжского судоходного транспорта была готова вести борьбу против системы насилия, жесточайшей эксплуатации и беззакония. Конкретными виновниками своих бед эти люди считали местную феодальную администрацию, верхушку волжских предпринимателей, приказных людей из центра.

Значительно ухудшилось положение сельских оседлых жителей края. Пришлое население в конце XVI—первой половине XVII в. селилось на дворцовых, монастырских, патриарших землях, где ему предоставлялись поначалу значительные льготы. Позже за лес, который они прежде свободно рубили, за рыбные ловли, бортные урожаи — за все со временем приходилось платить, и чем дальше, тем больше. Постоянно вводились новые налоги, увеличивались старые, появлялись чрезвычайные сборы. Во второй половине XVII в., и особенно к началу XVIII в., наиболее быстро росли государственные налоги, значительно опередившие по своим размерам частновладельческие сборы. Особенно трудны были различные повинности: строительные работы, посылки с обозами и т.д. Постепенно поселенцы оказались втянутыми в жесткую систему крепостнических отношений. Ухудшилось правовое и социально-экономическое положение служилых людей края. Недаром жители Печерской слободы писали, что за «службой», постоянными разъездами, бесконечными посылками они не успевают заниматься собственным хозяйством, «совсем оскудали».

Во второй половине XVII в. быстро росло количество частновладельческих крестьян: монастырских и помещичьих. Их положение также изменилось в худшую сторону: увеличилась феодальная рента, стала преобладать наиболее тяжелая ее форма — отработочная, что вызывалось увеличением барской запашки. В Надеинском Усолье, например, монастырские крестьяне, бобыли и работные люди в 1660 г. пахали на монастырь 30 четвертей в одном поле, а в 1686-87 гг. монастырская запашка увеличилась до 387 четвертей «а в дву потому ж»¹. Ценность хлеба росла, монастыри и помещики старались увеличить размеры барщины. В частных владениях велось крупное строительство мельниц, хозяйственных и жилых помещений, рыбных дворов. Устанавливалась мелочная регламентация жизни крепостных, сковывалась хозяйственная инициатива людей. Рабочих рук не хватало, поэтому владельцы пытались использовать как только возможно все имеющиеся. Часто встречались случаи грубейшего произвола со стороны местной администрации — обман, насилие, грабеж.

Яркий пример — многолетняя (1673-84) борьба жителей Надеинского Усолья против произвола монастырского старца промышленника Леонтия Моренцова, известного как своей энергичной хозяйственной деятельностью, так и постоянными злоупотреблениями властью². О последнем обстоятельстве свидетельствует несколько десятков челобитных из вотчины. Они исходили не только от зависимого населения, но и от людей, равных Л. Моренцову по служебному положению. Одного из них, промышленника Г. Черниговца, Л. Моренцов «...морил голодною смертию и ставил на правеж». Случаи угроз, избиений жителей Усолья, насилий, незаконных поборов и отработок, а то и просто ограблений, и все это систематически, из года в год, стали нормой поведения старца. Даже местного священника И. Венедиктова Моренцов «...посадила на цепь и бил его смертным боем дубиной и убил до смерти». Соучастниками своих преступлений, своеобразными телохранителями старец сделал двух усольских жителей из семьи трубного мастера, одной из наиболее привилегированных в Усолье.

Жители вотчины не без основания считали, что подобные злоупотребления и преступления должны быть наказуемы. В своих челобитных они ни в коей мере не пытались выступить против основ феодальных отношений, системы повинностей и т.д. Главная цель челобитчиков состояла в том, чтобы отозвать Л. Моренцова из Усолья, прекратить злоупотребления. Однако добиться справедливости с помощью челобитных даже в самые высокие инстанции — на имя царя, патриарха, властей Савво-Сторожевского монастыря населению вотчины не удалось. Доведенные до крайности жители Надеинского Усолья летом 1682 г. решились на открытое выступление. В нем приняло участие большинство населения вотчины. Видимо, это была уже не первая попытка открытого неповиновения, так как Моренцов писал о «...прежних мятежниках».

Сопrotивление жителей властям не переросло в вооруженное восстание. Крестьяне, работные люди, бобыли прекратили все работы на промыслах, перестали подчиняться старцу: «...от этого соляной и рыбный промысел остановился и рыба в монастырь не идет». В Москву послали челобитчиков с прошением вывести Надеинское Усолье «из-под монастыря». Выступление закончилось неудачей. Вотчина осталась за монастырем, промышленника не сменили. Но власти Савво-Сторожевского монастыря поняли, что дальнейшее пребывание Л. Моренцова в Усолье может привести к новым, более серьезным выступлениям жителей. Об этом свидетельствовали новые челобитные на имя уездных властей, патриарха и т.д. В сентябре 1684 г. Моренцову все же пришлось сдать вотчинные дела. Так закончилось правление этого жестокого самодура, длившееся более 10 лет.

Подстать Леонтию Моренцову были и другие управляющие феодальными владениями. Вот как образно очертил границы своей власти в Надеинском Усолье бывший там промышленником в 1695 г. старец Анфиноген: «...хто де у меня попросит властиной указ, у меня де указ в палке»³.

Усиление крепостного гнета сказывалось также на положении чувашского и мордовского населения Самарского края: наряду с классовой, все более отчетливо выступали национальная и религиозная формы угнетения.

Недолгая «тишина» на Средней Волге, наступившая после потрясений Смутного времени, сменилась в середине XVII в. новым усилением социальных противоречий. Сопротивление населения приобретало самые различные формы: уклонение от переписей, налогового обложения, подача челобитных. Одной из форм социального протеста являлось бегство. Уйти с обжитого места, бросив дом, хозяйство, лишиться поддержки общины — на все это могли толкнуть лишь очень серьезные обстоятельства. Например, в Надеинском Усолье несколько семей бежало, исчерпав все легальные средства борьбы с промышленником и не в силах выдержать длительное судебное разбирательство, мытарства, связанные с ним. Жители села Юловское городище Новоспасского монастыря «...от всего этого [судебных тяжб] ...разорились вконец и многие разбрелись»⁴.

Подобная формула часто встречается в крестьянских челобитных, и за этим протокольным оборотом видится подлинная драма эпохи. Когда в 1723 г. производилась перепись яицкого казачьего войска, выяснилось, что по числу жителей, ушедших к казакам, Самарский уезд, при сравнительно немногочисленном населении, занимал второе место. О массовых уходах говорит и такой факт: с 1678 по 1719 г. в Рождественской волости запустели 340 дворов⁵.

Говоря о бегстве из Самарского уезда, необходимо учитывать, что самовольный уход населения по своим масштабам ни в коей мере не сравним с притоком беглых на территорию края. Массовое бегство из Самарского Поволжья началось только в конце XVII—начале XVIII вв.

Наиболее распространенной формой пассивного сопротивления хозяевам и властям во второй половине XVII в. выступала подача челобитных. Чаще всего эти жалобы застревали в самарской приказной избе, но порой доходили до Казани и даже Москвы. На территории края располагалось много монастырских владений, для населения которых именно челобитье на неправомерные действия вотчинной администрации являлись наиболее типичным способом протеста.

Порой действия крестьян выходили за пределы пассивного сопротивления. Несмотря на то, что в самарских селениях и городах уже было известное имущественное расслоение, в борьбе против усиливающейся крепостной эксплуатации, произвола администрации сельские и посадские миры выступали, как правило, заединщиками. Местные власти пытались расколоть жителей, меняли старост, заставляли подавать контрчелобитные, подкупали часть населения, но их посулам и угрозам поддавались немногие. В мирских челобитных, дополняющих и обосновывающих отказ зависимого населения работать на феодальных господ, община просила снизить налоги и дать жителям в голодные годы хлеб из владельческих житниц, отозвать наиболее ненавистных управителей, прекратить злоупотребления, перевести крестьян в разряд государственных. Случаи массового неповиновения значительных групп населения, подобно событиям в Надеинском Усолье, были не так уж редки.

Еще более яркий факт неповиновения произошел в 1704-05 гг. в вотчине московского Вознесенского монастыря в селе Кузмодемьянском⁶. Голод поднял крестьян на выступление, инициаторами которого стали бывшие ссыльные Осип Никитин, Василий Муратов, Матвей Делев. Крестьянский мир вместе со старостой Михаилом Назаровым держался твердо и не отступал от просьб, изложенных в многочисленных челобитных. Своих соседей поддержали жители Городищенской слободы этого же монастыря. Здесь инициаторами выступления были «крестьяне небольшие». Поддержала их также вся община, вместе со старостой. Эти выступления не переросли в вооруженные столкнове-

ния, но и в них проступают начала организованности, попытки выработать свою программу действий, использование всех легальных средств борьбы.

Власти, опасаясь последствий такого коллективного протеста, пытались кончить дело миром, шли на малые уступки, отзывали наиболее запятнавших себя управителей.

Однако эти декоративные полумеры приводили только к кратковременному затишью. Социальные противоречия, затухая в одном месте, с новой силой вспыхивали в другом. В той же слободе Городищенской весной 1707 г. произошло убийство приказчика. Новый с помощью местных сызранских властей энергично повел розыск и выяснил, что убийство было совершено с целью грабежа. Вскоре нашли грабителей, за которыми числилось не одно преступление. Однако при расследовании дела выяснилось, что за обычной уголовщиной скрывается глубокий социальный конфликт. Жители слободы знали о готовящемся преступлении и оказали помощь «грабителям», поскольку рассматривали этот разбой как акт социального возмездия. В своей челобитной вдова убитого приказчика обвинила общинного старосту Дмитрия Щеку и ряд крестьян слободы в том, что они не раз угрожали ее мужу, отказывались платить налоги, посылали в Москву челобитные с просьбой его отзыва.

По настоянию нового приказчика И.Алемасова на длительный срок посадили под стражу старосту, его жену, нескольких крестьян. Их обвинили в неуплате налога и пособничестве грабителям. Хозяйство крестьян было подорвано. Д.Щека, только через несколько месяцев отпущенный под поручительство, «...побрел к Москве бить челом».

И.Алемасов, получив из Монастырского приказа указание любым путем собрать непосильный для крестьян оброк и невзирая ни на какие отговорки наказать старосту и выборных крестьян за допущенные недоимки, энергично принялся за дело. Крестьяне жаловались, что он «...мирских выборных людей человек 20 бил и увечил батожем... поклялся старосту бить и дом разрушить». Под грубым нажимом приказчика крестьяне вынужденно избрали нового старосту С.Зотова. Но и тот не смог собрать недоимки, за что его и выборных Алемасов два дня держал на правеже. Под диктовку приказчика новый староста от лица жителей подневольно написал челобитную, в которой прежний староста и выборные обвинялись в том, что действовали якобы без согласия мира, что они, «мятежники и плуты», бежали из-под караула неизвестно куда. В челобитной содержалась просьба не разорять вотчину, простить крестьян за волнения. Этим шагом Алемасов пытался обезопасить себя от многочисленных жалоб местных крестьян.

Глухая борьба между приказчиком и жителями вотчины длилась не один год. За это время было подано несколько челобитных, но положение практически не изменилось. Жители вотчины не могли справиться с огромными податями, с недоимками, накапливающимися из года в год. Значительно позже описываемых событий Алемасов писал, что недовольные крестьяне, среди которых был и бывший староста Щека, подбивают людей, делают сходы у своих дворов, собираются ночью с «небольшими людьми». Власти Монастырского приказа реагировали на такие донесения однозначно: бунтовщиков наказать кнутом, оброк собрать; у тех, кто не может платить, отнять имущество; если же приказчик не соберет деньги — самого отправить на каторгу. Жители слободы, отчаявшись облегчить свое положение, были готовы на новое выступление. В 1708 г., когда отряды Кондратия Булавина подступали к Саратову, они отказались давать на монастырский двор караульщиков и собирались присоединиться к повстанческому войску.

По меркам средневекового русского правосудия, явиться к представителям местной администрации «скопом» и открыто заявить о своих требованиях считалось тяжким преступлением. Но и это не останавливало людей. В 1648 г. самарские жители приходили «скопом» к воеводе в съезжую избу «...невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны»⁷. Как правило, стороны, участвовавшие в конфликте, пытались изложить

события в свою пользу. По содержанию одной из отписок монастырских властей, в октябре 1688 г. жители промыслов Надеинского Усолья приходили «бунтом и скопом» и хотели убить наиболее ненавистных подручных промышленника. По словам же очевидца усольского священника В. Антипова, «...переволокские жители приходили к промышленнику с властиной грамотой... и из них вышедший Кондратий Казак в келье стал говорить промышленнику, и говорил много против властиного указа и грамоты, чтобы указ учинил, а бунтом и скопом... они не приходили»⁸.

В документах нет сведений о самостоятельных вооруженных выступлениях населения Самарского края. Сильнейшее недовольство жителей крепостническими порядками, действиями вотчинной администрации могло вылиться в форму вооруженного восстания только при появлении поблизости крупных повстанческих центров. Ф. Энгельс, анализируя способность немецкого феодального крестьянства подняться на вооруженную борьбу, точно подметил: «Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего согласия. Действовала долгая... привычка к подчинению... жестокость эксплуатации то усиливалась, то ослабевала в зависимости от личности господина — все это помогало удержать крестьян в повиновении»⁹. Только размах крестьянских войн, крупных восстаний могли вселить в угнетенных уверенность в победе, надежду на освобождение от крепостного гнета.

Это убедительно подтверждают материалы, относящиеся ко времени развертывания в Среднем Поволжье крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Для разрешения назревших противоречий понадобился сам факт появления на территории края повстанческого войска — и в восстании приняло участие большинство населения Самарского края. Столь массовое движение показало, что люди выступали не против отдельных злоупотреблений, за соблюдение норм феодальной законности, как это может показаться из текста челобитных, а против всей системы эксплуатации.

Тревожные вести о волнениях на Дону начали поступать в самарскую приказную избу уже в конце 1669—начале 1670 гг. По указаниям из Москвы и Казани воевода И. Алфимов должен был послать своих людей на Дон, чтобы проведать о замыслах казаков. По всем поволжским городкам разошлись указы, требовавшие быть настороже, внимательно следить за людьми в гарнизонах и на посаде. Царские воеводы П. С. Урусов и Ю. Н. Барятинский, под Казанью и Саранском собиравшие две правительственные армии, решили в Саратове создать заслон для продвижения разинцев по Волге, послав туда три сотни стрельцов из Казани и две из Самары.

Уход значительной части самарского гарнизона серьезно ослабил вооруженные силы самой крепости. К тому же весной 1670 г. начались столкновения с кочевавшими поблизости калмыками и башкирами. Алфимов писал о том, что в конце мая 1670 г. приходили под вечер к Самаре «...многие воинские люди калмыки и изменники башкирцы изгоном и под городком на степи дальние надолбы разломали и многими людьми приехав в надолбы и у города под Вознесенскую слободою лошади и животинные стада отогнали, да в полон взяли дву человек пастухов и отогнав те стада в дальних надолбах сожгли две башни и стали в степи от города версты по три и по четыре»¹⁰. Однако с внешним врагом, каковыми являлись кочевники, самарские воинские люди могли справиться без особых усилий. Главная опасность пряталась внутри самого городка. Приборные люди и посадские низы были «шатки» и только ждали прихода разинцев. Такие же настроения охватили сельских жителей. После 15 августа в Самаре появились стрельцы, бывшие на службе в Саратове, и принесли весть о том, как легко сторонникам Разина удалось захватить соседнюю крепость.

По-видимому, восстание в Самаре началось еще до прихода разинских стругов под город. Воевода и небольшая группа начальных людей не могли оказать действенного

сопротивления, и Степану Разину с его атаманами открыли ворота крепости. Воеводу Алфимова с немногими сторонниками казнили, в городке устроили самоуправление по типу казачьего круга. Движение низов в Самаре возглавил местный посадский житель «Игошка Говорухин». В одном из документов того времени читаем: «...всякое бунтовство от них, воров [яицких и донских казаков], да от самаренина Игошки Говорухина»¹¹. На сторону разинцев перешли не только рядовые приборные люди, но и сотники «Мишка Хомутов» и «Алешка Торшилов». Разинские отряды недолго оставались в городке, вскоре они двинулись под Симбирск, а с ними «...было самарян 50 человек и конных стрельцов 40 человек»¹².

Активно поддерживала восстание, готовая до конца идти с Разиным, относительно небольшая часть самарцев. Остальные, более зажиточные, были не прочь примкнуть к широкому народному движению при явных его успехах, но в случае неудач так же быстро оставить его. Когда после разгрома под Симбирском несколько легких разинских стругов вместе с самим атаманом подошли к городку, взявшая на время верх умеренная часть жителей не пустила разинцев в город, оставив им на разграбление предместье.

После неприветливой Самары струги Разина остановились на недолгое время в Тихих водах у Соснового острова, где у Разина была назначена встреча с калмыкскими тайшами, но, не дождавшись последних, разинцы ушли Волгой на Дон.

Меж тем Самарский край осенью 1670 г. стал одним из центров сбора мятежных сил, стекавшихся с Яика, южных городков, крепостей и слобод Симбирско-Корсунской черты. В Самаре появились такие крупные предводители крестьянской войны, как Леско Черкашенин, названный брат Степана Тимофеевича, Ромашка Тимофеев, Михаил Бешеный и другие. Тимофеев после разгрома под Симбирском привел в Надеинское Усолье отряд повстанцев численностью около 500 человек. Монастырские жители примкнули к разинскому атаману, пополнив его отряд. Позднее, в октябре, Тимофеев перешел в Самару, забрал продовольствие, снаряжение, «зелье» и ушел в гущу разворачивающихся в Симбирском крае сражений, под Урень. Правда, после ухода атамана жители Усожья в ноябре послали в Симбирск делегацию из промышленника Феодосия, священника и 5 крестьян «...от всех усольцев, чтоб великий государь пожаловал их, велел вины им отдать, что они были у Стеньки Разина»¹³. Однако последующие события показали, что симпатии усольцев все-таки были на стороне восставших.

Громить Белый Яр, одну из крупных крепостей Симбирского Поволжья, ушел второй многочисленный отряд из Самары под руководством «пущего заводчика» Говорухина. Отряды повстанцев стояли не только в Самаре и в Усольских слободах, но и в других крупных селениях края — Рождествено, Выползово, Жигулях, многие жители которыхполнили их состав. Недаром потом, при розыске, многие жители этих селений были причислены к «пущим вора́м» и сосланы на Север, а то и повешены.

Зимой 1670-71 гг. самарцы, оставшиеся верными правительству, доносили, что настроение в городе меняется, но самарские атаманы, опираясь на отряды яицких казаков, прочно держат власть в своих руках. В декабре симбирские посадские люди М.Левонтьев и Ф.Чебоксаренин повезли в Самару царскую увещательную грамоту. Однако время для сдачи города еще не подошло. Посланцев схватили, посадили в тюрьму «за крепкими караулы скованных» и «к воде их казнить приводили по многое время»¹⁴. Однако самарские «политики» проявили дальновидность: задержанных не только не казнили, но вскоре отпустили.

Долгую зиму и весну 1671 г. Самара не подчинялась правительственной администрации. Все это время самарцы посылали доверенных лиц на Дон, прознать, как там Разин. Слухи оттуда обнадеживали: «крестьянский вождь силен и здоров и вновь собирает силы, чтобы повторить свой поход». Однако летом под Самарой появились струги не

Степана Разина, к тому времени схваченного и отвезенного в Москву, а его верного соратника Федора Шелудяка. У городка силы Шелудяка встретил крупный, в тысячу человек, отряд во главе с атаманом «Ывашкой Константиновым»¹⁶. Откуда пришли повстанцы в крепость, как долго в ней находились, дожидаясь Шелудяка, неизвестно.

После разгрома второго похода разинцев под Симбирск почти две тысячи повстанцев отошли в Надеинское Усолье. Крестьянская война затухала и, не получив обнадеживающих известий, люди перешли к Самаре, а затем «разбрелись врозь».

Новая неудача сломила дух сочувствующих разинцам горожан и сельских жителей. По указанию находившегося в Симбирске боярина П.В.Шереметьева самарцам вновь послали увещательную грамоту. 29 июня 1671 г. город принес повинную. Челобитную с просьбой о царской милости повезли к боярину 10 выборных из лучших и средних людей¹⁶. Так завершилась длившаяся почти год эпопея крестьянской войны и вольной жизни в Самарском крае. Здесь не проводили таких кровавых расправ с участниками восстания, как накануне осенью под Арзамасом, Алатырем, Симбирском. Невелико было число повешенных, больше сосланных на Север — Двину, Пустозерск. Накал взаимной ожесточенности заметно поутих.

«И ПРЕПОРУЧИЛИ СЕЙ КОМИССИИ...»

Время налогов, поборов, повинностей в XVIII в. постоянно отягощалось. Система подушного обложения, заменившая при Петре I подворный налог, резко усилила гнет податей ради увеличения государственных доходов. Крестьяне всех сословных разрядов должны были уплачивать в казну по 70 коп. в год за каждую душу мужского пола. Для государственных крестьян установили дополнительный налог, так называемый оброчный сбор, его они платили вместо тех повинностей, которые несли помещичьи крестьяне в пользу своих хозяев. С 1725 г. до конца XVIII в. оброчная подать государственных крестьян выросла в 7,5 раз: с 40 коп. до 3 руб. с ревизской души.

При увеличении оброчной подати правительство каждый раз объявляло, что оно освобождает крестьян от всех других казенных сборов, служб, повинностей. Однако эти обещания не выполнялись. Крестьяне продолжали нести в пользу государства тяжелые натуральные повинности: рекрутские наборы, сопровождение казенных грузов и колодников, войсковые постой и т.д. Эти обязанности раскладывались на все разряды крестьянства, но особенно ими были отягощены крестьяне государственные. Натуральные повинности отрывали крестьян от своего хозяйства, сопровождались вымогательствами и злоупотреблениями властей, сборщиков подати.

Острые конфликты возникали при наступлении помещиков на земли государственных крестьян. В 1765 г. статский советник Арнаутов попытался согнать с земли жителей новопоселенной деревни Камышлы (Борисовой), «разведав о удобстве мест и что... дикопорослая земля... распахана и ко посеву удобрена». Будучи на службе в губернской канцелярии, Арнаутов оформил документы, по которым земля, кормившая уже 285 крестьян мужского пола, а еще женщин и детей, была представлена как «пустопорозжая» и передавалась ему. Поддерживая влиятельного в губернии чиновника, власти прибегли к арестам протестовавших крестьян, описи их скота и имущества, фабрикация уголовных дел, но не смогли сломить сопротивления. Крестьянский вожак и основатель этой деревни Борис Алексеев скрылся от преследования, добрался до Петербурга, где сумел доби-

ться рассмотрения данного дела в высшем правительственном учреждении — Сенате. Там приняли компромиссное решение о размежевании спорной земли между государственными крестьянами и помещиком¹⁷. Такой, хотя бы частичный успех крестьян в борьбе с помещичьей алчностью был редкостью, так как аппарат управления стоял на страже интересов прежде всего дворянства.

В комиссию подполковника А.И.Свечина, направленную Сенатом в Среднее Поволжье в 1763 г., подали жалобы тысячи крестьян, в том числе жители Самарского края. Поволжское крестьянство обращало внимание представителей центральных властей на притеснения со стороны помещиков, чиновников, духовенства, купцов. Однако все жалобы и просьбы, поданные Свечину, по указу от 2 июля 1765 г. велено было «оставить без всякого производства».

Во второй половине XVIII в. в России одновременно продолжается усиление крепостнического гнета и начинает формироваться капиталистический уклад в экономике. Самодержавие пыталось приспособиться к меняющимся условиям путем осуществления политики «просвещенного абсолютизма». Одним из наиболее ярких проявлений этой политики явился созыв в 1767 г. комиссии для составления проекта нового Уложения (свода законов). Допущенные к участию в работе Уложенной комиссии сословия, в число которых не вошли частновладельческие крестьяне, представили свои многочисленные требования, прозвучавшие в наказах избирателей и выступлениях депутатов. Впервые за всю историю России к обсуждению законов были допущены представители государственного крестьянства.

Общий порядок выборов депутатов в Уложенную комиссию и составления для них наказов определялся двумя актами 14 декабря 1766 г.: Манифестом о созыве комиссии и Обрядом выборов. Крестьянские депутаты избирались от провинций, являвшихся в то время промежуточной административной единицей между обширной губернией и сравнительно небольшим уездом. Дворяне же избирали уездных депутатов, хотя их численность в уезде была несравнима с массой государственных крестьян, а городское население — от каждого города, даже малонаселенного.

В названных законах закреплялись сословные границы внутри государственного крестьянства. Отдельных депутатов должны были избирать следующие категории: 1) одnodворцы, 2) пахотные солдаты, 3) русские ясачные (в Поволжье) и черносошные (на Севере и в Сибири) крестьяне, 4) «некочующие народы» крещеные и некрещеные, каждый народ особо. Всего многообразия реальных сословных групп данное деление не учитывало. В ходе выборов происходило, в зависимости от местных условий, как объединение крестьян, вопреки выделенным в законе категориям в одно избирательное общество, так и появление разрядов избирателей, не упомянутых в законе. Для государственных крестьян Обряд предусматривал «трехступенные» выборы: община—уезд—провинция. Поверенные, избранные на сельских сходах, выбирали уездных поверенных, а те, в свою очередь, провинциального депутата в Комиссию. Депутатам вручались указы для представления на рассмотрение комиссии.

Государственные крестьяне Сызранского и слитого с ним бывшего Самарского уездов приняли участие в выборах депутатов от Симбирской провинции. Среди имен выборщиков и составителей наказов упомянуты поверенные общин нашего края: Т.Нефедов из Усинского и А.Бирюков из Подвалья (наказ пахотных солдат депутату Е.Ненатурахину), И.Сидоров из Винновки и Г.Федоров из Соснового Солонца (наказ ясачных крестьян депутату Т.Зотову), Е.Петров из Семейкина (наказ новокрещеных чувашей депутату Т.Васильеву), А.Илдебенев из Кармалов (наказ некрещеных чувашей тому же депутату), а также поверенный из Борковки (наказ новокрещеной мордвы депутату Ф.Алексееву)¹⁸.

В Уложенную комиссию поступило 30 наказов государственных крестьян левобережной Ставропольской провинции. Крестьянин Бугульминской слободы Т.Иванов привез в Комиссию 5 наказов от жителей разных слобод, в основном от «непомнящих родства». В 1768 г. Т.Иванов передал свои депутатские полномочия бугурусланскому крестьянину Г.Давыдову, который участвовал в 1767 г. в выборах в качестве поверенного, а в 1773-74 годах стал повстанческим атаманом.

Новокрещен из мордвы Ставропольского уезда К.Федоров представил в Комиссию 18 наказов. В их числе указы от мордовских и чувашских деревень Подлесной Андреевки, Старой Токмаклы, Якушкиной, Бинаратки, Большой и Малой Саперкиных, Микушкиной, Черемшанских Вершин (Клявлино), Старой Резяпкиной, Ибряйкиной, Верхней и Нижней Аверкиных, Петропавловского (Стюхина), Султангуловой, Баландаева, Семенкиной, Четырлы и других.

Татарин И.Таиров передал Комиссии 4 наказа: общий всех татар ведомства Бугульминской земской конторы, чувашей деревень Ганькиной и Афонькиной вместе с Серешкиной, татар, чувашей и мордвы деревень сотни Абдулы Аитова. Отставной драгун из Сергиевска И.Ахтемиров был выбран в депутаты как от отставных нижних чинов, поселенных в Сергиевске, Кондурчинский и Красноярской крепостях, Кривоуцкой слободе, так и от государственных крестьян: однодворцев села Архангельского (Липовки), деревни Талузаковой (Ключищи) и пахотных солдат села Архангельского (Орлянки), деревень Верхней Орлянки, Черновки.

Закон предоставлял местной администрации широкие полномочия по контролю за ходом выборов в Уложенную комиссию. Давление на составителей наказов было весьма ощутимым. Не во всех наказах и не все требования могли быть изложены откровенно. Но крестьяне упорно искали и находили возможности обойти препятствия, мешавшие изложению насущных нужд. Уникальными считаются случаи, когда сохранялся первоначальный текст наказа после его переписки и сглаживания чиновниками. Во всем Поволжье только три крестьянских наказа сохранились в двух вариантах: исходном и отредактированном властями. В числе этих трех совместный наказ деревень Саперкиных и Микушкиной, а также наказ деревни Якушкиной. В переработанном варианте исключены всякие жалобы на местную администрацию и даже высказывания, которые можно расценить как намек на такую жалобу. Однако крестьяне сохранили и передали в Комиссию отвергнутые администрацией первоначальные варианты текстов наказов.

Крестьяне нередко открыто проявили завидную твердость, отстаивая тексты своих наказов. «Присудствующий в Ставропольской канцелярии» подполковник Пирогов доносил в Сенат о том, что в наказах однодворцев, ясачных крестьян и «непомнящих родства» им были усмотрены «партикулярные дела» — конкретные жалобы на произвол чиновников и помещиков. Заставить крестьян отказаться от своих жалоб не смог ни сам подполковник, ни даже оренбургский губернатор князь Путятин. Крестьяне, сообщил Пирогов, «по неразумному их намерению утвердились непреклонными, почему и в отдаче депутатам тех челобитен [наказов] воспрещения им более не делано»¹⁹.

«Непомнящие родства» писали о том, что начальник Бугульминской земской конторы поручик Новокрещенов велел снести дворы крестьян, чтобы очистить приглянувшееся ему место для собственного дома, при этом «некоторые обыватели были немилосердно биты». Он же неправильно производил отводы земли, отрезая лучшие участки себе во владение, заставлял крестьян бесплатно возить в имение «члену Оренбургской канцелярии Петру Рычкову... сосновые бревна, такие едва три лошади одно бревно могли поднять»²⁰.

Чуваши деревни Ганькиной выражали недовольство тем, что губернская канцелярия тянет решение дел по их жалобам на обиды со стороны помещиков и только зря шлет следователей, содержание которых обременяет крестьян: «А те следствия происходили все

на нашем коште, да и на то... канцелярия никакой резолюцы не учинила». При попустительстве властей отставной капитан Степан Кротков отнял у жителей деревни «купленной и ограненой земли с лесом и санными покосами... длиною пятнадцать верст, а шириною то ж число», свез «сена накошенова пятьсот стогов», сломал на речке Алне пять крестьянских мельниц. Караульщики Кроткова не пускали чувашей в лес, отгоняли их скотину «не токмо что в поле, но под нашей околицы», а за возвращение ее «выкуп берут дорогой»²¹.

Многие государственные крестьяне имели «утеснение» от совместного проживания с помещичьими крепостными и пользования общими угодьями. В таких случаях помещики отнимали «пашенную землю, санные покосы в самых лутчих угодьях и удобных местах наглостию своею», а государственные крестьяне вынуждены были довольствоваться землями «в самых худых и неудобных местах и противу помещичьих крестьян самое малое число, разве третью часть»²². Поэтому в крестьянских наказах выдвигалось требование запретить участие посторонних владельцев в земельных дачах государственной деревни. Олновдворцы села Архангельского (Липовки) писали: «Поселились с нами разные помещики, нам, нижайшим, чинят великие разные утеснения... Не повелено ль будет за большинством нас во оном селе их вывезть и поселить особым поселением?»²³

Наказы свидетельствовали, что захватам подвергались и водные угодья: мельничные места, рыбные ловли. Помещик А.Зубов отнял у русского ясачного крестьянина О.Краснова, жителя Сергиевска, мельницу, которую тот поставил по соглашению с новокрещенами мордовской деревни Старые Токмаклы на их земле. В дачах деревни Бинаратки сызранскими купцами были захвачены «рыбные ловли, то есть озера»²⁴.

Наряду с вопросами о земле и угодьях насущной темой крестьянских наказов выступали государственные налоги и повинности. Возражение вызывала раскладка податей на всех лиц мужского пола, учтенных во время ревизии (переписи населения), включая нетрудоспособных (малолетних, престарелых, калек) и «убылых» (умерших, беглых, взятых в рекруты). Крестьяне выражали также недовольство увеличением подушного оклада, натуральными повинностями и казенными отработками: почтовой, караульной, подводной и т.п. С каждой слободы «непомнящих родства» и новокрещенской деревни требовали одного-трех человек на два с половиной месяца «для караулу» и «таскания» казенной соли. Крестьяне выполняли эту повинность как «по очереди», так и по найму. Наем одного караульщика обходился до 10 руб. в год, для чего собирали «с каждой души по четыре копейки... сверх положенного подушного окладу»²⁵. Казенные повинности, как уже говорилось выше, включали содержание путей сообщения и транспортные перевозки. О тяжелой подводной повинности указы сообщали следующее: «Через... слободу... множество ездят регулярных [находящихся на государственной службе] всякого звания людей из Москвы и Казани с амуничными и мундирными вещами, денежною казною во Оренбург и полки Оренбургского корпуса. Берут подводы некоторые за прогон [плату], а другие без прогон. А хотя и которые прогон дают не против указу, неполную цену. А берут подвод по 50 и более»²⁶.

Жалобы, схожие с крестьянскими, содержали указы других сословных групп населения края, близких по своему положению к государственным крестьянам: казаков и отставных нижних чинов армии, поселенных на укрепленных линиях. Казаки, проживающие в Самаре, приняли участие в выборах своего депутата вместе с казаками других крепостей Самарской и Верхнеяицкой линий Оренбургского казачьего войска. Депутатом казаков «состоящих по Яику и Самаре» стал П.С.Хопренинов, сотник из Самары. Данный ему общий наказ объединял отдельные казачьи указы городов Самары и Ставрополя, пригорода Алексеевска, Красносамарской и Борской крепостей, Мочинской слободы и других поселений.

Самарское казачество жаловалось на тяжесть службы, которую приходилось нести безо всякого казенного жалованья. Основным источником существования являлось занятие земледелием и различными промыслами, но значительная часть казачьих и лесных угодий, сенокосов и рыбных ловель отошла помещикам, государственным крестьянам, посадским людям. Эти жалобы на тяготы службы и на малоземелье в основном исходили от рядового казачества, верхушка же сословия включила в наказ требование о предоставлении ей законом права владения крепостными людьми.

Депутатом от основной части жителей Самары был избран купец Д.Ф.Рукавкин. Ему вручили наказ, подписанный 75 горожанами: 2 чиновниками, 3 должностными лицами местного самоуправления (бургомистр И.Халевин, ратман В.Синицын, словесный судья и купеческий староста И.Малеев), 52 купцами, 10 цеховыми мастерами, 8 отставными военнослужащими.

В наказе с тревогой отмечалось, что количество отведенных жителям города земель и различных угодий постоянно сокращается. При реке Сок и Семейкинском лесе самовольно поселились чувашские и мордовские крестьяне, пришедшие из деревни Ширяевские Вершины Самарского уезда и разных деревень Пензенского уезда; часть земель власти передали помещику П.И.Порецкому и экономическим крестьянам Винновки. Значительное место в наказе занимали жалобы на всевозможные налоги и повинности, отягощавшие городских жителей, прежде всего на содержание постоянных дворов — «уметов» — по дороге «от одного города через немалую дикую степь в казачий городок Яик»²⁷. Тяжелыми налогами были обложены бани и продажа лошадей, причем суммы платежей произвольно, но неуклонно увеличивались сборщиками податей — откупщиками. Через Самару везли сосланных на поселение в Сибирь в сопровождении воинских команд, а на жителей ложилась постоянная повинность: «И так бывает на обывательских квартирах постоя человек по 5 и более, и от того обыватели не без отягощения». В наказе предлагались меры по упорядочению несения повинностей и по облегчению податного бремени.

Документ сообщал, что «по здешнему гор[од]у Самаре торг и промысел... каждый по состоянию своему имеют и почитают за главное основание и надежду». Действительно, торговлей и ремеслом занимались не только купцы и цеховые, но и казаки, которые «едва не все... равномерно как купцы, имеют и чинят разные торги, и старшины большие покупки и продажи, и отпуска, и кожевенные заводы, и рыбные промыслы»²⁸. Защищая свои сословные привилегии в торговой деятельности, самарское купечество требовало «старшин и казаков, по явным их торгам и промыслам, написать в купечество; а ежели по каким резонам в купечестве быть не должны, оным торг и всякой промысел иметь, под страхом, накрепко запретить». Однако, в отличие от ряда купеческих наказов других городов, в наказе самарцев не ставился вопрос о полной купеческой монополии торговли: «А когда в том запрещения быть не имеет, с того б их торгу и промыслу, по достоверным за свидетельствованию, в пособие гражданству [городским купцам и ремесленникам] платить определенную часть в магистрат»²⁹.

Очевидна непоследовательность самарского наказа в вопросе о торговых занятиях казаков. Документ механически зафиксировал две точки зрения на этот вопрос, отразившие интересы двух групп купечества Самары: одна последовательно отстаивала свои сословные права, ее представителем был депутат Рукавкин; другая группа купцов имела тесные деловые и родственные связи с казаками, ее возглавлял бургомистр Халевин. Он был двоюродным братом Т.И.Подурова, депутата Уложенной комиссии от оренбургских казаков, а впоследствии сподвижника Пугачева. Другой его родственник, А.Халевин, числился войсковым писарем оренбургского казачьего войска и его подпись стоит под наказом депутату Хопренинову.

Развитие торговли в Самаре сдерживалось отсутствием системы кредита. В связи с этим наказ горожан содержал просьбу «на щет банковской конторы из определенного проценту... поручить самарскому магистрату до четырех тысяч рублей»

Наказ содержал также просьбу предоставить купцам и отставным нижним чинам право покупать крепостных. Зажиточная часть горожан стремилась закрепить в законе существующую практику использования принудительного труда.

Посадские люди Сызрани избрали своим депутатом П.Попова. В наказе, данном ему, тоже поднимались вопросы обеспеченности городской общины земельными и водными угодьями, защиты купеческой монополии на торговлю и другие, схожие с самарскими. Большинство сызранских торговцев, как и самарских, были людьми не очень богатыми и подвергались притеснениям со стороны своих состоятельных собратьев и откупщиков. Особо возмущали горожан действия находящегося «в первостатейном исчислении и в немалом капитальном состоянии» Я.С.Петрова. Вместе со своим зятем, откупщиком питейных сборов П.К.Хлебниковым, местный богач считает ненужным отдавать свои иски в суд, а просто «купцов многих захватывает в дом и усилием своим и самовольно мучит в чепях и прикованных к стене». Так, «захватя весьма долговременно одного из купцов, Федора Заварзина, бил мучительно плетми неведомо за что, коего увез с собой неведомо куды скована». Обедневшие горожане вынуждены идти в работники к Петрову, а тот их «держит в работе из сызранских купцов по усилию своему без ведома сызранского магистрата без пашпортов... да с просроченными многовременно»³⁰.

Депутатом горожан Ставрополя стал А.Куприянов. В их наказе главной была просьба о передаче в вечное владение городу ближних рыбных ловель по Волге, сдаваемых от казны на откуп иногородним купцам.

Несмотря на предоставленное право избрать уездного депутата, малочисленное сызранское, самарское, ставропольское дворянство им не воспользовалось. Сызранские помещики приняли участие в выборах симбирского дворянского депутата П.В.Обухова, президента Коммерц-коллегии. В наказе ему симбирское и сызранское дворянство поспешило проявить в первую очередь свои верноподданические чувства. Своей «первой нуждой» оно объявило «испросить от Ея Императорского Величества нашей Государыни дозволения, дабы в знак нашего всеподданического усердия дозволено было из собственного нашего иждивения по мере каждого сил поставить такое здание, которое бы в вечное потомство осталось знаком великих дел царствующей нашей всемилостивейшей Государыни Императрицы трудов и беспредельнаго нашего ко освященной Ея Императорскаго Величества особе усердия и в таком месте, где самодержавная Ея Императорского Величества власть соблаговолять изволит»³¹. Такой неопиcуемый восторг и стиль вообще не встречались в крестьянских или городских наказах, крайне редко — в наказах других дворянских собраний. Конкретные предложения наказа симбирских и сызранских помещиков были связаны с предоставлением дворянству дополнительных прав и привилегий, совершенствованием деятельности судов с требованием ужесточить меры по борьбе с укрывательством беглых крепостных в артелях волжских судорабочих.

Оренбургское, ставропольское, самарское дворянство избрало своим депутатом майора И.М.Толстова, имение которого находилось неподалеку от Кинель-Черкасской слободы. Главной просьбой наказа, составленного для него, была передача помещикам земель, отведенных первоначально жителям крепостей и других поселений по Самарской линии. Причем, в отношении самарских казаков дворяне не просто требовали отобрать у них какую-то часть земель, а советовали вообще выселить их всех дальше на восток «выше по Яику на линию»³².

... Уложенная комиссия начала работать в Москве в июле 1767 года. Вскоре один из наказов государственных крестьян края (сызранских и симбирских пахотных солдат)

был зачитан в Большом собрании депутатов, вызвав ожесточенные споры между представителями различных сословий. Постановка в этом наказе вопроса о земле повлекла взрыв негодования дворянских депутатов, которые утверждали, что наделы государственных крестьян достаточно велики, и даже требовали сократить их вдвое, а оставшиеся земли раздать помещикам. В поддержку же данного наказа выступили депутаты крестьян из различных районов России, а потому наказ стал как бы платформой, с которой представители государственной деревни отстаивали интересы своих избирателей. Апеллируя к доводам и предложениям наказа сызранских и симбирских пахотных солдат, крестьянские депутаты настаивали на возвращении расхищенных дворянами земель, а для предотвращения таких захватов впредь потребовали генерального размежевания угодий помещиков и государственных крестьян.

Так же бурно проходили прения по другим пунктам наказа сызранских пахотных солдат. В них приняли участие и самарские депутаты Д.Ф.Рукавкин и П.С.Хопренинов. Оба они выступили против разрешения государственным крестьянам скупать хлеб для перепродажи яицким казакам, поскольку купечество и казачество Самары стремилось сосредоточить выгодную хлебную торговлю с Яиком исключительно в своих руках. В то же время Хопренинов согласился с просьбой пахотных солдат разрешить им продажу «съестных припасов» в городах в розницу. Рукавкин же последовательно отстаивал купеческую монополию на все виды торговли, в том числе розничную на городских рынках.

11 сентября Рукавкин поддержал мнение депутата города Енисейска о запрете крестьянам, не записанным в цеха, заниматься ремеслами, 19 октября подал мнение об отрицательных последствиях предоставления крестьянам права вести хлебную торговлю. Во время обсуждения законов о купечестве в октябре—декабре 1767 г. Рукавкин неоднократно присоединялся к тем городским депутатам, которые требовали запретить торговать и иметь промышленные предприятия крестьянам, дворянам, мещанам. Он же занял непримиримую позицию в отношении требований других сословий об ограничении купеческих привилегий в торговле, тем самым отказавшись от возможности компромисса, допускаемого городским самарским наказом. Все же Рукавкин не мог полностью игнорировать нужды казаков, живших с ним в одном городе. Он высказал мнение, что о них, как о военно-служилых людях, должна позаботиться казна, дабы казаки перестали выступать конкурентами посадских торговцев и ремесленников.

Купец Данила Рукавкин проявил себя самым активным из депутатов Самарского края в Уложенной комиссии. Представители дворян и большинство крестьянских депутатов не выступили на ее заседаниях ни разу. Последнее выступление самарского купца прозвучало в Большом собрании в июне 1768 г., в конце того же года Комиссия фактически прекратила свою деятельность и большинство депутатов разъехалось по домам.

Однако горожане Самары продолжали рассматривать Рукавкина как ходатая по своим делам в правительственных учреждениях, авторитет которого подкреплялся почетным депутатским званием. В 1770 году по приговору самарского купечества он был отправлен в Петербург просить в Камер-коллегии о сложении с купцов недоимок по кабацкому сбору. Одновременно статус депутата активно эксплуатировался во внутренних купеческих конфликтах. Рукавкин вез с собой еще одно прошение — о снятии И.Халевина с должности бургомистра. Последний не замедлил предпринять ответные шаги по дискредитации Рукавкина. В специальную дирекционную комиссию Комиссии Уложения самарский магистрат и его бургомистр отправили доношение о том, что «города Самары от гражданства выбранный в депутаты купец» пребывает вовсе не в комиссии, где ему положено быть, а в собственном доме, накопил недоимки по платежу податей, «очередных по купечеству не несет служб», то есть повинностей, а потому следует «его от депутатства уволить»³³.

Дирекционная комиссия переслала это доношение в Сенат, который в ноябре 1771 г. постановил лишить самарского депутата его звания, отобрав у него почетный депутатский знак. Самарские власти привели это решение в исполнение «с наичувствительнейшим поношением и обидою» Рукавкину, который жаловался: «Как будто я из того депутатства исключен за какое мною преступление, и во всенародное известие при барабанном на рынке бою... письменная публикация выставлена была»³⁴. Оскорбленный купец явился в Сенат и представил доказательства неправомерности принятого по его делу решения. В частности, он предъявил «паспорт» за подписью маршала Уложенной комиссии А.И.Бибикова с разрешением отлучки для «домашних нужд». Сенат восстановил его в депутатском звании и распорядился вернуть ему через губернатора почетный знак. Правда, к этому времени звание депутата Уложенной комиссии уже несколько лет было чисто номинальным. Распущенная в 1768 г., якобы временно, она так больше и не собиралась.

Деятельность Комиссии оказалась безрезультатной. Никаких конкретных решений она не приняла. Новое законодательство, на которое рассчитывали представители сословий, особенно низших — горожан, крестьян, казаков — так и не было создано. Наоборот: в стране усиливался абсолютизм, всевластие чиновников и дворян. Крах иллюзий, связанных с надеждами народа на Уложенную комиссию, явился одной из политических предпосылок грянувшей Пугачевщины.

«ВСЯКОЮ ВОЛЬНОСТИЮ ОТЕЧЕСКОЙ ВАС ЖАЛУЕМ»

В 1773 г. разрозненные крестьянские выступления и глухое недовольство народных масс переросли в мощное восстание. Его возглавил донской казак Емельян Иванович Пугачев, принявший имя убитого в 1762 г. императора Петра III. Крестьянская война была совместным выступлением всех недовольных крепостническими порядками, дворянскими привилегиями, тяжелыми помещичьими и государственными повинностями, произволом чиновников. Под знамена Пугачева вставали люди разных национальностей, выходцы из крестьян, горожан, военно-служилых сословий, работников и дворовых слуг. В числе территорий, охваченных пламенем крестьянской войны, оказался и Самарский край.

При появлении первых вестей с Яика о начавшемся там в сентябре восстании заволновались села Заволжья, откуда уже в октябре панически бежали помещики. Не успевшие скрыться подвергались нападениям крестьян, причем не раз их лишали жизни. Повсеместно громились помещичьи усадьбы. Захваченное имущество, продовольствие, скот частью делилось среди крестьян, частью отправлялось в главную армию Пугачева под Оренбург. Изгнав дворян, крестьяне предпринимали попытки создать свои органы управления, отправляли ходоков в ставку Пугачева. Там 23 октября крестьянам из имения М.Карамзина (отца будущего историка) и соседних сел и деревень был вручен «Имянной указ в Михайлову деревню казаку Левонтию Травкину и казакам, и всякаго звания людям». Этим указом предводитель восстания жаловал их «вечною вольностию». Дарованная свобода подчеркнута тем, что помещичьи крестьяне и их вожак Л.И.Травкин названы казаками, вольными людьми. Данный указ — самое раннее обращение Пугачева непосредственно к крепостному крестьянству России.

«Вечная вольность» первых пугачевских манифестов и указов не была конкретизирована, но воспринималась крепостными совершенно однозначно — как призыв к полной ликвидации помещичьего гнета. По уверению возвращавшихся из ставки Пугаче-

ва крестьян и появившихся в Самарском крае яицких казаков, сам «Петр III» приказывал истреблять помещиков и не выполнять в их пользу никаких повинностей. А вот правительственные «объявления» и «увещевания» крепостное население отказывалось воспринимать как истинные и подлинные. Известны даже случаи убийства чиновников и военных в помещичьих селах, куда они были посланы для обнародования официальных призывов и распоряжений.

Еще в сентябре 1773 г. оренбургский губернатор предупреждал казанского о возможности прорыва Пугачева в соседнюю губернию через «помещичьи жилы». Учитывая позицию крепостного крестьянства, такая угроза представлялась весьма реальной. Симбирскому коменданту П.М.Чернышеву, находившемуся с карательным отрядом на Самарской линии, в начале ноября удалось подавить первые крестьянские волнения в Самарском Заволжье, но это было лишь временным успехом. 13 ноября под Оренбургом отряд Чернышева оказался разбит главными силами Пугачева. Исход боя предрешил переход на сторону восставших принудительно включенных в отряд ставропольских калмыков, самарских казаков, солдат местных гарнизонов. Известие о победе повстанцев вызвало брожение среди оставшихся в крепостях Самарской линии солдат — бывших крестьян. Не доверяясь своим подчиненным, 19 ноября из Бузулукской крепости бежал тамошний комендант, а в конце месяца туда пугачевской ставкой был отправлен атаман И.Ф.Арапов.

Попытка властей использовать для подавления восстания военно-служилое население края оказалась безнадежной. Близкие по своему положению и занятиям к крестьянам, подвергавшиеся притеснениям со стороны помещиков и чиновников, они обратили оружие и воинский опыт против дворянского государства.

Уже в начале октября посланцы Пугачева прибыли в Черкасскую слободу на Кинеле, где создали повстанческий отряд. В декабре произошел решительный переход на сторону восставших отставных унтер-офицеров и солдат. Отставные нижние чины армейских и гвардейских частей проявляли также инициативу выступлений в некоторых селах и деревнях помещичьих крестьян и однодворцев. Постепенно к пугачевцам примкнуло самарское казачество. Казаки крепостей Самарской линии способствовали занятию их повстанцами, пополнили отряды пугачевских атаманов и главную армию восставших под Оренбургом. На Яике, в Илецком городке, находился отряд татар-казаков из Мочинской слободы под Самарой. Очень активно участвовали в повстанческом движении в крае и за его пределами ставропольские калмыки.

В связи с тем, что значительная часть гарнизонных войск ушла в поход с Чернышевым, в распоряжении самарского коменданта И.К.Балахонцева оставалось менее 60 солдат и казаков, включая увечных, больных, престарелых и малолетних, а при имевшихся в городе пушках не оказалось ни одного канонира. Казанский губернатор Я.Л. фон Брант успокаивал Балахонцева: «по всем известиям нет такой опасности, чтоб злодейская толпа могла распространить свои злодеяния до города Самары», — и обнадеживал скорым прибытием регулярных войск «в подкрепление».

Действительно, главные силы пугачевцев не собирались двигаться к Самаре, но фон Брант не учел логики развития событий в условиях начавшейся гражданской войны, роста стихийного движения вне зоны операций повстанческой армии. Не принимались в расчет и настроения горожан, хотя посланный «для разведывания о злодее» капитан Бутримович предупреждал в рапорте от 4 декабря, что насчет Пугачева в Самаре «самый бедный народ радовался о том, чтоб поскорей пришел, чтоб им грабить богатых». Не была надежной и верхушка горожан, имевшая торговые и родственные связи с восставшими яицкими казаками. Так, близкий сподвижник Пугачева депутат оренбургских казаков в Уложенной комиссии Т.И.Подуров «писал... уверительное о самозванце письмо и к самарскому бургомистру Ивану Халевину», своему двоюродному брату.

Успехи пугачевцев подогревали симпатии к ним горожан, нежелание последних помогать правительственным войскам ³⁵. 12 декабря самарский магистрат отказал коменданту Балахонцеву в предоставлении 60 вооруженных человек для защиты города «от нечаянного нападения». Балахонцев связывал угрозу для Самары сначала с появлением на ре-ке Кинеле разъездов перешедшего на сторону пугачевцев атамана Тоцкой крепости Н.Л.Чулошникова, а затем с начавшемся маршем И.Ф.Арапова от Бузулука по Самарской линии.

Сведения о численности отряда Арапова и его намерениях комендант имел весьма неточные. Отряд представлялся ему как «пятисотная злодейская армия», нападение которой ожидалось то в ночь с 22 на 23-е, то 24 декабря. Чтобы проверить готовность горожан к обороне, Балахонцев утром 24 декабря «вызвал их в едино собрание чрез колокольную тревогу, но и по той для предосторожности противу злодеев ни с каким оружием не один человек не вышел, а вместо того только вышел мужеск и женск пол, стояли на валу и смотрели по дороге в степь, по коей ожидалась злодейская толпа, с одними пустыми руками». Горожане биться с пугачевцами не собирались: это было очевидно. Еще более определенным было настроение ссыльных, которых в связи с прекращением отправки этапов в Оренбург скопилось в Самаре более 300 человек, и они проявили «склонность к соединению в ту злодейскую толпу».

Вечером того же числа из Алексеевска к Балахонцеву явился знакомый ему купец А.Коротков и сообщил, что в этот самарский пригород вошли 400 повстанцев с немалым количеством пушек, да еще ожидается подход 200 человек, после чего все они двинутся на Самару. Предположения коменданта о подавляющем численном перевесе сил противника как будто бы подтвердились. В шестом часу утра 25 декабря Балахонцев бежал с командой волжских казаков, находившейся в Самаре, и с несколькими солдатами, не предупредив ни жителей, ни даже остававшихся в городе поручика И.Щипачева, двух сержантов и 30 рядовых гарнизонной роты, бросив в городе ссыльных и 6 пушек. Как выяснилось впоследствии, сведения Короткова были намеренной дезинформацией.

И.Ф.Арапов прибыл в Алексеевск ночью 23 декабря, заняв без боя в течение двух дней все крепости и поселения Самарской линии от Бузулука до Самары. Передовые разъезды его отряда вошли в самарский пригород сутками раньше, опечатали кабак и соляной амбар, выдержали стычку с разведчиками Балахонцева. 24 декабря после торжественного молебна и чтения пугачевского манифеста от 2 декабря 1773 г., в котором «Петр III» жаловал «истинных сынов отечества» — своих сторонников «всякою вольностию отеческой», атаман обратился к жителям Алексеевска, чтобы те помогли убедить гарнизон и горожан Самары добровольно принять новую власть. «Все жители.. выбрали посацкого Антона Короткова», который и выполнил данное ему поручение.

В Самаре после разговора с напуганным Балахонцевым Коротков встретился с депутатами Уложенной комиссии от тамошних казаков и горожан, П.Хопрениновым и Д.Рукавкиным, бургомистром И.Халевиным. Собравшейся в доме Рукавкина верхушке посадской и казачьей общин города были переданы предложения Арапова, тексты манифеста и других обращений Пугачева и его Военной коллегии. Короткову пообещали встретить повстанцев «хлебом и солью», но просили отложить вступление их в город на один день, «дабы не зделалось в городе никакова помешательства». Зажиточные жители, во-первых, хотели выждать еще какое-то время для окончательного выяснения ситуации, прежде чем принять новую власть, а, во-вторых, опасались волнений в городе, которые могли обернуться против них самих.

Однако Арапов решил не откладывать взятия Самары, используя чрезвычайно благоприятную ситуацию для своего сравнительно небольшого отряда, в котором на самом деле было около 200 человек и всего две пушки, захваченные днем раньше в Красносамар-

ской крепости. Это решение было принято даже вопреки полученному им указу пугачевской Военной коллегии, по которому «ему велено было не в Самару итти, но в Сок Кармалы, забрать с собою из крепостей жителей для нападения обще с есаулом Чулошниковым на находящуюся тамо воинскую команду».

Утром 25 декабря, через несколько часов после бегства Балахонцева, началось шествие горожан за крепостные валы навстречу повстанцам; в нем участвовали бургомистр И.Халевин, купеческий староста И.Бундов, священники и диаконы всех самарских церквей во главе с протопопом А.Ивановым, многие «первые граждане» и рядовые жители. После встречи на подъезде к городу процессия двинулась в соборную церковь, где был отслужен молебен. По его окончании сам бургомистр, «потому што он читать мастер», огласил пугачевский манифест, указ Военной коллегии о наборе добровольцев в повстанческую армию и «увещание к народу о поставке в армию в Оренбург провианта... повольною ценою». Затем палили из пушек, угощали всех казенным вином. Жители единодушно кричали здравицу Петру III «с изъявлением буйной и неистовой своей радости о восшествии... в город» его сторонников. «Все в городе от мала до велика верили и почитали того самозванца за истинного Петра Третьего и оказывали Арапову совершенное повиновение».

Должностные лица городского управления сохранили свое положение, казачьи командиры, чины гарнизона оставались при исполнении обязанностей. Так, над солдатами, находившимися в городе, команду принял поручик И.Щипачев, замещавший беглеца Балахонцева.

Пребывание повстанцев в городе не сопровождалось репрессиями. Жители утверждали: «Не видали мы в самом деле никакого ни от кого усилия [насилия]... и не имели в позорище кому-либо какой смертной казни». Исполнявший при Арапове обязанности палача Н.Курдюков за время похода по Самарской линии и пребывания в Самаре никого не умерщвлял и не сек.

Отряд Арапова в Самаре пополнили прежде всего ссыльные. Оказавшись на свободе, они сами через своего жоака, бывшего сызранского купца С.Володимерцева, выразили атаману желание «послужить». С проведенного смотра Арапов отобрал из них в свою команду 120 человек, годных к службе, снабдил лошадьми, вооружил солдатскими ружьями и дубинами.

Численно выросший в Самаре отряд Арапова все же не мог противостоять приближавшимся к городу карательным войскам. Атаман обратился за помощью к горожанам и ее, в отличие от коменданта Балахонцева, получил. Бургомистр приказал «наряжать» на помощь повстанцам жителей с тем оружием, какое у них есть в домах. Среди вышедших по набату утром 29 декабря на лед Волги, чтобы отбить атаку двигавшихся от села Рождествено карателей, было немало самарцев.

Плохо вооруженные и фактически не обученные военному делу пугачевцы не смогли выдержать удара регулярной воинской части — легкой полевой команды майора К.Муфеля. Она насчитывала около 500 опытных солдат и даже численно превосходила собранные Араповым силы. Повстанцы, «хотя оные и сильно супротивлялись», потеряли много человек убитыми, общее число которых установить не удалось, так как трупы были «обывателями... покрадены» или занесены снегом. Ворвавшись в Самару, каратели, «сыскивая, умертвили» еще несколько «злодеев». В их руки попали 200 человек пленными и вся артиллерия восставших.

Некоторые из «первых граждан» быстро переметнулись на сторону победителей. Так, «сыскивать злодеев» поспешили священник Вознесенской церкви А.Михайлов и депутат Д.Рукавкин. Однако такие случаи были скорее исключением. К.Муфель доносил, что ему «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки». Несмотря на

его «увещевание о сыске злодеев», их никто не ловил, «и весь народ, разбежавшись, скрылся». На допросах самарские священники отвечали, что из своих прихожан и сограждан никого в сообществе с пугачевцами не видели, бургомистр объявил, что ему не известны ни «сообщники» Пугачева, ни «колеблющиеся в службе ее императорского величества». Участники сражения, взятые в плен, не могли вспомнить «по именам» тех, кто был в бою вместе с ними. Более того, несмотря на опасность, некоторые горожане укрывали у себя людей из отряда Арапова, уходили вслед за разбитыми повстанцами из города.

Арапов с остатками отряда отошел к Алексеевску, куда на помощь атаману поспешили другие повстанческие командиры края. Но и к правительственным войскам подошло подкрепление — легкая полевая команда подполковника П.Гринева с двумя гусарскими эскадронами. К ней был прикомандирован сотрудник секретной следственной комиссии Гаврила Романович Державин, будущий великий русский поэт. 7 января после ожесточенного боя восставшие оставили Алексеевск, исход борьбы за Самару окончательно решился не в их пользу.

Следствие, проведенное Державиным в Самаре, показало, что все жители повинны в переходе на сторону восставших. Поголовное наказание становилось бессмысленным. К ответственности привлекли тех, «которые познатнее в гораде, и которые ежели бы хотя мало хотели показать усердие свое долгу... бы нашли средства показать хороших примеров к подражанию и прочим». 10 горожан «при собрании протчих сего города жителей наказаны нещадно батоги» и отпущены. В Казань в следственную комиссию передали дела бургомистра, священников, военнослужащих, депутатов Уложенной комиссии, купца А.Короткова. Последний был по ее приговору повешен в Алексеевске вместе с другим местным жителем отставным казачьим писарем А.Горбуновым. В Самаре повесили солдат Н.Курдюкова и П.Волчкова. Среди остальных подсудимых, по мнению комиссии, находились лица, заслуживающие смертной казни, но это наказание им заменили: бургомистр Халевин был высечен плетьюми и освобожден вместе с депутатом Рукавкиным, И.Щипачев лишен офицерского чина, прогнан 6 раз сквозь строй в 1000 шпиритенов, навечно записан в солдаты Сибирских батальонов, С.Володимерцев приговорен к 50 ударам кнута, наложению клейма и вечной каторжной работе.

События конца декабря 1773 г. в Самаре явились несомненно восстанием, но восстанием мирным и до его подавления бескровным. Такой характер событий оказался в значительной мере обусловлен переходом на сторону восставших городских органов самоуправления, превращения их в органы новой власти. Эта ситуация имела сходство с положением в деревне, где также сочетание мирского самоуправления и «царистских» лозунгов не свержения, но «восстановления» законной верховной власти облегчали переход на сторону Пугачева, сотрудничество с военными повстанческими командирами³⁶.

В чиновничье-дворянском государстве общинное самоуправление у крестьян всех сословных разрядов не могло последовательно развить заложенные в нем демократические начала. Однако на территории, охваченной восстанием, деревенские миры выходили из-под контроля государственного аппарата и помещиков, освобождались от навязываемых им фискально-полицейских функций. Из органов самоуправления устранялись пособники дворян и царских чиновников, упразднялась вотчинная администрация, ломались искусственные сословные перегородки. Важной обязанностью общин и их должностных лиц становилось оказание помощи войскам повстанцев.

Известны многие случаи, когда восставшие избивали ненавистных приказчиков, бурмистров, выборных и др., грабили их имущество, часто нажитое за счет сельчан. В декабре 1773 г. в Бузулуке по приказу И.Ф.Арапова были публично казнены приказчик и староста из деревни помещика И.Племянникова: первый за то, что «за указом нашего государя посылал крестьян на помещичью работу... потому што государь крестьян от господ отнял», второй за то, что «крестьян разорял и поступал с ними немилостиво».

На сторонников Пугачева, в свою очередь, нередко шли властям доносы от приказчиков и мирских должностных лиц. Среди доносителей оказался «мирской староста» села Ляхова А.Егоров. Впоследствии ему не удалось избежать «злодейского за то себе отмщения» в виде виселицы.

Другая часть представителей вотчинной администрации и мирского самоуправления крепостной деревни поддержала восстание и способствовала его развитию. В октябре 1773 г. староста деревни Пополутовой выступил среди зачинщиков и исполнителей убийства своей помещицы. В занятую повстанцами Самару в конце декабря из правобережных владений графов Орловых «приехали из села Рождественского земской со крестьянами принести поздравления». Это подтолкнуло Арапова на посылку в орловские вотчины и разнопоместные селения Самарской Луки агитаторов с текстом пугачевского манифеста от 2 декабря. По признанию царских офицеров, те взволновали в «окрестности Самары множество деревень, а некоторые и присегали» Петру III. В Осиновке посланцев Пугачева встретил «прикащик Федор Федоров с хлебом и солью... манифест сам читал всем крестьянам», даже постригся по-казачьи.

И в государственной деревне известны случаи расправы со сторонниками правительства и деревенскими мироедами. У ясачного татарина Утягана Уразметева, ревностно служившего властям во время осады Оренбурга и при поимке спасавшихся после поражения пугачевцев, его односельчане отняли 123 лошади, 1 верблюда, захватили в доме имущества на 6000 рублей. В целом переход на сторону Пугачева органов самоуправления у государственных крестьян происходил чаще и легче, чем у частновладельческих. Достаточно было признать Петра III, объявившегося под Оренбургом, законным носителем верховной власти, ведь этот разряд крестьян находился в ее подданстве, без промежуточного звена в виде конкретного помещика и его вотчинной администрации.

Показательна переписка выборных Саврушинской и Сарбайской слобод по вопросу о том, чьи распоряжения следует исполнять — правительственной ставропольской комендантской канцелярии или повстанческого центра в Бугуруслане во главе с депутатом Уложенной комиссии от «непомнящих родства» Г.Давыдовым. Подобные вопросы решались исходя из выгод местного населения и соотношения противоборствующих сил, как правило, в пользу пугачевцев.

Изгнание помещиков ломало сословные перегородки между отдельными группами крестьянства. Так, в селе Липовке вместе с помещичьими крестьянами выступили однодворцы, впервые в селе состоялся общий мирской сход. На нем избрали должностных лиц для всего села, объединившегося в одну общину: выборный (из крепостных) и его помощник (из однодворцев). В образованный тогда же повстанческий отряд вступили и однодворцы, и крепостные, причем не только помещиков, но и самих однодворцев.

Неверно думать, что набор в повстанческие отряды протекал исключительно стихийно. Пугачевское руководство пыталось придать ему определенную организованность. Командиры больших отрядов, в том числе И.Ф.Арапов и Н.Л.Чулошников, снабжались специальными указами Военной коллегии, публикация которых в селениях способствовала увеличению численности повстанческих войск. Предпочтение отдавалось добровольцам («охотникам»), убежденным сторонникам Пугачева («ревнителям к службе»), но военная необходимость заставляла расширять права командиров, которым разрешалось требовать от жителей, сколько «потребно для... вспоможения без всякого препятствия людей вооруженных».

Атаман Г.Давыдов и его помощники сами объезжали селения, на мирских сходах зачитывали указ о наборе, требуя его скорейшего исполнения. Если «охотников» не доставало, использовались традиционные формы раскладки общинных повинностей. Из деревни Кирюшкиной в его отряд посылалось «письменно чрез неделю по десети человек»,

не исключая из очередности и местного сотника. В отряд Абдрешита Аитова сотские отдавали на службу по одному человеку с каждого двора. А.И.Сомов, отставной сержант гвардии, имея в отряде достаточно добровольцев, соглашался принимать от общин вместо «казаков» денежные взносы, небольшое количество проводников и переводчиков. В сентябре 1774 г., когда восстание очевидно шло на убыль, в Аделякове для пополнения отряда И.Федорова «своих жители никого не дали, а велели взять пришлых», находившихся здесь в работниках.

В отличие от ненавистой «рекрутчины» служба в повстанческих отрядах воспринималась необходимой, хотя и тяжелой мирской повинностью.

Вместе со снабжением продовольствием и фуражем своих отрядов повстанческие командиры и сельские миры по приказу пугачевской ставки осуществляли заготовки для главной армии под Оренбургом. Для этого в основном использовался хлеб из помещичьих закромов. Его изымали бесплатно, но провоз крестьянам оплачивали.

В Ставропольском уезде ударной силой повстанцев являлась вооруженная легкая калмыцкая конница³⁷. Калмыки, «ездя по дорогам, селам и деревням Ставропольского и других ведомств... всех без остатку дворян разбойнически разбивали и на всех страх такой навели, что ныне Ставропольского уезду как черкаса, так татару, чувашу и мордва и господския крестьяня к таковому же разорению и мятежу согласились». Восставших ставропольских калмыков возглавил сын их правительницы Ф.И.Дербетев. Он имел чин офицера русской армии, но вместе со своей командой перешел на сторону повстанцев, вел набор калмыков в Главную армию Пугачева и командовал калмыцким полком в ее составе.

В январе 1774 г. по поручению Военной коллегии Дербетев в Ставропольском уезде собрал новый отряд из двух тысяч калмыков, крестьян, отставных солдат и горожан. Отобрав из них 600 человек, знавших Ставрополь, атаман 18 января выступил на него. С помощью обманного маневра он выманил из Ставрополя большой отряд подполковника Аршеневского, решившего, что повстанцы движутся к Самаре. Дорога на Ставрополь пролегла через мордовскую деревню Узюково, жители которой не только не сообщили в город о появлении повстанцев, но и пополнили отряд Дербетева. В ночь с 19 на 20 января внезапной атакой восставшие овладели Ставрополем. Крепость пала в 5 часов утра без единого выстрела. Командование правительственных войск считало, что «без измены и полошности сего случиться не могло, потому что в Ставрополе было гарнизона и всякого звания с ружьями 249 человек и 6 пушек». Победители находились в городе до трех часов и покинули его, захватив из крепости и домов местного начальства оружие, продовольствие, фураж, одежду. Представители администрации во главе с комендантом были арестованы, а затем казнены на окраинах села Буяна и деревни Каменки.

Последующие столкновения с регулярными частями правительственной армии оказались неудачными, и отряд Дербетева отступил на юго-восток. Сам атаман после боя 23 мая 1774 г. на реке Грязнухе получил тяжелое ранение, попал в плен и вскоре скончался. Еще раньше, 22 марта, в сражении у Татищевой крепости пропал без вести, видимо погиб, атаман И.Ф.Арапов. Г.Давыдов, третий из наиболее авторитетных руководителей повстанческого движения в крае, в феврале отступил со своим отрядом в Башкирию, где продолжал борьбу, но оказался пленен, а затем заколот караульным офицером в казанской тюрьме, несмотря на распоряжение Екатерины II сохранить ему жизнь в уважение его депутатского звания. В искренности императрицы приходится сомневаться, так как за убийство Давыдова никто не понес ответственности.

Среди командиров повстанческих отрядов в северных и восточных районах Самарского края зимой-весной 1773/74 гг. находились люди разной национальности и сословной принадлежности. Под Черемшанской крепостью был взят в плен и казнен 13 февраля в Билярске О.Ф.Енгальчев, крещеный татарин, выходец из княжеского рода, сын

гвардейского офицера. Он был старшиной в большом объединенном повстанческом отряде, командир которого пугачевский полковник Аит Уразметев из ясачных некрещеных татар попал вместе с ним в плен и умер через две недели под следствием. Уже упоминавшийся А.И.Сомов возглавлял большой (до 800 человек) отряд, действовавший под Сергиевском и Тиинском. В феврале он был разбит карательными командами генерала П.М.Голицына, наступавшими от Казани на Оренбург, его вожак оказался в плену и позже казнен.

Наводнив край регулярными правительственными войсками, царские генералы заставили повстанцев частью уйти на соединение с главными силами Пугачева, частью перейти к партизанским методам борьбы. Небольшие отряды продолжали действовать и в Заволжье, и на Самарской Луке, а также нападали на проплывавшие по Волге суда.

Местные власти не раз получали летом и осенью донесения о том, что во многих селениях появляются «частые злодейские артели, прокравшиеся от воинских команд», которые «стали в те жительства въезжать уже не тайно, но явно, а крестьяне, на которых они надеются, снабдевают их хлебом, они ж... выпрашивают о помещиках и о дворовых людях, которых не на их руку».

Разгром главных сил Пугачева позволил властям усилить карательные команды, брошенные на истребление повстанцев. В сентябре 1774 г. через Самарское Заволжье из Яицкого городка на Сызрань под усиленным конвоем, которым лично командовал А.В.Суворов, был провезен пленный вождь восстания, самозванный «Петр III». Но вооруженное сопротивление удалось подавить в крае только к зиме.

Жестоко расправляясь в боях и после них с теми, кто поднял оружие, проводя публичные казни и экзекуции для устрашения, екатерининские власти не переходили в терроре определенных границ, оставляли возможность «раскаявшимся» и просто отошедшим в сторону от восстания вернуться к прежнему образу жизни и занятиям. Здесь брал верх трезвый расчет на скорейшее восстановление порядка, на более прочное, нежели военное, умиротворение. Такая политика позволяла сбить накал гражданской войны, умерить жажду мести победителей, не доводить до отчаяния побежденных. Она способствовала постепенной изоляции активных пугачевцев в массе разуверившихся и напуганных людей.

Уроки восстания заставили правительство Екатерины II провести реформы, направленные на укрепление абсолютистской монархии и ее органов власти.

ГЛУБИНКА ДВОРЯНСКОЙ ИМПЕРИИ

В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ

Бунт Пугачева, потрясший государство Российское, подтолкнул Екатерину II к проведению реформы административного устройства. Подавление восстания укрепило верховную власть монарха, органы центрального управления делили с императрицей славу умиротворителей мятежа. На местную же администрацию возложили всю ответственность за то, что из искр постоянно тлеющего недовольства разгорелся всероссийский пожар Пугачевщины. Подобные обвинения рождались не только из желания снять эту ответственность с высших государственных учреждений и самого общественного строя, но имели под собой и более серьезные основания.

Среди причин, вызвавших народные волнения, не на последнем месте стояли взяточничество, волокита, произвол местного суда и управления. Для излечения этих хронических недугов еще в дворянских наказах Уложенной комиссии предлагалось создать местные дворянские корпорации и предоставить им участие в органах власти.

Не говоря прямо об уроках пугачевского бунта и о требованиях «благородного» сословия, утвержденные 7 ноября 1775 г. «Учреждения о губерниях» обосновывали необходимость областной реформы тем, что существующие губернии излишне обширны и не имеют достаточного числа учреждений и чиновников, а потому подлежат разукрупнению. Пересматривались границы уездов. Вводились новые штаты должностных лиц. Реформа 1775 г. оказалась наделенной большой исторической прочностью, определив в основных чертах административное устройство Российской империи вплоть до преобразований 1860-х годов, а в известной мере и до 1917 года.

Реализация реформы происходила постепенно. 15 сентября 1780 г. был издан указ об образовании Симбирского наместничества (губернии). Сюда отошла основная часть Самарского края. Земли на Самарской Луке, по нижнему течению Сока, Кондурчи, Самары, Мочи, Безенчука и далее на запад по левому берегу Волги образовали Самарский уезд. Территории к северу и западу от Самарской Луки вошли соответственно в Сенгилеевский и Сызранский уезды. Левый берег Волги к северу от Луки до реки Черемшан и за нее оказался в Ставропольском уезде.

23 декабря 1781 г. было образовано Уфимское наместничество (с 1796 г. Оренбургская губерния). Территория Самарского Заволжья вошла в его Сергиевский уезд (вскоре упраздненный), заняла западные части Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского уездов.

Еще раньше, 11 января 1780 г., вышел указ об учреждении Саратовского наместничества (губернии). В его границах находилась еще практически безлюдная заволжская

степь к югу от рек Чагры и Мочи. Лишь в XIX веке там сформировались Николаевский (в бассейне Большого и Малого Иргизов), и Новоузенский (еще южнее) уезды.

Система органов местного управления и суда, вводившаяся в этих уездах по реформе 1775 г., была уточнена и дополнена через десять лет в «Жалованных грамотах» дворянству и городам. Исполнительная власть в уезде формировалась дворянским собранием. Дворяне из своей среды избирали капитан-исправника и заседателей нижнего земского суда, которые проводили на местах распоряжения вышестоящих губернских и столичных учреждений, исполняли полицейские функции. Среди последних выделялись меры, направленные на предотвращение новой Пугачевщины. Капитан-исправнику предписывалось, если «окажется в чем ослушание от целого селения», приложить «старание о приведении ослушных в послушание». Он же должен был заботиться «о истреблении скопища воров или беглых людей».

Город считался отдельной административной единицей. Его жители также имели свои органы сословного представительства, но в отличие от уездного дворянства не влияли на административно-полицейские учреждения городского уровня. Исполнительную власть возглавлял здесь городничий, назначаемый сверху. Эту обязанность могли также возложить на военного коменданта, как это было в Самаре до 1787 г., когда сюда назначили первого гражданского городничего Г.А.Буткевича ¹.

По традиции главные правительственные учреждения и казенные службы располагались на территории городской крепости даже тогда, когда военное значение оказывалось ею утрачено. В Самаре «присутственные места» (органы управления и суда) были открыты 13 января 1781 г. и заняли сначала старые казенные постройки внутри остатков валов старого «земляного замка», а вскоре там же для них выстроили два каменных здания, причем одно из них, обнесенное каменной же оградой, в два этажа. На верхнем расположились нижний земский суд и городническое правление (уездная и городская администрация), уездный суд и дворянская опека (учреждения суда и опеки для «благородного» сословия). На нижнем этаже — уездное казначейство (касса приема денежных сборов и выдачи денежных сумм по распоряжениям властей), помещения для хранения денежной казны, архива, а также квартира городничего. В одноэтажном каменном здании находилась кордегардия караула и тюрьма. Рядом располагались деревянные помещения, где хранилось имущество военной команды, казенное продовольствие и вино ².

Дом учреждений городского самоуправления был деревянным и стоял на посаде вне крепости. В нем разместились городской магистрат (суд для горожан), сиротский суд (орган опеки для них же), дума, которая осуществляла распорядительные функции и ведала городским хозяйством, благоустройством, защитой сословных прав купцов и посадских людей. «Градское общество» имело статус юридического лица, обладало собственностью, получало доходы со своих имуществ, облагало своих членов специальными сборами.

Основным элементом городского организма являлся двор-усадьба с жилыми, хозяйственными строениями, огородами, садами. В начале 1780-х гг. в Самаре насчитывалось 634 двора. Они распределялись между отдельными категориями населения следующим образом: 18 дворов дворян и офицеров, 7 подъячих, 15 церковнослужителей, 201 военнослужащих и отставных нижних чинов, 49 разночинцев, 144 казаков, 200 дворов купцов, мещан, цеховых ремесленников ³.

В соответствии с количеством дворов устанавливалась численность полицейских чинов в каждом городе. Еще не совсем привычное русскому уху слово «полиция» часто заменялось его отечественным синонимом «благочиние». В 1782 г. был принят закон, называвшийся «Устав благочиния или полицейский». Общегородским полицейским учреждением становилась управа благочиния. Ее председателем являлся глава городской

администрации (городничий или комендант), а членами два пристава уголовных и гражданских дел, два ратмана из магистрата. Небольшие города Самарского края имели не более одного полицейского участка во главе с частным приставом, имевшим свою канцелярию, которую в просторечии именовали просто «частью» или «съезжей». Помощниками пристава в части были 2 городских сержанта и один «брантмейстер или огнегасительный мастер».

Полицейские участки по «Уставу» делились на кварталы из 50-100 дворов. В соответствии с этой нормой симбирский губернатор предложил в 1786 г. поделить Самару на 6 кварталов, Сызрань (776 дворов) на 9, Ставрополь (494 двора) на 4. Но в столице решили, что число «оных можно, кажется уменьшить» для экономии казенных расходов, а именно, до 4 кварталов в Самаре, до 6 в Сызране, до 3 в Ставрополе, в котором к тому же организации отдельного участка во главе с частным приставом вообще не предусматривалось ⁴.

В конце XVIII в., когда число дворов в Самаре увеличилось до 707, в ней было уже 5 кварталов. В соответствии с этим числом в городе стояло «питейных домов пять, буток для содержания городского караула пять». Полицейский надзор в каждом квартале осуществляли два штатных чина, квартальный надзиратель и его помощник — квартальный поручик, а также 12 ночных сторожей, «которым плата производится за каждую ночную стражу».

Полиция обязывалась следить не только за правопорядком, но и за частной жизнью обывателей. В «Устав благочиния» сама императрица включила нравственные руководства для полицейских чинов («с пути сошедшему указывай путь», «буде скотина и злодея твоего споткнется, подыми ее» и др.) и горожан («жена де пребывает в любви, почтении и послушании своему мужу», «запрещается всем и каждому пьянство» и т.п.).

Все же заметно большее воздействие на нравы и души имела церковь, нежели царичьи указы. В конце XVIII в. в Самаре действовало пять церквей, в том числе два каменных храма: Казанский собор с Никольским приделом и церковь Преображения упраздненного мужского монастыря, обращенная затем в приходскую. Деревянными были приходские церкви Вознесения и Успения (бывшая монастырская), а также перенесенная на кладбище бывшая соборная Троицкая. В 1807 г. Вознесенская и Успенская церкви сгорели и долго не возобновлялись. При церквях числились четыре богадельни, «построенные из церковных доходов для неимущих, в коих число душ неопределительно, и питаются от добротных подаванием» ⁵.

В Сызрани, кроме Вознесенского мужского монастыря с каменной церковью, стояли каменные же Христорождественский собор, надвратная церковь Спаса Нерукотворного, приходские храмы Казанской Богоматери, Сергия Радонежского, Успения, Илии Пророка. Приходские церкви Иоанна Предтечи и Троицы были деревянными. Свою церковь имела пригородная Преображенская слобода. Присутственные места здесь были открыты 16 января 1781 г. в здании бывшей воеводской канцелярии на территории прежней крепости.

В Ставрополе, в отличие от Самары или Сызрани, крепостные сооружения в XVIII веке еще сохранялись, и внутри них находились жилые дворы. В крепости же помещались два собора, каменный Троицкий и деревянный Андреевский, обычные для уездного города присутственные места (открыты 10 января 1781г.), казенные склады. Сохранились в Ставрополе комендантская и Калмыцкая войсковая канцелярии, а также открылись две школы и больница. Кстати, в других городах нашего края не было ни учреждений образования, ни здравоохранения. В ставропольских слободах, Купеческой и Солдатской, стояло по одной приходской церкви, соответственно Успения и Рождества Богородицы. Эти храмы, как и Воскресенская церковь на кладбище, были деревянными ⁶.

Население Самары в начале XIX в. достигло 4 тыс. человек. Здесь проживало (вместе с членами семей) около 30 дворян и лиц офицерского чина, 120 священно- и церковнослужителей, 250 дворовых людей, 60 разночинцев (одиндворцев, ямщиков, отставных солдат, ссыльных), 900 служилых и отставных казаков, 2250 купцов и мещан православного вероисповедания и 140 старообрядцев. Еще 100 постоянных жителей — это инвалидная команда, составлявшая самарский военный «гарнизон»⁷.

В это же время население Ставрополя составляло свыше 2,5 тыс. чел., в том числе около 250 дворян и офицеров, 90 церковно- и священнослужителей, 120 дворовых и столько же разночинцев, 940 отставных военнослужащих, более 800 купцов и мещан, а также до 220 калмыцких старшин и рядовых. Одновременные сведения по Сызрани имеются только в отношении податного населения, самого многочисленного среди городов края: 3100 купцов и мещан, более 250 разночинцев, около 70 дворовых.

Города эти были и не очень многолюдны, и не велики по размерам. Территория Сызрани занимала 326 десятин, Ставрополя 178, Самары 316, из них 93 десятины приходилось на неудобья (овраги, пустыри и т.д.), свыше 200 дес. лежало «под поселением, садами, огородами... под улицами и проулками», а чуть более трех дес. «под земляною крепостью». Еще 9 дес. занимали две самарские торговые площади, которые назывались Верхним и Нижним рынками, «на коих производятся торги только по воскресным дням привозимым из окрестных селений крестьянским разным хлебом и всякими жизненными припасами». На Нижнем рынке торговали только летом, на Верхнем круглый год.

Приезжий люд, особенно крестьяне, продавали свой товар «со стругов», «с возов», «с полков». Городские купцы торговали в лавках. Если не считать тех лавок и амбаров, в которых продавали, скупали, хранили продукты питания (зерно, муку, хлебные изделия, мясо, сало и т.д.), то в Самаре в конце XVIII в. оказывалось всего 9 «лавок щепетильных». Общее число торговых помещений в Сызрани составляло 124, в Ставрополе 31. Все торговые заведения в городах края были деревянными.

Особой активностью торговая жизнь Самары конца XVIII—начала XIX вв. не отличалась. Лишь малая часть товарооборота приходилась на дорогие привозные шелковые, суконные и льняные ткани, чай, кофе, виноградные вина. В основном торговля велась «мелочными товарами», как правило, закупленными оптом на больших Макарьевской и Карсунской ярмарках. Продукция немногочисленных самарских ремесленников играла в торговле незаметную роль. В обмен Самара поставляла прежде всего хлеб, привозимый сюда крестьянами или скупленный в «окрестных селениях».

Главный путь привоза и вывоза товаров — Волга, на которой самарская пристань действовала «во все летнее время». По реке Самаре не было «судового ходу и гонки плотов», лишь весной, в половодье, пузатые баржи заходили в ее устье и загружались хлебом, свеженым зимою и хранящимся в амбарах на берегу.

Наряду с работой на пристанях и судах многие горожане занимались извозом на сухопутных дорогах и зимниках по льду. Перевозы через Волгу и другие крупные реки сдавались городскими думами в аренду «разным людям и за разные цены». Самым распространенным видом судна у волжских перевозчиков был дощеник (досчаник) — большая лодка с палубой-настилом, на которой можно было переправлять повозки, телеги, экипажи.

Особенно важными были перевозки в тех местах, где к рекам выходили дороги, имевшие статус почтовых и являвшиеся объектом заботы государства. В селениях Самарского края, через которые проходили пути, соединявшие губернские и уездные центры, устраивались почтовые станции. Тракт из губернского Симбирска в Самару пересекал современные Шигонский, Ставропольский и Волжский районы нашей области. На нем стояли станции в селах Маза, Усолье, Жигули, Аскула, деревне Борковке (где

теперь село Новинки). От Жигулей шли ответвления этой дороги на Ставрополь и через Переволоки и Костычи на Сызрань, а от нее на Саратов ⁸.

К волжской переправе под Сызранью выходил большой скотопрогонный тракт из степей Заволжья и Южного Урала, делавший этот город важным посредником в торговле скотом и продуктами животноводства. В Сызране на рубеже XVIII-XIX вв. действовал 21 кожевенный завод. Такая особенность Сызрани была законодательно закреплена появлением на гербе города черного быка.

Под «заводом» в терминологии XVIII—начала XIX вв. подразумевалось не обязательно большое промышленное предприятие, но и сколько-нибудь значительные ремесленные мастерские. Правда, и при таком расширительном толковании описания Самары и Ставрополя утверждали, что в этих городах «заводов и фабрик никаких не имеется». Даже такой немудреный товар, как посуда, в том числе глиняная и деревянная, покупалась у деревенских мастеров или у «пловущих рекою Волгою... промышленников».

Неудивительно, что города Самарского края сохраняли черты сельскохозяйственного поселения: «Большей частью как купцы, так и мещане сверх мастерств своих занимаются скотоводством и в сажании на дачах им принадлежащих арбузов, дынь, перцу, луку и огурцов». Обыватели получали также хорошие урожаи капусты, свеклы, моркови, картофеля. В Сызрани, как уже упоминалось, развито было и садоводство. «Собираемые плоды и огородные овощи употребляются для своего домашнего обихода, а частью и на продажу», включая и отдаленные города, куда их «отвозят по Волге на расшивах» ⁹.

Продажа овощей и фруктов свидетельствовала о том, что в городских условиях сельское хозяйство из подсобного занятия превращалось в разновидность промысловой деятельности. При этом горожане все более ориентировались на производство иного товара, чем полеводы-крестьяне. «Можно сказать, что по мере развития городов хлебопашество сокращалось, а огородничество, садоводство и скотоводство не только прогрессировали, но и стали высокотоварными еще до наступления капиталистической эпохи» ¹⁰.

В качестве примера для Самарского края можно привести производство стручкового перца. Во многом благодаря жителям именно Самары пошел процесс интродукции этой южной культуры в средней полосе России. Производство перца требовало тщательного выращивания рассады, ежедневного полива до снятия урожая, при неблагоприятной погоде — дозревания снятых стручков в доме, переработки зрелого перца, сушки, толчения в ступах. Сбор перца в Самаре достигал 1500-2000 пудов. Цена была достаточно высокой: пуд перца — 2-2,5 руб. Расходовали перец экономно, не больше стручка в месяц ¹¹.

Сельскохозяйственные занятия горожан требовали гораздо большие земельные угодья, чем небольшой участок при усадьбе, и города края имели обширный земельный фонд, являвшийся собственностью «градского общества». Так, «городские выгонные земли с поселенными на оной хуторами... общего владения... купцов, мещан и... служилых казаков» Самары составляли более 32 тыс. десятин даже после того, как свыше 7 тыс. дес. изъяли в казну, а еще более 0,5 тыс. дес. передали государственным крестьянам ближних селений. По поводу еще 135 дес. велись споры между городской общиной и дворянами, также заведшими свои хутора на самарской выгонной земле ¹².

Кроме того, Самаре принадлежали 2,5 тыс. дес. пахотной земли, 3 тыс. дес. степи, 5 тыс. дес. дровяного лесу, 2,8 тысяч десятин солонцов и неудобий. Всего сельскохозяйственные угодья самарских жителей достигали 46 тыс. дес. — в 150 раз больше площади самого города. На каждого жителя вне зависимости от пола, возраста, сословия приходилось в среднем более 11 десятин.

Горожанам Самары принадлежали также рыбные ловли, важнейшими из которых были Соковские и Подгородные, которые первоначально располагались по обоим берегам Волги. Ссылаясь на преимущественное право помещиков на угодья, которые «прикосно-

венны» к их вотчинам, граф В.Г.Орлов предъявил претензии на указанные рыболовные места как прилегающие к его крепостной Рождественской волости. Сенат принял компромиссное решение, разделив эти ловли между городом (по левому берегу Волги) и графом (по правому). Но самарская половина заносилась песком, а в самую богатую рыбой Быстренькую воложку у села Рождествено городских ловцов не пускали. Самарская городская община стала требовать нового передела угодий по берегам Воложки. Не дожидаясь решения сверху, арендаторы самарских ловель со своими работниками начали явочным порядком добычу рыбы в Воложке, что вызвало столкновения с Рождественской вотчинной администрацией. Правда, исправник отобрал и вернул самарским ловцам снасти и улов, захваченные было людьми графа. Городские купцы, в свою очередь, не давали вытягивать из садков наловленную рыбаками графа рыбу, за возвращение своего улова им пришлось поделиться с самарскими уездными властями¹³.

В конце концов город проиграл судебный процесс и потерял наиболее ценные рыболовные угодья. В то же время попытки Орлова занять часть других сельскохозяйственных угодий Самары, например Барбошину поляну, оказались безуспешными. Поверенным графа не удалось разыскать документы, которые позволяли бы на законных основаниях затеять еще одну тяжбу за самарские земли.

Меньше повезло жителям Ставрополя. Нашлись формальные зацепки, позволившие В.Г.Орлову утверждать, что сам город и отведенные ему угодья занимали часть пожалования, которое братья Орловы получили от Екатерины II. Хотя со времени основания Ставрополя прошло шестьдесят, а со времени пожалования Орловым тридцать лет, тем не менее в 1798 г. эти земли были признаны спорными. За такое решение землемер получил от графского поверенного 2300 рублей, а члены губернской межевой канцелярии еще 15 тыс.руб. Около 9 тысяч было истрачено на хлопоты в столичном Сенате, утвердившем прошение графа.

В итоге в 1811 г. Орлову отошли более 1,2 тыс. дес. городских лугов (еще 2 тыс.руб. членам межевой конторы), а позднее такая же площадь богатых поемных сенных покосов. Граница земель графа и города оказалась проложена так (дополнительно 10 тыс.руб. от помещика), что ставропольский выгон фактически отрезали от воды. Горожане не могли оставить свой скот без сена и водопоя и в то же время не собирались платить графским управителям за аренду отнятых угодий. Начались неизбежные столкновения, доходившие до рукоприкладства, недалеко было и до кровопролития. Сенат оказался вынужден взять дело к пересмотру и сделать уступки ставропольцам относительно пересмотра границы. Однако вернуть уже отошедшие Орлову земли им не удалось, хотя дело тянулось аж до 1833 года.

В начале XIX в. земельные угодья Ставрополя и Сызрани значительно уступали самарским, немногим не достигая 6 тыс. дес.: у ставропольцев 2650 дес. выгона и покосов со степью, 2250 дес. строевого леса (основательно вырубленного крестьянами Орлова во время тяжбы), а у сызранцев 1,5 тыс. дес. пашни и 2,5 тыс. дес. степи с выгоном, покосами, а также 1,2 тысяч десятин дровяного леса. Остальные площади, отведенные горожанам, считались неудобьями¹⁴.

Изменения, внесенные в жизнь городов Самарского края областной реформой Екатерины II, социально-экономическими процессами конца XVIII—начала XIX вв., как можно видеть, больше всего затронули деятельность административных учреждений. В меньшей степени перемены коснулись торговли, сельскохозяйственных занятий и совсем незначительно промышленности.

МЕЖЕВАНИЕ, ПОЖАЛОВАНИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Крупнейшим мероприятием российского абсолютизма конца XVIII в., наряду с областной реформой, можно считать осуществление Генерального межевания. Целью грандиозной землеустроительной работы было упорядочение казенного и частного землевладения, разрешение споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрение к заселению неосвоенных земель.

В наиболее благоприятные условия при межевании ставились помещики. За ними утверждались все занятые, «хотя и несправедно», государственные земли при условии, что они не являются предметом какого-либо спора. Конфликтующим предлагалось «с соседями своими полюбовно развестись... сделать себя достойными к получению в вечное и потомственное за собою утверждение» захваченных у казны земель.

В ходе Генерального межевания за собственниками земли утверждались права на недра, леса, воды на территории их владений. На помещичьих крестьян в случае недостатка земли в вотчине и наличия рядом свободных земель могли бесплатно нарезаться участки пахотных и прочих угодий. Предоставлялось право выкупа в собственность казенных земель, снятых прежде в аренду или просто находящихся по соседству с помещьем. Правительство рассчитывало, что в результате «многим помещикам к размножению экономии прибавятся способы».

О проведении Генерального межевания объявили еще в 1765 г., но разграничение и обмер всех (!) землевладений Европейской России было делом не простым, долговременным и проводилось постепенно. Лишь в 1797 г., когда уже в основном оказались обмежеваны центральные и западные районы страны, объявили о Генеральном межевании в Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерниях. Началось оно год спустя.

В течении 5-10 лет землевладения Самарского края были в большинстве своем обмежеваны, хотя формально Генеральное межевание закончилось позже. Определение размеров и границ касалось здесь не только уже сложившихся, но и вновь возникавших имений и дач. Проведение межевания переплелось с процессами продолжавшейся вольной и помещичьей колонизации, ускорившегося заселения и освоения многих районов нашего края.

Отдельные мероприятия из числа предусмотренных Генеральным межеванием начали осуществляться в Среднем Поволжье и до 1798 г. Особый интерес вызвало у помещиков разрешение покупать пустующие казенные земли. Так, в 1776 г. подпоручик С.Д.Стромилов, имевший в деревне Елшанке 50 дес. пожалованной ему земли на 80 душ мужского пола, просил разрешить ему покупку «в смежности» 500 дес. по рекам Соку и Чесноковке «в вечное потомственное владение», и эта земля была ему продана по 70 коп. за десятину¹⁵. Правда, удовлетворялась далеко не каждая такая просьба. Казенных земель просто не хватало, чтобы продать всем желающим помещикам.

До начала Генерального межевания владельцы могли обмежевать при необходимости земли за свой счет. В 1776 г. об этом просила А.М.Юматова. Ей принадлежали сельцо Юматовка и деревня Екатериновка, «которые ограничены... рекою Соком и речками Большой и Малой Боровками... и состоят от смежных дач необмежеванными, а через то с соседственными землями происходят споры»¹⁶.

Подобное, так называемое «своекоштное», межевание обходилось очень дорого. К нему прибегали, как правило, люди состоятельные. По всей России этим порядком обмежевали только 557 землевладений, в том числе имения графов Орловых в Поволжье. При межевании в 1770-е гг. Усольской вотчины, южная заволжская граница которой была неопределенной, по распоряжению Екатерины II происходило наделение степных селений

Орловых свободными землями по норме Межевой инструкции (8 десятин на крепостную душу мужского пола). Братья поторопились поставить на левобережье Волги и ее притоке Безенчуке новые поселки, куда перевели крестьян из старых сел и деревень на Самарской Луке. Таким образом им удалось получить гораздо больше земель, которые межевщики нарезали в степи к наличному населению новопостроенных Екатериновки, Владимировки, Федоровки, Алексеевки, Ивановки (Никольского), Григорьевки, Александровки. На рубеже XVIII-XIX вв. в них уже числилось 682 двора и 5 тыс. жителей¹⁷.

В отношении казенных крестьян Межевая инструкция устанавливала 15-десятинную «препорцию» на душу мужского пола, сверх которой угодья из их пользования изымались. Последнее часто происходило во вновь заселяемых районах, где вольные переселенцы занимали большие площади свободных земель. При межевании у государственных крестьян села Титовки с окрестными деревнями и деревни Липяги было отрезано соответственно 11 тыс. и 3,5 тыс. дес. пахотной земли и покосов.

Пострадали и некоторые не очень состоятельные помещики, которые, захватив свободные земли, не смогли их освоить и заселить, а потому вынуждено отдавали казне как «излишне присвоенные». Правда, в отличие от упомянутых государственных крестьян, помещики, как правило, теряли угодья, еще не вовлеченные в сельскохозяйственный оборот. В окрестностях Самары подобные потери понесли помещики Молостов и Стромиллова. У последней, владевшей деревней Подстепновкой, где числилось всего 2 двора и 20 жителей, отрезали в казенное ведомство более 500 дес.¹⁸

Прежние пользователи земель, изъятых при межевании, могли сохранить их за собой, но теперь на правах аренды и за дополнительную плату. На беду государственных крестьян, осевших в низовьях реки Мочи, их бывшие земли привлекли внимание могучего соседа В.Г.Орлова.

По разделу между братьями образованная в Заволжье Екатерининская волость (около 33 тыс. дес., из них 26 тыс. удобной земли) досталась Ф.Г.Орлову, а от него по наследству А.Г.Орлову-Чесменскому. Последнему отошло в 1796 г. и последнее крупное пожалование императрицы — примыкающий к этой волости участок степи в 39 тыс. дес. удобной земли (43,5 тыс. дес. с неудобьями). Младший из братьев В.Г.Орлов вынужден был искать другие возможности приобретения заволжской целины.

Недолгое царствование Павла I (1796-1801) ознаменовалось новой массовой раздачей казенных земель. Многие из помещиков, получившие незаселенные участки степи, продавали эти пожалования тем, кто действительно собирался переселять туда своих крепостных. В.Г.Орлов был одним из таких покупателей.

Земли приобретались не наобум, а с точным расчетом. Поверенные графа объезжали и осматривали угодья в Самарском Заволжье. Затем по их сообщениям велись переговоры в Петербурге с потенциальными продавцами земли, которых убеждали добиваться пожалования конкретных участков, облюбованных орловскими управителями.

В июне 1799 г. Орлову донесли, что графу Гурьеву «пожаловано в Симбирской губернии 20 тысяч десятин на выбор, можно с ним снестись, не продаст ли оную, а для переселения крестьян Вашего Сиятельства очень нужна». В ноябре с Гурьевым удалось предварительно договориться. А в июле следующего года был сделан «заказ» на несколько тысяч десятин «по обе стороны оврагов Теплого Стана и Лопатинских Розсошей и реки Свинухи», куда предполагалось переселить 800-1000 ревизских душ. Поскольку «по сей степи пашни самарцев и обывательской нет, и ныне никем не снимается, а пасут на оной скот», то «споров от обывателей быть не может»¹⁹.

Уверения в беспорности приобретения указанных земель оказались преувеличенными. Ведь речь шла в основном о землях, недавно отрезанных межевщиками у липяговских крестьян и помещика Молостова. Государственные крестьяне ломали межевые

знаки, затапывали саму межу, запахивали на себя отрезанную землю. Самым страшным для них было то, что они лишались выхода к водопою на реке. Закон стоял на стороне Орлова, купившего в феврале 1803 г. эту землю. Жителям Липягов пришлось не только признать отрезку, но и просить графа об обмене участка лучших пахотных земель деревни на проход для скота к воде.

Формально в указанном месте Гурьев, а от него Орлов получили немногим более 9 тыс. дес., на самом же деле вместе с неудобьями, отдававшимися бесплатно, здесь было 12 тысяч. У «хороших» землемеров, которых графские поверенные, как мы уже видели, умело подкупали, в неудобья записывались и некоторые вполне пригодные к использованию угодья. В 1807 г. к купле Орлова было примежевано около 2 тыс. дес. компенсации за якобы обнаруженные на участке новые неудобья.

Излюбленный землевладельцами прием оттеснения возможных конкурентов от водопоя в качестве средства нажима действовал безотказно. Для покупки у жены Гурьева в 1800 г. были подобраны близко «к Сухой Ерыкле за болотом Матугой 5000 десятин, дабы хутор Резанский и другую воду захватить во владение и тем самым весь край степи может оставаться без всякого найма» чужими крестьянами и землевладельцами. К указанному хутору Межевая инструкция позволила прирезать более 2 тыс. дес. степи и снять ее в аренду на 15 лет. В 1805 г. через того же Гурьева, а также тайного советника Попова, для округления владения близ Самары прикупили 0,5 тыс. дес., отчужденные у Стромиловой²⁰. В 1814 г. Усольская вотчинная контора В.Г. Орлова на деньги крепостных крестьян выкупила арендованные земли у казны в собственность графа. Позднее здесь возникло село Натальино.

Продавцы пожалованной земли и сами искали покупателей. Приятель и поверенный Орлова симбирский помещик Мещеринов в октябре 1799 г. сообщал, что некий «Порошин был у него. Ему пожаловано в Симбирской и Саратовской губерниях земли 20 тыс. дес... Он много должен, намерен продажей земли долг заплатить. А потому и может продавать за сходную цену». Предложение Орлова Порошин без проволочек принял. Первоначально пригляделись было к землям по реке Чагре, где межевщики урезали владения помещиков Самарина и Урусова. Но эти двое являлись слишком крупными землевладельцами, чтобы рассчитывать на их быструю капитуляцию перед казной и уступку притязаниям Орлова. Усольский управляющий летом 1800 г. лично осмотрел эти места и убедился, что Самарин заселил своими крестьянами оба берега Чагры, а Урусов перевел в свое поместье еще более 100 семей. Хотя полностью сохранить имевшиеся до межевания земли им не удалось, но лучшие угодья с водопоями оказались заняты, удобных мест для заселения не осталось²¹.

В этот момент на удачу подоспело изъятие земли у титовских крестьян, которую управляющий Орлова оценил однозначно: «Она самая лучшая по Симбирской губернии». Мещеринов уточнял: «На сей земле можно поселить 1000 душ. Прилегаемая уральская степь будет способствовать скотоводству. За отмежеванием господину Порошину водопою в ней не остается, и в дачах ни у кого быть не может». Действительно, согласие Порошина на продажу полученной им основной части бывших титовских земель (более 8 тыс. дес.) заставило и других владельцев, которым отошли остатки этих земель и расположенные рядом участки, уступить свои пожалования Орлову. Машинный мастер Петров, член симбирской межевой конторы Плюсков, генерал Опперман продали графу в 1802-1804 гг. по 2 тыс. дес. каждый. Еще несколько более мелких участков общей площадью 1 тыс. дес. до 1814 г. были выкуплены им у разных владельцев и казны²².

Мещеринов, и прежде убеждавший Орлова, что «ежели титовская земля купится, хотя и дорого, но время наградит сугубо», писал в феврале 1803 г.: «Хотя Ваше Сиятельство и много денег употребили на покупку земли, но не в потерю. Цена на землю каждогод-

но возвышается... Внутренняя теснота России принудила жителей селиться и в отдаленных степях; Башкирия вся населена, по рекам Кубани, Тереку и Куме отводят землю и селятся большими слободами. Речки Моча и Свинушка под руками; на землю их скоро цена возрастет...»²³

До 1805 г. титовские крестьяне пытались отстоять хотя бы часть отмежеванных земель. Но, как и соседи из Липягов, не преуспели в этом. Жалобы на то, «что ежели земля от них отрезется, то им будет жить не при чем», не помогали, так как нормы Межевой инструкции были соблюдены. Взятки губернским чиновникам от крестьянского мира не могли перевесить подношений от орловских управителей. Задним числом крестьяне оформили сделку на покупку этих земель у башкир, но никакой законной силы она не имела. Даже самовольная распашка ими более 150 дес. не беспокоила усольского управляющего, который заметил: «Сия распашка полезна, ибо сами пахать не будем»²⁴.

Окончательно споры были пресечены переселением крепостных В.Г.Орлова на новые земли. В селениях на Самарской Луке разобрали несколько сот дворов и вместе с обитателями где по воде, где на лошадях перевезли в назначенные под жительство места, заранее спланировав размещение улиц и усадеб. Усольский управляющий рапортовал 1 октября 1804 г. хозяину: «Сей день возвратился с Мочи, где разбил подле Котлобану на полтараста домов места... С первого числа станут рубить [избы]. День основания... Покров Божия матери», поэтому и деревню назвали Покровкой²⁵.

В том же году начали заселять Воскресенку и Преображенку. В 1805-08 гг. возникли Троицкое, Сретенка, Воздвиженка, Преполовенка. Добровольцев к переселению практически не нашлось. На новые места в первую очередь отправляли погорельцев, безлошадных и прочих бедняков, которые сдавали наделы в своих селах и деревнях более справным соседям, а сами жили работой по найму и лесными промыслами. Было «определено, чтобы их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами»²⁶. Всего подвергалось переселению до 4 тыс. жителей Рождествена, Новинки, Подгор, Выползовой, Торновой, Шелехмети, Брусян, Валов, Александровки, Аскулы, Кармалы, Большой и Малой Рязани, Соснового Солонца, Тайдаковой и Кунеева. Это явилось самой крупной акцией в истории помещичьей колонизации Самарского Заволжья, по масштабам сопоставимой только с образованием Екатерининской волости в 1770-е гг. Интересно, что при обоих массовых переселениях Орловы использовали по существу лишь старожилов Самарской Луки.

В.Г.Орлов успешно обратил в свою пользу проведение Генерального межевания в Ставропольском уезде. Начало его позволило поверенным графа возбудить в 1798 г. самую громкую межевую тяжбу в крае против горожан Ставрополя (о чем говорилось в предыдущем параграфе) и Ставропольского калмыцкого войска. В результате за Орловым утверждалась «поверстная дача» вдоль левого берега Волги площадью в 26 тыс. дес., изымавшихся у города, у калмыков Подстепновского улуса, из свободных казенных земель. На «поверстную дачу» были переселены крепостные мордовские крестьяне с Самарской Луки, основавшие деревню Мордовскую Борковку, и часть жителей села Кунеева (Карсунский уезд), которые назвали свой поселок деревней Кунеевкой.

Выше по Волге в том же Ставропольском уезде на купленных им же, Орловым, в 1810 и 1813 гг. землях (до 6 тыс. дес.) было основано сельцо Анненское. Сюда перевели 277 душ мужского пола из калужских вотчин его снохи А.И.Орловой, урожденной Салтыковой. Бывало, Орлов покупал и обжитые имения, но предпочитал, как и другие помещики в крае, приобретать более дешевые незаселенные земли, признаваясь в письме Мещеринову: «Для меня выгоднее купить землю для переселения оброчных крестьян, нежели покупать деревни»²⁷.

Несмотря на преимущества, предоставленные помещикам при получении и освоении новых земель, продолжалась активная вольная колонизация нашего края. Она велась

даже в близком к Волге Самарском уезде, столь привлекательном для землевладельцев — дворян, не говоря уже об удаленных на восток степях. В последние десятилетия XVIII в. сложился и при всех земельных потерях сохранился целый куст сел и деревень государственных крестьян. «На левой стороне Волги по реке Моче... сходцами из уездов Симбирского и Пензенского» были населены Титовка, Гусарский Городок, Горки, Глушицы, Губашево, Малое Томылово. В конце века здесь в 320 дворах проживало более 2,2 тыс. ясачных крестьян и пахотных солдат ²⁸.

Симбирских пахотных солдат переселяли и в более отдаленные районы. Из Сосновки в 1770-е гг. 12 семей перешли в будущий Бугурусланский уезд, основав одноименное село. Во время Генерального межевания у этой новопоселившейся общины отобрали значительные участки леса и других угодий в пользу казны и помещиков ²⁹.

В некоторых ситуациях межевое законодательство и местная администрация оказывали поддержку казенным крестьянам. В селе Суринском с двумя ближними деревнями на юге Сенгилеевского уезда около 140 дворов пахотных солдат (более 800 человек) заняли свободные казенные земли вместе с проживающими здесь же крестьянами разных помещиков. В ходе Генерального межевания из указанных земель на всех жителей села и деревень (до 400 дворов и свыше 2 тыс. чел.) нарезали угодий из расчета 8 десятин на душу мужского пола. Оставшиеся после нарезки 2754 дес. удобной земли (пашня, покос, лес) решением Правительствующего Сената были оставлены «во владении одних пахотных солдат» ³⁰. Последним по закону полагалось отвести по 15 десятин на душу, но за неизменением поблизости других казенных земель удовлетворить этому условию оказалось попросту невозможно. В таких случаях государственным крестьянам компенсировали недостаток земли лишь частично.

При более острой нехватке земли и желании занять ее до полной 15-десятинной «препорции» государственные крестьяне вынуждены были из плотно заселенных уездов правобережья перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками. В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне село Студенцы) ³¹.

Случаев переселения в заволжские уезды при посредстве казенных палат все-таки встречалось немного, «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно» ³². Власти и межевщики ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых поселков на свободных землях. Так, документы очередной 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799-1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Тульской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую украинские, русские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний.

В 1796 г. 6 крепостей, 28 сел, 4 слободы и 166 деревень Бузулукского уезда насчитывали 29 тыс. душ мужского пола. С 1799 по 1811 г. в этот уезд прибыло из Симбирской, Рязанской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской губерний и других уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ мужского пола, в том числе 10 тысяч русских государственных крестьян. За те же годы среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей.

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организованных переселенцев из казенных крестьян «препорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 рублей) и освобождение на 3 года от выплаты податей и рекрутской повинности. В 1805 и 1808 гг. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное правило на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений, уточнялись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот. Однако, как нередко на Руси, многие из благих начинаний жили только на бумаге. Крестьяне предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Кроме соображений материальных, к переселению толкало стремление избежать на новом месте религиозных гонений. Вслед за старообрядцами, которым разрешили поселиться на Иргизе, туда же устремились сектанты-молокане. По совету основателя секты Уклеина, в 1792 г. из Балашовского уезда Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 молокан и основали село Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по тому же Иргизу (Канаевка, Константиновка), по Чагре (Хворостянка, Острая Лука), по Моче (Сухая Вязовка, Яблонный Овраг, Богдановка). «Во всех этих поселках уже в конце XVIII века молокан числилось 970 душ об. пола»³³.

Молоканские поселки возникали не только в вышеперечисленных местах будущего Николаевского уезда, но и в южной части Бузулукского. В 1809 г. на реке Съезжей беглые солдаты и крестьяне из молокан поставили первые 10 дворов в Алексеевке (Землянке). «Для избежания преследования со стороны начальства поселенцы старались совсем не делать дороги к своему селению и самые жилища поставили в овраге в далеком друг от друга расстоянии»³⁴.

В течение последней четверти XVIII—начале XIX вв. земледельческое освоение нашего края интенсивно продолжалось. Поток вольной крестьянской колонизации направлялся теперь дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного освоения Заволжья и Приуралья. Генеральное межевание, с одной стороны, стимулировало эти процессы, а с другой, закрепляло результаты заселения и освоения новых земель.

КРЕПОСТНЫЕ ГНЕЗДА «ВОЛЬНОГО» ДВОРЯНСТВА

Одновременно с удовлетворением большинства политических и экономических притязаний дворянства произошло его освобождение от обязательной государственной службы, провозглашенное в 1762 г. и закрепленное «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства» от 21 апреля 1785 г. В этой «Жалованной грамоте» подтверждались и расширялись также другие дворянские привилегии, важнейшей среди которых выступало монопольное право на владение крепостными и эксплуатацию их труда.

Российское дворянство, более не загоняемое властной рукой самодержца в полки и канцелярии, призванное к решению на своих собраниях дел местного самоуправления, закрепившее при Генеральном межевании равно как законные, так и неправые земельные

приобретения, стало оседать большей частью в собственных имениях. Различные районы Самарского края по мере их освоения покрывались как бы сетью таких «дворянских гнезд», единых по своему крепостному обличью, но непохожих друг на друга размерами, населенностью, обустройством.

Крупнейшим земельным владением в крае (и одним из самых крупных во всей России) являлись вотчины графов Орловых в районе Самарской Луки. В 1806-07 гг. они были размежеваны в соответствии с любовным разделом между двумя последними оставшимися в живых братьями В.Г.Орловым и А.Г.Орловым-Чесменским. В долю последнего отошли следующие имения:

— 9 сел и деревень Екатерининской волости (Екатериновка, Владимировка, Александровка, Кануевка, Переволоки, Федоровка и др.), насчитывавших 1014 крестьянских дворов, 3708 душ мужского и 3723 женского пола. Площадь имения — около 33 тыс. дес., в том числе 26,5 тыс. дес. удобной земли, из которой половину составляла пашня. К ней примыкали еще 43,5 тыс. десятин степи, пожалованных в 1796 г. ³⁵

— 3 селения Новодевиченской волости (Новодевичье, Кузькино, Камышенка) с 622 дворами, 2092 душами мужского и 2217 женского пола, 37,5 тыс. дес. земли, из которых 34 тыс. дес. удобной, на треть используемой под пашню ³⁶.

— 3 селения на самой Луке (Винновка, Березовый Солонец, Кармалы) и ряд отдельных ненаселенных дач там же. Всего более 30 тыс. дес., в основном леса и покосов, пашни с трудом хватало на 2,5 тыс. душ обоего пола, поэтому от малоземелья приходилось избавляться переселением на свободные массивы Екатерининской волости.

В 1807 г. все эти имения, наряду с недвижимостью в других губерниях России, отошли единственной наследнице — дочери графа А.А.Орловой-Чесменской.

В.Г.Орлову по разделу досталось по Средней Волге около 190 тыс. дес. Ядро его здешних владений составлял компактный массив на правом берегу Волги. Усольская волость как часть этой вотчины занимала 82 тыс. дес., в том числе 74,5 тыс. дес. удобной хозяйственной деятельности земли, из которых 24 тыс. дес. приходилось на пашню и 7 тыс. дес. на залежь и степную целину. Аскульская и Рождественская волости располагались на площади в 96,5 тыс. дес., имели 86,5 тыс. дес. удобной земли, из них 22,5 тыс. дес. пашни и залежи ³⁷.

В правобережных волостях В.Г.Орлова лежало 24 селения (Усолье, Жигули, Валы, Аскула, Сосновый Солонец, Рождествено, Подгоры и др.) с более чем двадцатью двумя тысячами крестьян. Еще до 1,5 тыс. чел. составляло население его левобережных имений (Русская и Мордовская Борковки, Рязаново, часть села Майны) ³⁸, частью полученных по разделу с братьями, частью купленных самим графом Владимиром.

Владения В.Г.Орлова на горной стороне Волги также увеличивались за счет покупок, среди них были незаселенные участки общей площадью в 1,6 тыс. дес. близ Брусян и Морквашей. У помещика Плещеева было приобретено село Языково, а у его сына — расположенный поблизости Новый Тукшум. Первое покупалось без крестьян, прежний владелец свез своих крепостных, а граф Орлов на освободившиеся 3 тыс. дес. перевел собственных 124 души мужского пола. Новый Тукшум был приобретен и с землей (7 тыс. дес.) и с крестьянами (122 двора, 670 чел.).

Вместе с землями, купленными в степном Заволжье и отсуженными по межевым тяжбам, о чем говорилось выше, владения В.Г.Орлова в Среднем Поволжье увеличились до 280 тыс. дес. По данным 7-й ревизии (1815), в Симбирской губернии ему принадлежало 13385 душ только мужского пола ³⁹.

По сравнению с уникальными по своим размерам самарскими владениями братьев Орловых не очень значительно выглядит даже большое Шигонское имение, отмежеванное в 1806 г. из Новодевиченской волости незаконнорожденным детям Федора Григорьевича

Орлова. А здесь насчитывалось более 2 тыс. крепостных, земли 12,7 тыс. дес., в том числе 6,2 тыс. дес. пашни ⁴⁰.

Вблизи Самарской Луки крупнейшим после орловских вотчин являлось имение братьев В.И. и Ф.И. Левашовых: село Маза, сельцо Горбуновка, деревни Муренка и Климовка, — 719 крестьянских дворов, 4,5 тыс. крепостных, до 13 тыс. дес. пашни и сенных покосов. А расположенная недалеко земельная дача села Суринского с деревнями Белый Ключ и Доможировка была примечательна тем, что ее владельцами одновременно выступали 20 помещиков и 4 категории государственных крестьян. Как правило, в таких случаях внутреннее пространство дачи делилось чересполосно в соответствии с количеством ревизских душ каждого владельца. Половина помещиков в данном селе с деревнями имела всего от 1 до 4 дворов, треть 6-12 дворов, и лишь у троих числилось 39-45 дворов ⁴¹.

Внутри таких разнопоместных дач встречались и довольно значительные доли крупных землевладельцев, владевших имениями и в других местах. В 20 верстах от Сызрани располагалась дача села Репьевки с деревнями Ратовкой, Матруниной и Васильевкой. Из 425 дворов и 3 тыс. крепостных, принадлежащих здесь 14 помещикам, на долю статского советника В.Б. Бестужева приходилось 166 дворов и 1,1 тыс. крестьян. Фамилию Бестужевых носили еще трое владельцев, да и среди остальных были такие, кто состоял в разных степенях родства и свойства. В соседнем Сенгилеевском уезде уже одному В.Б. Бестужеву принадлежала деревня Старый Тукшум: 190 дворов, 1,1 тыс. жителей, до 5 тысяч десятин пашни и покосов. На другом берегу Волги им же были поселены деревни Бестужевка и Якобьевка, в которых находилось 30 дворов и более 200 крестьян ⁴².

В сравнительно более поздних поселениях волжского левобережья «дворянские гнезда» еще не успели так расплодиться и переродниться, как в Сызранском и Сенгилеевском уездах. Большой разнопоместной чересполосицы здесь не наблюдалось. Так, ближайшими соседями борковского имения Орловых были два владельца деревни Зеленовки, где Д.В. Чирикова имела 11, а В.С. Милькович 60 дворов, пашни на двоих 1,2 тыс. дес. Сельцо Федоровка у берега Волги и село Новый Буян с деревнями Сергеевкой и Николаевкой принадлежали Е.А. и С.Г. Мельгуновым: 179 дворов всего, крепостных 2,5 тыс. чел., всей земли 18,5 тыс. дес., в том числе пашни 2,7 тыс. дес. ⁴³

Постепенно возникали крупные имения на востоке и на юге Самарского края. В Бузулукском уезде из 100 помещичьих семейств большинство владело от 100 до 500 душ крепостных. А у знаменитого и видного государственного деятеля Г.Р. Державина в этом уезде на землях, пожалованных его отцу и купленных им самим у башкир, в четырех селах и деревнях по реке Кутулуку насчитывалось около 900 крепостных. На северо-востоке Самарского уезда в 9 селениях помещика Зубова (Зубовка, Озерки, Краснояриха, Дмитриевка и др.) жило 2,5 тыс. крестьян. На юго-западе того же уезда в 5 селениях по Волге и Чагре помещика Самарина (Владимировка, Озерецкое, Спасское, Васильевское, Аннино) — до 4 тыс. чел. ⁴⁴

Центром административной и хозяйственной жизни вотчины выступала барская усадьба, включавшая дом помещика и самые разнообразные постройки как жилого, так и производственного назначения. Их количество зависело прежде всего от богатства хозяина.

Не в каждом помещичьем селении ставились господские дома, и не во всяком таком доме действительно жил помещик. Иногда их занимали под жилье приказчиков, управляющих, вотчинные конторы, и лишь изредка хозяин, проживавший в городе или другом своем поместье, приезжал и останавливался в своей отдаленной усадьбе. Так поступали, как правило, богатые дворяне, особенно находившиеся на государственной службе. Помещичья мелкота, отставные чиновники и офицеры, наоборот, более охотно оседали по своим селам, изредка свершая вояжи в «общество».

В разнопоместных земельных дачах складывалась любопытная картина, напоминающая скорее не дворянское «гнездо», а «улей». В сельце Троицком на реке Рачейке в Сызранском уезде, где 69 крестьянских дворов принадлежали 17 владельцам, стояло «девить домов господских, деревянные, средственной архитектуры». В селе Ивашевке того же уезда на речке Малый Тишерек имелось «господских домов четыре, деревянные, посредственной архитектуры»⁴⁵.

Проявлялась и разница в имущественном положении совладельцев подобных сел. В упоминавшейся Репьевке, поделенной на 8 душевладельцев, было «господских 3 дома, один каменной средней архитектуры и при нем конного и рогатого скота заводы, и два деревянные простой архитектуры». Богатое кирпичное здание с примыкавшими постройками конюшен и скотного двора принадлежало В.Б.Бестужеву, два строения, напоминавшие крестьянские избы, его мелкопоместным соседям.

Каменные здания в помещичьих усадьбах Самарского края в начале XIX в. встречались весьма и весьма редко. Так, в Ставропольском уезде на 79 господских домов приходилось лишь два каменных, в Сызранском на 126 деревянных 5. В Самарском уезде было 76 деревянных помещичьих домов, и только в Екатериновке у Орловых-Чесменских имелся один «в двух корпусах каменной изрядной архитектуры об одних этажах... при них оранжерея с фруктовыми деревьями лимонными, абрикосовыми, дулевыми, вишневыми и сливовыми»⁴⁶.

Один из самых развитых усадебных комплексов располагался в Усолье. Каменного жилого строения, правда, здесь не было до 1817 г. Центром усадьбы выступал двухэтажный деревянный на каменном фундаменте дом о 16-ти комнатах. По левую сторону от него стоял флигель, где жил управитель, во флигеле по правую сторону находилась «застольная» и кухня, для снабжения которых рядом были вырыты три погреба и ледник, поставлен мучной амбар. Поблизости возвели дом, где размещалась школа для крепостных мальчиков. Недалеко от дома помещика топилась баня.

В обособленном деревянном здании действовала вотчинная контора. При ней возвышались двухэтажные каменные хозяйственные постройки под склад вещей, хранение денег и архива, караульное помещение и «заколотная» (вотчинная тюрьма); над каменными этажами в мансарде-«светелке» — жилое помещение «для холостых хорошего поведения конторских писарей».

В специально приспособленных помещениях располагались столярная и чертежная, соединявшиеся чуланом, который использовался для хранения сала. Старую деревянную «заколотную» напротив конторы переставили на конный двор и приспособили для жилья конюхам. На том дворе имелась конюшня для верховых и выездных лошадей, сарай для рабочих лошадей, «каретник», другие подсобные постройки.

Для дворовых людей выстроили около 25 изб в двух слободках при усадьбе. На усадьбе и вне ее также стояли многочисленные амбары и сараи для разных хозяйственных нужд, помещения для содержания домашней живности, строения ткацкой фабрики, салотопни, мыловаренного завода, здания больницы⁴⁷.

Уже сам перечень построек дает общее представление о значении Усольской усадьбы как центра крупного землевладения. Административно-управленческие функции выступали на первый план, так как Орлов лично бывал здесь очень редко, поручив ведение дел доверенным людям, как из помещиков, так и из своих крепостных. Устройство вотчинной конторы напоминало государственные учреждения, она подчинялась «вышестоящему органу» — домово́й конторе графа в Москве. Четко распределялись обязанности среди служащих вотчинной конторы, были введены строгие правила делопроизводства, финансовой и материальной отчетности. Родимые пятна любых бюрократических учреждений в виде взяток, казнокрадства, волокиты, произвола чиновников занимали здесь положенное место, невзирая ни на какие строгости.

Дворовый штат Усольской вотчины составлял более 200 человек, а с учетом жен, вдов, и других членов семей служителей графа — и того больше. В штат включались служащие конторы (управитель, конторщик, «расходчики»-кассиры, писари и т.д.), учащиеся вотчинной школы — будущие грамотные слуги, повара и стряпухи, мастера (кузнецы, столяры, сапожники, шорники и др.) и их ученики, скотники и птичники, медицинский персонал при больнице, а также прочая прислуга, просто престарелые и больные дворовые, получавшие «пенсион» от графа. Контора располагала собственной полицией с огнестрельным оружием, а поэтому называвшейся «ружейниками». У господского дома и конторы всегда стояли караульные с ружьями. Граф имел служителей не только в Усолье, но и в других селах вотчины. Это были начальники и работники на господских мельницах (писари, мельники, засыпщики), смотрители при других господских работах, приказчики, сельские писари-«земские».

Конечно, другим помещикам Самарского края, даже богатым, было не по карману иметь такие усадебные комплексы и столько дворни, как Орловым. Тем не менее даже самые мелкие землевладельцы не могли обойтись без хозяйственных построек при усадебных домах и без дворовых слуг.

Положение дворовых людей трудно оценить однозначно. С одной стороны, из дворни выходили лица, приближенные к хозяевам вотчин, поставленные над односельчанами. С другой, основная ее часть не имела собственного хозяйства и даже минимума экономической самостоятельности, испытывала наиболее жесткую зависимость от помещиков и их управителей, была низведена до положения абсолютно бесправных барских холопов.

Костяк населения, чьим трудом обеспечивались и богатства помещиков, и содержание дворовых, составляло в крепостной российской деревне крестьянство. На крестьян-землепашцев возлагались натуральные и денежные повинности в пользу владельцев. Помещики же отвечали за сбор с них государственных повинностей и податей. Екатерина II своим законодательством придала крепостной зависимости крестьян самые жестокие формы. «...В жалованной грамоте дворянству 1765 г., перечисляя личные и имущественные права сословия, она также не выделила крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества, т.е. молчаливо признала их составной частью сельскохозяйственного помещичьего инвентаря», — отмечал В.О.Ключевский ⁴⁸.

Произвол помещика мог поставить крестьян на грань полного разорения. В Новом Тукшуме помещик Плещеев, который «был богат..., но все прожил», решил поправить свои дела за счет непомерной эксплуатации крестьян на барщине. 142 «тягла»-крестьянские семьи обрабатывали в господских полях 845 десятин и «от сей тягостной работы не имели для себя свободных дней». Даже помещики-соседи Плещеева признавали, что его крестьяне оказались «изнурены довольно». При этом в вотчинные дела Плещеева никто, конечно, не вмешивался, пока тот, запутавшись в долгах, не был вынужден продать свое имение в 1801 г. Новому владельцу В.Г.Орлову крестьяне пожаловались на то, что «Плещеев многих крестьян обобрал под видом займа и не отдает», а также обвинили в присвоении церковных денег. Но прежний хозяин Нового Тукшума, который орловскими служителями характеризовался как «крайне человек неверной и лживой», заявил, «что он у тукшумских крестьян брал не в долг, а по принадлежности ему». Закон не предусматривал возможности иска по норме помещичьих поборов даже к бывшему владельцу, а потому поверенный графа Орлова этот долг «приказал предать забвению» ⁴⁹.

Способ хозяйствования Плещеева почитался образцом «непорядочного правления» теми помещиками, которые хотели выступить в роли рачительных, дальновидных хозяев. Сами они старались найти такую норму эксплуатации, которая приносила бы высокие доходы, но не разоряла крепостных. В.Г.Орлов наставлял своего управляющего: «Грешно отягощать подданных излишнею работою, да и на сие никогда воли моей не было...

Повторяю тебе иметь благосостояние их на сердце. Польза моя, без соблюдения сего, более горька будет для меня, нежели сладка»⁵⁰.

С точки зрения этих помещиков не «тягостными» для крестьян считались, например, порядки у В.Б.Бестужева в Старом Тукшуме. Из 200 здешних «тягол» 116 обрабатывали 200 дес. господской пашни в яровом и столько же в озимом полях по 3 дня в неделю. 84 «тягла» направлялись в Репьевку на возку дров для хозяйского винокуренного завода, заготовку сена для конного завода, производство кирпича. Теми же работами занимались и репьевские крестьяне Бестужева (100 «тягол»), которые обрабатывали еще 100 дес. пашни в каждом поле⁵¹.

Трехдневная барщина преобладала и в других имениях, где основной повинностью крестьян были отработки. В отличие от бестужевских вотчин, где натуральных «сборов с крестьян нет никаких, равно и с женок», большинство помещиков дополняли барщину другими поборами и повинностями. В Зеленовке у В.С.Мильковича «с тягла сбор: баран 1, курица 1, яиц 20», крестьянкам раздавалась господская пряжа, из которой они ткали холст: «дается 7 фунтов... получают 15 аршин». В некоторых поместьях сукно и холст собирались «без дачи господской кудели и шерсти», столовые запасы взимались не по установленной норме, а «по надобности, сколько разойдется при господском доме»⁵².

Основная тяжесть отработок приходилась на производство продукции, имевшей товарное значение, прежде всего полеводческой. Доходными могли быть и такие статьи, как животноводство, рыболовство, лесозаготовки. Например, в Зеленовке крестьяне заготавливали «дрова и лес в продажу на господина до немалого количества». В усольской вотчине В.Г.Орлова за 1804 г. получили общего дохода 200 тыс.руб., из них от продажи господского зерна 51 тыс., ржаной муки 72,5 тыс., мыла и свечей 17 тыс., рыбы 9,5 тыс., деревянных изделий 0,5 тысяч рублей. Оброку же было собрано деньгами и столовым запасом на 31 тыс.руб.⁵³

Полевая барщина не сводилась только к тому, что крестьяне своим скотом и инвентарем должны были вырастить и собрать урожай на барском поле. Они же вывозили «после жнитвы... с полей хлеб», «вели во всю зиму молотьбу», со своими подводами отряжались «на своз хлеба проданного» к хлебным пристаням и винокуренным заводам. В больших имениях типа орловского и бестужевского для обмолота употреблялись специальные машины на конном приводе. Использовать и здесь крестьянских лошадей «по очереди» не удалось, так как нужны были не сменные, а прирученные животные, которых пришлось покупать за господский счет⁵⁴.

Как на крестьянских наделах, так и на барских полях обработка велась самыми традиционными методами, без каких-либо усовершенствований. Помещики получали больше товарного хлеба не «через удобрения полей» и «превосходство урожаев», а простым увеличением нормы господской запашки «на тягло». В таких условиях не приходилось ожидать соблюдения помещиком даже им самим установленной меры эксплуатации крестьянского труда.

В 1803 г. В.Г.Орлов писал: «Доходят до меня прискорбные слухи с разных сторон, что крестьяне от многой работы на господина обеднели». Год спустя его сын передал отцу разговор с крестьянами-отходниками, пришедшими из Симбирской губернии в Петербург, которые сказали, что в Усолье «были мужики, да пришел на них гнев божий, разорил их управитель, много больно затей некстати... так обеднели, что вместо 180 тягол вряд и 90 могут выехать на пашню, ибо прочие без лошадей»⁵⁵.

Усольский управляющий попытался было возложить вину на самих крестьян, будто те «желая отбыть работ господских не пекутся о своем домоводстве, а сим приводят себя к разорению», а «паче всех» оказались «беспечными» жители Рождествена и окрестных селений: по своей лени забросили пашню ради лесных промыслов и поденной рабо-

ты, но и то, что зарабатывают, «проедают на калачах по перекресткам, пропивают и проигрывают». Последовал запрос графа, нет ли действительно в его владениях «крестьян щеголивых и слаسنоедивых и гульливых, больши празно, нежели работных». Отвечая на него, волостной правитель из Рождествена дворовый служитель И.Марзавин не смог удержаться от горькой иронии: «В Самаре, однако, пьяных и праздношатающихся по перекресткам и евших калачей запримечено мной не было. А тож о проигрышах на карты известного нет... Что касается до положения крестьян здешних мест щегольства и слаسنоедства, то оную статью... заподлинно утвердить могу. Первое. В щегольстве имевшего ими платья оным должно быть все одинаковы, и мало заприметить у кого было переменное платье из состоящего сермяжного сукна... даже и к празднику. Кроме того в чем на работу, в том и в праздник. А у многих семейств происходит и то, что один, надевши на себя в нонешнее время два или три кавтана без шубы выходит на работы. А протчия оной семьи, особливо женщины, принужденными находятца сидеть в домах. А у коих хоша и есть, то не больши как одного кавтана сермяжного сукна или оренбургского верблюжяго армяка или овчиннаго тулупа, и то у лутчих и весьма мало. А что из цветных кавтанов и чего другаго и отнюдь не видитца. А о сластоедении их заподлинно знать не можно, но в разсуждении... недородов едва ли кто из конных и семейных накашивает для своего пропитания вдовольствии годовой препорции аржанаго хлеба... А к тому и скотоводства многие не имеют, а кои и имеют, но весьма мало. А потому и пища их должна быть весьма недостаточна»⁵⁶.

В 1805 г. Орлов сместил управляющего и отменил барщину в самарских владениях. На сходах крестьяне приняли мирские приговоры с обязательством платить оброк по 10 руб. в год с души мужского пола без недоимок, дважды, в марте и декабре: «За сей оброк будем всегда благодарны. О сбавке просить не станем. Ежели мы оброку платить не станем сполна, то продать нас или положить снова на пашню». Сверх оброка они должны были оплачивать содержание дворовых и должностных лиц вотчинной администрации, бесплатно возить дрова для господского дома, конторы, жилищ дворовых, безвозмездно пополнять столовый запас. Таким образом, отработки и натуральные сборы не отменялись полностью, а просто в перечне доходов отступали на задний план по сравнению с денежной рентой. В 1812 г. доходы с Усольской вотчины составили 250 тыс.руб., из них $\frac{1}{5}$ приходилось на различные денежные подати крестьян⁵⁷.

Переработка дешевого или просто дарового сельскохозяйственного сырья из собственного поместья трудом подневольных работников также давала дополнительные доходы, что вызывало появление вотчинных мануфактур. Эти предприятия оказывались не всегда жизнеспособными из-за нежелания помещиков вкладывать в них средства на покупку более совершенного оборудования, наем квалифицированных мастеров и т.п.

Показательна судьба подобного рода предприятий в Усолье. Там в 1800 г. были пущены небольшие салотопленный, мыловаренный и свечной заводы. Уже в 1802 г. поверенный Орлова указал на то, что для их содержания придется убавить норму господской запашки, «поэтому надо сделать смету, лучше ли доход с заводов или от хлебопашества». Этот непростой для помещика вопрос «разрешил» пожар на салотопне, по поводу которого граф писал в 1803 г.: «С сего часа не хочу больше торговать ни салом, ни мылом; продадим которое есть, а вновь отнюдь не покупать. Я и без несчастья хотел сей промысел оставить, огонь намерение мое ускорил»⁵⁸. Примерно тогда же сгорела ткацкая фабрика, прекратилась трехлетняя работа чугуноплавильной домны, граф отказался от предложений завести кожевенное и поташное производство, возобновить существовавший в его вотчине до 1797 г. винокуренный завод⁵⁹.

Ликвидация Усольских мануфактур не случайно почти совпала по времени с переводом тамошних крестьян на оброк. Крепостная промышленность, как правило, разви-

валась в барщинных имениях. Правда, позже вновь начали работать в Усолье полотняная и суконная фабрики. Но предприятия эти были заведомо убыточными. Их устроили в основном для того, чтобы занять делом дворовых девок и побудить их к выходу замуж. Ни крестьянок, ни семейных на них не заставляли работать. Граф писал управляющему: «Похваляю... относительно суконной фабрики, что она будет причиною ста свадьбам в вотчинах моих; и с сей стороны фабрика суконная полезна. Пусть выходят замуж все и не платят штрафу, тем лучше для них и для меня»⁶⁰.

В этих рассуждениях отчетливо проявляется помещичье понимание главной своей выгоды, которая заключается не в предпринимательской деятельности, а в увеличении числа крепостных подданных и крестьянских семей-«тягол». Фабричные работы усугубляли систему штрафов для неженатых и незамужних, которая существовала в Усольской вотчине. На увеличение браков и рождаемости были направлены и другие меры, например, снижение традиционного для народов Поволжья выкупа за невесту «не более как по 5 рублей»⁶¹.

У отдельных помещиков края вотчинная мануфактура получила более постоянный характер. Винокуренные заводы в конце XVIII—начале XIX вв. имелись у Мельгунова в Новом Буяне (100 тыс. ведер водки в год), Бестужева в Репьевке (60 тыс. ведер), Державина в Смоленском (25 тыс. ведер), Самарина в Васильевке, что ныне райцентр Приволжье (2,5 тыс. ведер). Крестьянам приходилось полностью обеспечивать своим трудом «весь завод и все обстройки, какие встретятся, и на всю препорцию наготовливать бочки». Сырье для винокурения давала полевая барщина в собственных вотчинах, в том числе и удаленных от завода. Так, в Репьевку везли зерно из Старого Тукшума. Недостаток сырья возмещался покупками у соседей. На завод Мельгунова, например, поступал хлеб из ставропольских имений Н.А.Дурасова и других помещиков.

В 1807 г. в Подьячевке на речке Тукшум была устроена довольно крупная суконная фабрика, просуществовавшая более 100 лет. Для нее возвели каменные двухэтажные корпуса, завели чесальные, прядильные, ваточные, скаточные, щипанные, строгальные машины и ткацкие станы. Это оборудование приводилось в действие лошадьми или вручную⁶².

Повсеместно крепостных использовали на работах по возведению господских жилых и хозяйственных построек, по добыче и производству строительных материалов. В Усолье барщинных крестьян «после паровой пашни» определяли «к кирпичной работе», а также «в кладку каменной работы». Оброчные же крестьяне осуществляли перевозку сырья для обжига кирпичей. Крестьяне А.Г.Орлова-Чесменского также «кроме пашни делают кирпичу до немалого количества, ежегодно в течении двух лет сложили 2 пары кирпичных риг в Кануевке и в Катериновке дом со всею принадлежностью и погребями, в Новодевичьем купеческие лавки одними тягловыми без найма». У Чесменского, как и у других помещиков, имеющих во владении сырье, крепостные «бьют известку и алебастр». Что касается плотницких работ на барина, то их крестьяне выполняли практически во всех имениях.

Помимо крестьянских оброков и отработок доходными статьями бюджета крупных землевладельцев являлись сдача в аренду угодий и построек разного назначения, а также заклад крепостных душ. В Новодевичьем, известном своей пристанью и ярмаркой, были выстроены упомянутые выше торговые лавки, а также амбары «в шести линиях числом восемьдесят девять», которые снимались купцами⁶³. В вотчине В.Г.Орлова в 1804 г. за аренду 5 мельниц, 9 рыбных ловель по Волге и Усе, покосов и пашен было получено 9 тыс.руб., а в 1812 г. за 16 мельниц и 7 рыбных ловель доходы от аренды составили более 47 тыс.руб. В Московском опекуновском совете было заложено В.Г.Орловым 16192 души мужского пола, А.А.Орловой-Чесменской 9000 душ, в том числе и крепостные их владений под Самарой.

За каждую ревизскую душу было получено по 70 руб. займа. Деньги эти, пущенные в оборот, приносили помещикам немалые доходы, проценты же по долгу оплачивались трудом крестьян.

Крестьяне пытались уменьшить тяжесть барских податей и работ разными путями: подачей жалоб и челобитных владельцу, отказом выполнять увеличенные сверх обычного уровня повинности, требованиями повышенной оплаты разного рода дополнительных трудов в господском хозяйстве. Крестьянские миры в этих случаях вели себя, с точки зрения помещиков, весьма дерзко. Г.В.Орлов писал в 1809 г. отцу о ситуации в одном из ставропольских имений: «Я мужиками крайне недоволен и кому я не сказывал, все надивиться не могли безстыдному их требованию. В Симбирске на базаре продают сена по 4, а много по 5 коп. пуд, а они с меня требуют по 15 коп. за только, чтобы на моих лугах скосить, и по 5 за солому, каковой цены не слыхано... Я уговаривал их спустить, но они не согласны». Не подействовала даже угроза перевести их на барщину ⁶⁴.

Наряду с тяготами натуральных и денежных повинностей крестьянам постоянно приходилось испытывать собственное бесправие, произвол владельцев и вотчинной администрации; тяжелые наказания часто становились побудительным толчком к побегам. В 1801 г. крепостные братьев Орловых жаловались на жестокость управителя Неустроева, указывая, что многие крестьяне и дворовые бежали от его «неумеренных строгостей». Дело доходило до того, что другой управитель Орловых укрывал в подведомственных ему селах беглых от Неустроева и не выдавал их, «дабы не подвергнуть» преследованиям ⁶⁵.

В 1805 г. управляющий Усольской вотчиной приказал сурово наказывать розгами крестьян, не выполнивших за неимением скота уроки по запашке озимых. Другие служители отказались свершать экзекуцию и предупредили помещика, что чрезмерные требования и расправы могут побудить крепостных к бегству, да к тому же тем «бесславится» имя владельца. Действительно, в Самаре общее сочувствие было явно на стороне преследуемых. Даже городничий высказал удивление тем, что наказанию собираются подвергнуть бедняков, и без того оказавшихся в трудном положении, «кои навсегда в Самаре, под окошками стоя купецких и других домов, просят милостины» ⁶⁶.

К побегам толкали и время от времени разносившиеся слухи о даровании свободы переселенцам в отдаленные места. Так, в 1801 г. многих помещичьих крестьян средневожских вотчин «смутили» армянские купцы, будто бы получившие привилегии приема всех желающих на свои рыбные ловли в низовьях Волги. Правда, иногда подобные слухи имели под собой некоторые основания. В том же году в Астрахани было разрешено бежавших сюда ранее и уже поселившихся бывших крепостных не возвращать владельцам, а давать последним за них рекрутские квитанции. То есть беглеца-переселенца засчитывали помещику в счет будущего рекрутского набора. Крупные душевладельцы и сами не очень стремились непременно возвращать беспокойных и глотнувших воли беглецов на прежние места жительства. Поверенный В.Г.Орлова, отправленный на поиски бежавших, получил инструкцию «беглых годных отдавать в рекруты и на поселение, а негодных в Томск на работу» ⁶⁷.

Беглецов привлекали волжские города, где они пытались раствориться в массе работников, нанимавшихся на суда в бурлацкие артели и рыбацкие ватаги. Из 81 человека, числившегося в бегах из вотчин В.Г.Орлова на сентябрь 1801 г., «в Саратове поймано» более 20, «а также в Волском, Сызране и Самаре» еще несколько человек. А совсем отчаянные головы, как и в прежние времена, сбивались в разбойничьи станицы, прятаясь на Самарской Луке. В 1804 г. усольский управляющий с тревогой сообщал, что среди объявившихся разбойников есть «отдаточные от нас рекруты, в том числе и ружейник, который искал случая погубить меня» ⁶⁸.

Укрепившаяся в результате екатерининских реформ государственная власть на местах, осторожность многих помещиков, помнивших уроки Пугачевщины, несколько

пригасили искры социальных конфликтов, не давали им разгореться в пожары больших мятежей. Но слишком расходились интересы обитателей усадеб и рядовых деревенских жителей, чтобы превратить крепостную деревню в России, а с ней всю страну в обитель мира и спокойствия.

НАЧАЛА ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ПОПЕЧЕНИЕ О ЗДРАВЬИ

XVIII столетие и начало XIX часто именуются «Веком Просвещения». Под Просвещением лучшие умы той эпохи понимали не просто развитие образования, но и освобождение с помощью обучения и воспитания человеческого разума от средневековых догм и суеверий¹. Вера в безграничные возможности науки и разума воздействовать на природу, общество, человека породила во многих странах в том числе и в России, целое просветительское мировоззрение. Даже верховная власть пыталась осенить себя ореолом «просвещенного абсолютизма». Традиции, заложенные русскими просветителями, продолжали жить и развиваться в изменяющихся исторических условиях предреформенных десятилетий первой половины XIX века.

Отдаленный Самарский край, не отличавшийся высоким уровнем хозяйственной и общественной жизни, представлял не очень благоприятную среду для развития культурных процессов. Однако и его коснулись свежие идеи и дела «эпохи Просвещения». С нашим краем связаны важные эпизоды государственной деятельности И.К.Кирилова и В.Н.Татищева. Обер-секретарь Сената И.К.Кирилов, крупный ученый своего времени (экономист, статистик, географ, картограф), явился инициатором Оренбургской экспедиции. С приездом его в Самару город стал не только военным и административным штабом экспедиции, но и центром научных изысканий, которые также входили в число ее задач. Исследования вели инженеры, геодезисты, медики, переводчики и другие специалисты. Среди них выдающийся ученый-самоучка П.И.Рычков, связавший с Заволжьем и Приуральем всю свою жизнь. И даже после переезда со штатом экспедиции в Оренбург П.И.Рычков не раз бывал в Самаре, хорошо знал город, его ближние и дальние окрестности, рассказывая о них в своих сочинениях по истории, географии, экономике. За эти труды он был первым удостоен почетного звания члена-корреспондента Петербургской Академии наук.

Наиболее яркой страницей в культурной жизни Самарского края XVIII века стало двухлетнее пребывание здесь одного из самых просвещенных людей эпохи, замечательного русского ученого-энциклопедиста В.Н.Татищева. Он возглавил Оренбургскую экспедицию в 1737 г. после смерти И.К.Кирилова. Став фактически наместником огромного малообжитого края, не оставлял научных исследований. Некоторые из них соприкасались с его поручениями по гражданскому и военному управлению: были осуществлены описание и картографирование Самарской Луки, волжских берегов и других территорий. Но интересы ученого выходили за узкие рамки практических задач. В самарский период Татищев работает над «Общим географическим описанием Сибири», обосновывает «Предложение о сочинении истории и географии» - анкету из 198 вопросов по географии, экономике, истории, этнографии и начинает рассылать ее по городам страны. Большое внимание уделяет изучению истории и языков народов Поволжья. В Самаре при Татищеве был составлен «Российско-калмыцко-татарский словарь», существовала татарско-кал-

мыцкая школа переводчиков, которую возглавляли опытные знатоки восточных языков Иван Ерофеев и Махмуд Абдурахманов. Не оставлял Татищев и занятия своей любимой историей. В Самаре он закончил подготовку к публикации Судебника Ивана Грозного и значительной части своего самого главного и знаменитого труда «Истории Российской».

Среди административных построек и служб экспедиции в Самаре находились госпиталь, аптека с «огородом» лекарственных трав и лабораторией. Определение об их устройстве Татищев подписал 11 сентября 1737 г.², но дело стало за опытным доктором. В октябре Татищев уволил из штата экспедиции ботаника Эйсельмана, который оказался «в делах неспособен». Вместо него, считал Татищев, будет нужнее «доктор медицины или химии». Хорошего врача для экспедиции нашли в лице Я.Грива, англичанина, которого Татищев очень ценил и просил в 1740 г. отпустить с ним из Самары в Астрахань. Но Самару Грив покинул только спустя два года, получив место главного доктора в Петербургском сухопутном госпитале.

К сожалению, полезные для Самары начинания В.Н.Татищева не получили дальнейшего развития после постигшей его в 1739 г. опалы и отъезда из города руководства и специалистов экспедиции.

В середине—второй половине XVIII в. в Самаре не было ни учебных заведений, ни понимания их необходимости. В 1764 г. в ответ на указ о посылке купеческих детей на обучение за границу местное купечество заявило, что желающих воспользоваться такой возможностью никого нет³.

Научное изучение природы, жизни людей и истории Самарского края, начатое трудами В.Н.Татищева и П.И.Рычкова, продолжила академическая экспедиция, организованная по планам великого Михайлы Васильевича Ломоносова, отряды которой работали на территории края в 1768-69 гг. Их возглавляли молодые академики П.С.Паллас, впоследствии всемирно известный биолог, и И.И.Лепехин, выдающийся русский ученый-просветитель. Среди руководителей отрядов были опытный профессор И.П.Фальк и капитан Н.П.Рычков, сын П.И.Рычкова. С ними начинали свой путь в науку в качестве сотрудников экспедиции будущие знаменитые российские ученые Н.П.Соколов, Н.Я.Озерцовский, В.Ф.Зуев.

Лепехин путешествовал с конца августа до начала октября 1768 г. по северным районам Самарского края в междуречье Сока и Черемшана, а весной 1769 г. по правому берегу Волги. Отряд Палласа обосновался в самой Самаре. Будучи номинальным руководителем всех академических отрядов, посланных на восток страны, Паллас постарался выбрать наиболее интересный для ученого-натуралиста маршрут по тогда еще малотронутой человеком территории в окрестностях города Самары и в междуречье Самары и Кинеля. «Самарскую страну описали мне столь изрядную, что я полезнее почитал ожидать там весны, нежели долее медлить в Симбирске», — пояснил свое решение ученый, приехавший в Самару в начале марта 1769 г. Несколько раз покидал он город для дальних и ближних поездок, но окончательно уехал отсюда только 16 июня. Рассказ Палласа о природе нашего края — это прежде всего яркое повествование о ее весеннем пробуждении и бурном расцвете в начале лета: «В приятное весеннее время имел я... удобный случай осмотреть сию изрядную страну»⁴.

То, что маршруты нескольких отрядов академической экспедиции прошли через Самарский край, было связано не только с интересами научной общественности к его природе, полезным ископаемым, занятиям и быту населения. В прокладке маршрутов большую роль сыграл член семьи богатейших местных землевладельцев граф В.Г.Орлов, занимавший должность директора Академии Наук и лично заинтересованный в результатах ученых изысканий. Благодаря его поддержке, исследователи не имели недостатка в материальном обеспечении экспедиции, содействии местных властей, публикации научных отчетов. Особенно теплый прием их ждал во владениях Орловых.

А. Мещеринов писал: «3 господами тремя профессорами по волостям ездил и они, сколько можно, старались повеление ваше исполнить... При сем присылаю краткую о местах записку, а обстоятельнее господин Паллас намерен к вам писать из Самары и притом хотел отправить... ретких насекомых, кои словлены около Усолья и по другим волостям, а мне обещал прислать десять чучел разных птиц... Во время моей езды с ими, господами, в разсуждении ласкового их обхождения я был весьма доволен, уверен, что и они мною не недовольны, но трудно мне по полям за ними было ходить пешком, и так я с их позволения по большей части ездил в коляске». В.Г. Орлов отвечал: «Читав, как ты разъезжаешь с учеными, хотелось с вами тогда быть. Не могли иметь сего удовольствия, жду с нетерпением описания от господина Палласа и желаю, чтобы господа Фальк и Лепехин примечания свои ко мне прислали... Ежели они еще у тебя, то поклонися им от меня и скажи им, что я их всех в особливых письмах к ним за труды и старание в проезде чрес наши деревни благодарить буду»⁵.

Глава Российской Академии Наук приложил усилия по развитию образования и в своих крепостных вотчинах. В 1770 г. по его предложению крестьянские миры поволжских владений Орловых «согласились иметь училище на господском содержании; в Новодевичьем же не хотели», но вскоре и его жители «прислали депутатов с тем, что не только согласились, но и выбрали мальчиков для ученья»⁶. Это училище для детей дворовых и крестьян было устроено в Усолье и готовило прежде всего грамотных служащих для вотчинной администрации обширного орловского поместья. При необходимости часть из них получала не только общее, но и специальное образование. Так, в 1801 г. усольская контора заключила контракт с отставным землемером Д. Гавриловым, по которому тот «трех мальчиков обучил как по инструменту, так и в сочинении планов», за что получал в течение трех лет «столовый припас» и жалованье в размере 80 руб. в год.⁷

В 1825 г. учащихся Усольской школы насчитывалось 36 человек. Нелегко было найти опытных и добросовестных учителей. В 1799 г. по личным обстоятельствам из Усолья уехал учитель Подобедов, которого отпустили не без сожаления и по рекомендации управляющего одарили от имени графа серебряными часами «за старание и учение мальчиков». Управляющий доносил, что без Подобедова «не надеется быть хорошим успехам, ибо сын его только и знает, что при Подобедове выучил». В 1800 г. наняли «учителя отставного регистратора Алексея Соболева за 100 рублей в год, стол и квартира господское». Новый учитель «не хвалил» методику Подобедова и показался сначала «гораздо полезнее», но затем ударился в пьянство и был уволен. Соображения управляющего о том, что легче и дешевле найти ученого попа, были отклонены распоряжениями из Москвы, поскольку Усольское училище при В.Г. Орлове ориентировалось на светскую образованность, необходимую для делопроизводства. Даже еще не окончивших курс лучших школьников старались использовать в вотчинной конторе. Управляющего предупреждали о том, чтобы к простым дворовым службам «из училища отличившихся не брать»⁸.

После смерти В.Г. Орлова характер обучения в Усольской школе несколько изменился. С 1833 г. занятия в течение более сорока лет вел священник Сергей Преображенский, человек образованный, увлекавшийся историей родных мест и составивший по устным и письменным источникам летопись села Усолья. Своих учеников он обучал по модной тогда «ланкастерской системе» чтению, письму, закону божьему, арифметике, церковному пению, основам грамматики и географии. При посредничестве Преображенского новый владелец В.П. Орлов-Давыдов и крестьяне договорились о переводе школы на мирское содержание. На крестьянские же средства в Усолье началось обучение грамоте девочек. Возникали школы и в других помещичьих селах. С 1840 г. действовало училище в Жигулях. В 1850 г. в Рождествене и Новинках «учреждены училища для обучения грамоте крестьянских детей», через девять лет насчитывавшие соответственно 33 и 25 учеников⁹.

Заботу о развитии грамотности проявляло и удельное ведомство, представлявшее владельческие интересы императорской фамилии. В первой половине XIX в. «в каждом удельном имении “при управлениях-приказах” устроили сельские училища. «По части учебной, нравственной и хозяйственной управляет училищем учитель под ведением местного Приказа. Число учеников... простирается до 50 мальчиков и 10 девочек»¹⁰. Предметами обучения являлись чтение книг церковной, гражданской печати и рукописей, чистописание, четыре арифметических действия с употреблением счетов, а также Закон Божий, который преподавал священник. В соответствии с такой практикой удельные училища были устроены в бывших владениях графини А.А.Орловой-Чесменской, проданных ею в 1840-е годы в удел. В Переволоках под школу отвели одну из изб на прежнем господском дворе. Училище в Новодевичьем вначале занимало один этаж бывшего дома управляющего, но к декабрю 1852 г. собрали средства для строительства специального школьного здания, возведенного два года спустя¹¹.

Из всех городов края во второй половине XVIII в. учебные заведения имелись только в Ставрополе. В 1738 г. здесь была построена школа «для обучения солдатских детей калмыцкому и российскому языкам и арифметике». В ней по штату полагалось иметь 35 учеников, а в 1760 г. их число увеличилось до 50-ти. «На содержание сей школы, учителей, на жалованье ученикам и протчия расходы было положено суммы 620 рублей, кроме провианту для учеников». В 1776 г. в городе открылась вторая школа — гарнизонная. Спустя год там же была выстроена «больница для калмык», единственный тогда лечебный стационар в городах Самарского края¹².

В XIX столетии появляются первые городские учебные заведения в Самаре. Средства на строительство зданий приходского и уездного училищ (1824) пожертвовала здешняя помещица Е.А.Путилова, урожденная Богданова¹³.

Дворяне и чиновники Самары, владельцы здешних поместий и в XVIII веке, и в первой половине XIX предпочитали давать своим детям домашнее образование, отправляли их в пансионы, гимназии, университеты столичных городов и Казани. Попытка завести в самой Самаре пансион для девочек оказалась неудачной.

Из среды местного дворянства выходили не только люди образованные, но и лично внесшие огромный вклад в русскую культуру. Достаточно назвать имена выдающихся поэтов Г.Р.Державина и И.И.Дмитриева, чудесного писателя С.Т.Аксакова, снискавших известность также на государственной службе и общественном поприще. Особенно интересны для истории нашего края зарисовки помещичьего и народного быта, природы и хозяйственной деятельности в произведениях С.Т.Аксакова «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и других. На рубеже 40-50-х гг. XIX в. в Самаре служили молодыми чиновниками известный впоследствии историк академик П.П.Пекарский и видный общественный деятель, литератор Н.В.Шелгунов.

На фоне этих ярких имен несколько теряется личность Ивана Алексеевича Второва, примечательная тем, что это был первый русский писатель, непосредственно живший и работавший в Самаре. Родился Второв в 1772 г. в Ласкаревке (ныне Борского района). Мать его происходила из самарских помещиков Пяткиных, отец был канцелярским служителем, не оставившим рано осиротевшему сыну ни состояния, ни дворянского звания, но успевшим обучить его грамоте. С шести (!) лет молодой Второв, по его собственным воспоминаниям, зарабатывает на жизнь учителем русской грамоты в татарской школе, а через четыре года начинает чиновничью службу в только что открывшемся Самарском уездном суде. О систематическом образовании не было и речи. «Склонность моя к наукам (то есть к образованию, чтению книг), — признавался он, — с десятилетнего возраста была непреодолима. Я читал с жадностью всякие книги, какие мне тогда ни попадались и даже сам собою выучился рисовать»¹⁴.

Благодаря самообразованию, знакомству и дружбе с представителями еще немногочисленной культурной среды губернских городов Симбирска и Казани, Иван Второв сам начинает пробовать себя в литературном труде. В 1798-1800 гг. несколько его стихотворных и прозаических опытов печатаются в столичных журналах. Сейчас они интересны разве что историку литературы, но вот неопубликованный дневник Второва, начатый с 1792 г., сохранил ценные свидетельства о нравственных и общественных исканиях его эпохи, о культурных процессах в провинции и столицах, о многочисленных знакомых автора, а в числе последних были и И.И.Дмитриев, и Н.М.Карамзин, и А.С.Пушкин.

Второв составил хорошую библиотеку, частью из книг, купленных в ходе поездок, а частью приобретенных в Самаре. Книготорговля в ней, как и в других российских городах, была делом не очень прибыльным, зато довольно беспокойным. В 1790-е гг., после выхода в свет «Путешествия» А.Н.Радищева и ареста его автора, расправы с книгоиздателем Н.И.Новиковым, запрета тираноборческой трагедии Я.Б.Княжнина «Вадим», правительством вводится жесткая цензура, не без выгоды обернувшаяся для уездных взяточников. Купец Пономарев, торговавший тогда книгами в Самаре, не мог свободно выставить даже незапрещенные издания из-за корыстолюбия духовных чинов, требовавших мзды за разрешение на их продажу. Второву в 1794 г. пришлось вступить за книготорговца, которому досаждали «цензоры»-вымогатели. Второв «не только сам, для своей библиотеки, подписывался на все журналы, петербургские и московские, но для распространения их составлял компании из своих знакомых... которых он неоднократно просит для вербовки охотников на чтение периодических изданий. В одной из таких компаний, устроенной в Самаре, Второв лично принимал деятельное участие; здесь было положено прочитанные книги по окончании года жертвовать в библиотеку уездного училища»¹⁵.

Когда в 1835 г. уже стариком Второв покидает Самару и переезжает в Казань, ближе к сыну-студенту, больше всего хлопот причиняет упаковка и перевозка книг, требовавших отдельной комнаты»¹⁶. В Казани Второв и почил в 1844 году...

В XVIII столетии составной частью государственной политики становится «охранение здоровья народного». К существовавшим и прежде монастырским больницам, придворным аптекам и врачам, военным лекарям и госпиталям прибавляются аналогичные общедоступные гражданские службы. В последней четверти века начала создаваться единая во всех губерниях система медицинской помощи населению. «Каждая губерния должна была содержать доктора, а уезд — лекаря»¹⁷. Докторами в России того времени на-зывали лишь тех врачей, кто имел ученую степень.

Развитие здравоохранения в России сдерживалось нехваткой медицинских работников различной квалификации, поэтому широко использовались врачи-иностранцы, которые охотно ехали в Россию за богатой практикой и высокими заработками. Некоторые из них постепенно натурализовались на новой родине. Уездным лекарем в Самаре в конце XVIII в. служил немец Баумгартен. Он был женат на русской, «книг русских не читал, но говорить по-русски и писать кое-как умел», любил побеседовать с людьми образованными о своих любимых писателях, из которых двое, Гете и Геллерт, были известны в переводах местной читающей публике¹⁸.

Серьезным недостатком системы государственного здравоохранения было то, что она создавалась в расчете на оказание помощи в основном городским жителям, составляющим подавляющее меньшинство среди населения страны. Только в случае эпидемий губернские власти и уездные медики выезжали в сельские районы. Во второй половине XVIII в. забота о «народном здравии» становится не только государственным, но и общественным делом. В стране открываются больницы, заведенные на частные средства.

Братья Орловы, богатейшие землевладельцы здешних мест, не чуждались как передовых веяний «эпохи просвещения», так и естественного человеческого участия и благотворительности. Около 20 лет (1771-92), до самой смерти содержал «гошпиталь для бедных» в своей симбирской вотчине И.Г.Орлов, затратив на него более 20 тыс. рублей. Примерно в те же годы были заведены больницы в неразделенном имении Орловых на Самарской Луке в селах Новодевичьем и Усолье. Для сравнения укажем, что первая государственная больница для гражданского населения появилась в Петербурге лишь в 1779 г., а в губернских городах они открывались начиная с 1780-х гг. После «полюбовного раздела» между братьями Усолье вместе с заботами о здешней больнице досталось В.Г.Орлову. Для нее продолжали исправно закупать лекарства в Москве. Часть лекарств изготавливал лекарь, работавший в больнице. В обязанности последнего входили и поездки по селениям вотчины¹⁹.

Осенью 1799 г. из Усолья пришли тревожные сообщения, что «больных по вотчине людей много кашлем и головою». Именно в это время из Сибири до Поволжья докатилась волна мощной пандемии гриппа, охватившего в 1798-1800 гг. Китай, Россию, Западную Европу. От «поветрия»-эпидемии пострадало множество жителей не только Усолья, но и других селений, почему и был «отправлен туда лекарь» Лебедев. Квалифицированная помощь врача, наличие стационара для тяжелых больных, запас необходимых медикаментов помогли избежать особо опасных осложнений болезни. Через некоторое время «Лебедев из волости возвратился, донес, что больных стало уменьшаться; а в Усолье больные стали выздоравливать». Был зафиксирован только один смертельный случай, эпидемию удалось пережить с малыми потерями²⁰. В больших городах в это время грипп уносил ежедневно до 20-30 жизней.

В 1802 г. Лебедев в Усолье уже не работал. В больнице не оказалось ни лекаря, ни «подлекаря»-фельдшера. Когда летом «в Валах оказалось много больных ребят горлом», пришлось послать туда «мальчика лекарского», то есть дворового человека, помогавшего Лебедеву и кое-чему от него научившегося. Управляющий не раз напоминал графу «о лекаре, который очень нужен»²¹. Были сделаны распоряжения «об отдаче в ученье 2 мальчиков лекарской науке»²². Ждать пока выучатся на лекарей свои крепостные требовалось долго, а нанять опытного лекаря все не удавалось. В ходе поисков выяснилось, что легче найти врача не в России, а за границей. В 1804 г. Г.В.Орлов, сын хозяина Усолья, заключил в Вене договор с лекарем Гетте, согласившемся отправиться на Волгу. Австрийский медик обязывался «лечить всех вольных из деревень графских и из дому господского», а «в случае надобности по больным ездить по вотчине». Под его начало поступала больница. При ней он должен был завести аптеку, куда «собирать все травы и коренья, кои можно иметь в той стране»²³.

В помощь Гетте по больнице и другим лечебным обязанностям предоставлялось 4 крепостных мальчика, которых он должен был обучать своему ремеслу. Лекарю были положены 1000 рублей годового жалованья и квартира при больнице. Для усольской практики Гетте купил на средства графа «разных инструментов и книг медицинских» на 362 рубля²⁴.

Приобрели двух крепостных юношей у симбирского аптекаря, обученных тем фармацевтике и медицине. За подлекарей заплатили 2,5 тыс. рублей, или в 15-20 раз больше обычной цены за молодых дворовых слуг. Предварительный экзамен устроил губернский врач, оставшийся довольным их познаниями. Венского лекаря встретили в Усолье вполне квалифицированные помощники в лице подлекарей братьев С.И. и Ф.И.Хомутовых, ярких представителей русской крепостной интеллигенции.

Еще до появления Гетте в Усолье В.Г.Орлов обсуждал возможность прививки малолетним детям оспы в переписке со своим управляющим. Просвещенный вельможа,

воспитанник Лейпцигского университета, бывший руководитель Академии Наук не мог не поддержать дело оспопрививания, которое в конце XVIII в. пропагандировала сама Екатерина II, а в начале XIX века всячески поддерживало правительство Александра I. В мае 1802 г. Медицинская коллегия начала рассылать по губерниям вакцину и рекомендации, как проводить прививки. Когда часть духовенства попыталась противодействовать вакцинации (1804), правительство потребовало от церковных властей и рядовых священников способствовать распространению оспопрививания. Вместо карикатур на привитых, как это было на родине вакцинации в Англии, по России расходились лубочные картинки, изображавшие спор убогих рябых с теми, кто сохранил здоровье благодаря вакцине. В 1805 г. министр внутренних дел вменил оспопрививание одной из главных обязанностей уездных медиков.

Сельское население затрагивалось мерами по распространению вакцинации в последнюю очередь. Исключение составляли вотчины образованных дворян, прежде всего В.Г.Орлова. Уже на третий день после приезда в Усолье в декабре 1804 г. Гетте сделал прививку нескольким усольским ребятишкам. В качестве награды от графа первым шести из них выдали по полтиннику, остальным по 30 копеек, а впредь решили одаривать гривенником. Вознаграждение вполне уместное — крестьяне поначалу с опаской относились к этой процедуре. Принудительно же вакцинацию не проводили. Поголовное и обязательное оспопрививание было просто не под силу усольским медикам. Со временем почти в каждом селе и деревне Орловых из местных жителей были обучены «оспопрививатели». Они могли сами, без врача проводить вакцинацию односельчан. Такая же практика постепенно распространялась и на другие помещичьи, удельные, казенные селения.

Сама больница в Усолье была найдена новым лекарем порядком обветшавшей: «Нужно и скоро построить совсем новую больницу»²⁵. Графу пришлось прислушаться к этому заключению, и Гетте получил приказ сочинить план больницы. Тем временем из Симбирской врачебной управы потребовали сведений «по случаю какого-либо заведения больницы и содержания кем оной». Управляющий не увидел препятствия «деланию больницы гласною» и приказал Гетте отправить рапорт во врачебную управу, ибо «по смыслу открытия сей больницы кроме чести помещику и тому лекарю не видится, а посему и не сочли за нужное скрывать оную»²⁶. Но официальное объявление об устройстве больницы накладывало на ее владельца, кроме «чести», определенные обязанности по соблюдению существующего законодательства. Основные требования к стационарным лечебным заведениям излагались в «Учреждениях для управления губерний» (1775): «Весьма прилежно смотреть должно, чтоб строение было не тесное и не низкое, чтоб покои чисто содержаны были, и чтоб в покоях воздух переменялся открытием хотя [бы] на короткое время окон, чтоб больные мужскаго полу особо содержаны были от больных женскаго пола, чтоб больные прилипчивыми болезнями особливые покои имели...»²⁷

Закон 1775 года касался прежде всего государственных больниц, учреждаемых в больших городах, но в нем оговаривалось: «Буде же случится, что частный человек, или какое общество, или город, или селение захотят» устроить больницу, то не чинить «в том никому препятствия, лишь бы установление сходствовало общим для установлений предписанным правилам, и оных не повреждало»²⁸. Созданные в 1797 г. врачебные управы как раз и являлись органами медицинского надзора в губерниях. Поставив больницу под контроль этого учреждения, следовало приложить старание о приведении ее в соответствие с законом. Перестройку больницы в Усолье начали в 1805 г. с жилья для медиков и подсобных помещений. В 1806 г. строительных работ при больнице не велось, а в 1807 г. был заново отстроен новый корпус «в 4 комнатах на каменном фундаменте». На 1808 г. были отпущены средства на перестройку второго корпуса, где помещались две больничные палаты и лаборатория. Больничный комплекс приобрел надлежащий вид и стал более

приспособлен для содержания больных, изготовления и хранения лекарств. В комплекс помимо лечебных корпусов вошли выстроенные или отремонтированные с 1805 г. две комнаты для лекаря и одна для его помощников, три чулана и два чердака, приспособленные к хранению трав, лекарств, другого имущества, кухня и «стряпущая изба», два погреба и сарай «для экипажу»²⁹.

Содержание больницы с учетом затрат на строительство встало только в 1805 г. почти в 5 тыс. рублей. За счет графа больных не только лечили, но и кормили. Но самой крупной статьей расхода при больнице была закупка медикаментов. Летом 1805 г. в симбирской аптеке приобрели лекарств на громадную по тем временам сумму — 1775 рублей 50 копеек. Симбирская аптека поставляла прежде всего лекарственные растения, распространенные в России, и наиболее употребимые привозные средства, например, хину. Редкие медикаменты везли из Москвы: перуанский черный бальзам, бобровую струю, цвет корицы, миндальное масло, красный сандал, летучую соль из оленьих рогов и другие.

Содержание хорошей больницы за свой счет было по карману лишь таким богатым помещикам, как Орловы. Но дело заключалось не только в богатстве или в понимании полезности больницы для нормального функционирования хозяйства. В связи с переводом усольских крестьян с барщины на оброк управляющий в 1805 г. предложил переложить расходы по больнице на самих крестьян. Он мотивировал это тем, что ни у кого из дворян в оброчных владениях вотчинных больниц нет, ведь им не нужно заботиться об обеспечении здоровыми людьми господских работ. На доклад управляющего граф ответил краткой резолюцией: «Больнице быть на моем единственном содержании»³⁰.

С конца 1804 по начало 1807 гг. пациентами лекаря Гетте и его помощников в Усольской больнице побывало 338 человек (без учета получивших амбулаторное лечение). Из них умерло 9 человек, объявлено неизлечимыми 4, остальные выписаны как выздоровевшие. Гетте оказался хорошим врачом. Этого, к сожалению, нельзя сказать о его человеческих качествах, которые не выдержали испытания действительностью крепостной деревни. С высоты своего общественного положения он постепенно привыкал смотреть на окружавших его жителей Усоля как на людей второго сорта, не стеснялся давать волю языку и рукам, поскольку никто не осмеливался отвечать на лекаревы оскорбления и побои. Вначале грубые выходки в отношении крестьян и дворовых воспринимались даже как дело обычное со стороны персоны, столь важной по сельским меркам. Управляющий признавал: «Все шло просто и думалось, что посмотрица и будет лучше, но наконец уж совсем ис повиновения вышел»³¹.

В.Г.Орлов право своей администрации прибегать к физическим наказаниям признавал только при тщательном исследовании обстоятельств каждого проступка и вовсе не собирался делать исключение для чересчур вспыльчивого лекаря. В соседних Самаре, Ставрополе, Сызрани испытывалась острая по всей России нужда в квалифицированных врачах, и Гетте быстро завел там частную практику. Поездки лекаря в эти города не только без разрешения, но даже без уведомления вотчинной администрации являлись грубым нарушением заключенного контракта и давали повод к его расторжению. Осенью 1807 г. Гетте, получив увольнение от графской службы, был отправлен в Симбирск. И все же надо отдать ему должное. Уезжая, он оставлял на Самарской Луке исцеленных людей, построенную при его стараниях лучшую в крае больницу, часть своего опыта, которую успели перенять другие усольские медики.

К счастью, на больнице эта неприятная история почти не отразилась. Одновременно с увольнением Гетте граф распорядился, чтобы управляющий поручил надежному человеку «присмотр за больницею», а тот велел «иметь главное смотрение и попечение над больными» подлекарю Сергею Хомутову. «Эта практика, — пояснял Хомутову свое решение управляющий, — тебе известна, а посему и можешь все, что нужно, делать при

усольской больнице из покупных медикаментов и собираемых здешних растений, смотря по обстоятельству больных, кому что следует. Ибо будучи ты и при лекаре Гетте довольно обращался, и все оное у тебя было в виду. Да и сам то, лекарь, в течении своего времени рекомендовал о твоём знании довольно с хорошей стороны». В помощники Хомутову назначили костоправа Степана Голованова, тоже крепостного Орлова. Он был «хотя и особому знанию учен, но довольно также обращался при Главной в Москве вошпитле [госпитале] и... при усольской больнице, следовательно, видел много до сего относящегося»³².

Начав перестройку больницы в Усолье по настоянию иноземного врача, ее завершили уже после его отъезда. Здесь теперь могли получить амбулаторное и стационарное лечение больные из многочисленных орловских сел и деревень Самарского края. Для нее продолжались покупки медикаментов в лучших аптеках Москвы. Появилась и своя аптека. В 1822 г. по каталогу усольского аптекаря Бухгольца в московской Голицынской больнице купили лекарств почти на 2 тыс. рублей³³. Больница в Усолье пользовалась известностью. При внуке В.Г.Орлова Владимире Давыдове она была расширена, открыли детское отделение. В отдаленных крупных селах вотчины, Жигулях, Никольском, Натальине, Новом Тукшуме, действовали фельдшерские пункты с небольшими стационарами.

Заводили больницы и в других помещичьих имениях. В Рождествене, принадлежавшем дочери В.Г.Орлова Е.В.Новосильцевой, в больнице работали в 1840-е гг. крепостные медики: подлекарь Ф.Тугаров, оспопрививатель Морозов и два мальчика в качестве лекарьских учеников. Обязанности врача исполнял здесь самарский уездный штаб-лекарь Г.А.Троицкий, получавший от помещицы 1000 рублей в год. В 1859 г. эта больница содержалась «на господский счет», была рассчитана на 6 коек. При ней имелась аптека.

В Новодевичьем, имении А.А. Орловой-Чесменской, под больницу был выстроен каменный корпус с мезонином³⁴.

В 1828 г. на средства помещицы Е.А.Путиловой наконец и в Самаре устроили больницу на 12 коек, главным врачом которой стал уже упоминавшийся Г.А.Троицкий. О нем самарцы вспоминали так: «Во всем городе был один доктор по фамилии Троицкий, говорят очень искусный, но крайне своеобразный: бывало, придет к пациенту и прежде чем приступить к исследованию болезни, разругает его, на чем только свет стоит»³⁵. Ясно, что у единственного городского лекаря хлопот хватало и помимо контракта с владелицей Рождествена. Ее сын Д.А.Путилов также проявлял интерес к медицине, завел хорошую медицинскую библиотеку, несколько десятков томов из которой до сих пор хранятся в Самарской областной научной библиотеке. Им же было устроено кумысолечебное заведение (1854) с «чисто филантропической» целью, чем оно отличалось от более поздних кумысолечебниц коммерческого характера. Путилов владел шестью домами на курорте Серные Воды под Сергиевском.

Сергиевские серные воды и ванны пользовались известностью среди помещиков, чиновников, купцов, интеллигенции Среднего Поволжья с начала XIX в. Сюда съезжалась «благородная», «образованная», «чистая» публика из Казани, Симбирска, Самары и других городов, в том числе из Москвы.

Обустройство же курорта оставляло желать лучшего. Одно из самых ранних его описаний, относящееся к началу 1810-х гг., оставлено С.Т.Аксаковым в неоконченной повести «Наташа», созданной по собственным впечатлениям, а также воспоминаниям и запискам сестры писателя Н.Т.Карташевской: «По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные породы чернолесья, в живописном беспорядке были разбросаны калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-где избушки, перевезенные из ближайших чувашских деревень. Помещики, даже из дальних мест, начинали уже каждое лето съезжаться на воды. Никаких докторов и полицейских чиновников там

еще не было, а был некто Петр Андреич Глазов, оренбургский помещик и железный заводчик, открывший эти целебные источники по народной молве, потому что обыватели упраздненного города Сергиевска и окрестные жители, по большей части некрещенные чуваша, не переставали лечиться и вылечиваться от всех болезней питьем прозрачной, холодной, как лед, серной воды и купаньем в ее бассейне. Помещик Глазов, чудесно исцеленный ими от долговременной болезни... сделался ревностным распространителем их славы, приглашая туда словесно всех знакомых и, через письма, даже незнакомых ему людей... Он сделался каким-то хозяином, полицейским чиновником и доктором при Серных Водах: всякий новоприезжий являлся к Петру Андреичу, спрашивал, где ему разбить свой табор, рассказывал про свою болезнь и просил наставления, как употреблять воду?» Кстати, Аксаковы «имели на Серных Водах самую лучшую избу, которую называли дворцом...»³⁶ С.Т.Аксаков позже не раз бывал здесь на водах, как и его сын И.С.Аксаков, писатель и философ, со своими друзьями поэтом В.А.Сологубом и композитором А.Г.Рубинштейном.

В 1820-30-е гг. Серные Воды представляли «уже менее азиатскую картину, чем в десятых годах». Но кроме нескольких домов добротной кладки, принадлежавших «окрестным богачам», остальные строения «состояли не более как из 30 жалких лачужек, сырых и холодных. За исключением лазарета, построенного Шалашниковым, каменного здания не было ни одного... Частную предприимчивость убивал натуральный постой, который должны были отбывать владельцы убогих хижин, давая у себя безвозмездный приют разным чинам и чиновникам. При таких условиях жизнь на водах была очень дорога: одинокие люди платили за квартиру по 50 руб. за сезон; ванна стоила 1,5 руб.; пуд илу или серной грязи — 2 р.»³⁷ И все-таки, несмотря на эти неудобства, количество съезжавшихся на воды с каждым годом увеличивалось.

С 1843 г. удельное ведомство выстроило в Самаре больницу для своих крестьян, размерами даже поболее городской, на 24 кровати. Ее устройство вылилось в 1,5 тыс. рублей, а ежегодное содержание обходилось в 1,6 тысяч. В августе 1847 г. составили план строительства новой городской больницы уже на 56 мест, выделив для этой цели 13,5 тыс. рублей, но пожар 1850 г. уничтожил как старую больницу, так и строительные материалы, заготовленные для новой³⁸.

В связи с преобразованием Самары в губернский центр от прежнего плана расширения больницы отказались. В городе была создана врачебная управа (инспектор Э.К.Фишер, врач Г.А.Троицкий, акушер П.А.Агромьченков), больничным советом под председательством А.А.Путилова (брата Д.А.Путилова), исполнявшего обязанности губернского предводителя дворянства. В течение первой половины 1850-х гг. под губернскую больницу были сняты дома поручика Обухова, купцов Шихобалова и Волкова, мещанина Казанцева. Вместимость расширилась до 140 коек по штату, но реально в больнице содержалось более 200 больных.

Врачом губернской больницы стал Ю.Б.Укке, сделавший немало полезного для развития медицины в городе и губернии и награжденный за свои труды орденом святой Анны II степени. После перевода Укке на должность инспектора врачебной управы старшим врачом губернской больницы оказался Н.В.Постников, выпускник медицинского факультета Московского университета. Под его управлением больница была приведена в порядок, для того времени просто образцовый. Результаты инспекторской проверки в октябре 1860 г. похожи на панегирик: «Больница содержится во всех отношениях отлично... содержание больных превосходно... хирургические инструменты имеются почти для всех операций... старший и младший врачи этой больницы вполне знакомы с современным состоянием науки, они сколько опыты, столько же искусны, деятельны, внимательны к своим больным»³⁹. Н.В.Постников считается также организатором перво-

го частного кумысолечебного заведения под Самарой (1858), где пользование больных было поставлено на научную основу.

Придание Самаре статуса губернского города дало новый толчок развитию образования. Увеличилось число начальных школ: второе мужское приходское училище появилось в 1852 г., две школы для девочек — в 1858 и 1859 гг. Для детей дворян и чиновников в 1856 г. была открыта мужская гимназия — первое среднее общеобразовательное учебное заведение в городе, а через три года организовано женское училище 1-го разряда (будущая гимназия). Для детей лиц духовного звания открывались начальные духовные училища, первое в 1852 г. Через шесть лет создается духовная семинария — средняя школа, дававшая как общее образование, так и специальную подготовку будущим священникам.

Если учесть также начало профессиональных театральных представлений в доме Лебедева (1851), строительство постоянного здания театра (1855), образование филармонического общества (1858), гастроли выдающихся артистов, в том числе труппы миланского театра «Ла Скала» (1860), организацию публичной библиотеки (1860) ⁴⁰, то положительные результаты развития культуры в городе и крае с начала XVIII до середины XIX века станут еще более очевидными. Самара стремилась приобрести значение не только административного или торгового, но и культурного центра.

В ЦЕНТРЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИТНИЦЫ

БЛАГОДАТНЫЕ ЗЕМЛИ

К началу XIX века Самарское Заволжье превратилось из геополитической окраины Российской империи в экономическую, подлежащую хозяйственному, прежде всего аграрному освоению. Для этого процесса ключевое значение имеют почвы, климат и гидрография края.

Северная часть его представляла ряд плоских возвышенностей — сыртов, южной оконечностью опускавшихся в долину реки Самары и прорезанных реками Кинель, Сок и Черемшан. В Самарскую долину справа входили менее обширные долины рек Большого и Малого Уранов и Тока; в Кинельскую с правой стороны — долина Кинельчика, с левой — Савруши; в Сокскую — с правой стороны долина Кондурчи, а с левой — дугообразная долина реки Сургут; в Черемшанскую с правой стороны — долина реки Ерыклы, с левой — реки Аврали. Общий склон местности понижался к юго-западу.

В Николаевском и Новоузенском уездах заметно понижение к Каспию. За долиной реки Самары раскинулись бескрайние степи, изредка прорезанные плоскими сыртами. С возвышенной самарской горной гряды, по описанию современника, можно было «следить на далекое расстояние за излучистым течением р. Самары среди роскошных поемных лугов, а далее к югу тянется, возвышаясь едва заметно, необозримая Засамарская степь, постепенно сливаясь с горизонтом. Здесь не видно уже никакой выдающейся возвышенности, а в разных местах степи белеют едва заметно церкви отдаленных селений»¹.

По данным кадастрового отряда, обследовавшего Самарскую губернию в 1856 г., расположение наиболее плодородной почвы представляло собой следующую картину: «Хороший чернозем в сухом состоянии черного цвета, а в верхнем слое своем содержит перегноя от $\frac{1}{2}$ до 1 аршина и более глубины, с небольшой незаметной примесью песка. Он попадает всегда небольшими клочками, которые разбросаны по всем уездам, составляющим северную половину Самарской губернии. Более значительные пространства он занимает в неширокой полосе, прорезывающей Самарскую губернию с запада на восток. Полоса эта, начинаясь на западной границе губернии, в северной половине Ставропольского уезда, простирается по направлению к востоку, к границе Казанской губернии до вершин рек Черемшана, Кондурчи и Сока; далее она принимает в Самарском уезде направление к югу, к вершинам речек Тростянки и Черновки — притоков реки Сока; затем, сделав изгиб к реке Самаре, до вершины речки Кутулука, полоса эта прорезывает от запада до востока уезды: Бузулукский и Бугурусланский по обеим сторонам реки Кинеля и Малого Кинельчика и оканчивается в волостях Матвеевской и Богородской. Кроме того, ветвь этой же самой полосы простирается к границе Казанской губернии в юго-

западную часть Бугульминского уезда — Туарминскую волость. Хороший чернозем встречается также вдоль берега реки Ика, протекающей по границе Оренбургской губернии в северной части Бугульминского уезда»².

Содержание гумуса в почвах с севера на юг составляло в Бузулукском уезде до 13-16%, Николаевском до 8-10%, Новоузенском до 4-5%³. Лучшей почвой для произрастания твердых и сильных сортов пшеницы, особенно высоко ценившихся на рынке, считался суглинок. Он располагался в районе рек Камелик, Таловка, Глушица, Чаган с притоками. Утончающийся к югу слой чернозема быстрее выпахивался и уже к концу 70-х годов XIX века «о ковыльных залогах [девственных землях] остались одни воспоминания»⁴.

Климатическая ситуация в Самарском Заволжье отличалась резкими контрастами. Континентальность климата нарастала с запада на восток. Перепады температуры на левобережье Волги были весьма ощутимыми. Летний жар здесь нередко достигал 37,5-40 С°, а зимние холода сопровождались «метелями и буранами, которые в степных местах в городах Бугульме, Бузулуке и Бугуруслане заносят дома до крыш»⁵.

Температурные характеристики степной зоны приближались к лесостепной, но климат господствовал более континентальный и сухой, с частыми пыльными бурями и сухими горячими ветрами. Эти явления отмечались и в южной части лесостепной зоны: в Симбирской и Самарской губерниях с Петрова дня — наступления сенокоса — обычно несколько недель кряду стояла сильная жара. Она сопровождалась душными ночами, раскаляя воздух, лишенный очищающих дождей и росы, малопрозрачный от мельчайшей раскаленной пыли, которая стелилась по полям густым слоем, подобно туману; явление, именовавшееся в народе мглой. Особенно жестокой эта напасть была на юго-востоке края, превращая посевы и травы в выжженную пустыню.

Гидрографическая сеть в XIX веке включала в себя 1267 рек и 338 озер⁶. Большая их часть приходилась на северную половину края, густо поросшую лесом. Реки имели прежде всего аграрное значение, притягивая к себе крестьянские селения. Генеральное место конечно же принадлежало Волге. Об уникальном значении великой русской реки в XIX в. писали следующее: «Если житель Осташковского уезда, на источниках Волги, с трудом может прокормиться на своей неблагоприятной почве; если он заботливо закрывает на зиму соломой свои немногие яблони-калеки, дабы защитить их от жестоких морозов, то зато саратовец совсем не знает, что такое удобрение почвы и получает без труда обильную жатву с благословенных полей своих... Все губернии по средним и нижним частям Волги могут считаться житницей Восточной Европы»⁷.

Из притоков Волги наибольшее значение имели Черемшан, Самара и Большой Иргиз. Особенно благодатным являлся район, орошаемый Черемшаном, несшим свои воды на протяжении 250 верст по водоразделу Волжского и Камского бассейнов. На его берегах располагались лесные богатства края — владения казенного винокуренного Мелекесского завода в 22 тыс. дес., лесные дачи помещиков. Черноземные Ставропольские земли были известны в округе тем, что весьма редко подвергались неурожаю, смягченные влажностью воздуха и отсутствием губительных засух.

Длина береговой линии Самары составляла 380 верст. Левый берег ее имел характер низменности и славился поемными лугами. Самым примечательным явлением здесь был раскинувшийся на площади в 60 тыс. дес. казенный Бузулукский бор. На двух третях его территории велось правильное лесное хозяйство. Бор снабжал строевым лесом весь Бузулукский и часть Бугурусланского уездов. Местный статистик Лясковский отмечал, что, «несмотря на дурную лесную администрацию, беспрестанные лесные пожары и самовольные порубки, сохранилось еще много столетнего строевого леса, среди которого встречаются сосны, имеющие от 12 до 16 вершков в нижнем отрубе и весьма годные для постройки речных судов даже самых больших размеров»⁸.

Южнее реки Самары даже кустарник встречался редко. «Оглобли не вырежешь», — говорили в народе. Единственный в Николаевском уезде лесной массив из дуба и осокоря располагался на Большом Иргизе (800 дес.) и принадлежал единовременным монастырям. Большой Иргиз, особенно в среднем течении, очень извилист, изобилует «луками». Отсюда названия селений и местностей: Березовая Лука, Кривая лука, Криволучье и др. Глубина Б.Иргиза была довольно значительна — 3-5 саженьей.

Значительным числом озер (232) выделялся Бузулукский уезд. Здесь находились озера, тянувшиеся в длину на многие версты, например, озеро Лебяжье составляло ни много ни мало 9 верст.

Таким образом, почвы, климат и гидрография Самарского края предоставляли прекрасные условия для развития земледелия и животноводства, словно магнит притягивая к себе многие тысячи рабочих отходников и переселенцев.

ВГЛУБЬ СТЕПЕЙ

Дореформенная половина XIX столетия — последний этап того типа колонизации Поволжья, который был характерен для предшествовавших веков и протекал в двух направлениях. С запада, из губерний Симбирской и Саратовской, более отдаленных, двигался поток переселенцев через Волгу, оседая на левобережных ее притоках. Одновременно с севера и северо-востока, из губерний Казанской и Уфимской, навстречу первому шел второй поток в общем направлении на юг. Поэтому внутренняя часть края заселялась даже раньше, чем приволжская. Основную массу переселенцев составляли русские, оседавшие повсеместно, а менее многочисленные представители народов Поволжья концентрировались главным образом на территории Бугульминского, Бугурусланского, Ставропольского и на севере Самарского уездов.

При Александре I прекратилась раздача населенных имений, но пожалования земли продолжались до 1880-х годов, поэтому помещичья деревня разрасталась. Уже во второй половине XVIII в. помещики продвинулись из Пензенской и Симбирской губерний и осваивали постепенно Бугурусланский и Бузулукский уезды. Яркий пример такого переселения описал С.Т.Аксаков, дед которого переводил крестьян на купленный у башкир участок земли в Бугурусланском уезде: барин являл собой образец хозяина той эпохи, он не гнал своих крепостных в неизвестность, в голую степь, напротив, после покупки, «в ту же осень двадцать тягол отправились в Бугурусланский уезд, взяв с собой сохи, бороны и семенной ржи; на любых местах вздрали они девственную почву, обработали двадцать десятин озимого посева, то есть переломали непаренный залог и посеяли рожь под борону; потом подняли нови еще двадцать десятин для ярового сева, поставили несколько изб и воротились домой. В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившею весною посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетнями дворы и хлевы, сбили глиняные печи и опять воротились в Симбирскую губернию; но это не были крестьяне, назначаемые к переводу; те оставались дома и готовились к переходу на новые места: продавали лишний скот, хлеб, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь»⁹.

Во всем видна незаурядность и основательность помещика, знавшего, что к приходу крестьян должен стоять хлеб, готовый под серп. Это лучший аргумент для русского крестьянина, который прикипал душой к земле, дарившей его первым хлебушком.

Любопытна и глубоко логична последовательность освоения, обживания новой земли: озимый (самый надежный) посев — яровой посев — строительство огороженных плетнями дворов и хлебов — кладка печей. В этом процессе как в зеркале отразилась могучая вековая психология крестьянина: сначала жито, потом животина, а потом кормилица-печь. Все остальное нарастёт...

Однако даже такое хорошо продуманное и подготовленное переселение не обошлось без горьких слез: страшила неизвестная басурманская сторона, про которую «между хорошими ходило много и недобрых слухов, где, по отдаленности церквей, надо было и умирать без исповеди и новорожденным младенцам долго оставаться некрещенными — казалось делом страшным...»¹⁰ Мудрый дед Аксакова был все же исключением, а вот правило подметил А.П.Заблоцкий-Десятовский, директор департамента сельского хозяйства, посетивший Поволжье в 1840-х годах: «Редкое из помещиков заготавливают наперед порядочные для крестьян помещения; они большей частью первые годы проводят в землянках»¹¹.

В XIX в. пожалования земель дворянам производились из фонда государственных угодий в южных уездах. Особенно быстрый рост числа поместий отмечен в 20-50-х гг. в Николаевском уезде и северной части Новоузенского. В последнем помещики по приглашению правительства образовали 29 селений из крестьян, переведенных ими из Тамбовской, Саратовской, Курской, Пензенской, Рязанской, Тульской губерний¹². В течение 50-60-х гг. царское правительство отвело помещикам в виде высочайших пожалований огромную площадь в 830 715 десятин¹³.

Целенаправленной мерой правительства по насаждению дворянского землевладения в Самарском крае было переселение сюда разорившихся помещиков, «неслужащих дворян» из Рязанской, Симбирской, Тульской и других губерний Европейского центра России. Для этих переселенцев нарезали 200 участков по 60 десятин (54 дес. пашни и 6 дес. лугов) из владений казны, находившихся до этого в оброчном содержании, главным образом в Самарском уезде, в районе рек Сок и Кондурча. Переселение малоимущих дворян проводилось по инициативе дворянских собраний Симбирской и Рязанской губерний, которые пытались таким образом избавиться от довольно значительного слоя обедневшего дворянства. По утвержденному Николаем I положению Комитета министров от 25 мая 1843 г., отводимые участки могли продаваться только подобным же поселенцам, а указом 1848 г. была установлена майоратная форма землевладения. Младшие сыновья (в возрасте от 7 до 17 лет) могли отдаваться на воспитание в батальоны военных кантонистов, а по достижении 18 лет проходить службу в пехоте на правах, «принадлежавших им по происхождению»¹⁴. На переезд и обустройство хозяйством правительство выдало 83 семействам мелкопоместных переселенцев только за три года (1848-51) денежное пособие в сумме 10 335 руб.¹⁵

Уже через несколько лет обнаружилась вся искусственность этого правительственного предприятия. Дворяне-переселенцы не имели ни навыков, ни желания вести хозяйство. Выданные им деньги утекли на непроизводительные расходы. К тому же в большинстве участков оказался затрудненным доступ к воде. Часть дворян вынуждена была строить свои дома или бок о бок с соседом или прямо на его земле. В результате местность, заселенная этими «благородными» земледельцами, являла безрадостную картину «разбросанных там и сям в беспорядке крайне незатейливых строений». Дома их не отличались от крестьянских изб средней руки.

Из 122 мелкопоместных владельцев, получивших в народе прозвание «панков», лишь 19 удержались от сдачи земли в аренду под посев. Остальные оказались охвачены начавшейся «пшеничной лихорадкой», которая быстро истощила почву, и арендная цена уже через несколько лет упала с 5-10 руб. до 75 коп. за десятину¹⁶. Попытка правительст-

ва придать поселениям малоимущих дворян общинный характер с периодическими переделами также потерпела провал из-за сопротивления самих панков. Многие из этих горе-фермеров потянулись назад, на прежнее место жительства.

Крупную переселенческую операцию провел Департамент сельского хозяйства Министерства государственных имуществ на землях, освобожденных калмыками в Ставропольском и Самарском уездах. По указанию императора Николая I их переводили на степные пространства юго-востока. В 1849 г. приехавший в Ставрополь по служебным делам Н.В.Шелгунов услышал от очевидцев рассказ о драме выселения калмыков: «Когда калмыцкая орда двинулась в путь, то, отъехав с полверсты от ставропольского бора (небольшой лесок под городом, тоже принадлежавший калмыкам), остановились. Калмыки сошли с лошадей, упали ничком на землю и начали целовать ее. Не скоро они кончили прощание с своей родной землей, на которой родились и выросли они, их деды и прадеды. Но вот наконец калмыки поднялись, сели на коней, орда двинулась в степь тихим похоронным шагом. Только четыре человека, отделившись от орды, заскакали в бор с четырех сторон, подожгли его и также быстро, точно боясь погони, ускакали»¹⁷.

В 1843 г. бывшие земли ставропольских калмыков площадью в 322 тыс. дес. поступили из военного ведомства в распоряжение Министерства госимуществ. Чиновники министерства произвели хозяйственную съемку этих земель и выделили 128 тыс. дес. под заселение, нарезав 12 более-менее равных частей под каждое предполагаемое сельское общество¹⁸.

В 1847 г. был объявлен набор добровольцев, в следующем году 92 семейства из Пензенской и несколько семейств из Новгородской губерний приступили к переселению: осенью в Самару прибыли работники, которые выбрали себе участки по реке Степной Чесноковке и успели отчасти обработать земли к весенним посевам. Весной 1849 г. появилась основная масса переселенцев, образовав первое сельское общество — Николаевское, выше по той же речке было создано еще два — Вязовское и Троицкое, а по реке Кандабулак четвертое, названное Петропавловским.

Таким образом заселялись и Самаро-Ставропольские казенные земли, на которых к 1855 г. водворились 453 семейства в числе 2127 душ мужского и 1828 душ женского пола из губерний Пензенской, Тульской, Курской и отчасти Новгородской, Владимирской и Рязанской¹⁹.

Правительство стремилось поднять приходившие в упадок малоземельные хозяйства крестьян с помощью перевода их не только на новые, более обширные площади, но и на новые начала владения землей, так называемые семейные участки. В обоснование этой меры было положено следующее соображение: «По возобновляющимся часто переделам полевых участков, владелец не имеет охоты, ни выгоды обрабатывать и удобрять свое поле с должным рачением... Эти причины рождают в земледельце беспечность и равнодушие, которые не иначе могут быть отвращены, как переходом к постоянному пользованию землями»²⁰.

Специальные правила об устройстве семейных участков подробно регламентировали условия новых селений: они предполагались в двух формах - селений и выселков; на каждый семейный участок или двор нарезалось от 30 до 60 дес. удобной земли (в выселках от 15 до 40 дес.), величина селений в обоих случаях допускалась не более 25 дворов. Переселенцам предоставлялись льготы: на 2 срока они освобождались от выбора на общественные должности, выдавалось 100 корней строевого леса из ближайших крестьянских дач или денежный эквивалент, предоставлялась ссуда от 60 до 100 рублей серебром сроком на 14 лет, оказывалась помощь в перевозке строений не далее 30 верст.

Семейный участок считался собственностью казны, и лицам, выбывшим из сословия государственных крестьян, принадлежать не мог. Участок могли отобрать, если его

хозяин неисправно платил подати, плохо отбывал повинности. Избы в новых поселениях возводились строго по плану и непременно на каменном фундаменте. Каждое семейство наделялось десятиной земли специально для разведения леса. С целью улучшить породистость стада крестьянам купили общественных племенных быков, которые содержались поочередно. При Николаевском сельском правлении был устроен сад вроде плододопитомника, из которого желающие крестьяне наделялись добротными саженцами плодовых деревьев и семенами. Не забыли о церкви, приходском училище и создании мирского капитала. При этом хозяйственная политика правительства отличалась постепенностью. Финансирование всей этой операции по переселению производилось из доходов, которые давали оставшиеся пока свободными земли, обращенные в оброчные статьи в границах будущих селений. Содержатель такой оброчной статьи, обычно купец или помещик, обязан был соблюдать восьмипольный севооборот, обязательный также и для самих переселенцев.

Результаты переселения крестьян оказались значительно более успешными, нежели подобное переселение мелкопоместных дворян. Крестьяне прекрасно прижились на новых землях и быстро укрепили свое хозяйство, тогда как переселенцы-дворяне оказались несостоятельными, хотя и получили большие по площади участки.

Особенно интенсивно осваивался юг Заволжья. Если в Бугульминском уезде возникло около 26% новых поселений, то в Бугурусланском 69%, Николаевском 71%. По Бузулукскому уезду основной прилив переселенцев отмечался между 7-й и 8-й ревизиями (1816-34), когда в восточной и южной части уезда возникло 160 новых поселений; в 1834-48 гг. еще 35, а в 50-х годах уже только 9²¹. Население Бузулукского уезда составили выходцы из 24 губерний: русские и мордва, однодворцы и беглые солдаты, сектанты-молокане и крестьянские ходоки, именами которых нарекались новые деревни и села — Павло-Антоновка, Три-Михайловка и др.²²

В Николаевском и Новоузенском уездах сохранялся значительный фонд целинных земель, принадлежавших казне и уделу. Эта южная оконечность будущей Самарской губернии была населена государственными крестьянами разных наименований. Еще в конце XVIII века в степь переселились татары из Хвалынского уезда Саратовской губернии и основали селение Осинový Гай; в первой половине XIX столетия образовалась целая Осиново-Гайская волость. В Новоузенском округе (с 1835 г. уезд), по данным 8-й ревизии, значилось 18 162 души мужского пола и 19 067 душ женского пола. К середине 40-х годов сюда переселилось из разных губерний около 5 тыс. человек, а также насчитывалось около 500 временно проживавших людей разных сословий плюс несколько тысяч ежегодных «сезонников», приходящих на полевые работы²³. Дикие степи простирались ближе к границам с Астраханской губернией и землей Войска уральских казаков, вдоль рек Еруслан, Малый Узень, Алтата и Торгун. Казенных селений в Новоузенском округе было 75, из них 26 сел и деревень, 9 мелких сельцов и 40 хуторов. По свидетельству современника, «у старожилов дворы устроены надлежащим порядком и с нужными пристройками; напротив, у новых переходцев много еще недостает»²⁴.

Наряду с русскими крестьянами Самарское Заволжье заселяли иностранцы — выходцы из германских земель Вюртемберг, Баден, Пфальц и Саксония, а также из Швейцарии. Всего за 1800-64 годы здесь появилось 74 новых колонии. Наиболее интенсивно немцы переселялись в сороковые-пятидесятые годы, основав поселения по берегам рек Нахой, Большой Караман, Еруслан. В 1853 г. к старожилам добавились 100 семей прусских меннонитов из окрестностей Данцига, основавших три новые колонии в Новоузенском уезде. В 1859 г. в 80 верстах от Самары, на бывших землях калмыков, поселились еще пятнадцать семей немецких меннонитов, а также эстонцы. В октябре того же года по высочайшему повелению императора Александра II в Самарской губернии

поселили 100 пленных кавказских горцев (натухайцев) на реке Еруслане (деревня Лятошинка) ²⁵.

Отголоском политических коллизий XVII века были сохранившиеся в Бугульминском уезде поселения польской шляхты. В 1655 г. в Казань перевели для поселения на Закамской черте смоленских шляхтичей четырех «знамен». Шляхтичей красного знамени водворили в Ново-Шешминской крепости, где уже жили к тому времени белопашенные казаки (сохранились до середины XIX века в Чистопольском уезде Казанской губернии). Первый указ о наделении шляхтичей красного знамени вышел в 1660 г., но земли они, по-видимому, не получили и в 1674 г. были отведены вверх по реке Шешме. Часть этих поляков образовала Старо-Кувакскую слободу, на землях которой они проживали в XIX столетии совместно с потомками других служилых людей, давно записанных в разряд государственных крестьян. Несколько дворов шляхтичей позже выделились в слободу Ново-Кувакскую ²⁶.

Шляхтичей остальных трех знамен расселили также по Закамской линии в разных городках и крепостях, в том числе в Заинске Мензелинского уезда. После основания Оренбурга был открыт почтовый тракт Казань-Оренбург. Для заселения этого тракта из Заинска часть шляхтичей вместе с другими служилыми людьми перевели в Бугульминский уезд. В 10 верстах от Бугульмы они основали в 1731 г. слободу Солдатскую Письмянку. Были отведены значительные земли, но лишь малая доля их досталась переселенцам — большая часть вошла в состав казенных оброчных статей либо оказалась в руках помещиков. Например, часть земли «по праву покупки» от шляхтичей перешла к помещику Микулину ²⁷.

Потомки польских шляхтичей, в отличие от окружавших их государственных крестьян, не платили никаких податей и не несли повинностей, кроме подводной и квартирной, принятых ими на себя добровольно. Указами Сената в 1850 г. представителям поволжской шляхты предоставили срок в 3 года для «отыскания» дворянства, иначе им предстояло быть записанными в государственные крестьяне, в городах — обывателями, на помещичьей земле — свободными хлебопашцами. Шляхтичи красного знамени представили копии с указа царя Алексея Михайловича о наделении их землями, а основатели слободы Солдатско-Письмянской — копии с указа царей Иоанна и Петра Алексеевичей о наделении шляхтичей Смоленских, Бельских и др. землями Мензелинского уезда. Из рапорта счетного чиновника Конокотина заведующему Самарским отрядом уравнивания государственных крестьян в денежных сборах видно, что документы, предъявленные шляхтичами, «нигде законно не засвидетельствованы» ²⁸.

В 1854 г. самарское дворянское депутатское собрание отказало шляхтичам в дворянстве, но некоторые из них успели воспользоваться своим правом — как потомков панцирных дворян — поступить на государственную службу. Через три года было сделано окончательное распоряжение о лицах, не утвержденных в дворянстве и пропустивших срок на подачу посемейных списков для записи в оклад: их надлежало причислить в оклад и сословие государственных крестьян в течение десятой ревизии ²⁹. К этому времени они уже совершенно обрусели, приняли православие и занимались хлебопашеством, отличаясь от окружающих русских поселян лишь обычаем брить бороду да некоторыми деталями одежды.

В 1812 г. правительство перевело в Бугульминский уезд пленных французов, поселило здесь пахотных солдат, служилых татар.

МНОГОЛИКАЯ ДЕРЕВНЯ

В результате интенсивной колонизации к середине XIX в. в Самарском крае сложилось чрезвычайное этнокультурное многообразие. В отличие от других губерний Поволжья и Приуралья, Самарская не была для большинства населения территорией исконного проживания, поэтому национально-бытовые и хозяйственные уклады здесь были менее ярко выражены, хотя прослеживались довольно отчетливо.

Господствовало аграрное, то есть земледельческое, освоение края и становым хребтом аграрно-демографического строя выступало русское крестьянство. Оно численно преобладало — 1 052 013 душ, или 68,8% всего населения — и оказывало определяющее влияние на аграрный облик района. Особенностью его расселения являлось то, что русские занимали прежде всего открытые, удобные для развитых форм земледелия пространства. «Русское народонаселение Самарской губернии, — отмечали офицеры Генштаба в 1853 году, — сохранило типы наружного вида, характера и быта жителей тех губерний, откуда вышли их предки. Так, тульчане и рязанцы, рассеянные по Самарскому и Бузулукскому уездам, между чувашами и мордвой, сохранили свои костюмы и наречие»³⁰.

С продвижением русских крестьян на юг, в степи, уклад их жизни менялся. В лесной зоне они могли сохранить традиционные небольшие поселения, удобно расположенные у водоемов. Возделываемые поля находились рядом, сразу за околицей. Леса хватало в избытке и для построек, и для отопления. На освещение избы можно было заготовить лучину. В лесной зоне края русские крестьяне быстро утвердили трехпольную систему земледелия с привычным набором орудий — соха, борода, серп или коса — и тягловой силой в виде любимой лошадушки. Абсолютное большинство здешних крестьян знали ремесла, необходимые в хозяйстве: плотничали, шорничали, валяли шерсть на валенки...

В степи текла другая жизнь, подчиненная одной страсти — производству пшеницы. Земледелие имело ярко выраженный экстенсивный характер: огромные площади засеивались «хлебом по хлебу» до истощения, а затем запускались на много лет ради лежащих по соседству ковыльных просторов.

В рамках одного уезда и даже волости наблюдалась резкая перемена «лесного» и «степного» укладов. Священник села Патровка Бузулукского уезда Г. Грекулов сообщал в 1859 г.: «На правом берегу Самары, где земли уже значительно истощены, родится рожь, овес, греча, ячмень, горох, просо и не в большом количестве пшеница, и то русская. Селения же, лежащие на левом берегу, в особенности ближайšie к Уральским и Оренбургским пределам, изобилуют землями еще не истощенными. Там родится бело-турка, посевом которой крестьяне занимаются в обширных размерах»³¹.

Крестьяне-степняки не отвлекались ни на какие ремесла, считая за грех заниматься каким-либо мастерством. Хозяйство их имело практически монокультурный характер и тем сильно походило на хозяйство фермеров «дикого Запада» США: овес и рожь сеяли только для домашнего рабочего скота, просо для своей семьи, греча, ячмень, горох встречались редко, а о полбе и «вовсе не слышать»³².

Селения русских крестьян степной зоны отличались крупными размерами, дома ставились в одну улицу, тянувшуюся на целую версту и более. Посевы обычно находились далеко от села и потому практиковался своеобразный «вахтовый» метод: крестьяне в страду надолго покидали свой дом и жили неделями на хуторах-временках. Они не имели возможности приглядывать за своими посевами и вообще были намного небрежнее в обработке земли: «При стремлении к обширным посевам, почти никто не обращает внимания на правильную обработку земли. Для каждого хлеба крестьянин вспахивает

землю однажды, какого бы она ни была качества, разбрасывает по ней лучшие семена и оканчивает дело бороньбой»³³.

Такая упрощенная агрикультура позволяла вовлекать в хозяйственный оборот огромные площади, но не способствовала сохранению плодородия почвы.

Русский крестьянский двор имел три типа планировки. Самый древний степной тип предусматривал такое расположение построек, чтобы снаружи ни одна из них не была видна: фасад, выходящий на улицу, состоял из высокого забора с тяжелыми одностворчатыми воротами и большим внутренним замком. С улицы невозможно увидеть ни дверей, ни крыльца, ни труб, ни окон. Этот двор-крепость — наглядное свидетельство живучих воспоминаний о прежних небезопасных соседях первых русских переселенцев. Более распространенными были постройки с избой, обращенной фронтоном, обычно глухим, на улицу. Внутренние постройки двора частично доступны взору через ворота с калиткой. Вид с улицы портило то, что изба в фас имела лишь одно окно сбоку, так как другой бок занимала изнутри печь, поэтому изба получалась как бы «кривоглазая». Значительно веселее гляделись постройки, когда изба, сени и горница находились на передней стороне двора, и на улицу выходили два-три окна избы, дверь с крыльцом из сеней и окно или два из горницы, затем калитка, ворота и амбар. Такую застройку практиковали обычно в больших торговых селениях.

Строительным материалом на юге служили очень дорогой привозной лес и саман.

Внутреннее убранство избы русского крестьянина не претерпевало больших изменений, разве что в сторону большей обширности на юге. Обычный интерьер выглядел так: посредине капитальной стены из сеней входная дверь, налево от нее лавка в виде ларя, вдоль всей левой стены — красная лавка. В переднем углу кивот с иконами, а напротив него по диагонали — печь с челом к двери. Вдоль всей передней стены устроен закут — лавка, служившая кроватью. С нее же ступали на печь, а с печи на полати, устроенные аршином ниже потолка с опорой на специальную матицу. От печи вдоль правой стены располагалась судная лавка для утвари и над нею небольшое «волоковое» окно. Два окна прорубались в левой стене над красной лавкой и одно — над закутной. Стол с табуретками стоял в переднем углу напротив кивота.

На юге избу топили больше соломой, которую хозяйки заранее завивали жгутами, а также кизяком — смесью соломы с навозом. Вместо лучины для освещения использовали «бастыльник», или «царскую свечу» — траву, известную в народе под именем кулины, предварительно вымоченную и высушенную; она горела даже ровнее лучины, без треска и дыма. Иногда ночник из сала и жира. Свечи крестьяне отливали сами и экономили для праздника, гостей или другого особого случая.

Одежда русского крестьянина зимой включала овчинный некрытый тулуп или полушубок, иногда кафтан из черного домотканого сукна со сборками назади, теплую шапку с овчинным околышем, валенки; летом — халат, коротайка, шляпа, на севере — высокая поярковая с небольшими полями, суженная кверху, на ногах онучи, лапти, в сапогах щеголяли богатые. Крестьянки при почти той же верхней одежде носили в будничные дни синие холщевые сарафаны с передниками (запон), на голове бумажный платок или набойчатый чехлик, на ногах белые онучи и лапти. В праздники в небогатых глухих селениях наряд крестьянок составляли китайчатые и кумачные сарафаны, иногда с шелковым или мишурным спереди в два ряда позументом, на голове шелковые платки, а у крестьянок удельного ведомства — кокошники, на ногах коты или башмачки. Зимой надевали кафтаны, покрытые сукном или дубленые, сапоги. Девушки в русских селениях выделялись непокрытой головой и неподобранной косой с вплетенными лентами. Серьги, кольца, булавки и прочие украшения были по большей части медные.

Пища русских крестьян зависела от достатка, а также от установленного церковного чередования постных и скоромных дней. В первом случае она обыкновенно состояла

из щей без приправы с серой капустой, полбенной каши, гороха, рыбы, кислой капусты, кваса, конопляного масла, редьки, репчатого и зеленого лука. Во втором случае — из щей и картофельной похлебки с приправами, говядиной, а чаще с бараниной или свининой, гречневой и полбенной каши с маслом или салом, яиц, молока. В праздничные дни жарили в сале говядину, готовили баранину, свинину, кур, гусей, пироги с кашей, рыбой, курицей (курник), ватрушки или гречневые блины. В страду, отправляясь в отдаленные поля, брали с собой хлеб, пшено. Варили кашницу, сливали отвар и хлебали как суп, а потом ели самую кашу. Эти два кушанья составляли обычно весь походный стол крестьянина. С его помощью русский мужик зимой преодолевал сотни степных верст, не потратив ни копейки за обед и ужин на постоянных дворах.

Совершенно особое место в жизни русского крестьянина занимал хлеб: «Господь повелел от земли кормиться»; «Все добро за хлебом»; «Держись за сошенку, сей хлеб — не спи»; «Какова пашня — таково и брашно»; «У кого хлеб родится, тому и веселиться»; «И животное там водится, где хлеб родится». А.П.Щапов, историк прошлого века, отмечал: «Мясо для русских не заменяло хлеба. Они почти нисколько не ценили естественное изобилие животной пищи и только хлеб считали главизною всего, и "самой животины"». В случае неурожая или какого-нибудь недостатка хлеба, русские испытывали страшные бедствия, несмотря на изобилие животной пищи»³⁴.

На севере края материальный быт русской деревни полностью воспроизводился в кругообороте каждого хозяйства, имевшего многоотраслевой характер. На юге крестьяне чаще прибегали к покупкам недостающих продуктов, строевого материала, одежды и обуви.

Русский национально-хозяйственный уклад, оказывая определяющее влияние на аграрный облик края, втягивал в земледельческую сферу новые земли и местные народы.

Украинцы Самарского края были выходцами из Полтавской и Харьковской губерний. Они насчитывали 45 тыс. человек (2,9%) и расселились на юге, в Новоузенском уезде по Волге и Еруслану, а также на реке Кинель (слобода Кинель-Черкасская) в Бугурусланском, отдельных селениях Самарского и Бузулукского уездов. Украинцы во многом сохранили чистоту своего наречия и народный характер и жили почти так же, как описал в 1769 г. Паллас: отличаясь от соседей чистыми дворами, тщательно выбеленными избами, в хатах всегда складывались печи с трубами, полы заливались глиной и застилались досками. Украинцы проявили себя прекрасными земледельцами. В степных уездах многие из них владели также большими стадами и значительными капиталами. Былая казацкая удаль несколько поутихла, и вместо атаманов и есаулов в порядке самоуправления избирали они, как и везде, голов и старост³⁵.

С русским хозяйственным укладом в наибольшей степени сблизилась мордва, пришедшая в заволжский край из Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской губерний. Представители мордвы-мокши вышли из Пензенской и Тамбовской губерний и поселились преимущественно в Самарском, Николаевском и отчасти в Бузулукском уездах. Мордва-эрзя из Нижегородской и Симбирской губерний освоила Бугурусланский, Бугульминский уезды и часть Ставропольского. Мокша сильно обрусела и почти утратила свой язык, но закоренелую нелюбовь к эрзе сохранила в полной мере, поэтому между ними фактически не было родственных связей. Численность мордвы в 50-е годы XIX века превышала 127 тысяч (8,3%).

К середине XIX столетия мордва уже отошла от прежнего обычая строиться мелкими околodkaми, и ее деревенский ряд вполне походил на русский. Отказались также и от старого типа жилой постройки по татарскому образцу — с широкими лавками, дверьми на восток и печью на юго-запад или глухой стеной вдоль улицы без всяких продушин — в пользу русского избяного зодчества³⁶. В результате длительного соседства с русскими мордва многое переняла из их аграрного строя и быта: «Система хлебопашества, зем-

ледельческие орудия, упряжь и небрежность в скотоводстве, как у русских, так и у мордвы совершенно одинаковы»³⁷. Много общего и в обыденной одежде: лапти, овчинный полушубок, причем иногда даже в июльскую жару. Правда, мордовские лапти были не в пример прочнее и удобнее русских, а онучи мордвин носил почти всегда белые.

Как свидетельствовал современник, «мордвины между инородцами сльвут за самый сильный народ»³⁸. В целом же сходство столь велико, что «если бы было возможно войти в мордовскую деревню с завязанными ушами, то присмотревшись ко всем подробностям быта, обстановки, деятельности жителей, приемам работ, хозяйству, и в голову не придет, что это не русская деревня»³⁹.

Среди чисто земледельческого населения края важное место занимал хозяйственный уклад чувашей. В губернии их насчитывалось более 60 тысяч (3,9%). Чувашаи, в отличие от мордвы, неохотно селились вместе с другими народами. Они ставили свои поселения в укромных местах, подальше от больших трактов и открытых пространств, что не в последнюю очередь объяснялось большей приверженностью языческим пережиткам, преследуемым православной церковью.

Тип чувашских поселений отличался от русского разбросанностью в разных направлениях нескольких отдельных групп домов. Каждая такая группа носила русское название околка, по-чувашски — сирма. Это имело патриархальное значение: на избранном месте строил дом глава семьи и загораживал обширный двор. Затем дети его, обзаведясь своей семьей, постепенно застраивали огороженное пространство. Со временем появлялся небольшой поселок. По мере увеличения семьи наиболее отдаленный родственник выселялся из заветной дедовской или прадедовской загородки и основывал по тому же принципу собственный поселок. Если он располагался рядом со старым, то он также назывался по имени родной «сирмы», если же вдалеке, то получал новое название по имени основателя или какой-либо местной достопримечательности с прибавлением слова «касы», иногда «ял» (выселок).

Полнокровной деревней сами чувашаи считали изначальный родовой поселок, поэтому на вопрос: какой деревни? — называли имя не «касы», а «сирмы», чем вводили в заблуждение переписчиков, сборщиков податей, чиновников рекрутского присутствия.

Все авторы, наблюдавшие близко чувашей и вотяков, — вотяками звали в старину удмуртов, которых в нашем крае насчитывалось чуть более тысячи и проживали они на купленных у башкир землях в юго-восточном углу Бугульминского уезда в пяти небольших деревушках, — все авторы отмечают их исключительное прилежание к хлебопашеству: «Чувашаи хорошие земледельцы. Особенно замечательна их жатва, до того тщательная, что с первого взгляда на сжатые поля кажется, будто на них не осталось ни одного колоса»⁴⁰; «На чувашских землях нигде не встретите пырея... В рабочее время чувашаи становятся необыкновенно деятельными, особенно при уборке хлеба...»⁴¹ Чувашскую деревню можно было издали узнать по обилию полных гумен, охватывавших ее плотным кольцом. Другая особенность хозяйственного быта чувашей — ведущая роль женщины. Чувашки участвовали во всех мужских работах — на пашне, сенокосе и других, и при этом отличались «мускульной силой» и трудились больше мужей.

Большие чувашские селения, душ до 600, встречались только в западных частях Бугурусланского и Бугульминского уездов. В этих деревнях (селения без церквей) сосредоточилось две трети всех чувашей края. Крупных сел насчитывалось всего четыре: в Бугурусланском уезде на притоках реки Кинель — Ибрайкино (или Рождественское — 723 человека), Стехино (или Петропавловское 791 чел.), на Сургуте — Микушкино (или Троицкое 1220 чел.) и в Бугульминском уезде село Девлезеркино (или Троицкое 1155 чел.) на реке Черной — притоке Черемшана.

Чувашаи отличались редкостным миролюбием. Уголовные преступления среди них встречались крайне редко. Многие в то время оставались еще язычниками, скрытно от властей поклонялись священным рощам, добрым (Тора) и злым (Кереметь) духам.

Согласно исследованиям казанского профессора Фукса, чувашский народ делился на два племени: вергали и анатри. В Самарском крае, надо полагать, жили чуваша-анатри (низовые), носившие белые онучи и портянки⁴². У них были свои аграрные поверья и приметы. Например, не приступали к сенокосу раньше Ильина дня, так как опасались, что поля их будут побиты градом⁴³, испытывали панический страх перед «сухой бедой» (так же, как вотяки, они по десятку и более лет хранили немолоченный хлеб). Самой страшной мезтью обидчику считалось самоубийство на его дворе: если повеситься под навесом у врага — тому не миновать «сухой беды». Никогда не унывающий чуваш не разлучался со своим «чилимом» — трубкой с коротким чубуком, причем курили не только мужчины, но и женщины и дети. Курные избы с их дымом и копотью являлись причиной широкого распространения глазных болезней. Летом чуваша обычно не жили в избе, предпочитая амбары и клетки...

Татары занимали преимущественно северо-восточную часть губернии: Бугульминский и Бугурусланский уезды. Численность их достигала 131 974 чел. (8,6%): 95 454 собственно татар, ничем не отличавшихся по своему укладу от казанских и нижегородских, а на бывших башкирских землях жили тептяри, беглецы из Казанского ханства, поселившиеся среди башкир. К середине XIX века они вошли в состав Башкирского войска.

Современники сдержанно оценили тягу татар к земледелию. «Как земледелец, татарин стоит не очень высоко, ниже русского поселянина, а тем более земледельца чувашского и вотякского», — отмечал В.Сбоев⁴⁴. Нынешние исследователи придерживаются иного мнения, считая, что «основы традиционного земледелия татарского народа были заложены в глубокой древности, в эпоху Волжской Болгарии и предшествующее время»⁴⁵. Дело здесь, видимо, в особенностях национально-хозяйственного уклада, имевшего свою историю аграрных отношений. В то же время все современники единодушно отмечали, что самарские татары, как и казанские, «оказывают большие способности в торговле»⁴⁶.

Поселения татар застраивались по восточному обычаю: дома не выходят на улицу, но прячутся во дворах за заборами, где выстроены «шишеобразный погреб», несколько амбаров с классическими деревянными «весьма прочными и хитрыми замками». В целом же «деревни татарские похожи были на случайно разбросанный табор кочующих народов»⁴⁷.

Очень близко к укладу хозяйственной деятельности татар стояли башкиры, часто соседствовавшие с ними в одних селениях. Это происходило потому, что татары селились на башкирских землях в качестве «припущенников», а затем большая часть этих территорий перешла в их собственность. Тяжбами татар и башкир по поводу земель были переполнены уездные присутствия. Всего башкир в нашем крае насчитывалось к середине XIX в. 20 934 чел. (1,3%). Они переходили к оседлой жизни и улучшали домостроительство.

В южных Узенских степях кочевали киргизы. В их временном владении находились земли между реками Малая Узень, Торгун и Горькая, где летом и осенью кочевало до 150 кибиток — около 750 человек. На зиму они уходили на Рын-Пески и к Камыш-Самарским озерам. В 1801 г. на степных землях, освобожденных в 1772 г. некрещеными калмыками, поселили несколько родов зауральских кайсаков, образовавших внутреннюю Киргизскую орду, названную по имени первого хана Букеевской. Отсюда они прикочевали в Самарские степи, торговали с жителями селений скотом и продуктами скотоводства. Киргизские кошмы из верблюжьей шерсти пользовались спросом на ярмарках в слободе Александров Гай и Новоузенске. Отсюда шерсть поставлялась на суконные фабрики Оренбургской и Самарской губерний. Верблюжье сукно славилось своей прочностью. На юге Новоузенского уезда крестьяне сами держали верблюдов как тягловую силу. Один верблюд легко мог одновременно везти волоком и нести на себе 50-60 пудов клади.

Своеобразный хозяйственный уклад создали немцы-колонисты, насчитывавшие в крае 89 134 чел. (5,8%). Их хозяйство отчетливо ориентировалось на выращивание

белотурки. Хлебные поля находились в 25-30 верстах от колоний. В ближайших к селениям полях выращивались корнеплоды — картофель и морковь, тыквы, а также вторая по значению торговая культура — табак. Скотоводство и овцеводство колонистов удовлетворяло только внутренние потребности. Содержание рогатого скота и лошадей было поставлено гораздо лучше, чем у русских крестьян, выше качество обработки земли. Колонисты обладали значительно большей хозяйственной самостоятельностью и большими наделами: 30 десятин, из которых пашни — 15, сенокоса 5, леса 5, усадьбы 5 дес. Система хозяйства переложная, трехлетняя. Удобрение не вносилось, ибо навоз, за недостатком дров, обращался в топливо. Орудия труда мало отличались от крестьянских: пахали плугом на лошадях, хлеб убирали не серпом, а косой с вязкой в снопы, молотьбу производили лошадьми на открытых токах.

Поселения колонистов являли образец порядка и опрятности. Самыми обширными и красивыми были колонии Екатериненштадт, Тарлык и Привальная. Они вызывали удивление путешественников роскошными каменными домами, которые могли бы украсить любой губернский город. Это была своеобразная страсть колонистов, тративших на постройки огромные деньги. Русские пересмешники по этому поводу подтрунивали, говоря, что «у немца хоромы велики, да закромы пусты»⁴⁸. Действительно, мебель в доме колониста состояла из стола, нескольких простых деревянных стульев и скамеек, раскрашенного сундука и кровати на высоких ножках с ситцевыми занавесками. Убранство завершали настенные часы, зеркало и «преуморительные произведения малярного искусства»⁴⁹. В колонии Екатериненштадт, которую русские называли Баронском, находилось три церкви: православная, лютеранская и католическая. На деньги колонистов в 1852 г. соорудили памятник Екатерине II, отлитый из бронзы (автор - барон Клодт) и установленный на высоком мраморном пьедестале. Императрица была представлена сидящей на троне, в ее руке — грамота, дарованная колонистам в 1765 г.

Наибольшей зажиточностью выделялись среди колонистов меннониты.

В 1830 г. немец Штаф построил в Саратове табачную фабрику, чем стимулировал быстрый рост табачных плантаций, на которых разводился американский, главным образом мэрилендский, табак. Ежегодно на рынках и ярмарках Самарской губернии и в Саратове продавалось до 400 тыс. пудов табака.

Домашнее хозяйство колонистов, включая уход за лошадьми, полностью находилось на плечах женщин. Неумоимо работавший в поле колонист дома не прочь был «посибаритничать с трубкой в зубах». Летом улицы колоний заполнялись детьми всех возрастов, чего нельзя было видеть у других народов. Одеждой колонисты походили на зажиточных русских крестьян. Только рубаху они заправляли в шаровары, как украинцы, и почти все носили жилеты синего сукна с медными пуговицами, нанковый или домашнего полотна кафтан. Лаптей никто не носил и уж тем более не ходил босиком. Женщины одевали платья и сарафаны или корсеты из сарпинки и ситца, головной платок завязывали под подбородком, обували синие чулки и башмаки. Синий цвет вообще преобладал в мужской и женской одежде. В путевых заметках М.П.Жданова читаем: «Любопытно видеть колонисток, порядочно одетых, в соломенных шляпках, работающими в поле, думаешь, что это все барышни принялись за грабли и мотыги»⁵⁰.

Надежды правительства на культурный расцвет земель юго-востока России под благотворным влиянием иностранных колонистов не оправдались. В силу замкнутости, отгороженности колоний от окружающего русского населения, их влияние сводилось к минимуму. Взрослые колонисты с трудом изъяснялись по-русски, женщины и дети, не выезжавшие за пределы колоний, вообще не знали русского языка.

Таким образом, аграрное освоение Самарского Заволжья — результат совместного труда многих народов. Каждый из них внес свой оригинальный вклад в общую сок-

ровищницу аграрного опыта, нашел в аграрном строе свою, наиболее рациональную и удобную для себя — а значит и для других — экономическую нишу. В этом заключается секрет исконно мирного и созидательного сотрудничества наших предков, несмотря на все перипетии политической истории России.

НОВАЯ ЖИТНИЦА РОССИИ

Почвенные, климатические и демографические особенности края предопределили резкие контрасты в его аграрном облике. На севере, где уже начинала ощущаться земельная теснота, господствовало трехполье, на юге преобладала переложная система с остатками захватного землевладения.

Южнее реки Иргиз главной зерновой культурой являлась пшеница, причем предпочтение отдавалось улучшенным сортам русской пшеницы и знаменитой «белотурке», лучшей в России, из которой вырабатывалась великолепная мука-крупчатка. По свидетельству путешествовавшего по краю немецкого барона Гакстгаузена, «здесь сеют на одном и том же поле четыре года сряду белотурецкую пшеницу, которая в хорошие годы дает 25 и 27 зерен; затем земля отдыхает 6-7 лет и первые два-три года, по случаю разрастающихся сорных трав, употребляется под выгон, а остальные три-четыре года, после того, как от пастьбы скота выведутся сорные травы, она идет под сенокос. Через шесть лет на ней опять сеют пшеницу, но уже два года сряду; затем опять шесть лет выгона и сенокоса и потом опять сначала; четыре года пшеницы и т.д.»⁵¹

С берегов Волги твердую яровую пшеницу в середине XIX века завезли в степную северную полосу Америки. Это относится к известному сорту «файф», о котором сообщалось в канадском сельскохозяйственном журнале: в 1842 г. некий господин Файф получил из Данцига пшеницу, пришедшую через Польшу из России⁵².

Просо, гречиха, овес, как уже говорилось, играли на юге Самарского края второстепенную роль. На севере, напротив, главенствующее положение в озимом клину занимала рожь, в яровом — овес. Различная плотность земли требовала применения различных пахотных орудий: на севере была возможность обрабатывать землю легкой одноконной сохой или плугом на три-пять лошадей, на юге соха не подходила — для переложной системы требовался тяжелый плуг, сабан. Кое-где появились у помещиков первые сельскохозяйственные машины, в основном молотилки. Местная газета отмечала, что машины «требуют значительного ремонта и надзора сведущего машиниста. Удобства и польза их не подлежат никакому сомнению, только они для простого народа недоступны по своей дороговизне. Но пшеница белотурка нечисто вымолачивается на машинах даже высшего достоинства»⁵³.

Результаты внутреннего освоения края сказались уже в 1840-50-х гг. Известный статистик того времени Штукенберг отметил, что «Самара относительно пшеницы есть первое складочное и торговое место в России», ибо сюда за многие сотни верст непрерывно весь год подвозился хлеб из оренбургских, уральских и саратовских степей⁵⁴. По его данным, в 1849 г. оборот в Самаре составил до 5 млн. пудов зернового хлеба и около 600 тыс. пудов сала⁵⁵. По мнению офицеров Генерального штаба, подготовивших военно-статистическое обозрение губернии, ежегодный излишек над внутренним потреблением здесь составлял средним числом до 2 млн. четвертей разного хлеба, преимущественно пшеницы⁵⁶.

Наиболее подробный отчет о хлебных потоках внутри Самарского края и за его пределы оставил кадастровый отряд министерства государственных имуществ, проводивший обследование в 1856 г. Из него видно, что Самарское Заволжье уже к середине XIX столетия превратилось в район торгового зернового производства, вывозивший хлеб во всех направлениях. Основная масса товарного хлеба поднималась вверх по Волге, частично распределяясь между хлебопотребляющими губерниями нечерноземной полосы, преимущественно же через Санкт-Петербург вывозилась за границу. В целом выделяются три главных направления хлебопотоков: 1) пшеница всех сортов, а также льняное семя по всему протяжению Самарской губернии стягивались к волжским пристаням; 2) рожь, перемолотая в муку, плюс овес направлялись большей частью на восток, в Оренбургскую губернию и в землю Уральского казачьего войска; 3) рожь в зерне, просо, греча и полба двигались к северу, на верхневолжские и камские пристани ⁵⁷.

Самый обширный пшеничный район имела Самара. В его черту входили уезды Бузулукский, Бугурусланский, ближайшая часть Бугульминского, почти весь Самарский, южная часть Ставропольского и северная половина Николаевского. Другими выделявшимися центрами притяжения самарской пшеницы в северной части губернии выступали Старая Майна и Екатериновка. Крупнейшей внутренней водной магистралью здесь мог бы служить Черемшан, однако он был загорожен мельничными плотинами. Особенно высокие плотины устроили на двух мельницах ниже Мелекесского посада, владельцы которых резко протестовали против попыток сплавить по реке суда с березовым лесом в конце 40-х годов: при проходе судов и плотов оказались поврежденными узкие мельничные паузы и сами плотины. Поэтому хлеб доставлялся в крупные торговые села и на пристани гужом. В устье Черемшана, с пристани большого села Хрящевка, ежегодно отпускалось в среднем зернового хлеба и гороха до 230 тыс. пудов на сумму до 56 тыс. руб. серебром ⁵⁸. Суда с Волги заходили в нее до Красного Яра, где также действовала хлебная пристань. Южные степи, омываемые по северной окраине рекой Самарой, тяготели к волжским пристаням Балаково и Хвалыnsk. На самом юге потоки хлеба стекались также к пристани Екатериненштадт, в слободы Покровскую, Привальную и Ровенскую. Реки Самара и Большой Иргиз так же, как Черемшан, были лишены серьезного судоходства из-за мельничных плотин.

Крупнейшие на юге края водяные мельницы стояли на Иргизе. К нему стянулись и крупные населенные пункты — 24 села и 28 деревень, жители которых выделялись по зажиточности и огромным посевам белотурки: Большая Глушица, Пестровка, Порубежка, Толстовка, Каменка, Березовая Лука (Березовый Яр), Малое Перекопное, Сулак, Кармежка и Красный Яр. Большие коммерческие запашки имели жители города Николаевска. Всего на Большом Иргизе действовало 12 мельниц. Самые крупные принадлежали в Николаевске купцу Волковойнову (13 поставов с обдиркой и толчеей), при селе Березовая Лука — вольской первой гильдии купеческой жене Курсаковой (16 поставов крупчатых и 4 постава молочных), при селе Малом Перекопном — государственным крестьянам (размол и обдирка), между селом Малый Кушум и деревней Быковкой мельничный комплекс Кудряшиха — владение астраханских купцов первой гильдии Сапожниковых (крупчатка о 16 поставах) ⁵⁹.

Суда с Волги по Большому Иргизу поднимались до Березова. Ежегодно на мельницу Курсаковой приходило 5-7 расшив грузоподъемностью до 25 тыс. пудов; в 1846 г. сюда приходил за крупчаткой небольшой пароход Алабова и К°. Основная же масса пшеницы подвозилась к волжским пристаням гужевым транспортом.

Таким образом, почти вся пшеница стекалась на запад, к Волге. Исключение составляли северные волости Бугурусланского и северо-восточные волости Бугульминского уездов, из которых русская пшеница поставлялась в Чистополь, а оттуда в Елабугу

и Мензелинск, да два селения на юге Новоузенского уезда - Александров Гай и Савинка, сбывавшие пшеничную муку низших сортов кочевым киргизам ⁶⁰.

Главным направлением вывоза ржаной муки и овса было восточное. Центрами притяжения этих потоков выступали Уральск и в меньшей степени Оренбург, Илек. Поездки с хлебом сюда были выгодны извозчикам, так как на обратном пути они принимали кладь (из Уральска преимущественно рыбу) для доставки в Мензелинск, Елабугу. Из Оренбурга возвращались с кожами, овчинами, салом, а из Илека с солью, которую везли в Бугульму, Чистополь, Казань. Часть ржаной муки из приволжских местностей шла в Самару, Казань.

Рожь в зерне, греча и полба подвозились к волжским и камским пристаням, на нижневолжских было только просо. В восточном направлении сбывались в небольшом количестве греча и полба — в Уральск и Оренбург.

Мощные хлебопотоки рождались из мелких и мельчайших ручейков крестьянских поставок по базарным дням в ближайшие к ним центры внутреннего потребления. Здесь хлеб попадал в руки скупщиков всех мастей, хозяйничавших на внутреннем рынке края. В каждом уезде определились свои центры внутреннего сбыта хлебов (кроме уездных городов): в Бугульминском — деревня Альметьево и крепость Черемшанская; в Бугурус-ланском — слобода Кинель-черкасская, село Богородско-Пономаревское и пригород Сергиевск с поселением при минеральных водах; в Бузулукском — село Борская крепость, Сорокинское, Тоцкое, Утевка и пригород Алексеевск; в Самарском — Красный Яр и Зубовка; в Ставропольском — Меликесский завод.

Часть внутреннего потребления хлебов приходилась на винокуренные заводы, большинство которых располагалось на территории Бугульминского уезда. Четыре завода при селах Петровское, Николаевка, Варваринка, Павловка производили продукции на сумму 140 883 руб.

Торговое значение приобретало и скотоводство. Основная масса скота поступала из оренбургских степей. По территории края пролегали крупные скотопрогонные тракты. По данным 1840 г., только по Московскому тракту через Самарский край (уезд) прогонялось до 18 тыс. голов скота. А в начале 50-х гг. из Букеевской орды и Оренбургской губернии ежегодно пригоняли и проводили транзитом до 200 тыс. голов скота на сумму около 1 млн. рублей. Преобладающей породой была киргизская, а также помесь русских пород с киргизскими и калмыцкими. Соседство со скотоводческими губерниями способствовало развитию местной скотопромышленности и прасольства среди крестьян.

Важное значение сохранял солевой промысел. Район соледобычи находился в междуречье Урала, Илека и Бердянки, где стояла старинная крепостца Илецкая защита. С 1806 г. соль добывалась вольным промыслом под управлением особой экспедиции, ею заведовал оберквартирмейстер полковник Струков (позже генерал). В 1810 г. он предложил укрепить Илецкую защиту. Через год провели таможенную черту, отрезавшую илецкие копи от киргизских степей по речкам Курале и Бердянке и открыли новый путь сбыта на Самару протяженностью в 320 верст. Струков стремился к расширению промысла и повел дело очень энергично. В 1816 г. по его проекту перешли на добычу по правилам горных разработок до 4 млн. пудов, из которых 3 млн. ежегодно доставлялись на Самарскую пристань. Сложилось целое сословие крестьян-солевозов, приписанных к Илецкой защите: ни много ни мало 10 тысяч человек. Соляные залежи потрясли Александра I, посетившего промысел 13 сентября 1824 г.: «Боже мой, какое богатство!» - невольно воскликнул государь, впрочем тут же отменивший добычу соли подземным способом. Сопровождавший императора Струков заявил, что «добыча илецкой соли должна быть упрочена на отдаленные времена, потому что этот источник есть богатейший в государстве и может снабжать наилучшей солью все места верхней Волги, начиная от г.

Самары, а также обе столицы и северо-западные губернии и может заменить иностранную соль»⁶¹.

К середине XIX века сложились все известные в России сферы рынка: ярмарочная, развозно-разносная, базарная и стационарная. Торговые обороты в Самарской губернии достигали свыше 10 млн. руб. серебром. Здесь действовало более 200 базаров и ярмарок. Самара выступала ключевым звеном ярмарочной цепи, которая имела вид замкнутого пространственно-временного круга: Самара, 6—9 июля Бугульма, 14—21 сентября Белебей, 26 сентября—3 октября Мензелинск, 1—6 января Симбирск, 9—21 августа Бузулук, 29 июня—5 июля Самара⁶².

Второй по величине в Самарской губернии была Воздвиженская ярмарка в городе Бугульме. Она имела весьма живописный вид, так переданный репортером губернской газеты: «Здесь видим и русских баб в ярких праздничных сарафанах, и рослых мордочек в их высоких и красивых головных уборах, и чувашинок и вотячек в шлемообразных кичках, обвешанных медными бляхами и погремушками, и татарок, завесивших себе лицо красными и белыми покрывалами и обутых в желтые ичиги и черные туфли... Одних татарских харчевен для черного народа и мелочных торговцев на ярмарке устраивается до десяти. В этих харчевнях подают чай, жареную баранину, салму, пельмень и другие татарские блюда... Чай у магометан заменяет водку, все магарычи запиваются чаем и вместе с тем заедаются пельменью. Однако ж значительные купцы из татар, носящие роскошные халаты из одреса, сверху их кафтаны из тонкого сукна, а на голове бархатные тюбетейки, великолепно расшитые золотом, харчевен не посещают. Они ходят в русские рестораны пить чай, а пищей довольствуются на квартирах»⁶³.

В крупный торгово-промышленный центр превратилась к середине XIX века Покровская слобода. Она возникла стихийно на месте урочища Новые Бакуры из временного поселения солевозцев, переведенных в саратовские степи для перевозки эльтонской соли. Они построили в новой слободе церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, от которой и пошло название самого селения. В 1807 г. здешним жителям отвели по 30 дес. земли и степи между Эльтоном и рекой Малый Узень. Покровцы быстро встали на ноги за счет крупного скотоводства. Они выставляли для соляных обозов до 7 тыс. пар волов и 600 конных фур. В слободе строились крупные складские помещения. Некоторые из солевозцев были столь богаты, что даже украшали своих волов позолоченными рогами. В 1828 г. они были переведены в разряд государственных крестьян. Уже в конце 30-х годов население слободы достигло 6770 ревизских душ. Здесь было волостное правление, три каменных церкви, трактир и еженедельный базар⁶⁴. Спустя двадцать лет число жителей уже превышало десять тысяч, сформировалась ярмарка, соперничавшая по значимости с Воздвиженской.

Другой тип торгового села являли подгородние селения, например, село Дубовый Умет, жители которого издавна и часто соприкасались с городом, вели дела с купцами. В 1770-80-х годах здесь обосновался разбойничий притон шайки беглого арестанта Григория Корцова. Отношения шайки с купцами, следовавшими по уральской дороге, напоминали рэкет и сводились к поборам по 25 руб. с дуги (то есть с воза в одну лошадь), а с прочих по 5-ти⁶⁵. Постепенно облик Дубового Умета облагораживался: появилась каменная церковь, обладавшая праздничными ризами стоимостью в 500 руб. серебром, серебряными под золотом крестами и сосудами, дорогим Евангелием⁶⁶. В середине XIX века состоятельные жители занимались перекупкой хлеба, ввозимого в Самару, и получали немалые барыши. Многие из них держали постоянные дворы, сдавали квартиры и амбары, спрос на которые резко возрастал зимой, в ярмарочные дни. В начале 50-х годов открылись свои ярмарка и базар, но больших выгод они не давали, так как рядом с крупной торговой Самарой не могли иметь самостоятельного значения. Жители Дубового Умета были «трудолюбивы,

бойки, развязны, веселы и благочестивы», зимой любили потешиться кулачными боями, на масленицу молодые пары, недавно обвенчанные, устраивали шумные катания по улицам. В одежде, разговоре, повадках они старались подражать горожанам. Мужчины носили полукафтанчики из «бумажных материй», а богатые из сукна. На женщинах не были редкостью шелковые сарафаны...

Самарский край превратился в район динамичного развития торгового зернового производства, выбрасывавшего на всероссийский рынок миллионы пудов ценнейших хлебов. Россия обретала новую житницу, экономическое значение которой стало расти с каждым десятилетием. Слава о самарских девственных землях разлетелась по стране. Ежегодно сюда стекалось большое число рабочих-сезонников. По заключению современника, на заработки в Степное Заволжье приходило до 120-200 тыс. человек. На юге края возникли крупные посевы, позволившие значительно расширить продажу зерна как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Спрос на самарскую муку-крупчатку был высоким и устойчивым на биржах крупнейших стран-импортеров. Поднималась молодая поросль торговых селений, жители которых получали свой доход в сфере рынка. У этих людей вырабатывались иные, нежели у традиционного крестьянства, стереотипы мышления, поведения, быта.

ПОД СКИПЕТРОМ ЦАРЯ, ПОД РУКОЙ БАРИНА

В Самарском крае, как и во всей России, крестьянское население делилось на три основные правовые категории: государственных было в середине XIX века 390 141 душ мужского пола (62,9%), удельных 116 744 (18,8%), помещичьих 113 373 (18,3%)⁶⁷.

Земельный надел государственных крестьян колебался от 6,3 дес. на душу населения в Самарском уезде до 16,3 дес. в Новоузенском, средний надел по губернии составлял 10,6 дес.⁶⁸ Они платили денежные налоги и несли натуральные повинности. Денежные налоги состояли из подушной подати, земских повинностей, мирских сборов. Кроме того, особые суммы собирались на капитал продовольствия, на оброчную плату. Если подушная подать была единой для всех губерний (она периодически повышалась с 1 руб. ассигнациями в конце XVIII в. до 7 руб. асс. в 1850-х гг., а с учетом изменения ценности рубля в 1,5 раза — примерно до 5 руб.)⁶⁹, то земские повинности и особенно мирские сборы, резко различались по губерниям. Они должны были назначаться мирскими сходами и утверждаться казенной палатой. На деле волостные органы навязывали крестьянам без всякой регламентации сборы по любому поводу: содержание мостов и дорог, на хлебные магазины, наем квартир для приезда земского суда, на жалованье писарям и т.п.

Реформа П.Д.Киселева оживила приходившую в упадок государственную деревню. Все денежные повинности, кроме подушной подати, были переведены на земельный надел и промыслы. Размер новых выплат сильно колебался в пределах даже одной губернии. Но по-прежнему тяжело давила рекрутская повинность. Спасая собственного сына от солдатчины, очередник часто подыскивал «охочего парня» из числа общинных изгоев, выполнял все даже самые дикие его желания в течение нескольких недель (случалось, что отдавалась в наложницы дочь), лишь бы отвести «жребий» от своего дома. Кроме выделения рекрута крестьяне должны были собирать еще особые «сдаточные деньги», свыше 50 руб.

Обременительными для крестьян были подводная, дорожная, стойковая (дежурство в присутственных местах) и другие повинности.

Государственная система «непосредственно-ближайшего попечительства», отлаженная в ходе реформирования, сковывала хозяйственную инициативу крестьян, а создаваемые министерством государственных имуществ различные школы и учебные фермы не оказывали серьезного воздействия на сельскохозяйственное производство. Например, юго-восточная ферма продала за 1852 г. на весь огромный район торгового зернового хозяйства лишь 10 усовершенствованных плугов, 2 пароконные арбы и несколько мелких предметов на общую сумму 557 руб. 77 коп.

Крайне непрочным был социальный статус государственных крестьян. В любой момент их могли перевести в разряд удельных, как это случилось с крестьянами Симбирской губернии в 1835 г.⁷⁰, приписать к заводам, привлечь к государственным работам, либо вовсе превратить в крепостных. Управляли государственными крестьянами в пределах губернии особые палаты госимуществ. Губерния делилась на округа, волости и сельские общества. Главной фигурой был окружной начальник, в ведении которого находились дела, «относящиеся до улучшения нравственного состояния крестьян, до гражданского быта, строительной части, обеспечения продовольствия, хозяйства, податей, повинностей и защиты по судебным делам»⁷¹.

Реформа Киселева упорядочила поземельные отношения, путем переселения в Заволжье на пустующие земли была снята напряженность в малоземельных общинах. Государственные крестьяне обладали определенной хозяйственной самостоятельностью. Чаще всего именно они становились крупными арендаторами казенных земель, а также приобретали земли в собственность. К 1858 г. среди государственных крестьян Самарской губернии насчитывалось 23 084 собственника земли. Они владели площадью в 159 798 дес., а 5,5 тыс из этих собственников даже не пользовались казенным наделом, имея в среднем по 14,5 десятины на каждого.

Удельными крестьянами были крепостные царской фамилии, крупнейшего помещика России. Крестьянин удельный вместе со своим хозяйством находился в полнейшей зависимости от Департамента уделов, все движимое и недвижимое имущество его подлежало строжайшему учету. Денежные платежи удельных были выше, чем в государственной деревне. Неплательщики и недоимщики подвергались строгим наказаниям, вплоть до продажи крестьянского имущества. В 1830 г. подушный оброк заменили поземельным сбором: обложению подвергались уже не ревизские души, а количество и качество земли. Идея эта была прогрессивна, ибо смягчалось внеэкономическое принуждение и увеличивалась хозяйственная самостоятельность самих крестьян, но на деле поземельный сбор включал и налог на неземледельческие доходы крестьян, что сокращало возможности накопления капитала. Помимо денежного оброка удельные крестьяне несли еще земские и мирские повинности. К первым относилась дорожная, подводная, рекрутская, устройство водных сообщений, содержание почтовых лошадей и другие, ко вторым — содержание писарей, приходских училищ, приказных лошадей, ремонт приказных зданий и церквей, содержание учеников в удельном земледельческом училище.

В 1828 г. началось насаждение так называемой общественной запашки, урожай с которой поступал в хлебозапасные магазины, а оттуда — в помощь крестьянам по случаю неурожая. Под общественную запашку отводились самые лучшие земли, крестьяне обязывались свозить на них удобрения в первую очередь. Хлебозапасные магазины безусловно сыграли свою положительную роль, но немалая часть хлеба шла напрямик на рынок, а барыши оседали в карманах чиновников. В 1861 г. общественная запашка была превращена в оброчные статьи, а затем предложена крестьянам в аренду по высшим ценам, в результате удельные крестьяне Самарской губернии лишились 16 822 десятин лучшей пахотной земли.

Изменения коснулись и «попечительной деятельности» удельного ведомства. В 40-х гг. оно приступило к созданию так называемых образцовых усадеб и сел удельных крестьян с целью убедить крестьян: в сельском хозяйстве размеры участков и их плодородие — не главное, «при науке, умении и трудолюбии пески и болота обращаются в пашни и луга». В 1842 г. в Самарском удельном имении была образована Новомайнская образцовая усадьба. Два ее хозяина занимались выделкой овчины, валянием шерсти, теплой обуви и другими промыслами. Просуществовав 9 лет, «образцовое» хозяйство пришло в полнейший упадок. Такая же участь постигла и удельное село Царево-Никольское. На создание его «образцовости» израсходовали 65 тыс. руб. и немало дарового крестьянского труда. Управляющий Сызранской удельной конторой Каблуков и его приближенные нажили на модном поветрии капитал, а «образцовое» село через 5-7 лет ничем не отличалось от обычных. С 1857 г. было закрыто 5 подобных усадеб в Самарском имении, а хозяева их возвращены в родительские дома, да еще с долгами уделу от 100 до 360 руб.⁷² Причина неудачи этих предприятий удельного ведомства крылась как в общей экономической обстановке в сельском хозяйстве (узость местного рынка), так и в самом чиновничьем подходе к делу, с его мелочной регламентацией каждого шага обитателей образцовых усадеб и селений. При отсутствии чувства хозяина у этих крестьян не было ни условий, ни стимула к хозяйственной предприимчивости.

В удельной деревне была более развита аренда, нежели покупка земель, так как покупать удельные крестьяне могли лишь на имя Департамента уделов. На арендованной земле велось торговое зерновое земледелие. Широкое распространение получили промыслы, в северных уездах — ткачество и деревообделка; крестьяне изготовляли для продажи деревянную посуду и в большом количестве плели лапти, находившие широкий сбыт среди сезонников Заволжья.

В некоторых приказах Самарского имения крестьянки ткали легкую прочную ткань — сарпинку, шедшую на женские платья и мужские рубахи в зажиточных семьях. Получила развитие в самарской удельной деревне обработка и торговля продуктами животноводства, а также скотом. В этой сфере к середине XIX в. из среды удельных крестьян постепенно выдвинулись крупные фигуры. В летнее время богатые крестьяне Самарского и Сызранского имений скупали в степях Заволжья гурты крупного рогатого скота и овец, выдерживали их на пастбищах до осени, а затем пригоняли домой и забивали на мясо. Продукты животноводства находили широкий сбыт на местном рынке, в качестве сырья поступали на предприятия местной промышленности.

Значительную роль в быту удельных крестьян играла торговля хлебом. На пристанях удельных сел Балаково Николаевского уезда, Хрящевка Ставропольского, Екатериновка Самарского уездов сосредоточивалось ежегодно немало тысяч пудов хлеба, подсолнечного масла и других сельскохозяйственных продуктов.

Среди удельных селений Самарского уезда находились бывшие государственные, в том числе селения Преображенское и Семеновское. В них жили потомки тех воинских чинов Преображенского и Семеновского полков, которым императрица Елизавета Петровна при восшествии на престол пожаловала в награду земли. До обращения в удельные они не платили податей и не отправляли обыкновенной, очередной рекрутской повинности, лишь время от времени посылая сыновей своих в гвардию⁷³.

Помещичьи крестьяне являлись наиболее угнетаемой частью населения России. К началу XIX в. 67,8% крепостных крестьян Самарского уезда находились на барщине и 32,2% на оброке. Тогда же многие помещики, стремясь увеличить доходность имений, стали переводить своих крестьян на оброк. По словам усольских крестьян, «вместо 180 тягол вряд ли 90 могут выехать на пашню, ибо прочие без лошадей». Крупнейший собственник земли в крае В.Г. Орлов вынужден был перевести с 1805 г. своих крестьян на

оброк с рассрочкой платежа за первый оброчный год на последующие 5 лет. Оброк устанавливался в 10 руб. с души, с 1815 г. — 15 руб. Кроме того, крестьяне оплачивали «мирские расходы» по 1 руб. и содержание служителей по 40 коп. с души, а также поставляли так называемый «столовый запас» помещику в размере 30 баранов, 50 кур, 100 фунтов коровьего масла с каждой тысячи душ и по 1 куриному яйцу. На крестьян, как уже было показано выше, ложилась обязанность бесплатной доставки дров для дворовых, для дома правительского и конторы и т.д. В начале 30-х гг. крестьяне Усольской вотчины были вновь переведены на барщину, которая ухудшила их положение. Помещик ввел в обиход вместо «экономической» десятины в 3 200 кв. сажень «хозяйственную» в 3 600 кв. саж., а в некоторых имениях размер ее достигал и 4 000.

Аренда и покупка земли в помещичьей деревне были не развиты, так как крестьяне могли арендовать или покупать землю только на имя своего помещика. Некоторые владельцы намеренно создавали так называемый «вакантный фонд» земель и сдавали их в аренду своим и посторонним крестьянам. Обычно на год, реже — на более продолжительные сроки. Помещик мог в любое время отобрать у крестьянина купленную землю. Поэтому покупали те из крепостных, кто имел возможность скрыть от помещика факт покупки. Таким землевладельцем оказался управляющий имением графа В.Г.Орлова крепостной Василий Фомин, купивший 50 лошадей, 88 голов рогатого скота, много серебряной посуды, зеркал, мебели, ружей, экипажи, на имя жены было записано еще 105 голов рогатого скота и 249 голов овец. Все это открылось после смерти управляющего в 1824 г. и немедленно перешло в собственность помещика. Сменившие Фомина на посту управляющего крепостные Степан Кольчугин и Федор Усов тоже владели купчими землями. Последний из них за «приобретательство», а также за подлоги, в которых его уличили, был оштрафован на сумму в 3 тыс. руб., снят с должности и исключен из общины с запрещением посещать мирские сходы.

Хозяйственные возможности крепостных крестьян сильно варьировались в зависимости от наклонностей помещика, вотчинной администрации, размеров надела, уроков и т.п. В среднем земельный надел крепостного в Самарской губернии составлял 2-4 дес. на душу. В южных колонизируемых районах надел мог быть значительно большим, особенно на первых порах, пока помещик не организовал еще собственной запашки. Важную роль играла также величина поместья. Так, в селе Воскресенском в 12 верстах от Самары, принадлежавшем графине Новосильцевой, крестьяне сначала платили оброк по 8 руб. серебром, а затем были переведены на барщину: каждое тягло (2-3 взрослых работника, обычно супружеская пара) обрабатывало 1 десятину поля на помещицу. Графиня являлась крупной хозяйкой, собственницей 20 тысяч душ, и на каждое тягло выделила по 15 десятин пашни да по 6 дес. пастбища и леса. Причем, крестьяне сеяли исключительно пшеницу⁷⁴.

Имущественное расслоение в помещичьей деревне не приобретало катастрофического характера. В отдельных местностях удельный вес бедноты мог подчас достигать 25 и даже 49 процентов, но это были временные оскудения, вызванные стихийными бедствиями, нерасчетливостью помещика или управляющего, да и просто самодурством барина. Иногда крестьяне сознательно стремились не привлекать внимания помещика слишком справным своим хозяйством. Это подметил А.Заблоцкий-Десятовский: «Бедность и нечистоту жилищ не всегда должно принимать за вывеску нищеты; нередко самые богатые суть самые неопрятные, прикидываясь и желая слыть бедняками. В Саратовской губернии, за Волгой, в одном имении переселенные за несколько перед сим лет крестьяне живут в землянках, отговариваясь бедностью, между тем, как один из них продал в последний год пшеницы на 7 тыс. рублей»⁷⁵.

Исследования историков показывают, что при наличии в помещичьей деревне бедных и богатых слоев, преобладал все-таки средний, дееспособный крестьянин⁷⁶. Тя-

жесть положения крепостного состояла в другом — поместье включало в себя хозяйство крестьянина, отрицая тем самым его самостоятельное значение, высасывая его жизненные соки в виде феодальной ренты, точно так же, как помещик отрицал самоценность личности крепостного, видя в нем лишь орудие барской прихоти. Ни удельные, ни государственные крестьяне не ощущали столь тотального хозяйственного унижения со стороны своего начальства, неважно, в какой форме оно «попечительствовало». В тоже время особенности барщинного хозяйства вообще требовали наличия собственного хозяйства крестьян, причем в достатке обеспеченного производительными силами. Помещик объективно был заинтересован не в нищем, а в «достаточном» крестьянине, то есть в рабочем тягле среднего достатка.

Свободнее в своих хозяйственных делах были оброчные крестьяне — 19,6 % от всего числа крепостных. Правда, с изменением денежного курса в 1810 г. произошло повышение оброка, к тому же помещики считали не ассигнациями, а серебром, но все же оброчный крестьянин жил гораздо справнее барщинного. Главным отличием являлась большая свобода действий и мысли, большая возможность развивать свои способности: «Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственному выбору, а не по произволу другого, он более пользуется опытом, более старается исправлять собственные свои ошибки. Между тем удельный крестьянин все делает механически, но наряду другого и не имеет времени, ни возможности испытать какое-либо другое занятие, кроме сохи и косы и даже не имеет малейшего капитала, дабы на вечном своем поприще попытаться на какие-либо улучшения», — отмечал современник⁷⁷.

Действительно, в оброчной деревне редкий мужик не занимался каким-нибудь промыслом. Более того, он как бы бежал от земледелия, стремясь в бурлаки, в извоз, в отход, в торговлю — словом, подальше от господской запашки. Если же он был земледелец, то при наличии барской запашки, как правило, привлекался на частичную или эпизодическую барщину. Такое положение особенно часто встречалось в степных имениях, где хлебопашество выступало единственным промыслом и для оброчных, а в страду ощущался громадный недостаток рабочих рук.

Несмотря на крепостнический гнет, крестьянское хозяйство Самарского Заволжья сохраняло способность к самостоятельной хозяйственной жизни. И под скипетром царя; и под рукой помещика крестьяне готовились к тому великому экономическому рывку, который предстоял им после отмены крепостного права.

ПОМЕСТЬЯ И ПОМЕЩИКИ

Помещичье землевладение в крае не занимало господствующего положения. Еще меньшей была роль самарских помещиков в сельскохозяйственном производстве. П.В.Алабин писал, что «вообще для вывоза с местных пристаней несравненно больше доставляется хлеба крестьянами, чем землевладельцами».

Географически поместья в Самарской губернии размещались большими и малыми островками, окруженными владениями казны, удела, Башкирского войска. Большая часть имений располагалась по берегам рек: Волги, Самары, Кинеля, Иргиза и др. В северной части губернии большие группы поместий находились в приволжской зоне Ставропольского уезда вплоть до реки Кондурча с ответвлениями вверх по реке Большой Черемшан, с концентрацией около города Ставрополя. В Бугульминском уезде они располагались се-

вернее Бугульмы, гранича на севере и юго-западе уезда с башкирскими землями. Полоса помещичьих земель проходила в северо-восточной части Самарского уезда, простираясь до границ Бугульминского и Бугурусланского уездов. Стержнем ее оказывался бассейн реки Сок. Такую же роль играла река Кинель, по правому берегу которой, на границе Самарского и Бугурусланского уездов, располагались поместья дворян. Наибольшее их число находилось на границе Бугурусланского и Бузулукского уездов. В 1840-53 гг. дворяне скупили здесь 65 тыс. дес. у башкир. Концентрация помещичьих дач отмечалась также в районе города Бугуруслана, причем они имели здесь форму длинных полос, вытянутых от реки Кинель на север.

В южной части губернии, по левобережью рек Самары и Кинеля, в Самарском уезде располагались крупные владения Самариных, Урусовых и других помещиков. Сплошной полосой они тянулись по берегу Волги, сливаясь с поместьями Николаевского уезда. Напротив Хвалынска эта полоса разрывалась казенными владениями и продолжалась до удельных земель в районе Балакова с углублением на восток вдоль рек Малый и Большой Иргиз. Наконец, полоса помещичьих земель, начинавшаяся в Николаевском уезде от Нижневоскресенского единоверческого монастыря, проходила по границе с Новоузенским уездом до земель Уральского казачьего войска ⁷⁸.

Большинство имений (72%) были мелкопоместными — менее 100 душ. Крупных имений с количеством крепостных свыше 1 тыс. душ насчитывалось 15. Улучшение рыночной конъюнктуры с конца 40-х гг. стимулировало расширение помещичьей запашки за счет сокращения крестьянских наделов. Началась своеобразная «хлебная лихорадка» — погоня за посевами ценных пшениц. Стремление производить как можно больше хлеба породило новые урочные системы в помещичьих хозяйствах, которые оказались непосильными для крепостных. К середине XIX в. помещик все чаще отбирал землю у крестьянина, а его с семьей сажал на скудный месячный паек, либо вовсе переводил в разряд дворовых. Причем наблюдалась закономерность: чем меньше размеры имения, тем больше в нем дворовых. В 93 имениях крестьян не было вообще, так как все крепостные оказались переведенными в дворовые. Известны примеры, когда помещик применял в целях интенсификации крестьянского труда своеобразный хронометраж отдельных операций, заставляя затем крепостных работать на пределе человеческих возможностей.

Крупная помещичья вотчина являла государство в государстве. Крупнейший латифундист В.Г.Орлов даже выработал специальное «Уложение по Усольской вотчине» из 27 глав, регламентировавших внутреннюю жизнь и управление вотчиной. В более грубых формах проявлялось господство помещика над имуществом и личностью крестьянина в средних и мелких имениях, где контакт помещика и крестьянина не был опосредован вотчинной администрацией.

В большинстве помещичьих хозяйств практиковался трехпольный севооборот. Возделывалась пшеница, полба, рожь, овес, просо, горох, лен, конопля. Кроме труда крепостных, помещики прибегали к найму пришлых работников, особенно с увеличением помещичьей запашки в 1830-40-х гг. спрос на наемных рабочих был велик и в северных уездах. В некоторых имениях более производительный труд наемных уже в 50-х годах играл важную роль. Помещик Шелашников, например, владевший имениями в Бугурусланском и Бугульминском уездах, из-за отсутствия ближних наемных рабочих нанимал их в Вятской и Тверской губерниях. Во многих крупных и средних хозяйствах имелись промышленные предприятия, как правило, связанные с сельским хозяйством и находившие источник сырья в самом имении. Большинство таких предприятий располагалось в северной и северо-восточной части края. В Усольской вотчине, например, существовал ряд промышленных заведений: поташный, мыловаренный, свечной, сырный, конный, лесной и свеклосахарный заводы, полотняная и суконная фабрика, овчарные заведения. Работали на этих предприятиях крепостные, прежде всего дворовые.

Многие помещики занимались коннозаводством: в 1852 г. губерния насчитывала 26 более или менее значительных конских заводов. Крупными конезаводчиками являлись помещики Ф.К.Алашеев, А.Т.Аксаков, А.Н.Городецкий, князь Б.А.Голицын, граф Осоргин, тайный советник Г.И.Пыхачев ⁷⁹. Разводились главным образом рысистые и упряжные лошади. На некоторых заводах работали придирчивые смотрители из англичан, отличные коновалы.

Нередко встречались приличные скотные дворы, в которых содержался улучшенный продуктивный скот холмогорской, английской или тирольской породы. В Самарском уезде находилась одна из старейших в России овчарен — заведение Ф.В.Самарина в селе Васильевском. Начало заводу было положено в 1809 г. покупкой с помощью правительства небольшого стада мериносов из овчарни Штиглица и Миллера. В 1823-24 годах началось улучшение завода, для чего были куплены бараны и матки с Царскосельской фермы завода князя Лихновского и в Саксонии, в королевской Реннесдорфской овчарне — электоральной породы. С этого времени и до 1847 г. каждые 3-4 года для обновления крови выписывались бараны и матки электоральной породы в лучших овчарнях Саксонии — у Шпена в Ошатце, у Штейгера в Ротшенберге и в Меглинской овчарне у знаменитого агронома Тэера. В 1852 г. на выставке Императорского Московского общества сельского хозяйства овчарня Ф.В.Самарина получила за выставленные руна золотую медаль ⁸⁰. Наивысшей численности тонкорунное стадо Самариных достигло в 1850 г., насчитывая 21 тыс. голов. Затем последовало сокращение до 13 200 голов «в видах облегчения крестьян по заготовке зимнего корма для овец». Кроме Самарина, неплохие овчарни имели в Бугульминском уезде В.Д.Давыдов при селе Чиркове (до 4 тыс. голов), в Николаевском уезде А.Г.Акимов (имение Фелицыно, 8 тыс. голов), в Бузулукском — А.Н.Челищев при селе Челищеве (8 тыс. голов) ⁸¹.

Характерной чертой помещичьего землевладения и хозяйства являлась его высокая задолженность. Большинство имений были заложены в дореформенных кредитных установлениях в Санкт-Петербургской и Московской сохранных казнах, Государственном заемном банке, Приказах общественного призрения. Из общего числа крепостных было заложено 63%. Деятельность дореформенных кредитных установлений имела благотворительный по отношению к помещикам характер, но отнюдь не способствовала процветанию хозяйства и их имений.

Накануне отмены крепостного права сложилось то различие в социально-экономическом развитии севера и юга губернии, которое затем столь сильно проявилось в пореформенный период. На севере помещичье землевладение сформировалось раньше и имело богатые крепостнические традиции, подавляя хозяйственную инициативу недворянских сословий, прежде всего, конечно, крестьян. На юге владения помещиков появились позже, когда уже сложилась система крупного зернового производства на землях государственных крестьян и колонистов. Сильную конкуренцию помещикам здесь создавали посевы купцов, практиковавших крупные арендные сделки и засевавших огромные площади новых земель наиболее рыночными сортами пшеницы. Самарский губернатор К.К.Грот в своих воспоминаниях отметил, что полученные дворянами в виде высочайших пожалований в 1854-60 гг. 142 тыс. дес. земли большей частью вскоре перекочевали в руки купцов ⁸². Среди них выделялись владения купцов Мальцева (116 395 дес.), Полеводина (116 011 дес.), Харитонова (98 468 дес.) ⁸³

Большинство купцов прибегали к субаренде, или пересдаче, земли. По старым расчетам одного из самарских купцов можно установить, что с 1830 по 1842 год он снимал в Бузулукском уезде до 50 тыс. дес. казенной земли по 3 коп. за десятину в год, а затем пересдавал ее крестьянам за 30 коп. и дороже ⁸⁴. Особенно усилилась спекуляция землей после введения системы всеобщих торгов на казенные оброчные статьи, которые составляли значительную площадь в Самарской губернии.

ДО БОГА ВЫСОКО, ДО ЦАРЯ ДАЛЕКО

Социальные отношения в деревне на протяжении всей первой половины XIX столетия развивались под знаком растущего стремления крестьянства к освобождению от крепостной зависимости. Крестьянский вопрос в царствование Николая I, как и при его предшественнике, занимал пристальное внимание правительства. Однако дело не продвинулось дальше создания ряда секретных комитетов и выпуска указов, не внесших коренных перемен в жизнь деревни.

Крестьяне стремились использовать любой повод для достижения свободы легальным путем. Наиболее распространенной формой протеста являлись жалобы на помещика или на управляющего. Крестьяне тратили большие средства на посылку ходоков, ведение судебных дел. Под давлением крестьянского недовольства Комитет министров 24 декабря 1821 г. постановил, что в случае основательности жалоб крепостных имение должно браться под опеку, а дворовые отпускаться на оброк. Запрещалось также наказывать жалобщиков, если их жалобы подтвердятся. На управляющего крестьяне жаловались обычно самому помещику, но такие жалобы очень редко приносили им облегчение. Чаще помещик примерно наказывал своих крепостных.

Социальную активность крестьянства усилила Отечественная война 1812 года. Многочисленные злоупотребления властей при рекрутских наборах вызвали волнения в Оренбургской, Пензенской и Симбирской губерниях. Народное ополчение представляло собой нештучную угрозу для помещичьего сословия. В декабре 1812 г. вспыхнуло возмущение ратников Пензенского ополчения в Инсаре, Саранске и Чембаре, в их высказываниях сквозила ненависть к помещикам. Ополченцы потребовали приведения к присяге, так как это по закону освобождало их от крепостной зависимости. Власти жестоко подавили восстание, изменили маршрут следования Симбирского ополчения, чтобы не допустить соприкосновения его с бунтовщиками.

Ропот и волнения вызвало возвращение ратников «в первобытное состояние», начатое после роспуска Симбирского ополчения в августе 1814 г. «Еще война длилась, — писал декабрист Бестужев, — когда ратники возвратись в дома, первыми разнесли ропот в низшем классе народа. "Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас опять тиранят господа". Войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: "Как хорошо в чужих землях". Сравнение со своим естественно произвело вопрос: почему же не так у нас?»⁸⁵

Помещичьи крестьяне выступали против увеличения оброков, государственные и удельные — против перевода их в разряд помещичьих, против общественной запашки, принуждения к посевам картофеля и т.п. В январе 1816 г. удельные крестьяне Демидовки отказались повиноваться указу о переводе их в разряд помещичьих и послали ходока в Санкт-Петербург с прошением к царю «о избавлении их от помещичьего владения». Причем крестьяне заявили, что «до возвращения его из Санкт-Петербурга повиноваться они господину Дмитриеву не могут и никаких работ его производить не будут». В начале выступления крестьяне держались стойко, но затем четыре семьи, поддавшись на уговоры и угрозы, подчинились помещику. А вскоре подросла и воинская команда.

Наиболее крупными в первой четверти XIX в. крестьянскими выступлениями в нашем крае стали волнения крепостных помещицы Наумовой в Ставропольском уезде в 1818 г. 29 апреля более ста крестьян пришли к симбирскому губернатору Магницкому с жалобами на управляющего имением. Причем в донесении губернатора царю говорилось о том, что крестьяне «представили двух человек в цепях, заклепанных тяжелыми

деревянными стульями и из коих одному была надета на шею железная клеть в 18 фунтов». Толпа на пути в губернский город прошла через многие селения, а в самом Симбирске вызвала изрядный переполох и стечение зевак. В ходе расследования, проведенного лично губернатором, было установлено жестокое обращение приказчика и десятников с крестьянами. Дело кончилось тем, что с помещицы взяли подписку прекратить беспорядки и строго соблюдать трехдневную барщину.

В мае 1818 г. произошли волнения крепостных в селе Репьевка того же уезда. Советчиком крестьян здесь выступил местный священник Спиридон Николаев. Он отменил работу на барщине в воскресенье, назначенную приказчиком. На другой день приказчик не отпустил крестьян обедать. Тогда священник написал для крестьян прошение и посоветовал им идти к губернатору. В Репьевку была направлена комиссия. Священник с причетниками скрылся из деревни, опасаясь ареста. У дома, где остановилась комиссия, «разных барщин крестьяне, собравшиеся во многолюдстве без всяких жалоб и дела, с видимою дерзостью толпились»⁸⁶. Насколько взрывоопасной была обстановка в Репьевке, видно из донесения предводителя: «Буйство народа в с.Репьевке, доходит до высочайшей степени и во всех барщинах собираются потаенные скопища и в следующую ночь, на 30-е число назначено было собрать народу к попу, который их взбунтовал, и всеобщий был разговор, чтоб все стояли крепче и друг друга не выдавали». Даже после прибытия 50 солдат, 2 офицеров и 4 унтер-офицеров крестьяне не успокоились. На помощь солдатам вызвали калмыков. 9 бунтовщиков посадили под караул, но приказчика все же пришлось сменить. Лишь после этого удалось уговорить крестьян повиноваться. Солдат оставили в Репьевке еще на некоторое время для поддержания порядка. За 1800-50 гг. в крае было отмечено 46 выступлений крестьян, и в 14 случаях властям потребовалось использовать военную силу для «успокоения волнений».

Специфической формой проявления недовольства крестьян своим положением выступали многочисленные слухи о предстоящей воле. Часто они связывались с различными указами и мероприятиями правительства, особенно с набором ополчений, переселенческой политикой.

В слухах, циркулировавших среди крестьян, заключалась одна особенность, которая пугающе действовала на помещиков: крестьяне в своих предположениях, даже самых фантастических, никогда не ожидали освобождения от своих господ. Наоборот, они твердо верили, что воля придет помимо барина и местного начальства. Так, в 1812 г. слухи о скорой воле распространял среди дворовых людей почтовый служащий Симбирска, особо ссылаясь на то, что указ из столицы минует помещиков и будет распространен через почтальонов⁸⁷. Дворовый человек помещика Левашова Федор Леонов донес, что он слышал в лавке от «грамотного человека», будто бы «киргизский хан по просьбе своих подданных киргизов сделал представление государю, в котором изъявил желание населить русским народом свою дикопорожнюю и всем изобилующую землю». Дальше фантазия крестьян рисовала совещание царя с графом Аракчеевым, в результате которых будто бы уже изданы указы и через Святейший Синод разосланы по епархиям, но губернаторам и другим властям эти указы не посылались, так как у них самих есть крепостные крестьяне⁸⁸.

В южной части края находилось много поселений сектантов, особенно многочисленные — духовных христиан, переселившихся сюда на рубеже XVIII-XIX вв. из Тамбовской и Саратовской губерний. Эсхатолого-хилиастическое движение в этой среде усилилось в 1830-х гг., возникло несколько крестьянских организаций, основанных на идее общности имущества, их идеологами и руководителями выступили М.Попов и И.Григорьев. Они проповедовали «новый порядок», под которым подразумевалось обобществление имущества, кооперирование труда, распределения и быта. Результатом проповеди Попова была попытка 800 семей духовных христиан переселиться в Закавказье, куда незадолго до это-

го сослали самого Попова. Более опасной и чреватой для правящего класса была признана проповедь И. Григорьева, который в отличие от Попова призывал верующих не ждать наступления тысячелетнего царства, а своими руками создавать лучшее общество. Власти предпочли тайно расправиться с Григорьевым, умертвив его в Самарском остроге в конце 1872 года ⁸⁹

Во второй половине 30-х годов XIX века началось наступление православного духовенства, поддержанное властями, на Иргизские монастыри. Ранее, в 1829 г., перешел в единоверчество Нижне-Воскресенский монастырь, в 1836 г. Николай I повелел обратить остальные два монастыря: Верхне-Спасопреображенский и Средне-Никольский. Произошло драматическое столкновение со старообрядцами, сбежавшими из окрестных сел с решительным протестом: «Не дадим правую веру попить антихристам и табачникам!» В уездный Николаевск прибыл губернатор с вооруженной ротой конной артиллерии, жандармами и пожарной командой. Монастырь ударил в набат, народ с ружьями и кольями заполнил Средне-Никольский монастырь. Увидев направленные на них орудия, люди легли на землю на пути солдат. Те замешкались, но вступившие в дело пожарники решили исход, направив на защитников монастыря воду. Стоял жестокий мороз. Люди бросились через ограду за территорию обители, где их схватили. Все клетки, амбары, сараи города оказались забиты раскольниками. Иноки вынужденно покорились и перешли в единоверие... Самый богатый и крупный Спасопреображенский (Верхний) монастырь некоторое время еще сопротивлялся. Уничтожили женские скиты Покровский и Успенский. Особой непримиримостью в борьбе с Иргизским расколом отличились епископ Моисей, позднее экзарх Грузии, и епископ Иаков, позднее архиепископ Нижегородский ⁹⁰.

Более мирно проходило обращение в православие немногочисленных язычников, например, чувашей села Ивановка Самарского уезда, основанного на реке Безенчуке еще в 1771 г. Хозяйкой села была крупная помещица графиня Анна Орлова-Чесменская, подвижница известного своими консервативными взглядами архимандрита Фотия. В 1842 г. она посетила новокрещенов, в том числе и своего крестника Захара Левкина, который выставил условием своего крещения то, чтобы графиня стала его крестной матерью. Крещение жителей Ивановки происходило летом 1830 г. Для свершения таинства на берегу Безенчука поставили походную церковь, которую заполнило духовенство во главе с архиепископом Казанским и Симбирским Филаретом (впоследствии митрополит Киевский). Сбежались тысячи людей из окрестных сел и деревень. Крестившихся разделили на две толпы, мужскую и женскую. У берега построили из досок две купели. Всего было окрещено 750 душ ⁹¹.

Новые брожения в умах крестьян вызвала Крымская война, точнее связанный с ней набор государственного подвижного ополчения. Затронуло Самарскую губернию и «резвенное движение». Внешне обстановка в деревне была относительно спокойная, хотя участились поджоги усадеб и более мелкие проявления недовольства крестьян. Чаще всего их провоцировали сами помещики. Архив Самарского дворянского депутатского собрания быстро заполнялся документами, свидетельствующими о жестоком обращении помещиков со своими крепостными. Предводитель дворянства вынужден был заниматься разбирательством дел об «отягощении дворянкой Анной Ивановной Быковой своих крестьян работой», «об удавившемся помещика Шихлинского дворовом мальчике Федоте Лаврентьеве», «о растлении отставным гвардии поручиком Дмитрием Путиловым дворовой своей Федоровой», а также многочисленными делами, значащимися в архиве под рубрикой «жестокое обращение» ⁹². С приближением реформы число таких дел возрастало.

Взаимоотношения двух главных фигур русской деревни, крестьянина и помещика, утрачивали даже внешнее патриархальное благообразие. А.П.Заблоцкий-Десятовский с болью констатировал: «Дворянство сделалось как бы другим народом, удалилось на ог-

ромное расстояние от крестьян; утратило всякую моральную с ним связь, место которой заступило равнодушие, отсутствие всякой симпатии, незнание нужд и положения крестьянского. И вот в настоящее время — сущность характера отношений помещика к крестьянину»⁹³.

Со своей стороны, крепостные в большинстве не питали особых иллюзий по поводу господ: «С баринком водись, а камешек за пазухой горячий держи!» Очень точно крестьянское «разумение» патриархальных отношений с помещиком передает следующий стилизованный современником тех событий диалог:

Помещик: «Знайте, земля моя, не ваша; мое добро для вас чужое; я вам отвел участок из моей земли, так подавайте оброк или ступайте на барщину».

Крестьяне (вслух): «Вы наши отцы, мы ваши дети»; (*про себя*): «Мы все твои, а все твое — наше»⁹⁴.

Таким образом, за внешне спокойным ожиданием грядущего освобождения в среде крепостного люда крылась сложнейшая гамма чувств и переживаний, выносимых из ежедневного общения с баринком и его временщиками. Это была гремучая смесь священного трепета и жгучей ненависти, способная взорваться кровавым бунтом, сметающим все на своем пути. Однако вопрос о крепостном праве не мог послужить детонатором такого взрыва, ибо абсолютное большинство крестьян ожидало освобождения только от царя. Другое дело — вопрос о земле. В минуту откровенности крестьяне заявляли своим господам: «Мы ваши, а земля, которая кормила наших предков и которой мы всегда были крепки, наша. Мы по воле царя можем быть или барскими или царскими, но земля, наша кормилица, от нас отойти не может»⁹⁵. В течение первой половины XIX века это мнение крестьянства вполне сложилось и обозначилось. В последние годы перед реформой все замерло в ожидании...

УЕЗДНАЯ ЖИЗНЬ

XIX век застал Самару небольшим уездным городом с крепостью, занимавшей чуть больше трех десятин площади, на которой располагались казенные постройки да винный подвал. Казанский собор и три церкви, Преображенская, Успенская и Вознесенская, возвышались над более чем 700 домами жителей. При бытовавших тогда путях сообщения политические новости достигали Самары с большим опозданием. Тем не менее крупнейшие события первой половины XIX столетия нашли здесь весьма живой отклик.

Примером массового патриотизма народа явились мобилизация армии и формирование ополчения в 1812 г. Регулярные вооруженные силы империи оказались неготовы дать немедленный отпор многоязычной армии Наполеона. Только превращение войны в народную, Отечественную могло спасти страну от порабощения. Правительство Александра I предприняло срочный набор новых рекрутов. В августе 1812 г. было позволено набирать в рекруты даже лиц с телесными пороками, такими, которые не мешали «маршировать, носить амуницию, владеть и действовать оружием». Рекрутов поставляли все податные сословия — и крестьяне, и горожане.

О приближавшейся войне на местах официально никто не был извещен. По городам и селам края ползли смутные слухи о Наполеоне, но среди крестьян уже замечалось патриотическое возбуждение. 82-й рекрутский набор в марте 1812 г. выявил полную го-

товность населения встать на защиту Отечества, а 83-й набор, проводившийся пять месяцев спустя, дал еще больше добровольцев. Помещики же по-прежнему стремились сократить дачу рекрутов со своих имений, страдавших от недостатка рабочей силы. С этой целью искусственно дробились имения, чинились задержки и т.п. Злостными недоимщиками рекрут были, например, помещики Страховы из Бузулукского уезда, к которым оренбургские власти применяли даже административные меры за недачу 16-ти призывников.

Большинство дворян, особенно молодежь, проявляя высокий патриотизм, были преисполнены решимости «оставя жен и детей своих, перепоясаться на брань всем до единого, не щадя живота своего». Однако рекрутский набор длился обычно более полугода — слишком долго для серьезного положения на театре военных действий. Эти обстоятельства, а также требование русского общества заставили Александра пойти на формирование ополчения, которое собиралось значительно быстрее, так как основной территориальной единицей при этом выступала губерния, исключались длительные марши на сборные пункты. Ратники поставлялись снаряженными и обученными «подручными средствами», с холодным оружием, снабженными трехмесячным провиантом. Поскольку ополчение — мера временная, чрезвычайная, помещики могли выполнить высокие нормы поставки: до 10 ратников и 100 крепостных душ. При рекрутском наборе такая норма вызвала бы у благородного сословия бурю возмущения.

6 июля 1812 г. в лагере близ Полоцка царь издал манифест с призывом о создании ополчения, а 18 июля будучи уже в Москве — Манифест об организации округов ополчения. Симбирская губерния была включена в третий округ (округу) вместе с Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской и Вятской губерниями. В царском манифесте специально подчеркивался временный характер ополчения: «Каждый из военачальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее... и... по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям».

Рядовой состав ополчения комплектовался главным образом из крестьян, офицерский из дворянства. Командующим Приволжским ополченским округом был назначен граф П.А.Толстой, а начальником Симбирского губернского ополчения граф Тенишев. В Симбирске создали комитет попечения о «вооружении, продовольствии людей как будет должно и прилично». От Самары в состав комитета вошел майор Н.Л.Хардин. В ополчение набиралось по 6 ратников с каждых 100 душ крепостных. Симбирская губерния должна была выставить 9 333 ратника, разделенных на 4 пеших полка и 1 конный. Формирование губернского ополчения закончили к концу ноября.

Ополчению Приволжского округа предназначалось действовать против левого фланга противника, но выход его задерживался из-за нехватки оружия и офицерского состава. Офицерские должности в ополчении не пользовались большой популярностью среди местных помещиков, да и те, кто мог их заместить, давно уже находились в действующей армии. 8 ноября 1812 г., когда последовал, наконец, указ о выступлении ополчения, положение воюющих сторон сильно изменилось. Была изменена и задача Приволжского ополчения. К нему присоединились 16 полков (18 500 сабель) иррегулярной конницы Башкирского ополчения, шедшего из Оренбурга, а также Рязанское ополчение (13 200 штыков) и артиллерия. Соединение направили из Нижнего Новгорода на Муром, Рязань, Орел, Глухов и затем дальше на запад, в Волынскую губернию. 5 сентября 1813 г. Симбирское ополчение форсировало Одер и впервые вступило в бой с неприятелем, а в октябре приняло участие в боях под Дрезденом. Здесь отличились командир полка штаб-ротмистр гвардии Третьяков, эскадронные командиры майор Астраханцев, ротмистр Бекетов и др. Успешно действовали части Симбирского ополчения в боях под крепостями Глогау и Замостье, городами Магдебургом и Гамбургом. В рапорте на имя царя

командующий армией генерал Беннигсен отмечал особые заслуги волжан: «более других имели трудов и случаев к отличию, которые и действительно во всех противу неприятеля делах оказали».

Роспуск ополчения третьего округа, сыгравшего заметную роль в ходе войны, начался в августе 1814 г. Именно ополчение, по численности превышавшее регулярную армию, вместе с партизанским движением превратило войну 1812 г. в Отечественную. Немало ополченцев отдало жизнь в боях и походах: число возвратившихся домой не превышало трети вступивших в ополчение. Сохранившиеся документы, за редким исключением, отмечают лишь храбрость офицеров-дворян. Они по праву, конечно, заслужили чины и ордена, но нельзя забывать и того, что за их действиями стоят героизм и мужество многих тысяч простых русских солдат и ополченцев, которым иногда «гуртом» выражалась благодарность или выдачей наградного рубля. Для нижних чинов, правда, выпустили памятную медаль, точнее знак «Ополченский крест» — тонкий медный крест с округлыми расширяющимися лучами и надписью на лучах «За веру и за царя». Знак пришивался на шапку, что было предметом особой гордости демобилизованных ополченцев, гордо заявлявших своему помещику, что они и перед царем своей шапки с крестом не снимали. Ополченцы награждались еще двумя медалями: очень немногие «За веру и Отечество. Земскому войску» на александровской ленте, основная же часть участников походов получила самую известную медаль «1812 годъ» серебряной чеканки на андреевской ленте. На лицевой ее стороне помещалось Всевидящее око и дата «1812 г.», а на обороте надпись: «Не нам, не нам, а имени Твоему»⁹⁶.

О положении дел в тогдашней уездной Самаре сохранилось очень мало сведений. Самой заметной фигурой в самарском обществе тех времен был уже упоминавшийся Иван Алексеевич Второв (1772-1844). Он жил в Самаре с перерывами с 1781 по 1835 год. В 1797 г., в свой третий приезд в Самару, Второв занял должность заседателя нижнего земского суда, с 1805 г. по январь 1816 г. служил судьей в уездном суде, а в самые трудные для Самары 1812-14-й годы совмещал три должности сразу: судейскую, городническую и уездного предводителя дворянства, не будучи при этом дворянином (!).

Положение с кадрами чиновников было отчаянное. Прежнего самарского городничего перевели в другой город. Власть самарская оказалась резко ослабленной: бывшую прежде в ведении городничего инвалидную команду передали в подчинение гарнизонному офицеру, квартальных надзирателей попросту не было, десятских присылала городская дума из стариков и детей. Один из двух писцов вскоре опился, его обнаружили мертвым у кабака, и Второву пришлось лично заниматься письмоводительством, а второго писца Жевского превратить в квартального надзирателя. Городничий отдал собственную лошадь для объездов города ночью и днем, нередко сам их совершая. В докладах губернатору и губернскому правлению Второв слезно просил прислать помощь, наконец, отчаявшись, стал проситься в ополчение, но безуспешно⁹⁷.

Между тем напряжение в городе возрастало. В начале 1812 г. самарское общество сильно взволновано явлением кометы: «Почти все жители Самары предвещали какое-то общее несчастье, как обыкновенно всегда, с самой древности, пугали людей появляющиеся кометы», — отметил Второв в своем «Дневнике»⁹⁸. В Самаре 1812 года было многолюдно, беспокойство. Летом гурьбой валили бурлаки, портовые и судовые рабочие, постоянно приставали и отходили суда и лодки, ежедневно случались происшествия — драки, ссоры, воровство, не дававшее покоя местной администрации, беспрестанно приходилось встречать и провожать все новые пешие и конные полки, идущие через город с востока к фронту. В следующем году добавились хлопоты с пленными, первая партия которых из 1706 человек прибыла в Самару уже в конце сентября 1812 г. Конвой возглавлял полковник Языков. Второв поссорился с ним, пожалев пленных, шествовавших раздетыми и разу-

тыми. «Тогда все состояния озлоблены были до неистовства против врагов нашего Отечества, — писал Второв, — вместо квартир запирали их кучами в пустых сараях и амбарах. Равнодушно нельзя было смотреть на несчастные жертвы властолюбия Наполеона»⁹⁹. С легкой руки какого-то целовальника пошло гулять по городу презрительно-оскорбительное прозвище пленных «Париж-Пардон».

Сам Второв как человек кристальной честности тяжело переживал всю мерзость и делячество местного чиновного мирка. «Мне бы надобно родиться или гораздо прежде или гораздо после, нежели я произошел на свет», — горестно заметил он в 1815 г.¹⁰⁰ Один из образованнейших людей своего времени, тайно хранивший список радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», он был завсегдаем единственной в Самаре книжной лавки купца Пономарева и неизбежно конфликтовал с местными чиновниками в рясе, пытавшимися запретить книжную торговлю. Ежегодная подписка на газеты и журналы достигала у Второва 60 рублей — деньги по тем временам немалые. Периодически бывая в Москве, он встречался с Карамзиным, Дмитриевым, братьями Тургеневами, Дельвигом, виделся с Пушкиным, последний раз в Симбирске в 1833 г. у губернатора Загряжского, знал также будущих декабристов Рылеева, Бестужева, Панова¹⁰¹. И.А.Второв, как уже упоминалось, собрал значительную библиотеку, вывезенную позже в губернскую Казань, где она составила основу фонда публичной библиотеки...

Общественная жизнь уездной Самары первой четверти XIX века наглядно свидетельствовала о том, насколько призрачным оказалось для провинции «дней Александровых прекрасное начало». По-прежнему, как и в годы Отечественной войны, внимание правительства поглощали военные нужды. Города, не имевшие оборонительного значения, прозябали в небрежении: «Никакого внимания не обращают на гражданскую часть. Неужели всей империи надобно только стоять во фрунте с ружьем и маршировать? Кровью обливается сердце, видя ужасный разврат и несправедливость гражданского управления»¹⁰².

8 сентября 1824 г. в Самару прибыл император Александр I, который посетил Казанский собор, отстоял литию и на следующий день выехал в Оренбург. Государь, остановившись на ночлег у генерала Струкова, «дурно провел ночь, обеспокоенный шумом сада, красоты города, и соседнего с ним леса от поднявшейся ночью бури», но поутру довольно приветливо принял представителей городской власти, дворянства и купечества и щедро одарил хозяина дома, пожаловав генералу бриллиантовый перстень, а дочери его бриллиантовый фермуар¹⁰³.

События 14 декабря 1825 г. в Петербурге, громом потрясшие правительственные сферы, далеким эхом докатились и до Самары. Здесь также были либерально настроенные люди, особенно среди отставных офицеров, участников Отечественной войны 1812 года, а также чиновников Илецкого соляного правления. В ходе следствия по делу декабристов распоряжением Николая I из далекой Самары в столицу доставили полковника И.И.Христа, но вскоре отпустили. Сильное впечатление на самарское общество произвел проезд сосланных декабристов в 1826 году. «Более месяца, — отмечал Второв, — общее любопытство занимала участь заговорщиков. Вот уже пять человек из них повешены и в том числе знакомый мне Рылеев; прочие сосланы на каторгу, а иные в солдаты. Здесь, через Самару, провезли в конце июля следующих в солдаты: Петра Бестужева, Веденяпина и Кожевникова, а до 9 августа — Мусина-Пушкина, Вишневого и Лаппу. Сих трех последних я видел»¹⁰⁴.

Некоторые декабристы были связаны с городом и уездом. Выходцем из Самары был А.А.Жемчужников, близких родственников в городе имели М.А.Назимов, А.Ф.Фурман, Е.Л.Лачинов, братья Беляевы. В Самарском уезде в 1842-47 гг. жил и работал в качестве управляющего имением декабрист, бывший член Общества соединенных славян А.В.Веденяпин.

После перевода из Самары Соляного правления во главе с энергичным Струковым общественная жизнь в городе затихла. «Самара наша обществом стала хуже деревни. Некуда выйти. Сижу более дома», — грустно записал Второв в ноябре 1833 г. Лишь изредка сонную атмосферу нарушали громкие скандалы или трагические события. Так, в феврале 1830 г. застрелился городничий И.И.Соколовский, которого обвинил во взяточничестве квартальный надзиратель Яковлев, снятый Соколовским с должности за пьянство. По доносу Яковлева в Самару был послан флигель-адъютант полковник Н.Е.Лачинов. После самоубийства Соколовского взяточничество городских голов расцвело еще более пышным цветом. Городничий Здвиженский за девять месяцев пребывания у власти наградил 30 тыс. руб., а его преемник Сеченов открыто провозгласил свою цель — добыть до пятидесяти тысяч да и сгинуть.

В конце 30—начале 40-х годов Самара начала исподволь преобразаться. Усилившаяся колонизация края и рост коммерческих посевов пшеницы привлекли сюда интересы многих богатых фирм. Умножившиеся помещичьи имения дали городу новых обитателей из дворян, строивших здесь свои дома. Явилась целая дворянская улица, которая так и называлась (затем ее переименовали в Казанскую, так как Дворянской стали называть бывшую Казачью — ныне ул.Куйбышева; Казанская ныне ул. А.Толстого). Помещики съезжались в губернский центр зимой, и общество оживлялось. Уже в 1842 г. Второв, последний раз посетивший Самару, записал в своем дневнике: «Я не могу узнать Самары: увеличение зданий — невероятное, а общество — бог знает, что это такое»¹⁰⁵. И действительно, в 1840 г. был утвержден план города, по которому границы его передвигались до нынешней Ульяновской на север и до ул. Бр.Коростелевых на юг¹⁰⁶. В 1843 г. от самарской пристани отошел первый пароход с грузом, открыв регулярное движение судов пароходного общества «По Волге» (пароходы начали делать рейсы по Волге с 1828 г.)¹⁰⁷. Приняли меры к наведению порядка, усилили гражданскую власть. По указу Николая I от 3 мая 1847 г., из Оренбургского войска в Самару направились казаки для усиления полицейского надзора¹⁰⁸.

Во второй половине 40-х годов самарское образованное общество пополнилось новыми заметными фигурами. В 1846 г. прибыли на жительство декабристы братья Беляевы. Два года спустя поселился Н.В.Шелгунов, направленный в Симбирскую губернию для устройства Мелекесской лесной дачи. В удельной конторе служил будущий академик П.П.Пекарский, ровесник Шелгунова, «молодой, высокий, красивый блондин»¹⁰⁹. В 1848 году впервые посетил Самару А.Н.Островский в качестве агента Московского коммерческого суда. Самарское общество, для которого он в доме Головина читал своего «Банкрута», устроило ему восторженный прием. Многочисленные знакомые провожали отъезжающего Островского до села Рождествено. По справедливому замечанию советского литературоведа К.А.Селиванова, «торговая провинция впервые предстала перед Островским в Самаре»¹¹⁰.

Воспоминания А.П.Беляева и супругов Шелгуновых донесли до нас аромат эпохи, имена людей и даже целых семейств, составлявших духовное ядро самарского уездного общества. Самым многочисленным и заметным в городе семейством являлся дом управляющего Самарским удельным округом Н.А.Набокова, отца десяти детей. Подстать честнейшему и добрейшему хозяину была его супруга А.А.Набокова, урожденная Назимова, «женщина большого ума, очень образованная, начитанная и с твердым характером»¹¹¹. Брат ее, декабрист М.А.Назимов, также приехал с Кавказа вслед за Беляевыми. Декабристы привезли оттуда песню «Ноченька моя, ночка темная», весьма полюбившуюся местной публике. Заметным явлением смотрелось семейство Хардиных: сам хозяин — отставной гусар, жена его, Елизавета Николаевна, «прелестная молодая дама, принадлежавшая по роду и воспитанию к высшему кругу». Весьма богатые Хардины

устраи́вали танцевальные вечера, на которых глава дома нередко демонстрировал во французской кадрили образцы прежнего, канувшего в прошлое грациозного стиля. Жемчужиной прекрасной половины самарской молодежи слыла Ольга Ивановна Котляревская, соединявшая в себе незаурядный ум, прекрасную образованность и воспитание с очаровательной внешностью. Она мастерски музицировала и превосходно пела. К сожалению, век ее оказался короток из-за злейшей чахотки ¹¹².

Молодежь часто устраивала пикники. Нанимали лодку с гребцами, набирали различных яств — пироги, шоколад, чай, кофе и отправлялись на один из окрестных островов. А.П.Беляев вспоминал: «Располагались где-нибудь в живописной местности у пчельника... охотники удить рыбу — по берегу с удочками, а все остальное общество, состоявшее из сонма молодых и, надо прибавить, прелестных девиц и молодых людей, уходило гулять по лесу. В этих лесных прогулках часто встречались большие препятствия в крутых оврагах или в поваленных деревьях, и тут наступало для молодых людей самое приятное наслаждение спускаться, поддерживать и вообще оказывать различные услуги, даже с риском сломать себе шею, милым спутницам. Прелестные эти спутницы с пылающими от волнения, усталости опасных переходов лицами, были еще прелестнее. Как приятны были эти гуляния!» ¹¹³

С приездом в Самару супружеской четы Шелгуновых в 1850 г. скромная квартирка лесного ревизора стала центром притяжения самарской молодежи, которая «собиралась, рассуждала, спорила, кричала, горячилась и, закусив самым скромным куском, расходилась». Именно здесь затевались спектакли и благотворительные концерты: Л.П.Шелгунова отваживалась за роялем на концерт Мендельсона, а Н.В.Шелгунов неплохо владел кларнетом.

Парадная часть общества — жены крупных чиновников и помещиков — изо всех сил тянулась за столицами. Одна из таких дам, четырежды в день менявшая туалеты, отправляла белье для стирки в Петербург. Богатые помещицы щеголяли в сотенных кружевах, подобранных бриллиантовыми цветами, не всегда, впрочем, уместных. Для молодой дамы, а тем более для девицы, безусловно достаточным считалось платье из муслин-вапера да приколотый на голову цветок ¹¹⁴.

13 июня 1850 г. в Самаре случился страшный пожар, превративший город в громадную черную площадь с торчавшими кое-где изразцовыми печами. По рассказам очевидцев, поднявшийся сильный ветер «разносил горящие головни на далекие расстояния, и дома мгновенно вспыхивали. В одной улице не успели спастись даже пожарные и все погибли в пламени вместе с трубой. Жители целыми толпами бежали к реке Самаре и стремительно погружались в нее, спасаясь от огня. Несчастливым и там не всегда приходилось укрыться. Вдоль берега реки тянулись настроенные хлебные амбары, которые не замедлили загореться, и пламя быстро перешло на суда, не успевшие заблаговременно выбраться в Волгу: к несчастью, все почти суда были нагружены смолой, которая ярко горела и превратила реку в настоящий ад. Пожар пощадил одну только часть города: расположенный на его пути сад поставил ему непреодолимую преграду и защитил собою постройки» ¹¹⁵. Сгорела и квартира Шелгунова со всем имуществом и мебелью. Чудом уцелел лишь гиртовский рояль, приготовленный им для своей молодой жены. Рояль спас скромный немец-аптекарь, принявший его на хранение и ради инструмента пожертвовавший собственной аптекой.

Летом самарское общество выезжало в деревню. Многие отправлялись на серные воды, где собиралось довольно многочисленное импровизированное поселение. Целебность Сергиевских минеральных вод, как уже говорилось, открылась совершенно случайно в 1808 г., когда местный помещик П.А.Глазов вылечился ими от застарелой болезни. Спустя два года профессор Казанского университета Фукс составил первое их описание. Че-

рез 10 лет на воды обратило внимание правительство: в 1820 г. сюда были присланы на лечение нижние чины из Оренбурга, затем из Казани, Симбирска, Уральского войска. В 1844 г. число их достигло уже пятисот человек ¹¹⁶. По свидетельству С.Т.Аксакова, «серные ключи били из подошвы небольшой горы и ручьями втекали в огромный четвероугольный, крепко срубленный из толстых дубовых бревен бассейн, построенный необычайно прочно и почти до краев наполненный осевшей серою... Из бассейна бежала речка и впадала в Сургут. По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-где избушки, привезенные из ближайших чувашских деревень» ¹¹⁷.

В 1848 г. на водах отдыхал сын С.Т.Аксакова, Иван Сергеевич, прибывший через Чердаклы, Шенталу, Мелекесс, Липовку на лошадях. Он писал: «Серные воды — место преоригинальное. Это не деревня: крестьян почти нет, они не пахут, не сеют; не город, ибо здесь нет присутственных мест, нет торговли и купечества постоянного, не местечко, а имеет, однако же, полицмейстера с двадцатью человеками команды; 157 домов людей разного сословия...» ¹¹⁸ К тому времени калмыцкие кибитки и подобные экзотические строения уже исчезли. На возвышенном месте над самым серным прудом разбили сад, возвели каменные здания, казармы, квартиры докторов. В саду готовились к открытию книжная лавка, гостиница и бильярдная под одной крышей. Широкая лестница уступами сходила к ключам. По обеим сторонам пруда располагались казенные строения для ванн.

Сотни семейств дворян, купцов, мещан собирались на водах из Казани, Уфы, Оренбурга, Симбирска, Пензы, Челябинска, Мензелинска и других мест. И.С.Аксаков наблюдал здесь помещиков Чемодуровых, Чегодаевых, Куроедовых, Кропотовых, Щербаковых, Пальчиковых, «много молодых людей из Казани, одетых по последней моде; почти не слышишь другого языка, кроме французского. Дамы наряжаются взапуски, меняя платье поутру и ввечеру, но... все это общество как-то врозь, туто знакомится и, как везде почти у нас, выглядит медведем» ¹¹⁹.

Самой колоритной фигурой на курорте смотрелся самарский помещик Д.А.Путилов. Он владел несколькими домами со всем обзаведением и даже оркестром из крепостных людей, которым «угощал» отдыхающих. «Богатейший помещик и туз Самарского уезда», пятидесятилетний Путилов, «дюжий, широкоплечий, толстый, черный, складом похож на Собакевича». Ходили неясные слухи, что он в молодости еще, «собрав всех горбатых по уезду, приискав им горбатых невест, обвенчал их в церкви и потом сделал им бал». За это, а также за убийство крепостного, пришлось побывать Путилову под судом. Вместе с неким Ал-вым (Алашеевым?) этот экстравагантный тип поставил себя как истинный хозяин курорта. О Путилове вспоминал и Шелгунов, как о самодуре и оригинале, приказавшем соорудить на крыше своего дома специальные щиты, чтобы закрыть ненавистному соседу вид на Волгу. Любимым развлечением Путилова была «охота за бочками»: стоило ему услышать скрип водовозных дрог, он тут же отдавал приказ: «Смазать!» Послушная дворня по-разбойничьи нападала на водовоза и, невзирая на его вопли и мольбу, принималась смазывать колеса.

Куролесовский дух царил и среди крупных чиновников. Им было мало и без того высокого положения. Они жаждали большего и доходили подчас до гротеска. Управляющий самарской казенной палатой Калакуцкий на службе воображал себя помещиком: восседал в кресле, советников и ассессора считал своими старостами и бурмистрами, в передней палате велел повесить ямской колокольчик, в который надлежало звонить при появлении там «отца»-управляющего ¹²⁰. Не меньшим «вельможей» любил себя показать управляющий удельной конторой, с которым Шелгунову довелось ехать однажды из села Майны в Самару. «Мы ехали, — вспоминал Шелгунов, — в нескольких экипажах, и это была не езда, а торжественный поезд, напоминавший времена Потемкина. На каждой стан-

ции нас ждала толпа народа без шапок; впереди толпы стояли деревенские власти; все это низко кланялось, а управляющий с милостливой улыбкой кивал направо и налево головою»¹²¹.

Сочетание в жителях заволжских степей чувства простора со своеволием, выражавшем понятие о личном достоинстве, создавало естественный предел казенному законодательству, именно за этой границей сложилось то «нравственное нутро Самарского края» (по Шелгунову), благодаря которому формировалась традиция истинной гражданственности, столь выгодно отличавшая позднейшее самарское земство.

ЗАРЯ ГУБЕРНСКАЯ

Жестокий пожар 1850 г. заставил город быстро отстраиваться. «Дома в Самаре стали расти как грибы, тем более, что в воздухе носился смутный слух о переименовании Самары из уездного города в губернский», - вспоминала Л.П.Шелгунова¹²². Слух вскоре подтвердился: 6 декабря 1850 г. был издан указ Сената, которым с 1 января 1851 г. создавалась новая Самарская губерния¹²³.

Ее торжественное открытие состоялось именно в этот новогодний день литургией и благодарственным молебном, которые совершил в Казанском соборе преосвященный Феодотий, епископ Симбирский и Сызранский. Он благословил губернскую Самару иконой Святителя Алексия, небесного покровителя города. Икону вручили губернатору и поместили затем в присутственном зале губернского правления. Перед ней затеплилась неугасимая лампада и ежегодно 12 февраля совершался молебен. Торжества закончились обедом в помещении губернского правления и подпиской на устройство Алексеевского детского приюта, собравшей 2 тыс. рублей серебром. Почетные граждане Самары Максим Плешанов с сыном Дмитрием пожертвовали 6 тыс. рублей серебром на украшение храмов, вспомоществование духовенству и бедным самарцам, пострадавшим во время пожара 1850 года¹²⁴. В торжествах принял участие представитель правительства тайный советник Переверзев. Он произнес проникновенную речь, но исключительную популярность завоевал совсем другим обстоятельством. После обильного обеда сенатор едва спустился с крыльца и, тут же сев на снег, крикнул: «Пошел!», — этим он вызвал бурный восторг местного чиновничества, ибо тут же стал для него вполне своим человеком¹²⁵.

Новая российская губерния состояла из семи левобережных уездов: Самарского, Ставропольского, перешедших от Симбирской губернии, Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского от Оренбургской, Николаевского и Новоузенского от Саратовской.

Посмотрим на новую губернию с точки зрения статистики.

Площадь ее составляла 14 621 903 десятин казенной меры, или 140 370 кв.верст, жителей числилось 1 529 343 душ обоого пола¹²⁶. Среди них дворян потомственных 1598, дворян личных 1393, духовенства разных конфессий 10 204, купечества 12 573, мещан и цеховых 40 985, регулярных войск 4055, иррегулярных войск, т.е. казаков, башкир и их семейств 57 454, бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов, солдаток, солдатских вдов и дочерей 37 057, иностранных поселенцев или колонистов 88 992, исключенных из разных ведомств и вольноотпущенных, не причисленных ни к какому сословию 3917, иностранных подданных 127. Основную массу населения составляли крестьяне. По вероисповеданию преобладали православные христиане — 1 283 420 человек, из других конфессий были представлены мусульмане (152 908), лютеране (57 112), католики (31 516),

иудеи (125). Сохранялось, хотя и преследовалось, безусловно, властями язычество (3756).

Всех поселений насчитывалось 2022, из них городов 8: губернский, 6 уездных и упраздненный город Ставрополь. По данным на 1856 г., городское население составляло 3,19%, сельское 96,81%¹²⁷. Сельские населенные пункты подразделялись так: сел 437, деревень 1046, селец 203, колоний 70, хуторов и выселков 233 плюс селение (городок) при Сергиевских минеральных водах.

Становление административных органов губернии растянулось на два десятилетия. В июле 1851 г. был изменен старый герб Самары. Его описание стало следующим: «В голубом поле стоящая на траве белая дикая коза; щит герба увенчан золотой императорскою короною»¹²⁸. Уездные города сохранили свои гербы, введенные в 1780-х годах, лишь в верхней части щита добавилось изображение герба губернского города. О гербе Ставрополя мы уже рассказывали; герб Бугульмы: на голубом поле серебряная рыба с голубыми пятнами — пеструшка; герб Бугуруслана: черная овца на золотом поле; герб Бузулука: серебряный олень на золотом поле. Для более юных Николаевска и Новоузенска гербов еще не создали.

Первым начальником Самарской губернии стал тайный советник Степан Григорьевич Волховский, до этого десять лет возглавлявший Вологодскую губернию. Николай I рассчитывал, что Волховский быстро наведет порядок в бунташном крае. В сан епископа Самарского первым был рукоположен преосвященный Евсевий. Он прибыл в Самару 28 марта и открыл епархию 31 марта 1851 г. Между ним и губернатором, человеком крутым и властным, видимо, происходило соперничество за влияние, о чем свидетельствует следующий случай: в один из первых престольных праздников губернатор после молебна по обычаю подошел приложиться ко кресту, архиерей протянул не только крест, но и руку, Волховский от неожиданности отшатнулся, но, быстро овладев собой, поцеловал и руку. В дальнейшем такие казусы не повторялись — архиерей вынужден был отступить¹²⁹. Третья виднейшая должность — губернского предводителя дворянства — досталась надворному советнику и крупному помещику Степану Петровичу Шелашникову.

В военном отношении, как, впрочем, и во всех важнейших вопросах, Самарская администрация подчинялась Оренбургскому генерал-губернатору. Это создавало неудобство, ибо всеми казенными бумагами со столицей приходилось ссылаться через Оренбург. При губернаторе действовала канцелярия, ее первым управляющим стал советник губернского правления А.А.Громов. В распоряжении губернатора находились также два чиновника особых поручений. Ему подчинялись все административно-полицейские органы губернии: губернское правление, казенная палата, палата государственных имуществ, уездная и городская полиция, рекрутское присутствие и другие учреждения. Он председательствовал в благотворительных обществах и заведениях, надзирал за больницами, почтовыми станциями и дорогами.

Высшим коллегиальным органом управления губернией являлось губернское правление. В Самаре его учредили еще в декабре 1850 г., отнеся ко второму разряду по штатам 2 января 1845 г., с ежегодным содержанием в 27 471 руб. Поначалу штат укомплектовали за счет местных чиновников иных учреждений, привлекли отставников из других губерний¹³⁰. Губернское правление состояло из канцелярии правления и общего присутствия. Канцелярия из четырех отделений, каждое из которых подразделялось на три стола. Первое отделение, ведавшее обнародованием новых законов, наблюдало за исполнением распоряжений губернатора и губернского правления, собирало сведения по административным, полицейским, финансовым вопросам, заведовало штатом чиновников, архивом, типографией «Самарских губернских ведомостей» и газетным столом. В его компетенции находились также расходы на содержание канцелярии самарского губернского прокурора, надзор за делопроизводством в уездах и т.п.¹³¹ Второе отделение за-

нималось делами «охраны порядка» в губернии, третье местным судопроизводством, четвертое — финансово-хозяйственными вопросами.

Губернские органы управления становились очень медленно, многие должности советников, столоначальников оказывались незамещенными по полугоду¹³². Вместе с тем, администрацию уездов буквально захлестнул поток дел, передававшихся из других губерний. Первому вице-губернатору Жданову приходилось нелегко.

Из других основных присутственных мест отметим создание 30 апреля 1851 г. губернской палаты уголовного суда, палаты гражданского и совестного суда. Первым председателем палаты уголовного суда был назначен статский советник Похвалинский, а его товарищем, то есть заместителем, статский советник Сырнев. Гражданскую палату возглавил статский советник Билибин (товарищ — коллежский секретарь Геркен). Первыми делами гражданской палаты стали тяжбы самарской мещанки Маткиной и казаков Зориных о сенокосных угодьях, графа Орлова-Давыдова с поручицей Москвитиной о спорных рыбных ловлях, оформление документов на покупку земли купцом 2-й гильдии Шихобаловым и др.¹³³ Совестный суд избирался и состоял из судьи и 6 заседателей. Его задачей было примирение сторон. В 1851 г. судьей был избран Дейнеке, но уже в следующем году совестные суды упразднили по всей империи. В губернии действовали сословные суды ратуш и магистратов.

В 1850 г. образовали казенную палату, в подчинении которой находились губернское и уездные казначейства, а также палату государственных имуществ. В ведение последней поступили казенные земли, управлявшиеся ранее Саратовской, Симбирской и Оренбургской палатами. Хозяйственное отделение палаты занималось управлением государственными крестьянами. Имелись также оброчно-межевое, контрольное и лесное отделения. На местах дела государственных имуществ велись окружными начальниками. В Самарской губернии они были во всех уездах, кроме Самарского и Ставропольского. В 1851 г. на основе уездного рекрутского присутствия возникло губернское. Оно существовало при казенной палате и состояло из губернатора (председатель), председателя казенной палаты и советника ее ревизского отделения, а также уездного предводителя дворянства, батальонного командира и инспектора врачебной управы¹³⁴.

26 июля 1854 г. в Самаре открылся губернский статистический комитет. В него входили руководители высших губернских органов управления. Первым его начинанием стало составление атласа Самарской губернии, к сожалению неизданного. Лишь в 1860 г. губернский землемер Н.П.Шахларев составил «описание (дач) к карте Самарской губернии», отпечатанное губернской типографией.

Одним словом, в Самаре складывалась типичная губернская администрация, не представлявшая в этом смысле ничего оригинального.

Иное дело — состав чиновников. Через два года произошли резкие перемены, связанные с именем нового губернатора Константина Карловича Грота. Его назначение состоялось 12 мая 1853 г. в необычно низком чине статского советника. Жесткий и непреклонный администратор и в то же время абсолютно честный, с необычайно развитым чувством внутренней дисциплины и ответственности, Грот нашел полную поддержку со стороны Оренбургского генерал-губернатора, знаменитого организатора похода на Хиву В.А.Перовского, чем произвел еще большее впечатление на самарское общество. Эти чувства выразил позднее Петр Владимирович Алабин: «Усилия Константина Карловича имели прямым последствием искоренение взяточничества в Самарском крае»¹³⁵.

Новый губернатор прибыл к месту службы не один, а, как теперь принято говорить, со своей командой. «Немалою заслугою К.К.Грота Самарскому краю, — продолжал Алабин, — было привлечение на службу в его пределы много отлично образованных молодых людей. Затем, частью помощью этих вполне свежих сил, частью личным

самобытным способом действия К.К.Грот успел положить твердые основы благоустройству вверенно-го его управлению края»¹³⁶. Секрет успеха раскрыл Н.В.Шелгунов: «Самарский край в 50-х гг. отличался особенно счастливым составом администрации, какого, конечно, не было ни в одной из губерний России. Тон управлению давала самарская удельная контора, в которой с управляющего до последнего чиновника все отличались какой-то легендарной, идеальной добросовестностью. Добросовестность эта... была новым общественным чувством, первым выражением тех стремлений, которые в 60-х гг. превратились в общественный энтузиазм. А источником этих новых стремлений были тогдашние университеты: Московский с Грановским во главе, и Казанский, где кумиром студентов был профессор Мейер. В Самаре служила казанская молодежь, были и из Харьковского университета, были и из Петербургского, но казанцы преобладали. Все это были «новые люди», в которых Самаре посчастливилось. Удельной конторой управлял Манжос, из студентов Казанского университета; казенными землями — Е.Е.Лашкарев, студент петербургский... Товарищ прокурора, губернский стряпчий, даже управляющий откупам были новыми людьми и не только новыми, но и совсем молодыми. Новая молодежь проникала во все управление и давала всему тон. Для Самары это был медовый месяц гражданственности»¹³⁷.

Город разрастался. К 1850 г. в Самаре насчитывалось 316 каменных и 2290 деревянных домов, появились три новых храма. Число жителей достигло 15-ти тысяч, и среди них 709 купцов, записанных во вторую и третью гильдии. За рекой Самарой действовали 7 салотопенных заводов, принадлежавших купцам Плешанову, Подсоснову, Ершову, Шонину. В самом городе 8 кожевенных, 19 кирпичных, а также чугунолитейный завод Кузнецова и канатный Пемзина. Вдоль Самары и Волги выстроились 232 хлебных амбара. На Волге всюду функционировали пристани: хлебная, лесная, щепная и железная. Невдалеке шумел «бурлацкий» базар. Сотни лавок, теснившихся на Алексеевской площади, представляли своеобразный гостиный двор. Город тянулся вдоль Волги на три версты и на версту в глубину от нее, оканчиваясь на окраинах хибарами под соломенной крышей. От Сенной площади (Центральный рынок) в сторону реки Самары уходил глубокий овраг. На месте современной площади Куйбышева сохранялись остатки старого крепостного вала, стояли ветряки и добывались песок и глина. В 1853 г. был утвержден новый план города. Площадь его увеличивалась до 10 тыс. дес., северной границей становилась ул. Полевая. Появилось уличное освещение фонарями на спирто-скипидарной жидкости¹³⁸.

Самара превращалась не только в экономический, но и в духовный центр обширного края под определяющим влиянием русской православной церкви. В 1852 г. в семи городах губернии находилось 20 церквей, из них 6 в Самаре. Общая конфессиональная обстановка была следующей. Православных церквей в губернии на 1857 г. насчитывалось 478 (145 каменных и 333 деревянных), монастырей 3: один мужской и два женских. Кроме того, действовали 50 молитвенных домов и часовен. К православным примыкали единоверческие 7 церквей, 3 монастыря в Николаевском уезде и 1 молитвенный дом в Новоузенском. В этих двух южных уездах располагались 17 церквей и 4 молитвенных дома католиков, 40 церквей и 3 молитвенных дома лютеран. Мусульманских мечетей насчитывалось 217 (каменная одна), большинство действовали в Бугульминском уезде (111 мечетей). Иудейские богослужения производились только в Самаре в специально нанятом верующими помещении. Язычники владели лишь одним зданием (кереметью) в Ставропольском уезде¹³⁹.

Оживилась общественная жизнь. В середине 50-х годов до Самарской губернии вновь докатились отголоски внешнеполитических событий. В 1855 г. в Самаре формировались воинские части из числа удельных крестьян-добровольцев. Сами крестьяне связы-

вали свои надежды на освобождение с ополчением, в которое вскоре был объявлен набор. Это государственное подвижное ополчение во многом отличалось от народного ополчения 1812 года, прежде всего тем, что создавалось на этапе войны, когда народ уже был измучен тяготами дополнительных повинностей, да и Крымская война не пользовалась популярностью в народе. Тем не менее явилось много добровольцев. В Самаре создали губернский комитет ополчения для руководства и оснащения дружин. Всего их сформировали 12. Ратники обмундировывались по кавказскому образцу, вооружались холодным оружием и нарезными ружьями-штуцерами. Многие самарцы проявили себя активными участниками, героями самого яркого и драматического события Крымской войны — Севастопольской обороны. Матрос Павел Петров был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте и бронзовой медалью на андреевской ленте. Денежную награду за усердную службу на береговой батарее, оборонявшей Севастополь, вручили матросам-самарцам Гурьянову, Гитманенко, Неверову, Гудкову, Труфанову и др. Самарцы приняли живейшее участие в денежных сборах на нужды ополчения, которое снаряжалось целиком за счет жителей.

Продвинулось развитие образования. В течение первой половины XIX века на территории будущей Самарской губернии открыли несколько уездных и приходских училищ: уездные в Ставрополе (1816), Бузулуке (1817), Бугуруслане (1824) и Самаре (1825). В 1836 г. пригготовительный класс открыли в Ставрополе, через три года в Бузулуке, а в Николаевске (1848) — приходское училище. К 1 января 1851 г. в Самарской губернии насчитывалось 432 учащихся мужского пола. После открытия губернии в течении пяти лет появились уездное и приходское училища в Бугульме, приходское в Новоузенске, 2-е приходское в Самаре ¹⁴⁰.

Уездное училище в Самаре было двухклассным и обучало 15 предметам: Закону Божьему, Обязанностям человека и гражданина, чистописанию, русской грамматике, правописанию, правилам слога, всеобщей географии, начальным правилам математики, русской географии, всеобщей истории, русской истории, арифметике, начальным правилам технологии, рисованию. Те, кто намеревался затем поступать в гимназию, учили латынь и немецкое чтение. В 1835 г. училище стало трехклассным, но количество учебных дисциплин сократилось до восьми. Смотрителем училища являлся выпускник Казанского университета, законоучитель окончил Московскую духовную академию и имел степень магистра богословия, два учителя были выпускниками Симбирской гимназии. В 1850 г. в училище обучался 31 человек: 8 детей дворян и чиновников, 16 купцов и мещан, 7 крестьян и разночинцев. Приходское училище посещало 126 учеников: 6 дворян, 27 купцов, остальные мещане. 13 июня 1850 г. во время описанного выше пожара оба училища сгорели дотла и были восстановлены под одной крышей стараниями почетного смотрителя самарского помещика В.П.Обухова. Он же открыл было и женское училище, но не набралось учениц, и его пришлось закрыть до 1858 г. ¹⁴¹

5 августа 1856 г. в Самаре открыли губернскую 4-классную гимназию, для которой наняли в аренду каменный двухэтажный дом купца Растрепина сроком на 5 лет с ежегодной платой в 1 300 рублей. Здесь же помещалась квартира директора. Инспектором гимназии был назначен старший учитель латинского языка Пермской гимназии коллежский советник Веретенников. Историю и географию преподавал старший учитель Астраханской гимназии титулярный советник Зереневский ¹⁴².

К 1858 г. успехи народного образования и грамотности по всей Самарской губернии выразились следующими цифрами: в учебных заведениях ведомства народного просвещения обучались «исключительно дети дворян и чиновников, купцов и мещан» — 894 мальчика и 58 девочек; в уездных училищах духовного ведомства министерства госимуществ 1682 мальчика и 361 девочка; в 21 сельском училище удельного ведомства 640 мальчиков; 333

девочки обучались частным образом у священников молитвам и чтению церковных книг. Лучше поставили образование колонисты: в 1 русской гимназии и 69-ти приходских лютеранских обучалось 8 094 мальчика и 7797 девочек. Учебные вопросы у них решались в колонистском управлении. В мусульманских селениях, казенных и удельных, почти всюду дети обучались у приходских мулл. Эти «классы» не подчинялись никакой администрации и существовали на пожертвования населения. Наконец, некоторые помещики организовывали обучение детей своих крепостных частным порядком ¹⁴³.

Культурные запросы самарского губернского общества отражались, в частности, ежегодной подпиской на периодические издания. Всего в 1857 г. самарцы выписывали 655 экземпляров газет и журналов. Наиболее читающей публикой являлись, разумеется, помещики — 205 экз., почти поровну выписывали чиновники и купцы, соответственно 157 и 154, крестьяне — 33 экз., они опережали мещан — 26 экз. и даже духовенство — 16. По уездам картина с подпиской рисовалась более или менее однородной: колебания от 36 экз. в Ставропольском до 64 в Бузулукском. Исключение составляли Самарский уезд, расположенный вокруг губернского центра — 388 экз., а на другом полюсе Новоузенский с 18-ю подписчиками.

Наибольшим спросом пользовались Самарские губернские ведомости — 170 экз. Из центральных газет — «Московские ведомости» (85 экз.) и «Санкт-Петербургские ведомости» (37 экз.). В перечне журналов: «Сын Отечества» — 48 экз., «Русский вестник» — 28, «Отечественные записки» — 22, «Северная пчела» — 19, «Современник» — 16, «Журнал моды» — 15 ¹⁴⁴.

Правильная книжная торговля отсутствовала. Местная газета отмечала в 1861 г.: «Наш губернский город до сих пор не имеет ни одной книжной лавки. Изредка в ярмарочное время приезжает сюда из Казани тот или другой тамошний книгопродавец с запасом ненужного по большей части хлама да какой-нибудь букинист раскинет на столике произведения задних московских литературных дворов» ¹⁴⁵. Между тем тяга населения к чтению, особенно в губернском городе, возрастала и потому большим событием для Самары стало открытие 1 января 1860 г. публичной библиотеки на 800 томов.

Общественные увеселения приобрели более цивилизованный характер с открытием 16 ноября 1855 г. театра на 550 мест, хотя первые театральные представления в городе начались осенью 1851 г., но театр поначалу не имел постоянного здания. В 1858 г. из кружка любителей музыки возникло филармоническое общество ¹⁴⁶. Время от времени Самару посещали с гастролями заезжие артисты. В феврале 1856 г. здесь выступал оперный певец Г. Бантышев, вызвавший оживление в местной публике. Кроме сольного концерта, он пытался поставить оперу «Аскольдова могила», но постановка большой оперы в провинциальном театре «с комической труппой» оказалось авантюрой чистой воды. Спектакль провалился настолько, что местный критик Самаринин 1-й отказался от какого-либо его разбора ¹⁴⁷. 21 ноября того же года в зале дворянского собрания выступал соло-флейтист нидерландского короля г-н Совле, поразив местную публику большой пьесой собственного сочинения, которую он сыграл одной левой рукой ¹⁴⁸. В 1860 г. в городе прошли гастроли труппы миланского театра «Ла-Скала», давшей «Севильского цирюльника», «Лючию», «Травиату». Самарская труппа содержателя Соловьева посещала крупнейшие ярмарки губернии, прежде всего Воздвиженскую в Бугульме. Представления здесь проходили в лубочном балагане, в котором гастролеры нещадно страдали от холода. Скрашивала настроение артистов только популярность играемых ими водевилей. Попытка поставить «серьезную» драму «Рука всевышнего Отечество спасла» не удалась. Театр любили посещать и татарские купцы, которые «при смешных сценах громко и от всей души хохотали» ¹⁴⁹.

Традиционными становились самодеятельные представления с участием представителей местного света. Еще в 1849 г. распоряжением симбирского губернатора князя

Черкасского, посетившего Самару, был превращен в общественный парк знаменитый Струковский сад, конфискованный у начальника соляного правления генерала Струкова. Начало его благоустройству положил лично городничий Якубович. Среди деревьев проложили дорожки, разбили цветники. В мае 1851 г. в Струковском саду, служившем прежде излюбленным местом для пикников, построили палатку с деревянным полом длиной в 6 и шириной в 3 сажени, в которой дворянство дало «великолепный бал». В следующем году губернатор Волховский приказал превратить палатку в «постоянный воксал», где дважды в неделю устраивать танцевальные вечера. Воксал состоял из трех комнат: танцевальной залы, диванной и комнаты для карточной игры ¹⁵⁰.

Кроме того, танцевальные вечера устраивались каждую среду в Дворянском собрании, а для «высшего общества» Самары губернатор устраивал новогодние балы. В Дворянском собирався узкий круг «лучшего общества», поэтому вечера эти получили наименование семейных. Особое оживление вносил благородный театр, носивший иногда благотворительный характер. Так, 10 января 1854 г. в зале Дворянского собрания был дан «благородный театр в пользу учреждаемого в Самаре детского приюта». Репертуар состоял из следующих пьес: «Зеленая пыль», комедия А. Дюма; «Сотрудники и чужие, или Чужим добром не наживешься», пословица в 2-х действиях графа Сологуба; «Мотя», водевиль Тарновского, и комедия без названия — сочинение князя Кугушева ¹⁵¹.

Последними новостями самарцев накануне отмены крепостного права явилось основание земским врачом Н.В.Постниковым прославившегося позже кумысолечебного заведения — первого в России, открытие постоянных рейсов пассажирского парохода Тверь-Саратов с заходом в Самару, «телеграфической конторы», первой паровой мельницы купца А.П.Шишкова; на Алексеевской площади взметнулось ввысь невиданное доселе сооружение — деревянная башня с часами, которые отбивали время.

В 1857 г. возвращавшийся из ссылки Тарас Григорьевич Шевченко записал следующее впечатление от Самары: «Город ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город. Живой представитель неудобозабываемого Николая Тормоза. Огромная хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан и нет порядочного трактира. О, Русь!» ¹⁵² Город действительно производил противоречивое впечатление. В нем как бы сходились два мира: старый рутинно-чиновный, сонно-мещанский, и новый, бурлящий коммерческой предприимчивостью, с растущим словно на дрожжах купеческим слоем, обуреваемым «хлебной лихорадкой».

Будущее Самары отныне связывалось с обширным краем, окаймленным жемчужным ожерельем великой русской реки. Крупнейшая в Среднем Поволжье, Самарская губерния почти в пять раз превосходила Московскую и вдвое соседнюю Саратовскую. Она обладала огромным хлебородным потенциалом, использование которого давало России возможность серьезно укрепить свои позиции на мировом рынке.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДРЕВНОСТИ САМАРСКОГО КРАЯ

- 1 *Васильев И.Б., Выборов А.А., Габяшев Р.С. и др.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С.151-189
- 2 *Васильев И.Б., Пенин Г.Г.* Елшанские стоянки на р.Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. С.3-22.
- 3 *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С.12-16.
- 4 Там же. С.17, 18.
- 5 *Мерперт Н.Я., Качалова Н.Н., Васильев И.Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С.19.
- 6 *Колев Ю.И.* Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991. С.162-206.
- 7 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е Т.21. С.163.
- 8 *Скрипкин А.С.* Позднесарматская культура Нижнего Поволжья // Автореферат дисс. канд. ист. наук. Москва, 1973. С.19.
- 9 *Козак Д.Н.* Поселение пшеворской культуры в с.Подберезцы Львовской области // Советская археология. 1985. № 1. с.75-85
- 10 *Баран В.Д.* Черняхівська культура. Киев, 1881.

НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРВЫХ ГОСУДАРСТВ

- 1 *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. С.110.
- 2 *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X - начала XIII вв. Казань, 1986. С.137-159.
- 3 *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб., 1884. С.27, 28.
- 4 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.1. М., 1962. С.459.
- 5 *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. С.27, 28.
- 6 ПСРЛ. Т.1. С.460.
- 7 *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С.49.
- 8 *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С.361.
- 9 *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.156.
- 10 ПСРЛ. Т.ХI. М., 1965. С.44; Т.ХХVIII. М., 1963. С. 235.
- 11 Там же. Т.ХХVIII. С.246.
- 12 *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.181, 185, 212.
- 13 *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С.146, 151, 153.
- 14 Там же. С.154-156.
- 15 Там же. С. 158.
- 16 ПСРЛ. Т.ХI. С.125.
- 17 Там же. Т.ХХVIII. С. 250.
- 18 Казанская история. М.-Л., 1954. С.53.
- 19 Там же. С.66.
- 20 ПСРЛ. Т.ХIII. С.129.

ОТ КАЗАНСКОГО ПОХОДА ДО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

- 1 Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С.140.
- 2 Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С.167.
- 3 Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сборник научных работ Морд. гос. пед. ин-та. Саранск, 1949. С.49.
- 4 Там же. С.54.
- 5 Перетяткович Г.И. Поволжье в XV-XVI вв. М., 1877. С.303
- 6 Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С.56.
- 7 Чтения Общества истории древностей Российских (ЧОИДР). 1896. Т.2 С.27.
- 8 Середонин С.М. Известия англичан о России // ЧОИДР. 1884. Кн.4. С.38.
- 9 Сафаргалиев М.Г. Указ. соч. С.36.
- 10 Древняя Российская вивлиофика. М., 1789. Изд.2-е. С.102. Т.9.
- 11 Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С.20-21.
- 12 ПСРЛ. СПб., 1904. Т.ХIII. 1-я пол. С.282.
- 13 Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф.127. Оп.1 Кн.2. Л.230.
- 14 Соловьев С.М. История России. М., 1960. Кн.4 С.390, 391; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1821. Т.9. С.224.
- 15 Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. Моск. обл. пед. ин-т. М., 1976. С.33-34.
- 16 Жак Маржерет. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.256-257.
- 17 Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. М., 1967. С.168, 172.
- 18 Сибирские летописи. СПб., 1907. С.276.
- 19 Мякутин А. Гнездо Самарских казаков: Очерк из истории Оренбургского казачества // Военно-исторический сборник. 1911. N 4. С.53.
- 20 Ромодановская Е.К. Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. N 3. С.142.
- 21 Перетяткович Г.И. Указ. соч. С.285.
- 22 Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.384 и др.; Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С.189 и др.
- 23 Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. испр. и доп. Новосибирск, 1986. С.188.
- 24 Карпов А.Б. Уральцы. Уральск, 1911. С.41.
- 25 Скрынников Р.Г. Указ. соч. С.138.
- 26 ЦГАДА. Ф.127. Оп.1. Кн.10. С.140.
- 27 Сергеев В.И. Указ. соч. С.28.
- 28 ЦГАДА. Ф.127. Оп.1. Кн.10. С.110об.
- 29 Там же. С.65об.
- 30 Там же. Л.127.
- 31 Там же. Л.141-142, 147об.-149, 256-257об., 269-270.
- 32 Там же. Л.260.
- 33 Там же. Д.13. 1586 г.
- 34 Скрынников Р.Г. Указ. соч. С.179.
- 35 Карпов А.Б. Указ. соч. С.52.
- 36 Там же. С.75, 356-357.
- 37 Скрынников Р.Г. Указ. соч. С.143.
- 38 Древняя Российская вивлиофика. Ч.ХХIX. С.190-210.
- 39 Пискаревский летописец. Материалы по истории СССР. Вып. 2. // Документы по истории XV-XVII вв. М., 1955. С.88.
- 40 Тверской Л.М. Русское градостроительство до конца XVII в. Планировка и застройка русских городов. М.-Л., 1953; Алферова Г.В. Русские города XVI-XVII вв. М., 1989.
- 41 Фотокопия документа хранится в коллекции самарского краеведа Е.Ф.Гурьянова.
- 42 Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары. Куйбышев, 1986. С.24, 36-42.
- 43 ЦГАДА. Ф.127. Оп.1 1586 г. Стб.11. Л.6-7 и др.
- 44 Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ). Ф.38. Оп.1. Д.66. Л.374.
- 45 ЦГАДА. Ф.127. Оп.1 1586 г. Стб.13. Л.38-38об., 40.
- 46 Там же. Д.10.
- 47 Карпов А.Б. Указ. соч. С.859.

- 48 ЦГАДА. Ф.127. Оп.1 1586 г. Стб.13. Л.60.
- 49 Карпов А.Б. Указ. соч. С.858.
- 50 Жак Маржерет. Указ. соч. С.258.
- 51 Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С.150.
- 52 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. СПб., 1832 Т.2. С.175.
- 53 Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С.22-23.
- 54 Масса И. Указ. соч. С.153.
- 55 Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т.ХХI. С.171.
- 56 Смирнов Ю.Н. Разгром авантюры И.Заруцкого в Поволжье в 1614 г. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (дореволюционный период) Уфа, 1988. С.72.
- 57 Труды Восточного отделения... Т.ХХI. С.241.
- 58 Там же. С.165, 175, 178.
- 59 Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею (АИ). СПб., 1841. Т.3. С.425.
- 60 Бушуев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. М., 1987. С.16, 21, 22.
- 61 Там же. С.30, 32-33.
- 62 Труды Восточного отделения... Т.ХХI. С.229.
- 63 АИ. Т.3. С.411-413.
- 64 Там же. С.420, 423, 426-428.
- 65 Там же. С.442.
- 66 Там же. С.25.
- 67 Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Ч.1. С.119.
- 68 Там же. С.121.

ПОРУБЕЖНЫЙ КРАЙ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

- 1 Архив ЛОИИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л.246.
- 2 Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // ЧОИДР. 1893. Кн.4. С.51-65.
- 3 Архив ЛОИИ. Ф.38. Оп.1. Д.67.
- 4 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Под ред. Н.И.Веселовского. СПб., 1890. Т.1. С.220; Книги разрядные. СПб., 1853. Т.1. С.1141-1358; СПб., 1855. Т.2. С.87-931.
- 5 Окладная расходная роспись... С.56-65.
- 6 Архив ЛОИИ. Ф.38. Оп.1. Д. 67. Л.214.
- 7 Окладная расходная роспись... С.56-65.
- 8 Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.Я.Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1910. Т.15. Кн.4. С.291-292.
- 9 Архив ЛОИИ. Ф.38. Оп.1. Д. 67. Л.275.
- 10 Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С.173.
- 11 Журнал Министерства Внутренних Дел (Журнал МВД). 1850. Ч.32.
- 12 ЦГАДА. Ф.210. Московский стол Д.623. Л.475.
- 13 Там же. Ф.281. Оп.16. Д.10845. Л.6-7.
- 14 Там же. Л.4.
- 15 Лебедев В.И. Из истории правительственной колонизации Среднего Поволжья в XVII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С.56-58.
- 16 Невоструев К. Сведения о построении города Сызрани // ЖМВД. 1849. N 11. С.471.
- 17 ЦГАДА. Ф.210. Д.66. Л.853-872.
- 18 Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.312-313.
- 19 Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919. С.33.
- 20 Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С.51.

- 21 Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т.Х. N7735.
- 22 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч.1. С.225.
23. Материалы по историко-статистическому описанию оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. VII. С.44, 59, 66, 90.
- 24 ЦГАДА. Ф.767. Д.3. Л.57-62.
- 25 Там же. Ф.16. Оп.1. Д.595. Ч.1. Л.120.
- 26 Там же. Ф.248. Д.140. Л.316.
- 27 Там же. Л.314, 331.
- 28 Там же. Ф.396. Оп.1. Д.101. Л.14об.
- 29 Центральный Государственный Военно-Исторический Архив (ЦГВИА). Ф.ВУА. Д.19026. Л.62.
- 30 ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.62-63.
- 31 Там же. Л.60, 64-66.
- 32 Паллас П.С. Указ. соч. С.175.
- 33 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1430. Л.82-83.
- 34 ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.410-411.
- 35 Беликов Т.И. Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева. Элиста, 1971. С.46.
- 36 ЦГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.242. Л.13об.
- 37 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1410. Беликов Т.И. Указ соч. С.28, 155.
- 38 Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода (ОДДАС). СПб., 1907. Т.15. Стб. 955-959.
- 39 ЦГАДА. Ф.1209. Кн.6468. Л.25-67.
- 40 Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т.2. С.224-255.
- 41 ЦГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11562. Л.3-86.
- 42 Там же. Оп.16. Д.10845. Л.5-6. Ф.1209. Оп.17. Д.159. Л.83-83об., 90-90об.
- 43 Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д.146. Л.134.
- 44 ЦГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.2939. 1709г. Л.295-295об.
- 45 Там же. Ф.281. Оп.17. Д.11587. Л.1.
- 46 Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д.146. Л.132-133.
- 47 ЦГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11572. Л.121-142об., 159-198.
- 48 Там же. Ф.1097. Оп.1. Д.79-81.
49. Там же. Ф.350. Оп.2. Д.2899. Л.546, 548.
- 50 Ендурев В.А. Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Вып.2. Куйбышев, 1971. С.51-59.
- 51 Ведерникова Т.И. Из истории формирования населения степного Заволжья (Самарской губернии) в XVI-XIX вв. // Проблемы истории СССР. Вып. XI. М., 1980. С.114-115.
- 52 ЦГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3353. Л.137; Д.2453. Л.1, 301-302, 436, 654, 661.
- 53 Ендурев В.А. Указ. соч. С.62.
- 54 ЦГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3351. Л.45-50об., 77.
- 55 Там же. Л.105об.-110.
- 56 Смирнов Ю.Н. Население Самарского края по III ревизии // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX - начале XX вв. Куйбышев, 1986. С.16-17.
- 57 Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С.180.
- 58 Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.509.
- 59 Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. 1938. Т.4. С.21-40.
- 60 ЦГАДА. Ф.1209. Кн.6468 Л.25-67.
- 61 ОДДАС. Т.15. Стб.955-959; ЦГАДА. Ф.1183. Д.129. Л.4-7, 12-14.
- 62 Бахрушин С.В. Промышленные предприятия... С.228-247.
- 63 Российское законодательство X-XX вв. В 9-ти томах. М., 1985 Т.3. С.188.
- 64 Архив ЛОИИ. Ф.38. Оп.1. Д.66. Л.99, 188-189.
- 65 Там же. Л.377, 381, 395 и др..
- 66 ЦГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.26об.-27.
- 67 Там же. Ф.281. Оп.17. Д.11582. Л.159-198.
- 68 Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII вв. М., 1987. С.181.
- 69 ЦГАДА. Ф.11. Оп.1. Д.70. Л.74об.
- 70 Там же. Ф.248. Д.531. Л.319об.

- 71 *Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч.1. С.47-48.
- 72 Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1869. Т.4. С.94.
- 73 ЦГАДА. Ф.342. Оп.1. Д.109. Ч.2. Л.293, 294об., 296об.
- 74 *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. Ч.1. С.140.
- 75 ЦГАДА. Ф.1239. Оп.1. Д.101. Л.2-4.
- 76 Там же. Оп.52/2. Д.1407. Л.64.
- 77 Там же. Ф.1239. Оп.52/2. Д.1407. Л.72об.
- 78 Там же. Оп.1. Д.101. Л.57об., 76об.
- 79 Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т.6. С.175.
- 80 *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С.354.
- 81 ЦГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.26об.-28об.
- 82 АИ. Т.5. N 65. С.95.
- 83 ЦГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.140, 143; Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.255. 1702 г. Л.2об.
- 84 *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные условия в русских летописях XI-XVII вв. Л., 1983. С.23-24.
- 85 ЦГАДА. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.255. 1702 г. Л.1-3; Оп.1. Ч.1. Д.34. 1701 г. Л.289-289об. и др.
- 86 Там же. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144.
- 87 Там же. Ф.237. Оп.1. Ч.3. Д.6337. Л.3,5об.
- 88 *Паллас П.С.* Указ.соч. С.135, 228-229, 242-243.
- 89 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.10об.
- 90 Там же. Ф.248. Оп.113. Д.16516. Л.350об.
- 91 *Дулов А.В.* Географическая среда и история России (конец XV - середина XIX вв.). М., 1983. С.59.
- 92 *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.1. СПб., 1795. С.143-144.
- 93 Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф.91. Оп.1. Д.381. Л.372.
- 94 *Паллас П.С.* Указ.соч. С.229, 306.
- 95 ЦГИА. Ф.91. Оп.1. Д.381. Л.379.
- 96 Там же. Л.120, 379.
- 97 *Лепехин И.И.* Указ.соч. С.148.
- 98 Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С.344
- 99 Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т.2. С.21.
- 100 *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С.203-206; *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII в. - центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С.81-82 и др.
- 101 ЦГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.24. 1687 г.; Ф.159. Оп.1. Д.59; Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31 и др.
- 102 *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1768 гг. СПб., 1775. С.361-362; Исследования о состоянии... Т.2. С.75-94 и др.
- 103 ЦГАДА. Ф.125. Д.323а. Л.2-16, 47-57об.
- 104 Там же. Ф.26. Оп.2. Д.54. Ч.IX. Л.20-31.
- 105 Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т.6. С.304.
- 106 ЦГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144.
- 107 Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т.2. С.242-243.
- 108 ЦГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.58. Л.104-105об.
- 109 *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С.234-235; *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С.65.
- 110 *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч.1. С.268-269.
- 111 ЦГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.74, 107
- 112 *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935. С.139.
- 113 ЦГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684 г. Л.1-144об.
- 115 Там же. Ф.1199. Оп.1. Д.7. Л.135.
- 116 Книга Большому Чертежу. С.140.
- 117 ЦГАДА. Ф.1335. Оп.2. Д.5195.
- 118 *Лепехин И.И.* Записки... Т.3. С.
- 119 Сб. РИО. СПб., 1873. Т.11. С.491.
- 120 *Паллас П.С.* Указ. соч. С.283-288.

- 121 *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности России. М.-Л., 1949. Т.2. С.418.
- 122 *Бруин К.* Указ. соч. С.173.
- 123 ЦГАДА. Ф.1209. Кн.6468. Л.4об.-24.
- 124 *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII - начале XVIII вв. М., 1977. С.215.
- 125 *Воскобойникова Н.П.* К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII в. // История СССР. 1986. N 3. С.158-159.
- 126 ЦГАДА. Ф.281. Оп.16. Д.10841. Л.1.
- 127 *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII вв. М., 1973. С.287-288.
- 128 *Гурьянов Е.Ф.* Древние вехи Самары. Куйбышев, 1986. С.73.
- 129 *Родин Ф.Н.* Бурлачество в России. М., 1975. С.24; *Готье Ю.В.* Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л., 1937. С.237.
- 130 *Шефер А.* Город Куйбышев (Очерки истории Самары—Куйбышева). Куйбышев, 1940. С.20.
- 131 Архив ЛОИИ. Ф.38. Д.67. Л.146.
- 132 ЦГАДА. Ф.396. Д.41162. Л.29-45.
- 134 *Бруин К.* Указ. соч. С.174.
- 135 *Родин Ф.Н.* Указ. соч. С.82.
- 136 ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.161.
- 137 Там же. Л.32, 161, 176-177.
- 138 Сб.РИО. СПб., 1900. Т.107. С.610, 612.
- 139 Там же. СПб., 1903. Т.115. С.345.
- 140 *Паллас П.С.* Указ.соч. С.228-229.
- 141 *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С.233.
- 142 ЦГАДА. Ф.263. Оп.1. Ч.2. Д.463. Л.3-4.
- 143 Там же. Ф.248. Д.308. Л.29, 249об.
- 144 Там же. Ф.263. Оп.1. Ч.2. Д.463. Л.5 и об.
- 145 Там же. Ф.1239. Оп.1. Д.101. Л.56об.; Д.116. Л.6.; ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.78.
- 146 *Паллас П.С.* Указ.соч. С.225.
- 147 ЦГАДА. Ф.248. Д.4313. Л.120-123.
- 148 *Кизиветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С.139, 160.
- 149 ЦГАДА. Ф.350. Оп.2. Ч.2. Д.2899. Л.529.
- 150 Там же. Д.2899. Л.519.
- 151 Материалы оренбургского казачьего войска. Вып.VII. С.144-145.
- 152 ЦГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.913. Л.2 и об.; Ф.248. Д.3930. Л.178.
- 153 Там же. Ф.767. Д.2. Л.62 и об.

ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ

- 1 ЦГАДА.Ф.1199. Оп.1. Д.66; Ф.281. Оп.17. Д.11565. Л.28-29.
- 2 Там же. Ф.125. Оп.1. Д.29. 1683г. Л.1-8; Д.2.1677г. Л.3-8; Д.54.1684г. Л.1-23; ДАИ. Т.10. С.76-79; и др.
- 3 Там же. Ф.1199. Оп.1. Д.71. Л.1.
- 4 Там же. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.2239. 1708г. Л.1-2.
- 5 Там же. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.143об.-157.
- 6 Там же. Ф.237. Оп.1. Ч.2. Д.1236. 1705г. Л.1-15об.; Д.1983. 1707г. Л.1-60.
- 7 Архив ЛОИИ. Ф.38. Оп.1. Д.67. Л.214.
- 8 ЦГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.7. Л.61.
- 9 *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Маркс К.,Энгельс Ф. Соч.Т.7. С.357.
- 10 ЦГАДА. Ф.1167. Оп.1. Ч.2. Д.1530. Л.7.
- 11 Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1957. Т.2. Ч.1. С.535.
- 12 Там же. М., 1962. Т.3. С.534.
- 13 Там же. С.533.
- 14 Там же. Т.3. С.533; Т.2. Ч.1. С.535.
- 15 Там же. Т.3. С.110-111.
- 16 Там же. С.118-119.
- 17 ЦГАДА. Ф.248. Д.3620. Л.626-632.
- 18 Там же. Ф.342. Оп.1. Д.242. Л.11-14; Д.98. Ч.2. Л.3-6, 8-14.
- 19 Там же. Ф.248. Д.3773. Л.144 и об.
- 20 Там же. Ф.342. Оп.1. Д.109. Ч.11. Л.310, 318 и об.

- 21 Там же. Л.276-277.
- 22 Там же. Ч.16. Л.29об.-30
- 23 Там же. Ч.11. Л.194об.
- 24 Там же. Л.303, 304.
- 25 Там же. Л.287, 312об., 315об., 317.
- 26 Там же. Л.318об.
- 27 Сб.РЮО. Т.107. СПб., 1900. С.461-462.
- 28 Там же. С.464.
- 29 Там же. С.466-467.
- 30 Там же. С.615.
- 31 Там же. Т.68. СПб., 1889. С.6.
- 32 Там же. Т.93. СПб., 1894. С.5.
- 33 *Артамонова Л.М.* Депутат Д.Ф.Рукавкин // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч.1. С.44.
- 34 ЦГАДА. Ф.248. Д.3931. Л.337.
- 35 *Смирнов Ю.Н.* Население г.Самары в Пугачевском восстании // Социально-экономическое развитие и народные движения на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Уфа, 1990. С.106-116.
- 36 *Смирнов Ю.Н.* Повстанческие власти и крестьянское самоуправление в Самарском крае в 1773-1774 гг. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С.48-55.
- 37 См.: *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е.И.Пугачева. Элиста, 1971.

ГЛУБИНКА ДВОРЯНСКОЙ ИМПЕРИИ

- 1 Самара - Куйбышев: Хроника событий. Куйбышев, 1985. С.42.
- 2 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.4-5.
- 3 Там же. Ф.16. Оп.1. Д.934. Ч.П. Л.25.
- 4 Там же. Л.2.
- 5 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.6.
- 6 Там же. Ф.ВУА. Д.19026. Л.64-66, 82-83.
- 7 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1410-1422. Л.1.
- 8 Там же. Ф.ВУА. Д.19026. Л.17-18.
- 9 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.7об., 10об.
- 10 *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978. С.55.
- 11 Очерки русской культуры. XVIII век. Ч.1. М., 1985. С.122.
- 12 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.11-24об.
- 13 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.149об.
- 14 Там же. Ф.1355. Оп.1 Д. 1410. Л.1.
- 15 Там же. Ф.1336. Оп.3. Д.46. Л.1, 5.
- 16 Там же. Оп.4. Д.25. Л.1.
- 17 Там же. Ф.1354. Оп.418. Д.Е-3.
- 18 Там же. Ф.1336. Оп.1. Д.1038-1040.
- 19 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.535. Л.60-70об.; Д.531. Л.85.; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.147. Оп.6. Д.8. Л.9.
- 20 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.531. Л.104об.; Д.3320. Л.1-5.
- 21 Там же. Д.531. Л.92, 132.; Д.535. Л.80.
- 22 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.8. Л.9 и об.
- 23 Там же. Оп.5. Д.12. Л.37 и об.; ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.67.
- 24 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.61об., 103об.
- 25 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.417об.-418.
- 26 Там же. Оп.7. Д.26. Л.28об.; Оп.7. Д.5. Л.33,64об.-65.
- 27 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.555. Л.10об.; Ф.1274. Оп.1. Д.3309. Л.3.
- 28 Там же. Ф.16. Оп.1. Д.931. Л.32об. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.72; ЦГВИА.Ф.ВУА.Д.19023.Л.44 и об.
- 29 *Ендураев В.А.* Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Вып.2. Куйбышев, 1971. С.63.
- 30 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1425. Л.51об.-56.
- 31 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.64об. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.45.
- 32 *Тарасов Ю.М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984. С.92.
- 33 Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.6. Самара, 1889. С.10.
- 34 Там же. Т.3. Самара, 1885. С.12.

- 35 ЦГАДА. Ф.1354. Оп.418. Д.Е-3.
 36 Там же. Оп.443. Д.Н-25.
 37 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.3323. Л.141-142; Д.3333. Л.50 и об.
 38 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.143-145об.
 39 ЦГАДА. Ф.1274. Оп.1. Д.1216. Л.3.
 40 Там же. Ф.1273. Оп.1. Д.629. Л.3 и об., 36об.
 41 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1425. Л.51об.-55, 48 и об.
 42 Там же. Л.40об.-42; Д.1432. Л.104об., 107, 125-130.
 43 Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1430. Л.98 и об., 117об.-121об.
 44 *Тарасов Ю.М.* Указ.соч. С.53.; *Ведерникова Т.И.* Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в XVII-XVIII вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С.64, 67; ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1432. Л.74.
 45 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1432. Л.51об., 148.
 46 Там же. Д.1422. Л.107; Д.1410.
 47 ГАУО. Ф.147. Оп.10. Д.43. Л.1-5.
 48 *Ключевский В.О.* Сочинения. В девяти томах. Т.V. М., 1989. С.132.
 49 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.31об., Д.531. Л.152,144; Д.535. Л.140; Д.558. Л.67об.
 50 Отдел рукописей Государственной библиотеки им.Ленина (ОР ГБЛ). Ф.219. Карт.90. Е.х.27. Л.10об.-11.
 51 ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.188об.-189.
 52 Там же. Л.187-188.
 53 В крепостную эпоху на Средней Волге. М.- Самара, 1934. С.108.
 54 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.535. Л.60 и об.
 55 ОР ГБЛ. Ф.219. Карт.90. Е.х.27. Л.11.; В крепостную эпоху..., С.114.
 56 ОР ГБЛ. Ф.219. Карт.133. Е.х.11. Л.1.; ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.26. Л.20-23.
 57 ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.5. Л.146.
 58 ОР ГБЛ. Ф.219. Карт.90. Е.х.27. Л.13.; ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.154а; Д.564. Л.18.
 59 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.548. Л.90об., 136; Д.562. Л.42об.
 60 ОР ГБЛ. Ф.219. Карт.90. Е.х.25. Л.3об.-9.
 61 Известия общества археологии, истории, этнографии при императорском Казанском университете. Т.XXII. Вып.1. Казань, 1906. С.63.
 62 ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.19029. Л.234об.-240.
 63 ЦГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1425. Л.44об.
 64 ГАУО. Ф.147. Оп.11. Д.21. Л.10об.
 65 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.558. Л.34 и об.
 66 ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.26. Л.23; Д.5. Л.33 и об.
 67 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.562. Л.87об.
 68 Там же. Д.558. Л.4. ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.137 и об., 438.

НАЧАЛА ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, ПОПЕЧЕНИЕ О ЗДРАВЬИ

- 1 *Орлов А.С., Смирнов Ю.Н.* Предисловие. // Жажда познания. Век XVIII. М., 1986. С.11-12.
 2 ЦГАДА. Ф.248. Д.317. Л.451-452об.
 3 Самара-Куйбышев: Хроника событий. 1586-1986. Куйбышев, 1985. С.33-34.
 4 *Паллас П.С.* Указ. соч. С.211, 239.
 5 ОР ГБЛ. Ф.219. Карт.55. Е.х.72; Карт.7. Е.х.6. Л.67-68.
 6 *Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Ч.1. С.47-48.
 7 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.554. Л.52; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.373об.
 8 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.531. Л.132об., 159об.; Д.534. Л.23.; Д.967. Л.25-30об.; Д.535. Л.3об.
 9 Там же. Ф.1357. Оп.1. Д.35. Л.142об.
 10 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Симбирская губерния. СПб., 1853. Т.5. Ч.2. С.138.
 11 ГАУО. Ф.322. Оп.1. Д.287. Л.566об., 567, 573об., 574; Оп.5. Д.78. Л.16,153.
 12 ЦВИА. Ф.ВУА. Д.19026. Л.65-66.
 13 *Гурьянов Е.Ф.* Указ. соч. С.98.
 14 Русский вестник (РВ). 1875. N 4. С.497-498.

- 15 Там же. N 8. С.595.
- 16 Там же. N 9. С.137-138.
- 17 Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Ч.3. С.61.
- 18 РВ. 1875. N 4. С.514, 527.
- 19 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.555. Л.8; Д.534. Л.35об., 38об.
- 20 Там же. Д.536. Л.157, 167, 181об., 182.
- 21 Там же. Д.563. Л.33 и об.
- 22 Там же. Д.564. Л.5об.
- 23 ГАУО. Ф.147. Оп.9. Д.15. Л.1 и об.
- 24 Там же. Оп.6. Д.10. Л.18.
- 25 Там же. Д.46. Л.7 и об.
- 26 Там же. Оп.7 Д.5. Л.225, 226об.
- 27 Российское законодательство X-XX веков. М., 1987. Т.5. С.263.
- 28 Там же. С.273.
- 29 ГАУО. Ф.147. Оп.10. Д.43. Л.51.
- 30 Там же. Оп.7. Д.25. Л.19.
- 31 Там же. Оп.9. Д.15. Л.9.
- 32 Там же Д.15. Л.10 и об.
- 33 ЦГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.942. Л.18 и об.
- 34 Там же. Д.2910. Л.60об.; Ф.1357. Оп.1. Д.35. Л.142об.; ГАУО. Ф.322. Оп.1. Д.287. Л.568об., 569.
- 35 *Алабин П.В.* Двадцатипятилетие Самары как губернского города. - Самара, 1877. С.22.
- 36 *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений. М., 1955. Т.2. С.425.
- 37 РВ. 1875. N 6. С.495.
- 38 *Шерешевский Г.М.* Начало самарской медицины. // Самарский краевед. Самара, 1991. Ч.1. С.49.
- 39 Там же. С.52-53.
- 40 *Молько В.И.* Путешествие по одной улице. Куйбышев, 1987. С.13-14; *Завальный А.Н.* Книга и люди. Куйбышев, 1988. С.5-6; Самара-Куйбышев. Хроника событий. С.51-52.

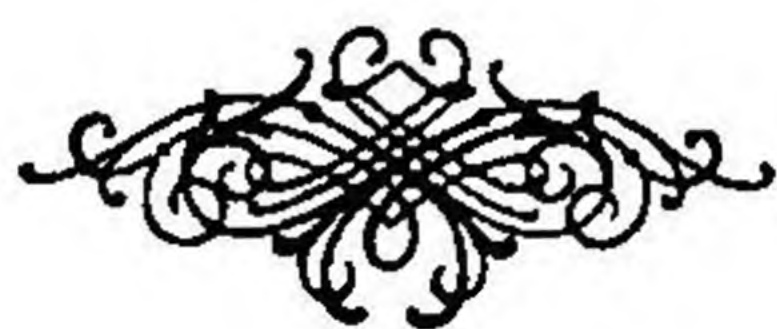
В ЦЕНТРЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЖИТНИЦЫ

- 1 *Лясковский Б.* Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал МВД. 1860. N 7. Отд.3. С.6.
- 2 Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1861. Вып. III. С.3.
- 3 *Постников В.* Из хозяйственной жизни Самарского края // Сельское хозяйство и лесоводство. Ч.177. СПб., 1894. С.152-153.
- 4 *Лишин И.* Очерк Николаевского уезда (Самарской губернии) в статистическом и сельскохозяйственном отношениях. СПб., 1880. С.25.
- 5 Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. Ч.1. СПб., 1868. С.227.
- 6 Центральный государственный исторический архив г.Москвы (ЦГИАМ). Ф.419. Оп.1. Д.2171. Л.29об.; Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.149. Оп.1. Д.431. Л.8.
- 7 *Овсянников А.* Географические очерки и картины. Т.1. Очерки и картины Поволжья. СПб., 1878. С.3.
- 8 *Лясковский Б.* Указ. соч. С.29-30.
- 9 *Аксаков С.Т.* Семейная хроника // Собр. соч. в 3-х тт. Т.1. М., 1986. С.39-40.
- 10 Там же. С.40.
- 11 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* О крепостном состоянии в России // Граф П.Д.Киселев и его время. Т.IV. СПб., 1882. С.285.
- 12 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. Самара, 1901. С.47.
- 13 *Инч-ъ.* Движение дворянской поземельной собственности в Самарской губернии с 1866-1885 гг. // Экономический журнал. 1893. Кн.9-10. С.16.
- 14 Самарские губернские ведомости (СГВ). 1861 г. 25 февраля. С.76.
- 15 Там же. 11 марта. С.92.
- 16 Там же. 6 мая. С.128.
- 17 *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания. В 2-х тт. Т.1. Воспоминания Н.В.Шелгунова. М., 1967. С.68. (Далее: *Шелгунов Н.В.* Воспоминания).
- 18 Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в России в течении 10 лет с 1844 по 1854 гг. СПб. 1855. С.64-65.
- 19 Там же. С.65.

- 20 Там же. С.58.
- 21 *Преображенский П.А.* Колонизация Самарского края // Известия Самарского сельскохозяйственного института. Самара, 1923. Т.1. Кн.1. С.55.
- 22 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. С.47.
- 23 *Леопольдов А.* Взгляд на Новоузенский округ Саратовской губернии // Журнал министерства государственных имуществ (Далее: ЖМГИ). Ч.ХІІІ. 1844. Отд.4. С.32-33.
- 24 Там же. С.34.
- 25 *Лясковский Б.* Указ. соч. С.81.
- 26 ГАСО. Ф.398. Оп.1. Д.171. Л.5-6.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л.24об.
- 29 Там же. Л.9.
- 30 Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I отделении департамента Генерального штаба. Т.V. Часть 3. Самарская губерния. Сост. Безносиков. СПб., 1853. С.81.
- 31 Центральный государственный архив республики Татарстан (ЦГАРТ). Ф.422. Оп.1. Д.341. Л.1.
- 32 Там же. Л.2об.
- 33 Там же.
- 34 *Щапов А.П.* Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения. Т.2. СПб., 1906. С.193.
- 35 Военно-статистическое обозрение... Самарская губерния. С.81.
- 36 Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния. СПб., 1867. Ч.ІІ. С.249.
- 37 Там же. С.252.
- 38 *Благовидов Ив.* Материалы к исследованию здоровья инородцев Симбирской губернии Буинского уезда чуваш, мордвы и татар, собранные посредством измерения роста, окружности груди, емкости легких и веса: Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1888. С.18.
- 39 *Змеев Л.Ф.* Медико-топографическое описание и статистически очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии: Дисс. на степень доктора медицины. М., 1883. С.63.
- 40 *Овсянников А.Н.* Указ. соч. С.63.
- 41 *Благовидов Ив.* Указ. соч. С.5.
- 42 *Лясковский Б.* Указ. соч. С.65-66.
- 43 *Сбоев В.А.* О быте крестьян в Казанской губернии. Казань, 1856. С.25-26.
- 44 Там же. С.23.
- 45 *Халиков Н.А.* Земледелие татар Среднего поволжья и Приуралья XIX - начала XX в. // Историко-этнографическое исследование. М., 1981. С.102.
- 46 *Лясковский Б.* Указ. соч. С.71.
- 47 Там же. С.18-19.
- 48 Там же. С.85.
- 49 СГВ. 1854 г. 31 июля. С.219.
- 50 *Жданов М.П.* Путевые записки по России в двадцати двух губерниях. СПб., 1843. С.70.
- 51 *Гакстгаузен Август, барон.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. Т.1. М., 1870. С.349-350.
- 52 *Макаров Н.П.* Зерновое хозяйство Северной Америки. М., 1924. С.21.
- 53 СГВ. 1854 г. 9 января. С.11.
- 54 *Штукенберг.* Статистические труды. Самарская губерния. СПб., 1858. С.11.
- 55 Там же. С.7.
- 56 Военно-статистическое обозр. Самарская губ. С.110.
- 57 Материалы для статистики России... С.62.
- 58 *Лясковский Б.* Указ. соч. С.28.
- 59 *Лясковский Б.* Река Иргиз // ЖМВД. 1856. Ч.ХХІ. Кн.12. Отд.VI. С.21.
- 60 Материалы для статистики России... С.62.
- 61 *Леопольдов А.Ф.* Исторические заметки о Самарском крае // ЖМВД. Февраль. С. 118-120.
- 62 *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII - первой половине XIX в. М., 1981. С.222.
- 63 СГВ. 1856 г. 24 ноября. С.200.
- 64 *Леопольдов А.Ф.* Статистическое описание Саратовской губернии. В 2-х частях. СПб., 1839. Ч.2. С.140-141.
- 65 СГВ. 1854 г. 27 февраля. С.58.
- 66 Там же. С.59.

- 67 *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. М., 1978. С.9.
- 68 ГАСО. Ф.398. Оп.1. Д.195а. Л.41об.-44об.
- 69 *Неупокоев В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII - начале XIX века. М., 1987. С.35
- 70 Там же. С.107
- 71 Граф П.Д.Киселев и его время. М., 1882. Т.2. С.53.
- 72 *Гриценко Н.П.* Удельные крестьяне Среднего Поволжья: Очерки. Грозный, 1959. С.464.
- 73 Военно-статистическое обозрение... Самарская губ. С.81.
- 74 *Гакстгаузен Август, барон.* Указ. соч. Т.1. С.349.
- 75 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. С.300.
- 76 *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С.133, 150, 156.
- 77 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. С.286.
- 78 СГВ. 1858. 17 мая. С.93-94.
- 79 ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.131. Л.97.
- 80 Исследование современного состояния овцеводства в России. Вып. V. Тонкорунное овцеводство в Юго-Восточных губерниях. СПб., 1885. С.32-33.
- 81 Там же. С.9.
- 82 Государственная публичная библиотека им.Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (ГПБ ОР). Ф.226. Грот К.К. Оп.1. Д.26. Л.41об.
- 83 Там же. Л.36об-37.
- 84 Там же. Л.46.
- 85 Декабристы. Поэзия, драматургия, публицистика, литературная критика. М.-Л., 1951. С.510.
- 86 Крестьянское движение в России. 1796-1825: Сборник документов / Под ред. С.Н.Валка. М., 1961. С.642-643.
- 87 Там же. С.308.
- 88 Материалы для географии и статистики России. Симбирская губерния. С.33.
- 89 *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия. XIX век. М., 1978. С.265.
- 90 *Леопольдов А.Ф.* Исторические заметки... С.152-154.
- 91 Там же. С.124-125.
- 92 ГАСО. Ф.430. Оп.1. Д.12, 14, 15, 18, 31, 33, 37, 39, 42, 46, 49 и др.
- 93 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. С.315.
- 94 ГПБ ОР. Основное собрание рукописных книг (ОСРК). Ф II-264. Л.6об.
- 95 *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Эпоха освобождения крестьян в России (1857-1861) в воспоминаниях П.П.Семенова-Тянь-Шанского, бывшего члена-эксперта и заведующего делами Редакционных комиссий. Т.1. СПб., 1911. С.51.
- 96 *Всеволодов И.В.* Беседы о фалеристике: Из истории наградных систем. М., 1990. С.110-111.
- 97 *Костин Г.* История одного портрета // Орленок. 1984. С.138-139.
- 98 Цит. по: *Костин Г.* Указ. соч. С.138.
- 99 Там же. С.140.
- 100 Там же. С.144.
- 101 *Селиванов К.А.* Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953.
- 102 *Второв И.А.* Дневник // Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников. Самара, 1992. С.220.
- 103 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. С.50.
- 104 *Второв И.А.* Указ. соч. С.221.
- 105 Там же. С.222.
- 106 Самара-Куйбышев: Хроника событий. С.44-45.
- 107 Военно-статистическое обозрение... Самарская губерния. С.67.
- 108 Самара-Куйбышев. Хроника событий. С.45.
- 109 *Шелгунова Л.П.* Из далекого прошлого // *Шелгунов Н.В.* Воспоминания. С.52.
- 110 *Селиванов К.А.* Указ. соч. С.23.
- 111 *Беляев А.П.* Воспоминания // Путешествие в прошлое... С.225.
- 112 Там же. С.226-227.
- 113 Там же. С.230.
- 114 *Шелгунова Л.П.* Указ. соч. С.52-53.
- 115 Там же. С.51.
- 116 *Леопольдов А.Ф.* Исторические заметки... С.24.
- 117 *Аксаков С.Т.* Собр.соч. в 3-х тт. Т.3. М., 1986. С.264.

- 118 Аксаков И.С. в его письмах // Путешествие в прошлое... С.235-236.
 119 Там же. С.236-237.
 120 Селиванов К.А. Указ. соч. С.29.
 121 Шелгунов Н.В. Воспоминания С.69.
 122 Шелгунова Л.П. Указ. соч. С.52.
 123 ПСЗ. 2-е собр-е N24 708.
 124 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. С.6-40.
 125 Шелгунов Л.П. Указ. соч. С.54.
 126 Лясковский Б. Указ. соч. С.52.
 127 Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С.114-115.
 128 ГАСО. Ф.155. Оп.1. Д.519. Л.1.
 129 Шелгунов Н.В. Воспоминания С.68-69.
 130 Леопольдов А.Ф. Исторические заметки... С.147.
 131 ГАСО. Ф.1. Оп.11. Д.97-348.
 132 Там же. Ф.3. Оп.1. Д.332. Л.4.
 133 Там же. Ф.155. Оп.1. Д.411, 414, 791 и др.
 134 Там же. Ф.3. Оп.1. Д.143. Л.2.
 135 Алабин П.В. Трехвековая годовщина г.Самары. Самара, 1887. С.127.
 136 Там же.
 137 Шелгунов Н.В. Воспоминания С.69-70.
 138 Самара-Куйбышев. Хроника событий. С.49.
 139 СГВ. 1857 г. 3 августа. С.139-141.
 140 Там же. 1856 г. 11 августа. С.141.
 141 Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. С.50.
 142 СГВ. 1856 г. 11 августа. С.141.
 143 Там же. 1858 г. 23 августа. С.201-202.
 144 Там же. 1857 г. 27 июля. С.131-133.
 145 Там же. 1861 г. 4 февраля. С.42.
 146 Самара-Куйбышев. Хроника событий. С.48-52.
 147 СГВ. 1856 г. 25 февраля. С.38-39.
 148 Там же. 1 декабря. С.204-205.
 149 Там же. 24 ноября. С.200.
 150 Там же. 1854 г. 6 февраля. С.34-35.
 151 Там же. 25 января. С.23.
 152 Шевченко Т.Г. Дневник. М.-Л., 1939. С.166-167.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абдурахманов М.	152	<i>Беликов Т.И.</i>	206, 209	Вотмановы	84
Агромыченков П.А.	160	Белосельский М.В.	57	<i>Всеволодов И.В.</i>	213
Аитов А.	117, 128	Бельские	168	Второв И.А.	5, 154, 155, 191—193, 213
Акимов А.Г.	185	Беляев А.П.	193, 194, 213	<i>Выборнов А.А.</i>	203
Аксаков А.Т.	185	Беляевы	192	Выдрин	107
Аксаков И.С.	160, 195	Беннигсен	191	Вышеславцев Л.	56
Аксаков С.Т.	154, 159, 160, 164, 165, 195, 211, 213	Бестужев В.Б.	143, 144, 146, 186, 192		
Алабин П.В.	5, 21, 198, 211, 214	Бестужев П.	192	<i>Габяшев Р.С.</i>	203
Алампеев А.Я.	79	Бешеный М.	114	Гаврилов Д.	153
Алампеевы	79	Бибииков А.И.	122	<i>Гакстгаузен, Август</i>	212, 213
Алашеев Ф.К.	185, 195	Билибин	198	<i>Геннинг В.Ф.</i>	203
<i>Алферова Г.В.</i>	204	Бирюков А.	116	Геркен	198
Алферьевы	79	Блюменталь И.И.	5	Геродот	19
Александр I	157, 164, 177, 189, 190, 192	Болдыри, Савва и Ортюха	43, 45, 50	Гетте	156—158
Александр II	167	Болотников И.	53	Гитманенко	200
Алексеев Б.	74, 115	Борис Годунов	52	Глазов П.А.	160, 194
Алексеев Ф.	116	<i>Борисенков Е.П.</i>	207	Говорухин И.	114
Алексей Михайлович	168	Борноволоков А.	83	Голицын Б.А.	97
Алексий I Святитель	19, 196	Брант Я.Л.	123	Голицын П.М.	129
Алемасов И.	112	Бритоусов М.	43—45	Голованов С.	159
Алфимов И.	113, 114	Бруин К.	61, 100, 101, 205, 207	Головин	193
Анна Иоановна	84	Булавин К.	112	Головин М.	62
Андреев А.	74	Булак-Тимур	29	Головин С.В.	56
Аникин	107	Бундов И.	125	Головкин Г.И.	84
Антипов В.	113	Бурцев М.И.	49	Гольмстен В.В.	5
Арапов И.Ф.	123—128	Буткевич Г.А.	131	Горбунов А.	126
Аракчеев	187	Бутримович	123	Городецкий А.Н.	185
Архангельский Н.А.	5	<i>Бушуев П.</i>	205	<i>Готье Ю.Ф.</i>	208
Арнаутов	115	Быкова А.И.	188	Градский В.А.	5
<i>Артамонова Л.М.</i>	209	Бэр К.	90	Грановский	199
Аршеневский	128			<i>Греков Б.Д.</i>	203
Аспарух	25	Василий I	32	Грив Я.	152
Афиноген	110	Василий Шуйский	52	Григорьев И.	187, 188
Афонасьев Г.	108	Васильев И.Б.	6, 203	Гринев П.	126
Ахтемиров И.	117	Васильев Т.	116	<i>Гриценко Н.П.</i>	213
		Венедиктов И.	110	Громов А.А.	197
Балахонцев И.К.	123—125	Веденянин А.В.	192	Грот К.К.	185, 198, 199, 213
Бантышев Г.	201	<i>Ведерникова Т.И.</i>	206, 210	Гудков	200
<i>Баран В.Д.</i>	203	Веретенников	200	<i>Гурлянд И.Я.</i>	207
Барбоша Б.	43—46, 50	Виданов М.П.	6	Гурьев	137, 138
Барышников В.	85	Вишневский	192	Гурьев Ф.	50
Барятинский Ю.Н.	113	<i>Водарский Я.Е.</i>	206, 208	Гурьянов	200
Басин С.Г.	6	Волков	160	Гурьянов Е.Ф.	6, 49, 204, 208, 210
Батбай	25	Волковойнов	176		
<i>Бахрушин С.В.</i>	206, 207	Володимерцев С.	125, 126	Давыдов В.Д.	159, 185
Баян	28	Володин В.	6	Давыдов Г.	117, 127, 128
Безносиков	212	Волховский С.Г.	197, 202	Дарий	19
<i>Благовидов И.</i>	212	Волчков П.	126		
Белик-Булат	38	<i>Воскобойникова Н.П.</i>	208		

* Указатель имен составлен Н.П. Кабытовым. Курсивом отмечены имена, встречающиеся только в Примечании.

- Дашков И. 85
 Дейнеке 198
 Делев М. 111
 Дельвиг 192
 Дербетев Ф.И. 128
 Державин Г.Р. 126, 143, 154
 Джафар сын Абдаллаха 26
 Дженкинсон 36, 38
 Джику 28
 Джучи 30—33
 Диофант 20
 Дмитриев 186, 192
 Дмитриев Г.Я. 75
 Дмитриев И.И. 154, 155
 Дмитриев С.К. 79
 Дмитриева Д.М. 84
 Дмитрий Донской 32
 Доло 25
 Дружинин Н.М. 213
 Дудинцев С.В. 108
 Дулов А.В. 207
 Дурасов Н.А. 148
 Дюма А. 202
- Евсевий 197
 Егоров А. 127
 Егоров В.Л. 203
 Едигей 31—33
 Екатерина II 7, 81, 97, 124, 128, 130, 135, 136, 145, 157
 Елчанинов Ф. 51
 Елшин А.Г. 5
 Ендураев В.А. 206, 209
 Енгалычев О.Ф. 128
 Ермак Тимофеевич 42—45, 203
 Ерофеев И. 152
 Есенин С. 69
 Есипов С. 57
- Жданов М.П. 174, 198, 212
 Жемчужников А.А. 192
- Заблоцкий-Десятовский А.П. 165, 182, 188, 211, 213
 Завальный А.Н. 211
 Заварзин Ф. 120
 Задорины 103
 Заозерская Е.И. 206
 Заруцкий И. 53—57, 205
 Засекин Г.О. 47—51
 Здвиженский 193
 Зереневский 200
 Змеев Л.Ф. 212
 Зобов Ю.С. 205
 Зорины 198
- Зотов С. 112
 Зотов Т. 116
 Зубов Л. 118
 Зуев В.Ф. 152
- Иаков 188
 Ибн-Русте 25
 Иван III 34
 Иван IV 35, 37, 40, 46, 52
 Иван Калита 52
 Иванов А. 125
 Иванов Т. 117
 Измаил 37, 39, 46
 Илдебенев А. 116
Инч-ъ 211
 Иоанн Алексеевич 168
 Исаков С. 79
- Каблуков 181
 Казанцев 160
 Какаш 38
 Калмыковы 103
 Карача 46
 Карамзин 192
 Карамзин М.Н. 122, 155, 204
 Карганов В. 84
 Карпов А.Б. 204, 205
 Карташевская Н.Т. 159
Кафенгауз Б.Б. 207
Качалова Н.Н. 203
Кизеветтер А.А. 208
 Кирилов И.К. 67, 151, 208
 Кисилев П.Д. 179, 180, 211, 213
Клибанов А.И. 213
 Клодт 174
Ключевский В.О. 210
 Княжнин Я.Б. 155
Ковальченко И.Д. 213
 Кожевников 192
Козак Д.Н. 203
 Кол-Гали 27
 Колев Ю.И. 203
 Кольцов С. 50
 Кольцо И. 43—45
 Кольчугин С. 182
 Конокотин 168
 Константинов И. 115
 Коротков А.Я. 79, 124, 126
 Корцов Г. 178
 Корчемкин С. 61
 Корякин Н. 83
Костин Г. 213
 Котляревская О.И. 194
 Котов Ф. 61, 205
 Косяговский П. 51
 Краснов О. 118
- Кротков С. 118
 Кропотовы 195
 Кугушев 202
 Куприянов А. 120
 Курбат 25
 Курдюков Н. 125, 126
 Куроедов В.Т. 82
 Куроедовы 195
 Курсакова 176
 Кучук-мурза 51
 Кучум 46
- Лаврентьев Ф. 188
 Лаппа 192
 Лачинов Е.Л. 192
 Лачинов И.Е. 199
 Лашкарев Е.Е. 199
 Лебедев 156
Лебедев В.И. 205
 Левашов 81, 187
 Левашовы В.И. и Ф.И. 143
 Левкин З. 188
 Левонтьев М. 114
 Леонов Ф. 187
 Леопольдов А.Ф. 5, 212—214
 Лепехин И.И. 5, 88, 94, 98, 106, 152, 207
 Летин А. 85
 Лжедмитрий I 52, 53
 Лжедмитрий II 53
 Лжепетр (Коровин И., «Царевич Петр», Муромец) 52
 Лихновский 185
Лишин И. 211
 Лобанов-Пелепелицын В. 44
 Лодыженский Д. 83
 Ломоносов М.В. 152
 Лукоянов А. 74
Лукьянов П.М. 208
 Люк Г.Е. 38
 Лясковский Б. 163, 211, 212, 214
- Магницкий 186
Макаров Н.П. 212
 Малеев И. 119
 Мальцев 185
 Мамай 30
 Манжос 199
Масса И. 205
 Маржарет Ж. 41, 52, 204, 205
 Марзавин И. 147
Маркс К. 203
 Мартов И. 98
 Матвеева Г.И. 6
 Маткина 198
 Медведев Е.И. 6

- Мейер 199
Мельгуновы Е.А. и С.Г. 143, 148
Меншиков А.Д. 81, 97
Мерперт Н.Я. 203
Мещеринов А. 138, 139, 153
Мещерский В. 42
Мещеряк М. 43, 45, 46, 50, 51
Милькович В.С. 143, 146
Миллер 185
Мионов Б.Н. 212
Митриад IV 20
Михайлов М.Л. 211
Михаил Романов 53, 57
Мнишек М. 53, 57
Моисей 188
Молостов И. 98, 137
Молько В.И. 6, 211
Моренцов Л. 110
Морозов 159
Москвитина 198
Муфель К. 125
Муктадир 26
Мурад Гирей 49—51
Муратов В. 111
Мусин-Пушкин 192
Мякутин А. 42, 204
- Набоков Н.А.** 193
Набокова А.А. (Назимова) 193
Назаров М. 111
Назимов М.А. 192, 193
Налитова Г.Е. 6
Наполеон 189
Наумова 186
Наякшин К.Я. 6
Неверов 200
Невоструев К. 205
Неклюдов В. 83
Ненатурахин Е. 116
Неплюев И.И. 67
Нестеров И.С. 62
Неупокоев В.И. 213
Нефедов Т. 116
Никитин О. 111
Никитниковы 103
Николаев С. 187
Николай I 165, 166, 183, 188, 192, 196, 197
Новосельский А.А. 206
Новосельцева 182
Новосильцева Е.В. 159
Норов Р. 50
- Обухов** 160
Обухов В.П. 200
Обухов П.В. 120
- Овсянников А.* 211, 212
Одоевский И.Н. 56, 57
Озерецковский Н.Я. 152
Олеарий А. 43, 61, 101, 204
Олонисев С. 61
Омельянов Г. 55
Онисимов И. 54
Опперман 138
Орлова (Салтыкова) А.И. 139
Орлова-Чесменская А.А. 142, 148, 159, 188
Орлов-Чесменский А.Г. 137, 142, 148
Орлов А.С. 210
Орлов В.Г. 82, 138, 139, 142, 144—147, 148, 149, 152, 153, 156—159, 181, 182, 184, 207
Орлов Г. 82, 156
Орлов И.Г. 156
Орлов Ф.Г. 137, 142, 143
Орловы 81, 82, 127, 136, 137, 156, 158
Орлов-Давыдов 198, 207, 210
Островский Н.А. 193
- Павел I** 137
Павлов 45
Паллас П.С. 5, 88, 89, 98, 99, 152, 153, 206—208, 210
Пальчиков Г. 56
Пальчиковы 195
Пан Н. 43, 45
Панов 192
Пасецкий В.И. 207
Пекарский 154, 193
Пенин Г.Г. 203
Пересветов И. 85
Перетяткович Г.И. 5, 204
Перфильев 79
Пекарский П.Т. 5
Петр I 97, 98, 168
Петр III 122—125, 127, 128
Петров 138
Петров Е. 116
Петров Ермак 45, 50
Петров П. 200
Петров Я.С. 120
Петровский Н.М. 205
Пивов Р.М. 49
П-шь Тихон 50, 51
Пирогов 117
Племянников И. 126
Плещеев 142, 145
Плешановы М. и Д. 196
Плюсков 138
Подобедов 153
Подуров Т.И. 119, 123
- Пожарский Д.М. 53
Пожарский Д.П. 53—57
Полеводин 185
Полубояринова М.Д. 203
Пономарев 155, 192
Попов М. 187, 188
Попов П. 120
Попов Ф.Г. 6
Порецкий 79
Порецкий П.И. 119
Порошин 138
Постников В. 211
Постников С.Н. 160, 202
Потемкин 195
Преображенский П.А. 5, 212, 215
Преображенский С. 153
Пронштейн А.П. 204
Псевдо-Гиппократ 19
Пугачев Е.И. 63, 119, 122, 123, 126—128, 130, 206
Путилов А.А. 160
Путилова (Богданова) Е.А. 154, 159
Путилов Д.А. 159, 160, 188, 195
Путятин 117
Пушкин А.С. 155, 192
Пыхачев Г.И. 185
Пяткины 154
- Рабинович М.Г.* 209
Радищев А.Н. 155
Раздеришин Ф. 61
Разин С. 113—115
Растрепин 200
Рахматуллин У.Х. 204
Родин Ф.Н. 208
Ромадановская Е.К. 204
Рубинштейн А.Г. 160
Рукавкин Д.Г. 105, 107, 108, 119, 121, 122, 124, 125, 209
Русяев П.Я. 6
Рутберг Г.Н. 6
Рылеев 192
Рычков Н.П. 152
Рычков П.И. 89, 117, 151, 152, 205
- Салтыков Б.М. 59
Самарин 138, 148
Самарин Ф.В. 185
Сапожниковы 176
Сафаргалиев М.Г. 203, 204
Сафоновы 79
Сбоев 173
Светешников Н. 71, 77, 94, 95

Светешниковы	103	Толстой	75	Хлебников П.К.	120
Свечин А.И.	63, 116	Толстой П.А.	190	Хомутов С.	158, 159
Святослав	26	Тохтамыш	30—32	Хомутовы С.И. и Ф.И.	156
<i>Середонин С.М.</i>	204	Травкин Л.И.	122	Хопрянинов	108, 119
<i>Сергеев В.И.</i>	204	Троицкий Г.А.	159	Хопренинов П.С.	118, 121, 124
Селиванов К.А.	193, 213, 214	Троцкий В.В.	5	Храмков Л.В.	6
<i>Семенов—Тян-Шанский П.П.</i>	213	Труфанов	200	Храмкова Н.П.	6
Сеченов	183	Тубаров Ф.	159	Христ И.И.	192
Сидоров И.	116	Тургеневы	192	Хромой Л.	42
Синицын В.	119	Турянин В.И.	57	Хрущев Ф.Ф.	84
<i>Скрипкин А.С.</i>	203	Тэер	185	Хызр-Хан	28
Скрынников Р.Г.	46, 204	Убуши	69	Чебоксаренин Ф.	114
<i>Смирнов Ю.Н.</i>	205, 206, 209, 210	Углицкий А.П.	108	Чегодаевы	195
Смоленские	168	Удэгей	27	Челищев А.Н.	185
Собакевич	195	Укке Ю.Б.	160	Чемодуровы	195
Соболев А.	153	Улу-Мухаммед	33	Черкасский	202
Соймонов	67	Уразметев А.	129	Черкашенин Л.	114
Соколов Н.П.	152	Уразметев У.	127	Чернышев П.М.	123
Соколовский И.И.	193	Урус	37, 39, 44, 46, 50, 51	Чижов И.	79
Соловцов М.	56, 57	Урусов	138	Чингисхан	29, 30, 31, 38
Соловьев	201	Урусов В.А.	67	Чириков Д.В.	143
<i>Соловьев С.М.</i>	204	Урусов П.С.	113	Чулошников	125
Сологуб	202	Усов Ф.	182	Чулошников Л.Н.	124
Сологуб В.А.	160	Файф	175	Чулошников Н.Л.	127
Сомов А.И.	128, 129	Фальк	85	Чюрекеев К.	74
Сперанский Н.Н.	5	Федорова	188	Шахларев И.П.	198
<i>Станиславский А.Л.</i>	205	Федоров Г.	116	Шах-Али, Шигалей	34, 89
Степанов Г.	74	Федор Иоанович	47, 57	Шацкой Н.	43, 50
Страхов И.	50	Федоров К.	117	Шевченко Т.Г.	202, 214
Стрейс Я.	43, 61, 204, 207	Федоров	127	Шеин Я.	79
Строгановы	45, 203	<i>Федоров-Давыдов Г.А.</i>	203	Шереметьев П.В.	115
Стромилов С.Д.	136	Федосев А.	108	<i>Шерешевский Г.М.</i>	211
Струков	177, 193, 202	Феодосий	114, 196	Шелашников	184
Суворов А.В.	129	Филарет	188	Шелашников С.П.	197
Сырнев	138	Филитов М.	78, 79	Шелгунов	195
Таиров И.	117	Фирсов М.Н.	5	Шелгунов Н.В.	154, 168, 193, 194, 199, 211, 213, 214
Тайшина А.	67, 68	Фомин В.	182	Шелгунова Л.П.	194, 211, 213, 214
<i>Тарасов Ю.М.</i>	209, 210	Фондисин А.	62	Шелудяк Ф.	115
Татищев В.Н.	5, 67, 107, 151, 152	Фотий	188	<i>Шефер А.</i>	208
<i>Тверская Д.И.</i>	207	Фукс	173, 194	Шель А.	103
<i>Тверской Л.М.</i>	204	Фурман А.Ф.	192	Шерстобитов	107
Тектандер	38	Халевин А.	119	Шихобалов	160, 198
Тенишев	190	Халевин И.	107, 119, 121, 123—126	Шишков А.П.	202
<i>Тизенгаузен В.Г.</i>	203	Халид Ибн-Идриса	27	Шишов	108
Тимашев	84	<i>Халиков А.Х.</i>	203	Шишов А.Т.	107
Тимофеев Р.	114	<i>Халиков Н.А.</i>	212	Шляхтин А.	84
Тимофеев С.	61	<i>Халикова Е.А.</i>	203	Шмидт С.О.	5
Тимур	30—32	Хардин Н.Л.	190	Шоберг	98
Тин-Ахмет	37	Хардина Е.Н.	193	Шпен	185
Титов И.И.	6	Хардины	193	Штаф	174
Тихомиров М.Н.	5, 206, 208	Харитонов	185	Штейгер	185
Тоимекеев С. (Борисов)	74	Хворостинин	53	Штиглиц	185
Толстов И.М.	120				

Штукенберг 175, 212
Шуйский П.И. 40

Шапов А.П. 171, 212
Щека Д. 112
Щелкин К. 103
Щипачев И. 124—126
Щербаковы 195

Эверлаков В.Я. 59
Энгельс Ф. 113, 203, 208
Эфор 19

Юматова А.М. 136
Юсуф 37

Языков 191
Яковлев 193
Яковлев Н.Н. 6
Якуб Ибн-Ногман 27
Якубович 202
Якубовский А.Ю. 203
Ярцевы 79

САМАРСКАЯ ЛЕТИОПИСЬ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА
В ДВУХ КНИГАХ

Под общей редакцией профессора П.С.Кабытова и профессора Л.В.Храмкова

КНИГА ПЕРВАЯ

Редактор тома и художественный редактор
А.В.Колесов

Оригинал-макет издания изготовлен с помощью настольной издательской системы
Издательства «АртМакет» в программе Aldus PageMaker 4.0

Подписано к печати с оригинал-макета 1.07.93. Формат 60 X 84 / 16. Объем 13,75 усл.п.л., 13,45 уч.-изд. л. Тираж 10 000 экз. Бумага офсетная. Гарнитура Квант-Антиква. Печать офсетная. С 9. Заказ № 3833.

Издательство «Самарский университет». 443011 Самара, улица Академика Павлова, 1. Частное издательство Алексея Колесова «АртМакет». 443071 Самара, Волжский проспект, 19, комн. 213. Отпечатано с оригинал-макета в типографии издательства «Самарский Дом печати». 443086 Самара, пр. К.Маркса, 201.